

84 (Сказ-4 Пав) Рус 7

П 55

ЮРИЙ ПОМИНОВ

МЕЖДУ

ПРОШЛЫМ

И БУДУЩИМ

84(5Каз-4Пав)рус7
П 55

Юрий Поминов

Между прошлым
и будущим

494057V

Павлодарская областная
библиотека
им. С. Торайгырова

ав

ББК 84 Р 7-4

П 14

П 14 Поминов Ю.
Между прошлым и будущим. - Павлодар: НПФ «ЭКО»,
2002 г. - 376 стр.
ISBN 9965-568-95-2

Юрий Поминов – автор книг “Крупяной клин” (1988 г.), “Помню и люблю” (1993 г.), “Характеры” (1997 г.), “Живу” (1998 г.), “Мои современники” (1999 г.).

Печатался в казахстанских и российских газетах и журналах “Простор”, “Нива”, “Огонек”, “Журналист” и других, коллективных сборниках “Лик земли”, “Талант владеть землей”, “Отцовское поле”, “Книга надежд” (Новая проза Казахстана).

Лауреат конкурса “Казахстанская литература-2000”, проведенного фондом “Сорос-Казахстан”.

В новую книгу Ю. Поминова вошли очерки, интервью, статьи, путевые заметки, зарисовки последних лет, представляющие разные стороны жизни области и республики и наше непростое, противоречивое время.

П $\frac{4702010200}{00(05)-02}$

© Поминов Ю., 2002

Между прошлым и будущим

Очерки, интервью, путевые заметки, статья, составляющие эту книгу, написаны в разное время. Они, как и их герои, имеют свою историю и свою судьбу. Так, «Урокам демократии» - своеобразной хронике борьбы павлодарцев с попыткой союзных министерств и местных властей разместить в Павлодаре небезопасный для экологии завод по производству белково-витаминных концентратов (БВК) уже более пятнадцати лет, а интервью с поэтом, редактором журнала «Нива» Владимиром Гундаревым и государственным деятелем, ставшим в новое время еще и поэтом, Борисом Исаевым написаны совсем недавно...

Очерк «Свет отчего дома» был задуман очень давно, создавался трудно, «по кусочкам» и совершенно неожиданно для автора этих строк стал победителем объявленного фондом «Сорос - Казахстан» конкурса «Казахстанская литература - 2000». А путевые заметки о поездках на родину в Новосибирскую область и в Эстонию писались и публиковались в газете «Звезда Прииртышья» по горячим следам. В книгу же включены несколько переработанные тексты: прошло время, впечатления отстоялись, и что-то теперь видится иначе...

Некоторые из предлагаемых читателю материалов публиковались не только в «Звезде Прииртышья», но и в журналах «Нива», «Простор», «Огонек», коллективных сборниках. Это - очерки о людях, известных всей стране и совсем незнаменитых, заметки о городах и странах, о событиях, казавшихся в пору их свершения наиважнейшими...

А роднит и объединяет эти разножанровые строки то, что они по-своему характеризуют время - время между прошлым и будущим, именуемое жизнью, и, хочется в это верить, дают возможность равнодушному читателю попристальнее взглядеться в нашу сложную и противоречивую эпоху.

Автор

Свет отчего дома

Когда-то давно я предложил двум своим братьям, имеющим, как и я, некоторое отношение к литературе, написать о нашем старом доме. “Ты журналист и поэт, - агитировал старшего, - тебе это вполне по силам”. “А ты филолог, ученый - тебе и карты в руки, вспомни хотя бы традиции классиков... - убеждал младшего. - Давайте напишем все втроем - как у кого получится... Сравним... Может быть, сведем все вместе...”

Сначала они вроде загорелись. Но из этой затеи так ничего и не вышло. И вот теперь, спустя два с лишним десятилетия, я пускаюсь в это рискованное предприятие в одиночку, абсолютно не будучи уверенным в том, что у меня это получится.

Улица Абая, дом номер восемь. Это был наш адрес в бывшем целинном совхозе “Михайловский”. Пишу - “был”, потому что нет теперь ни дома, ни совхоза, ни даже его названия - все уже в прошлом, в памяти - моей, да, может быть, еще чьей-то.

Дом был как дом, ничего особенного - камышитовый, всегда чисто выбеленный, под шифером - таких строили большинство в раннюю целинную пору. И отличался наш дом от других разве тем, что шифер на нем постелили двухцветный. Скорее всего, просто такой попался шифер. Но мне это нравилось. Я даже втайне гордился тем, что крыша у нас особенная, не как у всех...

К сожалению, я совсем не помню, как строился наш дом. Не знаю, почему, ведь в четыре года человек уже кое-что соображает, и важные события из того возраста должны откладываться у него в памяти. У меня не отложилось... А может быть, меня в очередной раз отправили на лето к бабушке с делом, и я приехал, когда наш дом уже стоял... Зато я точно помню: рос с ощущением, что дом у нас был всегда. И наполовину вросшая в землю пластяная баня на задворках усадьбы. И колодец с журавлем, куда мать в летнюю жару спускала ведро с молоком, чтобы оно не скисало... И погреб рядом с колодцем - холодный, как тогда говорили; в него мы закладывали на зиму картошку и всякую солонину - квашеную капусту, соленые огурцы, поми-

доры, грибы и арбузы в бочонках... И два приусадебных огорода: один побольше, соток на пять, для картошки; другой, поменьше, на две стороны дома, для овощей и столовой зелени. Еще стояли рядом два сарая, один из которых еще недавно служил нам жилищем.

Я никогда не задавался мыслью о том, откуда взялось все это. Мне казалось, что так было всегда. И даже клены и тополя, прикрывающие летом фасад нашего дома своей тенью, а зимой служившие прибежищем огромных - до самых окон и выше - сугробов, даже эти деревья казались мне всегдашними здешними обитателями.

В нашем доме я больше всего любил две вещи: большую русскую печь и чердак. Правда, печь, занимавшая прежде с треть нашей просторной кухни, просуществовала недолго. Мать говорит - прошла мода на них - вот и избавлялись...

А вот чердак я запомнил хорошо. На нем мне позволялось летом ночевать с кем-нибудь из друзей. Вечерами тут было темно и душно: шиферная крыша за день накалялась на солнце и медленно отдавала тепло. На чердаке пахло пылью... Временами становилось страшновато - ребята постарше говорили, что на чердаках ночуют летучие мыши, что они пьют кровь людей и животных. Но скорее тут было уютно - среди старых подшивок "Огонька", перевязанных шпагатом; отслуживших свое и непонятно зачем хранимых старых сапог и ботинок, дырявых пальто и одеял, прочей домашней утвари... Через щели в крыше ночью проглядывали звезды, отчетливо слышны были голоса редких прохожих с улицы, доносилось мерное лопотание тополиных листьев... И уж совсем становилось славно, когда начинал крапать дождь - под его негромкий аккомпанемент так неслышно и сладко подкрадывался сон...

* * *

Собственно, из-за этого самого дома наши отец с матерью и поехали на целину. Уж десять лет прошло, как закончилась война, с которой вернулся отец, и восемь, как они поженились. Уже было трое детей на руках, а собственного жилья они так и не

завели. Мотались по городам и весям в поисках лучшей доли. Вот мать и настояла, наслушавшись радио и разговоров: "Поехали! Говорят, там людям хорошие ссуды дают, всем, кто строится", - убеждала отца. Он пошел по инстанциям, все разузнал... Сначала думали обосноваться в Омской области, а потом кто-то из родни присоветовал: "Езжайте в Казахстан - тут недалеко новый совхоз открывают... Какая-то сотня с лишком километров от нашей Чубаровки..." На том и порешили.

Отец получил путевку райкома комсомола, дождался отправки очередной партии добровольцев...

Пробивались от Купино к месту будущего совхоза с колонной тракторов и автомашин 120 километров еще по снегу, до весеннего бездорожья... Местность приглянулась: тот же простор, что и в соседней Сибири, те же березовые колки... Нет, правда, привычных чубаровских грив да полыни побольше, но разве это беда?

Весной, ближе к лету, приехала и мать с нами тремя: старшим, Шуркой, мной и младшей Наташкой. Шурке еще не было пяти, мне недавно исполнилось два года, Наташке - год. Жили в палатке, какое-то время - в самодельном шалаше (тогда говорили - в балагане), первую зиму зимовали в наскоро сооруженной землянке... А уже на следующий год родители твердо надумали строиться.

О том, как это было, я могу судить лишь по рассказам матери. Отец взял ссуду - десять тысяч рублей. Приличная по тем временам сумма, едва ли отец с его зарплатой сперва радиста, а потом завтоком, инженера-электрика мог заработать такую за год... А ведь жить приходилось все первые годы на его весьма скромную зарплату, мать сидела с нами... Восемьдесят процентов ссуды полагалось вернуть в течение десяти лет, оставшуюся часть погашало государство.

Ссуду в первые целинные годы брали почти все, и самостройные, как их называли, дома в ту пору здесь росли, как грибы в окрестных колках после хорошего июльского дождя. В лето на четырех главных совхозных улицах - нашей Абая, соседней Хрущева (потом ее, понятно, переименовали, но еще очень дол-

го называли по-старому), Целинной, Ленина - ставили в общей сложности до полутора десятков домов. Это были в основном камышитовые и саманные постройки. Но предпочтение отдавалось все же камышитовым. Они, по словам матери, в любое время года оставались сухими и теплыми, а летом отлично сохраняли прохладу. "Не то что саманные - те вечно мокрели", - говорила мать. Хотя, наверное, дело еще и в другом - камышитовый дом было поставить проще, он обходился дешевле - и по деньгам, и по трудам. Но мать несколько не грешила против истины и в первом: я по себе знаю, что зимой у нас в доме всегда было тепло, летом - прохладно, и никогда не бывало сыро. Нигде и никогда мне так хорошо не спалось, как в том отчем доме.

"Частные" дома целинников ставила специальная бригада плотников, которой командовал Иосиф Пуцелев - отец моего лучшего будущего школьного друга Тольки. Плотный, коренастый, с черными кустистыми бровями, он был мастеровит и малоразговорчив, а еще имел славу лучшего в округе охотника (именно в их доме я впервые попробовал жареного зайца).

Лес для строительства возили за четыре с лишним сотни километров из Чалдая и частью - из окрестных колков, камыша было вдоволь на окрестных озерах, его заготавливали зимой, по льду, по снегу, впрок... Бригады женщин вязали из него специальные камышитовые маты - по сути, готовые строительные блоки.

Итак, плотники при помощи хозяина будущего дома ставили каркас - с разделами комнат, дверными и оконными проемами. Скелет дома был деревянный, а внутренности стен и простенков - камышитовые. О лучшем теплоизоляционном материале и мечтать не приходилось. Кстати говоря, вместо камыша некоторые хозяева зачастую использовали при сооружении сараев и других надворных построек степную полынь, в огромном количестве произраставшую в округе. Тут были настоящие полынные заросли, которые запросто скрывали взрослого человека в полный рост...

Враз одолеть черновую отделку дома в одиночку любой семье было не под силу. Тем более, что времени у будущих хозяев

на это оставалось всего ничего - несколько летних месяцев. Зимовать же все, кто строился, собирались уже в своих новых жилищах. И тогда целинники вспомнили - жизнь заставила - давнюю народную традицию - опыт артельного труда.

Это называлось помощь.

Помощь собирали для того, чтобы на первый раз обмазать глиной камышитовый каркас дома. Мать говорит, что практически никто не делал эту работу в одиночку, ее делали артельно все те семьи, которые строились в одно лето. Действовал и своего рода поток, негласная очередь - как только плотники заканчивали ставить очередной каркас, хозяин с хозяйкой обходили артельщиков и звали их в ближайший выходной на помощь. Отказываться было не принято: сегодня пойдешь помогать ты, завтра придут на помощь тебе. Поэтому, говорила мать, хоть гори у тебя самой все огнем - на помощь надо идти.

Накануне у дома, который собирал помощь, делался большой замес. Гусеничный трактор как циркулем расчерчивал на земле круг, плугом вспахивая внутри его землю - и небольшой слой чернозема, и глину под ним; хозяин заливал свежую вспашку водой, трусил сверху солому, а трактор все это перемешивал своими гусеницами. Проходил не один час, прежде чем достигалась нужная кондиция - крутая и тяжелая смесь чернозема и глины с измельченной соломой. Настоящий, кондиционный замес поддеть лопатой было почти невозможно, поэтому его цепляли только вилами, и он на них прекрасно держался, этот своего рода целинный бетон. Им-то и предстояло обмазывать, хотя вернее будет сказать - оббивать - камышитовые стены дома...

Часам к девяти - десяти утра собиралась помощь - пар восемь - десять, мужья с женами; мужики - с вилами, женщины - с ведрами. Мужики грузили и разносили на носилках замес, женщины вталкивали, вбивали его кулаками в камышитовые стены. И если мужская работа была просто тяжела физически, то женская требовала известной сноровки. Тут заправляли, командовали - давали первые уроки всем остальным - бабка Ганжиха, наша соседка, и бабка Толстая с улицы Ленина, освоившие эту науку раньше. Скоро нехитрому занятию черновой отделки обу-

чили все, кто хотел, - жизнь заставила. И если на то, чтобы обмазать первые дома, уходило по целому дню, то потом управлялись часов за пять-шесть. Так или примерно так строили свои жилища семьи - наша, Агеевых, Пуцелевых, Музыкаченко, Толстых, Бондаренко, Шайдт... Когда собирали помощь, работали всегда дружно, споро, с минимальными перекурами. Часам к двум-трем, сделав дело и наскоро умывшись и переодевшись (а иные и не переодевались), усаживались в только что обмазанном доме, где еще не было ни дверей, ни окон (на сквозняке обмазка скорее сохла, намертво присыхая к стенам), за грубо сколоченные деревянные столы - их тоже носили от дома к дому - туда, где работали... Хозяйка в этот день вместе со всеми не работала - ее заботой было приготовить на всех обед, потому что никакой иной платы за помощь не полагалось. К этому дню заблаговременно гнали самогон, который наливали мужикам в граненые стаканы и по полной, женщинам - в стопочки-стаканчики. Все знали, у кого самогонка особенно удается, и иногда заказывали им на такой случай. Но деньгами за эту услугу не расплачивались - давали, сколько надо, сахара. Вино если и брали, то почти не пили - разве что утром на опохмелку... Не считался излишеством и бочонок пива с ящиком вяленого чебака - их загодя привозили из Купино, где были пивзавод с рыбозаводом. Впрочем, пивом угощали не у всех, что также не считалось неуважением - на нет и суда нет. На первое подавали борщ, на второе - тушеную картошку с мясом, на закуску - селедку, на третье - кисель или компот... Тут же, за общим столом, кормили всех детей. Выпив и закусив, выходили во двор потанцевать, пели частушки. Ни один обед после помощи не обходился без гармониста - они были нарасхват.

Разбредались, "уже хорошие", когда настухи гнали скотину домой... Утром кое-кто из мужиков прибегал опохмелиться, что тоже не считалось предосудительным.

А дом сох еще несколько дней. Потом хозяйки мазали его еще на второй и на третий раз, но уже либо сами, либо с помощью подруг или соседок, потом шпаровали и, наконец, белили.

И становился он белым и чистым - именно таким мне всегда вспоминается наш дом.

* * *

А наш двор - чего только в нем не было! Турник. Теннисный стол. И даже волейбольная площадка - самая настоящая, со столбами и сеткой, размеченная по всем правилам. Тут такие баталии разворачивались... Благо, что боковая стена дома с пристроенной к ней позднее кладовой не имела окон... До сих пор удивляюсь, почему родители терпели в своем дворе всю эту вечную ребячью толкотню?

Повзрослев, я уже сиживал вечерами на скамеечке за забором у нашего дома - такие же были почти у всех усадеб.

И сидел я не просто так...

Вечерами по нашей улице иногда прохаживалась с одной-двумя подружками моя одноклассница Танька Шаповалова. Танька была на голову выше меня и вообще взрослее, значительнее, а я - чего уж теперь скрывать - тайком вздыхал по ней. Нам было, наверное, лет по тринадцать-четырнадцать, я писал за нее сочинения... По "Евгению Онегину", по "Герою нашего времени"... Один раз это происходило у нас дома. Танька сидела за круглым столом, покрытом красной плюшевой скатертью с бахромой и кистями, а я прохаживался по комнате и диктовал: "Пушкин как бы спрашивает своего героя: "Но был ли счастлив мой Евгений, свободный, в цвете юных лет, среди блистательных побед, среди вседневных наслаждений?" Тут я делал паузу и, дождавшись благосклонного кивка: "Готово, записала..." - продолжал: "И сам отвечает на него: "Нет, рано чувства в нем остыли, ему наскучил света шум...""

Я подходил к Таньке, заглядывал через ее плечо в тетрадку, заботливо поправлял: "Чувства" пишется с "во" перед "эс"... Так, записала?"

Снова кивок в ответ.

"Все понятно?"

"Не-а", - машет в ответ головой.

“Что непонятно?”

“Непонятно, какой у света может быть шум... Свет он и есть свет...”

Танькина непонятливость начинает меня раздражать, но... сердцу не прикажешь, и я продолжаю роль терпеливого наставника:

“Ну, это высшее общество Петербурга... Знать... Дворяне-князя, графья...”

Она мечтательно закидывает голову: “И чего это ему, интересно, наскучило? Мне бы вот не наскучило...”

Конечно же, я рассчитывал на Танькину благосклонность, хотя, как теперь понимаю, моя персона если и интересовала ее, то лишь в сугубо практическом смысле - как устроителя четверки за сочинение...

Много ли мне надо было от нее в те летние вечера, чтобы почувствовать себя почти счастливым, сидя на скамеечке у дома? Вполне хватало полуоборота в мою сторону, одного кивка, одной улыбки...

* * *

Подстать нашему скромному жилищу были и другие на улице Абая. Те же камышитовые или саманные дома под шифером, те же усадьбы с надворными постройками, те же огороды и палисадники... Но сколь непохожими друг на друга подчас оказывались их обитатели! Каждый дом и каждый двор - это был целый мир. Вот, например, у нас все было нараспашку - усадьба просматривалась со всех сторон, двери никогда не запирались... Кажется, у нас и замка-то никогда не водилось, и если все уходило, просто прикрывали дверь, ставили вплотную к ней ведро - любому ясно, что дома никого нет. И так было не только у нас, а у многих. Может, потому, что нечего было красть?

Через дорогу от нас, наискосок, жили Ищенко. Их дом наоборот был, как любят теперь говорить, крепостью и для тогдашних соседей, а особенно ребятни, всегда оставался тайной за семью печатями. Хозяин (в совхозе его все от мала до велика звали в разговорах меж собой Ищенко - по фамилии) неопреде-

ленного возраста, вечно насущенный, сумрачный, будто чем-то недовольный, служил лесником в соседнем Михайловском лесничестве. Ходил чаще всего в форменной одежде, что придавало его облику еще большую строгость, суровость. Мы, пацанва, боялись его как огня, старались обходить, не попасться на глаза. Его сторонились и взрослые, и, кажется, недолюбливали. А может (думаю это уже теперь), потому все это было, что он стоял на страже леса и не позволял целинникам приворовывать стоящую древесину в окрестных колках. Ведь последнее отнюдь не считалось в народе большим грехом - жить среди леса и не поживиться, не срубить задарма десяток-другой березовых жердей для сарая?

Как бы там ни было, жили Иценки сверхзамкнуто, отгородившись со всех сторон глухим дощатым забором выше человеческого роста. Во дворе бесновалась на цепи и бегала по проволоке здоровенная овчарка, которую, впрочем, тоже почти никто в глаза не видел. Но самое жгучее любопытство у нас, соседской ребятни, вызывал иценковский сад, в котором росло с десяток-полтора яблонь. Таких яблонь не водилось ни у кого. А как аппетитно и дразняще светились на деревьях красными и розовеющими боками поспевающие к осени яблоки, как будоражили наше воображение, как манили к себе... Как нам хотелось хотя бы раз в жизни оказаться в этом саду. И вот что странно. Большинство из нас были далеко не пай-мальчиками: грешным делом совершали набеги и на совхозный сад-огород, и на бахчи, и к соседям в огороды лазили... Но тут особый случай - смельчаков почему-то не находилось. И не собака тому виной, а нечто другое: и дом, и вся усадьба оставались для нас чем-то непонятным, запретным, внушающим не столько страх, а табу. Нельзя - и все тут.

Жена Иценко работала в школе учительницей младших классов и, кажется, тоже страдала от непопулярности мужа. У нас дома ее звали тетя Таня-Алексей, как окрестил учительницу один из первоклашек, силясь вспомнить ее имя-отчество. Отношение к ней в совхозе было исключительно уважительным; похоже, ей тайно сочувствовали - вот, мол, выпала же доля жить с таким...

А вот их дочь - худощая, голенастая Томка, всегдашняя участница наших уличных игр в лапту, умеющая как никто другой ловить даже самые "мертвые" мячи, была в доску "своим парнем" и нисколько не задавалась. Но даже она никого домой не звала, да к ней никто и не просился.

Я теперь думаю: интересно, куда они девали урожай со своих яблонь? На нашей крохотной теперешней дачке яблонь куда меньше, а яблоки каждый год девать некуда, раздаем... Ищеники их не продавали - это точно. Сами съесть тоже не могли - вряд ли те яблоки могли долго храниться. Ну, сушили, варенье варили... А может, скоту скармливали?

Ищенковский дом купили Баклановы. Первое, что они сделали, заселившись, - созвали всех соседей на новоселье. Мол, а как же иначе: надо познакомиться, и делать это лучше всего за общим столом...

* * *

Шарубины жили через дорогу - прямо напротив нас. Сказать, что мы были соседями - еще ничего не сказать. Наша мать с тетей Верой были подруги - не разлей вода. Такими они оставались всегда - и в радости, и в горе. Вместе мазали и белили оба наших дома, вместе ездили на велосипедах доить коров на пастбище, не пропуская при этом по весне сорочьих гнезд и привозя нам на потеху и в качестве лакомства серо-зеленых в крапинку сорочьих яиц... Вместе ходили в баню, выпивая затем на пару трехлитровый чайник чая... Они становились крестными у детей друг друга. А их на две семьи набиралось более десятка. Мы с Шарубиными-детьми летом и осенью обшаривали все окрестные колки в поисках ягод и грибов...

Когда, не дожив до пятидесяти лет, от заурядной язвы желудка умер отец Шарубиных, весельчак и балагур дядя Вася, именно матери выпала тяжелая доля нести в соседский дом эту страшную вест... В ту пору старшая дочь Шарубиных Анна (по-уличному Нюрка) только-только заканчивала школу, а младшую, седьмую по счету, Ирку тетя Вера еще не успела от-

нять от груди... Говорят, что на похоронах тетя Вера была как каменная - не сказала ни слова, не уронила ни слезинки. Боялись, что она умом тронется. И было отчего: всех своих детей (она их в шутку иногда называла хеврой) предстояло поднимать одной, без кормильца дяди Васи. Как ей это удалось на сверхскромную зарплату инструментальщицы в совхозной МТМ, моему уму непостижимо. Воспитывались Шарубины в строгости, слово матери в семье было законом. За стол Шарубины садились только все вместе. Обращаю на эту деталь внимание лишь потому, что у нас в семье была по этой части относительная вольница.

Жили они, что там говорить, бедновато, но никогда не побирались; ходили чисто, хотя и донашивали одежду друг друга... Держали скот и птицу, садили помногу (до полгектара) картошки, пекли дома хлеб, старшие нянчили младших. Можно сказать, жили не хуже других, все дети как-то определились в жизни, завели свои собственные семьи.

Хотя не всегда это происходило гладко.

Как-то раз тетя Вера пришла к матери в слезах.

- Не знаю уж, что и делать, кума - хучь плачь!

- Что такое? - не на шутку встревожилась мать, зная, что характер у тети Веры - кремень и вышибить из нее слезу не так-то просто.

- Степка-то мой знаешь чего отчебучил?

- Да уж слышала, - спокойно сказала мать. - На Тамарке Садвокасовой что ли жениться хочет?

- Ну...

- Ну и что? Ему жить... Пусть жепится...

- Как это что? - обиделась тетя Вера. - Выходит, знала - и молчала... А дети?

- А что дети? - не поняла мать. - При чем тут дети?

- Дети будут... казачата. - Имелось в виду казашата. И тетя Вера окончательно расплакалась. Мать взялась ее успокаивать, убеждая не мешать сыну строить свою жизнь...

Однако все и впрямь оказалось куда сложнее. Против была не только будущая свекровь, но и дед потенциальной снохи, ак-

сакал, заменивший ей родителей. Он в свою очередь и слышать не хотел про русского зятя, вероятно, не в последнюю очередь заботясь о чистоте потомства своего собственного рода.

Пришлось матери пускать в ход весь свой авторитет, все свое обаяние, всю хитрость... Теть Веру ей удалось уломать довольно быстро, а вот с аксакалом пришлось помучиться... С первого захода успеха не добились, пришла вместе с молодыми, говорила - какая они пара, заставила выслушать их... Старик сидел с каменным лицом, не произнося ни слова... Каким образом матери в конце концов удалось растопить его сердце, остается загадкой... Скоро сыграли свадьбу.

А семья Степана Шарубина и Тамары Садвокасовой и впрямь получилась на зависть другим. И детей им Бог дал на радость красивых и умных. А когда и в эту семью пришло горе - умерла их дочь - мать опять посчитала своим долгом быть в эти часы и дни рядом с подругой и своими крестниками. И снова это было более чем кстати. Назревал межсемейный конфликт: по какому обычаю хоронить умершую - мусульманскому или православному? Мать усадила спорящих за стол переговоров, и они обо всем договорились, в конечном счете отдав дань и одним, и другим традициям. А матери и тете Вере, вопреки незыблемым, казалось, правилам, даже позволили проводить в последний путь внучку на мусульманское кладбище, где похоронили дочь Шарубиных-Садвокасовых.

Люди, если они люди, всегда смогут понять друг друга.

* * *

Какой яркий, неповторимый люд обитал на нашей улице! Сколь замысловато подчас складывались судьбы! А какие были характеры! Вспомню лишь некоторых - кого подробнее, а кого - одной строкой...

Через два дома от нас, по одной стороне улицы, жили Карл и Фрида Отт со своей ребятней. Наверное, ни у кого на нашей улице Абая не было столь опрятного, красивого дома с резными ставнями, такого палисадника с невысоким резным же штaketником, таких красивых, всегда свежеевыкрашенных ворот. Хо-

зяина все звали почему-то на женский манер - Карла. Так и говорили: "Вон идет Карла Отт", называя по имени и фамилии. Это был очень немногословный мастеровой мужик, отличный столяр и плотник... Случался, правда, и у него грех - мог выпить, и крепко, а потом шугануть жену. И тогда Фрида кричала так, что слышно было на всю округу: "Фашист ты, фашист недобитый. И дети твои фашистята!" Что отвечал ей супруг, родившийся и всю жизнь проживший в Советском Союзе, неизвестно - его голос вообще редко кому удавалось услышать. А на другой день их жизнь возвращалась в привычное русло.

Женщины-немки, не обремененные знанием "великого и могучего", изъяснялись меж собой так:

- Наша Эльса фышла самуж!
- Са кому?
- Ты косая Федька снаешь? Са сму!

Вообще немцев у нас в совхозе прижилось немало - и старых, почти не говоривших по-русски, и среднего возраста, а еще больше детей. Бабка Амалия, сухая, прямая как жердь, чем-то похожая на ведьму, была бессменной уборщицей и сторожихой в нашей школе и жила в землянке напротив нее. Правильнее будет сказать, что жила она при школе, часто строжилась на нас, но никто ее почему-то не боялся.

Тут же, неподалеку в переулке, жили Кенихи. С их сыном Аркашкой мы учились в одном классе, играли в футбол. Сухой, резкий Аркашка отличался бешеным нравом и с весны до осени ходил босиком. Он и в футбол лучше всего играл босиком, а надев кеды и тем более бутсы, становился на поле почти беспомощным. Жили Кенихи бедно, замкнуто. И лишь много позже я с изумлением открыл для себя, что их фамилия Кених - это искаженный вариант от Кениг, то есть король - звучала по меньшей мере как издевательство, во всяком случае в ту пору.

С Сашкой Гоасом мы десять лет проучились в одном классе и были очень дружны. Его отец Иван Федорович был лучшим мотористом в совхозе и обладателем одного из первых появившихся у нас мотоциклов с коляской. Зимой двигатель с мото-

цикла снимали и устанавливали на лыжи, пристраивали пропеллер, и получались аэросани. Они развивали по снегу скорость до 35-40 километров в час.

Где ты теперь, друг мой Сашка Гоас? Пусть тебе икнется в Германии!

Как и прежде, живут в бывшем совхозе мои любимые учителя Дарья Александровна и Борис Афанасьевич. Она всю жизнь преподавала в нашей Березовской школе немецкий, он - физику, математику, геометрию. Их фамилия - Русских, хотя Дарья Александровна - немка. В свое время в нее почти поголовно влюблялись старшеклассники, и один из них даже разразился четверостишем, насколько дерзким, настолько и восхищенным:

Наш милый рыжий педагог,

Ты царь и Бог,

Ты царь и Бог!

Родня никак не хотела отдавать Дарью Александровну за Бориса Афанасьевича - пришлого горожанина... Но та сказала, что все равно пойдет за него.

- Ну и дура! - слышала в ответ.

- Ну и пусть, - отвечала сама Дарья Александровна...

И никогда не пожалела о сделанном выборе. Как, впрочем, и Борис Александрович, которому мы в школе попортили немало крови.

Дарья Александровна - из семьи репрессированных немцев, рано осталась без матери. Выжили благодаря отцу - классному трактористу. Когда открылся железный занавес, и немцы потоком устремились на историческую родину, в том числе и многочисленная родня Дарьи Александровны, отец уезжать отказался. А особо досаждавшим с уговорами заявил так:

- Вот моя Германия... - и показал рукой в сторону старого деревенского кладбища...

...Сотни учеников Дарьи Александровны и Бориса Афанасьевича разлетелись по всему миру, некоторые нет-нет да и вернут на родину - на традиционный вечер встречи выпускников в школу, попроведать родню или просто с okazji. И почти

494057

Павлодарская областная

библиотека

им. С. Торайгырова

никто не минует дома двух этих уже немолодых (увы!), но таких родных людей...

А из немцев мне еще помнится по младшим классам маленькая, чистенькая, гладко причесанная, всегда в белом фартучке Ольга Беккер. Она выглядела просто куколкой на нашем общем, не слишком опрятном, скорее неприглаженном, фоне.

Увалень и добряк, хозяйственный тугодум Вовка Дейбус был нашим неизменным классным старостой...

Немцы вносили в сумбурную, несколько суматошную жизнь целинного совхоза некое подобие основательности, размеренности, солидности. У них другие учились вести домашнее хозяйство, искусству соления-маринования-вяления-копчения... Они учили соседок делать кровяную и мясную колбасу, выделывать для них кишки, которые прежде выбрасывались... Немцы добавляли в целинный быт свою долю умиротворяющей гармонии.

Иное дело - ленинградцы. Эти на первых порах пытались держать себя так, будто они не чета всем остальным и слеплены из особого теста. Из-за чего не раз попадали впросак. Про них в совхозе и много лет спустя любили рассказывать такую байку. Муж спрашивает у жены: "А мы обедать сегодня будем?" Жена: "Я ничего не готовила". - "Почему?" - "А нас в гости позвали. Что ж мы наедемся дома, как дураки, а там сидеть будем?"

Про форсистых, одевающихся не по сезону, щеголяющих невпопад городскими манерами ленинградок в первые целинные годы ходила ядовитая частушка:

Прорастают на току

Вика с повиликою.

Подержи мой редикюль -

Я пойду посикаю.

Скоро, впрочем, выяснилось, что большинство из тех, кто именовал себя ленинградцами, на самом деле не имеет к городу на Неве никакого отношения. Бывшие сельские или поселковые жители этой области, они по-своему старались проявить себя на целине, и без них целинный быт потерял бы все свое многоцветье.

Одно время на нашей улице жила семья главного зоотехника Оралбека Кожанова: его родители и он сам с женой и детьми. Ко-

жанов был подтянут и статен, на него заглядывались женщины, а мы, мальчишки, особенно ценившие силу и ловкость, из уст в уста передавали историю о том, как он продемонстрировал приемы самбо на одном из местных "авторитетов"... Это было что-то вроде показательного броска: тот сам "завел" Оралбека (видали мы, мол, таких самбистов) и получил наглядный урок.

Жена Кожанова - красавица Марьям - работала учительницей в нашей школе, отличалась строгостью и справедливостью. Оралбек (впрочем, в совхозе все его звали Урал бек) дружил с моим отцом, захаживал к нам в баню. Наша баня была знаменита тем, что топилась по-черному (за отсутствием трубы дым выходил прямо в дверь), в ней перебивал почти весь совхоз.

Кто же мог подумать тогда, что Оралбек Кожанов со временем станет председателем облисполкома - в ту пору первым лицом в области, напишет книги... Что мне придется часто встречаться с ним, и не только по службе... Сейчас Оралбек Кожанович возглавляет областной фонд имени К.И. Сатпаева.

Кого только не заносило на Целину! И как только люди здесь ни самоутверждались! Колоритнейшей парой на нашей улице были Хомутовы. Низкорослый крепыщ - точно гриб-боровик - дядя Петя, гармонист и плясун, едва достигал плеча своей супруги тети Кати - дородной, необъятной как баобаба. Без них не обходилась ни одна гулянка на нашей улице.

Друзьями отца с матерью были Агеевы - дядя Саша и тетя Тося. Свою жену дядя Саша звал "моя опасна", моих родителей - "кум" и "кума". Отец именовал друга "чалдон желтопупый". Первую целинную зиму Агеевы зимовали в нашей землянке - нас вместе было около десятка человек. Сидели "один на одном", смеясь, вспоминала мать. Меня дядя Саша чуть ли не с младенчества от слез отучал, страдая: "Смотри, станешь хныкать - буду тебя звать "никулькой"! Агеевы часто бывали у нас, а наши родители - у них, гуляли чаще всего вскладчину, принося с собой кто чем богат: картошку, всевозможную солонину, холодец, вяленых чебаков...

Звали друг друга в гости на свежину - жареную свинину с картошкой, когда закалывали по морозам свиней. К нам на све-

жину заглядывал друг отца, местный казах Хасан Жусупов, а отец с матерью были не раз званы к нему на бешбармак. При этом мужья отлично себя чувствовали как у сковороды с дымящейся жареной свининой, так и у табака с не менее ароматной кониной, а их жены готовили друг для друга отдельно: говядину, курятину или баранину.

Баурсаки я в первый раз попробовал в доме моего одноклассника Сапара Алимova. Горячие, прямо из казана с кипящим маслом, они были так аппетитны и ароматны - казалось, я ничего вкуснее в жизни не ел. А с Бобкеном Джумалиновым (мы звали его на русский манер Вовкой) я дружил до тех пор, пока не оборвался его земной путь. С Мишкой - Мейрамбеком - Утеуовым и Нагимой Асылгожиной дружу и сейчас... Как и с нынешними россиянами Толькой Пуцелевым и Надькой Лукьянцевой, Вовкой Скотских и Сашкой Пыстиным. Они - тоже целинники, мои одноклассники, и никакие границы и суверенитеты никогда не смогут нас разделить.

А директором в нашей школе - тоже наш человек - одноклассник Кеннесары Едрешев. Мы прочили ему большое спортивное будущее и никогда - педагогическое. А зовем, как и тридцать с лишним лет назад, переименовав его имя на русский лад - Комиссаром. И его стройная, живая как ртуть, супруга Бижамал уже привыкла ко всем нашим чудачествам и всякий раз принимает как свою большую родню.

Самое экзотическое блюдо на пелине научил есть сперва мужиков (а потом на это осмелились и некоторые женщины) Яков Кукарекин. Это был самый первый специалист по лишению кабанчиков важнейшей составной их мужского достоинства. Проще говоря - Яков Кукарекин их кастрировал. Сначала он вообще был единственный умелец по этой части, а потому и шел нарасхват. Разумеется, после каждой кастрации (это называлось "подложить" кабанчика) мастера следовало уважить - угостить. Выпивка само собой, а на закуску Яков Яковлевич предпочитал вещественные доказательства им самим проведенной операции - те самые кабаньи яйца. Женщины на первых порах плевались, принимали предложение поджарить "деликатес" как

издевательство. Иногда мастеру приходилось браться за дело самому, затем нашлись смельчаки, первыми составившие ему компанию и за столом (разумеется, при обильной выпивке), а потом "свежина особого рода" и вовсе перестала быть чем-то особенным. Наоборот, в дело пошли и бычьи вырезанные яйца, которые, само собой, куда больше кабаньих... И скоро к этой трапезе приобщились и женщины, правда, далеко не все.

Другой легендарной личностью на нашей улице был дядя Вася Баюк - хитроватый мужик со своеобразным говором и весь как будто сотканный из жил. Он также умел делать то, чего не мог никто другой. Дядя Вася играл на бубне. Все сколько-нибудь значительные совхозные гулянки, а они случались едва ли не каждую неделю, были его. Бывало, его звали, чаще он заявлялся сам, но не сразу, а когда народ уже был хорош, и душа требовала веселья...

Взяв в руки бубен, дядя Вася буквально преображался, он как будто даже выше ростом становился. Мне он в такие минуты напоминал шамана из фильмов. Он то держал свой инструмент перед собой, то вздымал кверху, то бросал его куда-то в бок, ударяя в туго натянутую на обруч кожу то пальцами, то всей ладонью, то, выворачивая руку, локтем - как выражался мой отец - кандибобером... Чаще всего бубен служил дополнением к гармошке или баяну. Но дядя Вася мог выступить и соло... И уже никому не было дела до того, зван он на праздник или нет...

Еще дядя Вася обладал исключительным, фантастическим шухом на спиртное. Однажды супруга, пряча от мужа, закопала в огороде с цветущей картошкой двухлитровую банку самогонки. Картошки было соток пять, но дяде Васе потребовались какие-то час-полтора, чтобы отыскать искомое...

Иногда у нас дома бывали Купенковы с Целинной улицы. Звали их по фамилиям: его - Купенков, ее - Купенчиха. Последняя прославилась тем, что одну из ее пословиц цитировало полсовхоза. А началось все с того, что на одной из гулянок она, устав выполнять за столом чьи-то просьбы, заявила: "Я вижу - все тебе не так: и перднешь - рассердишь, и набздишь - не угодишь!" Все так и грохнуло. С тех пор и повелось. Даже теперь,

спустя много лет, моя мать, пересыпающая свою речь пословицами и поговорками (они у нее в разговоре - как хорошая приправа), нет-нет да и вспомнит Купенчиху с ее присловьем.

В любую погоду, в любое время года, исключая разве бураны, когда дома заносило до крыш, да еще весеннюю распутицу, когда без резиновых сапог из дома было не выйти, по нашей улице утром, в обед и вечером проезжал на велосипеде некто Гапонов, сухопарый молчаливый человек неопределенного возраста. По нему можно было сверять часы. Причем двигался он со скоростью обычного пешехода, и я всегда удивлялся: как это ему удается - ехать так медленно и сохранять равновесие?

Много у нас в совхозе было украинцев. Гнатенко, Филипенко, Продченко, Хименко, Давыденко, Величенко, Симоненко, Резниченко, Музыченко, Устиненко... Без их веселого самобытного племени Целины также просто невозможно себе представить...

Веселого и отчасти беспутного Устиненко звали по его любимой присказке - "Не волнуйся!" Не по фамилии, не по имени-отчеству, а именно по этой фразе, которую он чаще всего употреблял на все случаи жизни.

А высокого, есанистого, значительного, всегда опрятного совхозного водителя Величенко звали "хитрый мужик".

Про завгара Продченко ходила частушка:

Стоит Федя у ворот,
Широко разинув рот.
Не поймет никак народ,
Где баранка, а где рот.

Обидные, конечно, строки, но что поделаешь, если Федя даже за баранкой чаще всего сидел с открытым ртом.

Над Гнатенко подтрунивали за его охотничьи рассказы, грешившие преувеличениями. Говорили так: "А вы слышали - Гнатенко вчера зайца завалил?" - "Ну, да - и что?" - "Не заяц, а целый кабан. Гнатенчиха одного сала с того зайца стакан натопила..."

На нашей улице жила семья по фамилии Покиньюборода. Были еще Ганжа, Черняковы, Годуновы. Были белорусы и молдаване. Часть целинников именовала себя "сибкрайскими" - эти при-

ехали в совхоз из соседних районов Новосибирской области. Был даже один азербайджанец, Жора Курбанов, по кличке "Рубай компот - он жирный". Как-то раз Жора приехал на полевой стан, опоздав к обеду. Кто-то из мужиков и посоветовал подналечь на компот. С тех пор и повелось. Еще Жору доставал своими разговорами Иван Дрожанов - язвительный белотелый мужик. Жора был бездетный, а у Ивана - целый выводок пацанов - человек пять или шесть. "Что-то ты, Жора, не то делаешь с Неллей Федоровной... - лениво цедил сквозь зубы Иван. - А может, ты для нее слишком маленький?" Дородная, пышнотелая Нелля Федоровна действительно была едва ли не вдвое массивнее мужа.

"Ты меня оставь с ней на ночь, - откровенно хамил Иван, - я тебе быстро дрожанят наделаю..." Самое удивительное, что Жора на это никак не реагировал - крутил головой, сверкал своими особенно белыми на смуглом лице зубами, улыбался...

Первый директор совхоза Стефан Васильевич Кирпанев, сам большой любитель выпить и закусить, специалистов воспитывал так. Тому из них, кто утром после совместного с ним загула опаздывал на планерку, полагалось принимать директора тем же вечером. Жены знали об этой уловке Кирпанева и потому с утра старались вытолкать из дому своих мужей пораньше...

Целинники были преимущественно молодыми людьми: влюблялись, заводили семьи и детей... Случались разного рода любовные казусы.

Тетя Шура Демьянец, смеясь, рассказывала, как познакомилась со своим будущим мужем. "Ехали в вагончике на тракторных санях - мороз, буран, света белого не видно... Приспичило выйти по малой нужде. Ну, сделали свое дело, а ватные штаны застегнуть с подружкой не можем. Хоть плачь... Мужики исполошились - послали одного на поиски. Оказался Миша, помог нам со штанами... Так познакомились, потом подружались... Вот уж почти 35 лет живем".

Не припомню случаев воровства в те целинные годы. Чрезвычайные происшествия, особенно уголовного характера, были большой редкостью. Я, во всяком случае, помню одно-единственное убийство, когда парень зарезал другого парня из-за карточно-

го долга. Почему-то он даже не пытался скрыться, сразу был задержан, его судили и дали, кажется, лет десять или двенадцать. Отсидев их, он приезжал в совхоз, но жить в нем не стал.

А главным "авторитетом" по воровской части в ту пору был Витька Левенец - старший брат моей одноклассницы. "Загребел" он из-за какой-то глупости, года через полтора вернулся уже приклатненным. Но поскольку все его знали как облупленного, то и относились соответственно - не принимали всерьез его новые замашки. А иногда - вообще откровенно над ним смеялись. На это Вовка реагировал так:

- А, что с вами говорить - темнота, ни одного заграничного слова.

Какие-то время его так и звали - "Темнота - ни одного заграничного слова".

Сколько таких историй помнит целина! Какое прекрасное, какое чистое было время! Конечно, как и в любом другом, в нем хватало всякого, но правда и то, что преобладали человеческое благородство, бескорыстие, людская искренность.

То время все дальше, все меньше тех людей, все глуше память о них. И хотя до сих пор еще стоят некоторые первые целинные дома, выветривается (уже почти улетучился из жизни) целинный дух. Кому-то и целина теперь как кость в горле... Хрущевская авантюра, одна из социалистических утопий...

Что я могу сказать на это?

* * *

Того нашего дома давно уже нет. Пришла в полное запустение, заросла степной мелколистной полынью, травой-лебедой, порослью молодого клена и еще бог весть чем бывшая усадьба. Даже бывшие наши огороды оказались никому не нужны. Приехав сюда прошлым летом с сыновьями, мы оказались даже не на пепелище, а на территории, чем-то напоминающей заброшенную свалку... Я им пытался что-то показывать и рассказывать, но всем нам было одинаково грустно и неудобно на бывшем обиталище нашей семьи, хотелось скорее отсюда уйти...

А я до сих пор помню, как горел свет в окне нашего дома, в том окне, которое было видно далеко с улицы. Свет горел всегда - как бы поздно я ни возвращался. И завидев его, еще издали, как свет маяка, я испытывал, особенно после разлуки с домом, удивительное чувство. Это чувство трудно с чем-то сравнить - оно сродни предвкушению праздника, встречи с чем-то очень родным, теплым и добрым; это - как обещание скорого покоя и уюта.

Таким он был - наш дом - для всех его обитателей. Пусть таким и останется - хотя бы в моей собственной памяти. Ведь память - это не так уж и мало. Пока жива память - не умирает ничто.

2000 г.

Байконур: дела космические и земные

Я помню...

Я помню, как полетел в космос Гагарин: мне было восемь лет, когда это произошло. Телевидение до нашего совхоза «Михайловский», «заблудившегося» на границе двух республик, трех областей и одного края, еще, конечно, не добралось. Впрочем, какое там телевидение, у нас свет был «по норме», от передвижной электростанции, которую в целях экономии отключали с одиннадцати вечера до шести утра... Зато у нас был радиоприемник «Родина», который мог работать и от сети и от батареек, - по нему мы и слушали сообщения ТАСС. В мою собственную память голос Левитана навсегда прочно впечатался именно с того самого сообщения. Пожилые соседки, помнившие его голос другой - страшной для страны - поры, мелко крестились: «Свят-свят-свят... Только бы не война!..»

И хотя я был еще совсем ребенком, я точно помню, что происходило потом - то общее настроение, которое скорее всего можно охарактеризовать так: всеобщий восторг.

Как я теперь понимаю, полет Гагарина воспринимался многими как еще одна победа советского народа: победили в войне, осваиваем целину, строим самые крупные в мире электростанции и самый справедливый строй... Вот и космос теперь наш...

Пели: «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы...» И еще. «Утверждают космонавты и мечтатели, что на Марсе будут яблони цвести!»

Поразительно, но придет время, когда освоение космоса иными нашими бывшими согражданами (а кое-кто из них считался чуть ли не властителем дум, вещая с экранов и страниц газет) стало восприниматься чуть ли не как самоцель, бессмысленная трата народных средств...

Придет время, и в космос будут отправлять как на прогулку - за деньги...

Но все это будет потом. А тогда мы, пацанва, захваченные общим порывом, едва ли не поголовно мечтали стать космонавтами, бегали по ночам смотреть звездное небо и были невероятно счастливы, если удавалось разглядеть едва заметную движущуюся звездочку-спутник.

Мог ли я тогда мечтать, что через двадцать лет мне самому посчастливится побывать в Звездном городке, где готовятся к полетам и живут космонавты со своими семьями, а еще через десять - на Байконуре, космодроме, известном всему миру.

Поездка на Байконур была организована союзом журналистов Казахстана. Нам посчастливилось не только увидеть своими глазами многочисленные уникальные объекты космодрома, но и присутствовать при запуске очередного космического корабля.

С тех пор и сам я отчасти заболел космической темой: стал подбирать материалы, книги, делать вырезки из газет. Со временем набралось приличное досье. Оно и помогло мне написать эти заметки. Часть их родилась по горячим следам, сразу после поездки на Байконур в 1992 году, а вторая почти десять лет спустя, когда готовилась к печати эта книга.

Как начинался космодром

Совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о строительстве полигона для испытаний ракетной техники, способной доставлять ядерные заряды на большие расстояния (в том числе и до территории США) и для исследования космоса было принято 12 февраля 1955 года. Место выбирали долго и тщательно: были отвергнуты северо-казахстанский, мордовский и дальневосточный варианты. Казахстан правительственная комиссия предпочла по целому ряду обстоятельств: этот район малонаселен, местность - равнинная, полупустынная, есть крупная река - Сыр-Дарья, железнодорожная магистраль, автомобильная трасса. Еще один важнейший фактор - больше трехсот солнечных дней в году, малоснежная зима. И, наконец, близость к экватору: это давало возможность использовать при запусках дополнительно скорость вращения земли.

В этом же 1955 году на разъезде Тюратам Трансазиатской магистрали, примерно в трехстах километрах от Кзыл-Орды высадились первые строители. В выборе места для будущего космодрома участвовал С.П. Королев, он же руководил разработкой проектного задания на его строительство.

Строили быстро. Официальным днем рождения комплекса Байконур считается 2 июня 1955 года.

В мае 1957 года состоялся первый запуск ракеты «Р-7», ставшей прототипом всех сегодняшних ракетоносителей «Союз-У». Он был неудачным - ракета взорвалась на 109 секунде полета.

А 4 октября того же года в космос отправился первый искусственный спутник Земли.

Вес спутника составил всего 83,6 килограмма. Он просуществовал в космосе 92 дня и ночи, совершив 1400 оборотов вокруг земли, проделав при этом путь около 60 миллионов километров. (Для сравнения: сейчас создается международная космическая станция, вес которой превысит 400 тонн, а общий объем герметичных отсеков составит более тысячи кубометров. По утверждению специалистов, размеры станции будут таковы, что ее можно будет наблюдать невооруженным глазом).

12 апреля 1961 года был старт Ю.А. Гагарина.

С тех пор Байконур стал дорогой в космос. А для кого-то братской могилой.

24 октября 1960 года на стартовом комплексе взорвалась первая боевая межконтинентальная баллистическая ракета, способная нести ядерный заряд. При этом погибли - сгорели - 74 военных и гражданских специалиста, в том числе и председатель госкомиссии, Герой Советского Союза, главнокомандующий ракетными войсками СССР, Главный маршал артиллерии М.И. Неделин. В некрологе от ЦК КПСС и Совета Министров было заявлено: погиб при исполнении служебных обязанностей в результате авиакатастрофы. О других не сообщалось ничего...

Ровно через три года, 24 октября 1963 года, во время комплексных испытаний другой межконтинентальной ракеты погибли ее боевые расчеты и те, кто пытался их спасти.

Памятником погибшим стал обелиск на двух братских могилах, в бывшем солдатском парке, который теперь оказался в центре Байконура. Здесь постояли, склонив головы, и мы, казахстанские журналисты, побывавшие в городе.

И только в декабре 1999 года указом президента России 99 человек были награждены орденом Мужества, 64 из них - посмертно.

Почему космодром стали называть Байконуром? Тут своя история. В республике был и есть реальный поселок Байконыр, где в свое время в целях дезориентации американцев даже возвели макет соответствующих стартовых устройств. И все сообщения ТАСС о запусках называли адрес - космодром Байконур - опять же в целях дезориентации противника. Хотя реальный город - космодром уже имел реальное название - Ленинск. Но постепенно привыкли к тому, что космодром - и есть Байконур. Так, кстати, город с 1995 года и называется.

В 1988 году с Байконура стартовал уникальный космический корабль многоразового пользования «Буран». Он совершил в автоматическом режиме два оборота вокруг Земли и благополучно приземлился на специально построенную для него посадочную полосу. Предполагалось, что многоразовый «Буран» будет совершать до 30 полетов в год. Но с распадом СССР финансирование космонавтики сократилось до критической черты, и стало не до «Бурана»... Предлагалось много вариантов его использования - вплоть до открытия в нем ресторана. Последняя идея - установить его как памятник в парке Победы города Саратова.

Космодром Байконур располагает девятью стартовыми комплексами с 14 пусковыми установками для предстартовой подготовки и пуска ракетоносителей с космическими аппаратами или кораблями. На его счету примерно 2400 пусков ракет космического назначения и межконтинентальных баллистических ракет.

В космос с Байконура стартовали более ста космонавтов.

О том, как прожил город и космодром последнее десятилетие и как живет сегодня - чуть позже. А пока - о том запуске, свидетелями которого мы были.

Ракету – на старт!

Знающие люди говорят, что Ленинск просыпается рано, Но мы в то утро встали еще раньше: в половине пятого были на ногах. Хотелось попасть на одну из самых волнующих операций – вывоз ракеты на стартовую позицию.

Восход солнца встретили за 30 с лишним километров от Ленинска, на железнодорожном переезде, расположенном примерно посередине между монтажно-испытательным корпусом, где велась сборка ракеты-носителя, и местом ее старта. Это и есть Байконур, вернее, часть его – с несколькими стартовыми площадками.

Над нами светлое безоблачное небо, всплывает красный диск солнца над степью, чем-то похожей на нашу, южную павлодарскую, разве что у нас она ровнее и побогаче...

По традиции, идущей от С.П. Королева, ракета вывозится на старт рано утром. Примерно в половине восьмого раздвигаются двери монтажно-испытательного корпуса, и взору любопытствующих журналистов открываются красные отполированные сошла ракеты. Сама она уложена на специальную платформу, и невидимый нам тепловоз толкает ее по одной из трех железнодорожных веток. Оттого, что тепловоза не видно, кажется, что она сама пятится к месту старта.

Народу на переезде заметно прибавилось, слышна французская речь. Это подъехала группа наших зарубежных коллег, ведь нынешний экипаж будет смешанным – российско-французским. Все раскладывают на рельсах медные монетки и собирают их после проезда платформы расплюснутыми, тонкими – будет что показать друзьям и знакомым – под ракетой побывали!

Платформа движется небыстро, сопровождающие ее военные идут рядом скорым шагом. Вот и стартовая площадка, именуемая на Байконуре «двойкой». Отсюда стартовал Ю.А. Гагарин и отправляется в космос большинство нынешних пилотируемых космических кораблей.

Тепловоз оставил платформу с уютно покоящимся на ней изящным телом ракеты, которую тут же с помощью специаль-

ного механизма медленно и плавно начинают приводить в вертикальное положение. Звучат по громкой связи команды и рапорты об их выполнении. Никакой спешки и суеты, если не считать всюду мельтешащих фоторепортеров и теле-, и кинооператоров... Не покидает смешанное ощущение обыденности и одновременно нереальности происходящего...

...Теперь ракета стоит во весь свой рост. Отходит поднявший ее с платформы подъемник. Как крылья, подхватывают ракету с двух сторон боковые опоры, и скоро вся она - от основания до самого кончика «носа» - оказывается оплетена - закрыта от глаз сложной «кровеносной системой», питающей ее с земли... В первоначальном виде, полностью открытой, ракета предстанет перед нами лишь двое суток спустя, за несколько минут до старта.

Вопросы и ответы

Вечером того же дня и утром следующего состоялись две пресс-конференции для журналистов. На первой с нами встречались все члены межгосударственной правительственной комиссии по осуществлению совместного пилотируемого полета «Союз-ТМ-15», а на второй - основной и дублирующий экипажи космического корабля. Вопросы звучали самые разные. Почему был перенесен на сутки старт «Союза-ТМ-15»? Осуществляются ли запуски космических кораблей, первоначально запланируемые на Байконуре, с российского космодрома в Плесецке? Какова программа нынешнего полета, и что она даст осуществляющим его России и Франции? Каков вклад бывших республик в жизнеобеспечение Байконура, и насколько жизненно межправительственное соглашение о его совместном использовании?

Ответы давали председатель комиссии генерал-полковник В.Л. Иванов, технический руководитель полета - генеральный директор НПО «Энергия» Ю.П. Семенов, начальник Центра подготовки космонавтов генерал-лейтенант П.И. Климук, французские ученые и специалисты, среди которых был и первый космонавт Франции Жан Луи Кретьен.

В частности, журналистам было сообщено: перенос старта связан с тем, что накануне грузовой корабль доставил на орби-

тальную станцию очередную «порцию» топлива и его надо было без спешки разгрузить. Нынешний полет - результат долгосрочного соглашения бывшего СССР и Франции, где каждая сторона имеет свой интерес. В частности, французская космическая программа медико-биологических исследований получила название «Антарес» - по имени самой яркой звезды в созвездии Скорпиона, она имеет своей целью изучение влияния невесомости на человека (в различных аспектах), проведение других исследований.

На пресс-конференции не говорилось, во что обойдется этот полет французской стороне, но потом в газетных отчетах прозвучала цифра - 12 миллионов франков. Было бы в высшей степени несправедливо считать, что это плата «за кресло», предназначенное для зарубежных космонавтов. Скорее, это вклад французов в исследование космоса, в чем они проявляют большую заинтересованность. Об этом говорил и Жан Луи Кретьен, и другие представители французской стороны. Подчеркивалась важность соглашения бывших союзных республик по Байконуру. Добрый пример сотрудничества в этом плане демонстрируют Россия и Казахстан, правительствами которых созданы две специальные комиссии, вырабатывающие оптимальные подходы к совместному использованию космодрома.

Казахстанских журналистов интересовало, что получит от этого полета наша республика, под юрисдикцией которой находится Байконур, кто из членов межгосударственной комиссии представляет суверенный Казахстан, какова судьба дублера первого космонавта-казаха Тохтара Аубакирова - Талгата Мусабаева. Генерал-полковник В.Л. Иванов сообщил, что в составе межгосударственной комиссии трое казахстанцев: министр науки и новых технологий Казахстана Г.А. Абильситов, глава администрации города Ленинска В.А. Брынкин, присутствующий на пресс-конференции. Член-корреспондент Академии наук Российской Федерации, технический руководитель полета Ю.П. Семенов, высказавшись против подхода к использованию космодрома с позиции утилитарной выгоды, сообщил о том, что последний взнос России на содержание Байконура составил два миллиарда рублей, значительные средства выделены ему и на-

учно-производственным объединением НПО «Энергия». Без этих средств началось бы разрушение уникального космодрома. Ю.П. Семенов также сообщил о своих встречах с Н.А. Назарбаевым, об их совместных подходах к использованию Байконура, учитывающих и решение проблем этого крайне запущенного в социальном отношении региона. Руководитель центра подготовки космонавтов П.И. Климук сказал, что Талгат Мусабаев прошел полный цикл подготовки, продолжает службу в качестве военного летчика и может быть включен в состав одного из будущих экипажей пилотируемых космических кораблей.

На следующий день состоялось заседание межгосударственной комиссии, на котором различные службы докладывали о готовности к полету. Были также объявлены составы основного и дублирующего экипажей. Командиром международного экипажа утвержден А.Я. Соловьев, профессиональный летчик-космонавт, уже дважды побывавший в космосе. Бортиинженером - С.В. Авдеев, инженер-физик, сотрудник бывшего конструкторского бюро С.П. Королева, которое теперь называется НПО «Энергия». Конечно же, он мечтал о космосе и теперь побывает там. Космонавт-исследователь полковник ВВС Франции Мишель Тонини был дублером Жана Луи Кретьена, служил в легендарной эскадрилье «Нормандия-Неман», испытывал многие новые типы французских самолетов. Жена Мишеля - русская, он познакомился с ней в «Звездном», где она преподавала физкультуру.

Командир «Родников» (это позывной экипажа) докладывает о готовности экипажа к полету, звучат напутствия и добрые пожелания космонавтам. Глава администрации г. Ленинска В.А. Брынкин сообщает о том, что «Родники» доставят на орбитальную станцию и новый флаг суверенного Казахстана. Кстати говоря, за спинами космонавтов, отделенных от всего зала прозрачным стеклом (они как будто в аквариуме), три флага: в центре - наш, казахстанский, по бокам - российский и французский.

После небольшого перерыва короткую пресс-конференцию дают сами космонавты. Они рассказывают о программе полета, совместных экспериментах, некоторых их деталях. А.Я. Со-

Соловьев сообщил, что они с С.В. Авдеевым пробудут на борту орбитальной станции «Мир» до конца января следующего года. Им предстоит четыре-пять раз выйти в открытый космос и существенным образом изменить конфигурацию станции. Предусмотрена обширная программа исследований по астрофизике, биотехнологии и технологии получения новых сплавов. Командир экипажа очень высоко отозвался о программе экспериментов, начатых в космосе Тохтаром Аубакировым. Они готовились с участием казахстанских ученых и касаются проблем повышения урожайности сельскохозяйственных культур и их устойчивости к заболеваниям. Эти эксперименты, как и французские, носят долговременный характер, подчеркнул А.Я. Соловьев.

(Кстати сказать, Анатолий Соловьев станет рекордсменом по выходам в открытый космос. Всего он совершит их 16 и проведет там 77 часов 46 минут, в общей сложности свыше трех суток. В гардеробе космонавтов, как оказалось, для наиболее длительных выходов в открытый космос, предусмотрены даже специальные памперсы).

М. Тонини образно заметил, что программа «Антарес» должна помочь французам пристальнее посмотреть через космос на Землю. Всего же будет проводиться около десяти экспериментов, в связи с чем французы предполагают еще несколько раз посетить станцию «Мир».

Ряд вопросов касался проблем международной кооперации космической отрасли и нарождающегося бизнеса. Командир экипажа высказался за более тесные связи своей отрасли и передового, процветающего бизнеса и подчеркнул, что наивысшую эффективность космические исследования дадут лишь при их широкой международной кооперации, когда одни подкрепляются и углубляются другими, ведутся комплексно, дополняют и развивают друг друга.

Полет — нормальный!

В воскресенье, за сутки до старта, с утра подул ветер, и к обеду город был покрыт серо-белесым сумраком. Сквозь него не проглядывало ни здешнее белое солнце, ни выцветшее от зноя

небо... Мы даже встревожились: не помешает ли эта неожиданная мгла взлету?

Но следующее утро тревоги рассеяло: было ясно и даже не так жарко, как в прежние дни.

Сегодня - главный день. На 12 часов 8 минут местного времени назначен старт. Наша группа в начале десятого уже на Байконуре. Совершаем небольшую экскурсию по местному музею, где собрано немало уникальных экспонатов, рассказывающих о становлении космодрома, истории освоения космоса. Много любопытных фотографий. Вот С.П. Королев в первые годы Байконура: в фуфайке под ремнем, в сапогах - этаким колхозный дядька... Вот объектив запечатлел стремительный шаг юной, хрупкой Терешковой... Такой ее видели и павлодарцы: корреспондентам «Звезды Прииртышья» В. Воронову и В. Гольшеву удалось сфотографировать «Чайку», когда самолет с ней (уже после космического полета) делал кратковременную остановку в нашем городе... Музей интересен, жаль, времени мало...

Побывали в домике, где провел ночь перед стартом Ю.А. Гагарин. Говорят, хорошо спал. Рядом, в точно таком же, подолгу жил и работал на космодроме С.П. Королев. Хорошо, что они сохранились - эти свидетельства истории Байконура.

Примерно в десять утра мы у монтажно-испытательного корпуса, МИКа, где велась сборка ракеты-носителя для «Родников». Здесь космонавты доложат о готовности к полету и отправятся на старт. На асфальтированной площадке белилами начертано, где кому стоять: свои места у Госкомиссии, экипажа, телерепортеров... Нам, всем остальным, полагается быть за ограждением и завидовать счастливицам, которые смогут увидеть космонавтов в полном облачении совсем близко.

Играет музыка - свои прекрасные песни поет Патрисия Каас...

Потом все происходит неожиданно быстро. Из дверей МИКа появляются космонавты - уже в комбинезонах и скафандрах. Следует совсем короткий доклад, и они направляются в столь знакомый нам по теле- и киносюжетам автобус. На мгновение, по очереди задерживаются в дверях - лицом к нам. И автобус

трогается. За темными стеклами нам еще видны их улыбки...
Удачи вам, ребята!

А мы отправляемся на наблюдательный пункт. Он примерно в двух с половиной километрах от ракеты. И со специальной смотровой площадки, и с земли она видна, как на ладони. Ракета отсюда не кажется большой, она по-прежнему опоясана опорами - укутана до самой макушки. Объявлена часовая готовность. Прозвучала команда, и стали отходить боковые опоры, оставляя открытым серебристое тело ракеты, курящееся в нижней части белым маревом... Кольшутся слева на мачте три едва различимых флага... Объявляется 15-минутная готовность. По-немногу смолкают разговоры, замирают у своих аппаратов телеоператоры и фоторепортеры... Все взоры устремлены на ракету, которая теперь полностью открыта.

Кажется, прошла еще не вся последняя объявленная минута, когда ракета вдруг оказывается окутанной облаком дыма и пламени. Она трогается вверх и, чуть-чуть поднявшись, как будто зависает... Потом стремительно набирает скорость, уходит в небо. Рев ее двигателей напоминает тысячекратно усиленный треск разрываемой материи... Вот ракета превращается в яркий огненный шар, нам видно снизу лишь огнедышащее перекрестие ее двигателей третьей ступени... Потом она превращается в яркую точку, и скоро после нее остается в небе только небольшой дымящий шлейф...

Операторы космодрома, отсчитывая секунды, докладывают:
- Полет нормальный!

Байконур без ретуши

Мы застали Байконур (тогда еще Ленинск) уже не в лучшие его времена. Чем-то он мне напомнил наш Экибастуз. Что же касается условий жизни, то сошлюсь на бытующую у местных журналистов шутку. Послеобеденный разговор в редакции: «Вы знаете, сегодня опять плюс сорок пять - в тени.» - «А кто тебя заставляет сидеть в тени?». Общий смех...

Летом - жара за сорок, зимой - пронизывающие ветра, когда вам и минус 15 покажутся хуже сибирских тридцатиградуемых морозов... Добавьте сюда почти полное отсутствие качествен-

ной питьевой воды, ухудшившееся после распада Союза снабжение, и вам станет понятно, что это далеко не самое благодатное место на земле. Но мы видели на улицах города на удивление много молодых красивых лиц, много людей в шортах (тогда это было в диковинку) и на велосипедах. А по воскресеньям на улицах много молодых пар с детскими колясками...

И все, наверное, объясняется просто: чтобы жить здесь, надо здесь либо родиться, либо дорожить тем делом, ради которого тут оказался. А в случае с военными - еще быть верным присяге, ведь место службы не выбирают.

И космодром, и созданный ради него город были в ту пору тяжело больны. И если раньше было нормой показывать «космическую гавань» лишь с парадной стороны: торжественные проводы, доклады, взлет, аплодисменты, то мы увидели совсем иное: почти развалившееся коммунальное хозяйство и аварийный водопровод, негодная система отопления, единственный роддом - в военном госпитале...

Начальник космодрома рассказал такую историю: прибывшие освещать полет своего земляка японские журналисты в первых телерепортажах демонстрировали негодные санузлы в гостиничных номерах, поражались отсутствию в них кондиционеров (при здешней-то жаре!) и только потом восторгались тем, что объявленный за несколько лет запуск их космонавта состоялся не только в назначенный день месяца и час. Но и минута в минуту...

Так здесь вполне уживались и уживаются высочайший профессионализм, выдающиеся результаты человеческого ума и элементарное пренебрежение к самому человеку...

Самыми тяжелыми для Байконура были первые годы после распада Союза. Город хирел буквально на глазах: население за несколько лет уменьшилось чуть ли не вдвое: с 90 до 55 тысяч. Оказывались пустующими целые дома, квартиры в которых занимали переселяющиеся из соседних поселков нищающие жители.

Ветшала, разрушалась, разграблялась инфраструктура самого космодрома и его составных частей.

И все же выход был найден.

С 1994 года Россия арендует у Казахстана космодром Байконур и его сопутствующую структуру.

Российский государственный космический научно-производственный центр имени Хруничева вложил за последние годы в развитие инфраструктуры космодрома более 200 миллионов долларов и уходить с космодрома не собирается - публично заявил генеральный директор центра Александр Медведев.

На космодроме создан аэропорт, отвечающий всем международным требованиям и способный принимать любые грузовые самолеты. Монтажно-испытательные комплексы оборудованы сверхчистыми камерами, позволяющими выполнять операции на космических аппаратах по высоким и сверхвысоким технологиям.

Только с Байконура могут запускаться тяжелые космические аппараты с ракетносителями «Протон». Именно этот ракетноситель зарабатывает две трети денег всей космической отрасли России - около 800 миллионов долларов в год. Бюджет России выделяет на космос всего 300 миллионов долларов, в то время как США предусматривает 14 миллиардов, а Евразийское космическое агентство - пять миллиардов долларов.

Так что альтернативы Байконуру у России сегодня и в ближайшем обозримом будущем попросту нет.

И тем не менее время от времени возникают слухи о том, что Россия готовит космодром Плесецк к запуску всех видов космических аппаратов и намерена отказаться от Байконура.

Но это не более чем слухи, о чем не раз заявляли высшие должностные лица России. Основные космические программы могут осуществляться только со стартовых площадок Байконура. С этим космодромом связаны перспективы выполнения программ космической связи, пилотируемых полетов, совместных проектов с другими странами.

Россияне и казахстанцы хорошо проработали вопросы аренды космодрома, город в последнее время живет нормальной жизнью, все возникающие вопросы стороны решают в рабочем порядке.

По договору Россия арендует у Казахстана Байконур до 2014 года. Содержание города и его инфраструктуры осуществляет Россия. С одной стороны город Байконур - административно-территориальная единица Казахстана, а с другой на время

аренды наделен статусом субъекта России - это город федерального значения. Таким образом Байконур живет по двум конституциям. Порядок в нем контролируют российская и казахстанская полиция, действуют две автоинспекции, два суда, два военкомата...

Нынешний глава администрации города Байконура Геннадий Дмитриенко назначен на эту должность совместным решением президентов Н.А. Назарбаева и Б.Н. Ельцина. Нынешний российский президент В.В. Путин наградил Г. Дмитриенко орденом «За заслуги перед отечеством».

Сейчас в городе проживает 75 тысяч человек, но население в последнее время растет. Перспективы Байконура связаны прежде всего с космической отраслью России. И вряд ли россияне уйдут отсюда после окончания двадцатилетнего срока аренды.

В мире сейчас действуют 17 космодромов и, конечно же, конкуренция между ними будет все больше обостряться. Но Байконур был и остается самым мощным и, что немаловажно, самым экономически привлекательным космодромом. Благодаря его выгодному географическому положению, техническому оснащению отсюда можно вывести в космос до 1500 тонн полезной нагрузки в год. Для сравнения: с космодрома Канаверал в США - 653 тонны. Минимальная же цена вывода в космос одного килограмма полезного груза - четыре тысячи долларов.

Строительство космодрома обходится примерно в пять миллиардов долларов. Для бюджета России - заоблачная цифра. Космодром - это не только стартовые площадки, это еще и сложнейшая инфраструктура: железнодорожное хозяйство, монтажно-испытательные и командно-измерительные комплексы, трубопроводы, кислородное предприятие и многое другое.

Известный своими экстравагантными проектами президент Калмыкии Кирсан Илюмжанов предложил построить космодром в своей республике. Однако российское авиационно-космическое агентство ответило на столь патриотическое начинание вежливым отказом: и технические, и политические, и экономические причины не позволяют принять проект строительства нового космодрома. Вопрос, оказывается, еще и в том, куда будут

падать отработавшие ступени... На Байконуре предусмотрено и это - специальные полосы отчуждения. А ведь бывают и неудачные старты - тех же «Протонов», когда их фрагменты падали чуть ли не на голову казахстанцам, что становилось предметом разбирательства на межгосударственном уровне.

Так что космодром доставляет и немало проблем Казахстану. Зачем он ему в таком случае нужен?

Зачем Казахстану космос?

Так уж исторически сложилось, что именно Казахстану суждено было стать первой космической колыбелью человечества, и поэтому он по праву считает себя космической державой. И все-таки зачем нам космодром, тем более что арендует его Россия, а экологические последствия расхлебывать нам?

Во-первых, за аренду Байконура Россия ежегодно платит Казахстану 115 миллионов долларов - сумму, пусть и не гигантскую, но не лишнюю для нашего отнюдь небогатого бюджета. Во-вторых, статистика говорит о том, что доля отрицательного влияния космических стартов в общей массе других вредных выбросов составляет всего 0,18 процента, в загрязнении атмосферы окисью углерода - 0,24 процента. Подсчитали даже: один запуск тяжелого «Протона» равносителен вреду, наносимому работой 40 автомобилей в год... Казалось бы, о чем тут говорить? Но есть еще и нештатные ситуации, которые в последнее время не раз случались как раз с «Протонами», происходил выброс в атмосферу и разлив гептила - ядовитого ракетного топлива, а также другие негативные влияния запусков ракет в окружающую сферу. И Россия, и Казахстан выделяют деньги на финансирование научно-исследовательских программ по оценке влияния космической деятельности на окружающую среду.

И, наконец, в-третьих: Казахстан сам заинтересован в освоении космоса. В 1993 году указом Президента создано национальное аэрокосмическое агентство. Цель - формирование и развитие собственной космической отрасли. Теперь у нас есть и институт космических исследований.

С 2000 года осуществляется совместная российско-казахстанская программа по исследованию и использованию космического пространства на 2000-2005 годы. Ее направления: космическая связь и навигация, дистанционное зондирование Земли, другие научные исследования.

Директор института космических исследований У. Султангазин не раз рассказывал в прессе о том, какие исследования ведет Казахстан. Это большая программа из пяти блоков, в составлении которой участвуют около 20 институтов - медики, биологи, геологи, физики. А осуществляют их в основном казахстанские космонавты и их российские коллеги.

Одно из самых перспективных направлений, которым наши ученые и космонавты занимаются уже больше десятилетия, - дистанционное зондирование Земли. Оно предусматривает целый комплекс научных исследований природных ресурсов, программы по картографии, геодезии. Это картография урбанизированных территорий, полигонов, сельскохозяйственных угодий; дистанционное зондирование морей; оценка сезонных запасов снежного покрова в горах в их динамике (от этого зависит формирование водных ресурсов республики) и многое другое. Космос для этого открывает поистине огромные возможности.

Специалисты института космических исследований Казахстана вместе со своими канадскими коллегами проводят с помощью дистанционного зондирования из космоса мониторинг территории республики на предмет распространения саранчи. Разумеется, увидеть ее из космоса невозможно. Однако можно с высокой степенью вероятности предсказать, где и в каких количествах она появится. Для этого анализируются такие параметры: состояние растительного покрова, влажность территории и температура. Большой интерес к этой работе проявляет Индия, которой этот вредитель полей также не дает покоя.

И первый казахстанский космонавт Тохтар Аубакиров, совершивший полет в космос в 1991 году, и трижды побывавший там Талгат Мусабаев (в 1994, 1996 и 2001 годах) работали над казахстанскими научными программами. Их названия: «Зондирование», «Овер», «Ариадна», «Дастархан».

О «Зондировании» речь уже шла.

Эксперименты «Онер» и «Ариадна» разработаны институтом молекулярной биологии и биохимии. Первый должен дать ответ на вопрос: как действует невесомость на молекулярно-биологические, генетические и другие механизмы клеток и помочь совершенствованию клеточной инженерии. В том числе - для получения новых исходных форм растений (к примеру, пшеницы или картофеля), устойчивых к болезням, вредителям и другим факторам. Надо ли говорить о том, как нуждается наше сельское хозяйство в отечественных разработках подобного профиля.

Эксперимент «Ариадна» направлен на изучение молекулярно-биологического состава крови космонавтов до и после полета.

Эксперимент «Дастархан» был разработан институтом питания Казахстана. Это - специализированные продукты, предназначенные для повышения адаптационных возможностей организма в экстремальных условиях (например, в условиях космического полета). Наверное, это был самый приятный эксперимент для космонавтов, ведь специализированное меню включало такие продукты, как плодоовощное пюре, эликсир «Восточный», казахстанские национальные продукты - курт и ираимщик. И, кстати, уже не пасты в тюбиках, как раньше, а сухие вещества, которые после добавления горячей или холодной воды превращаются в полноценные первые и вторые блюда. Американские астронавты на международной космической станции также перешли на российские и казахстанские продукты, которые особенно хороши для длительных полетов.

К сожалению, тому же институту космических исследований явно не хватает средств для активизации столь нужной стране работы. В том числе и на специальную программу «Гарыш» («Космос»). Пока что лишь ничтожная часть из получаемых за аренду Байконура средств идет на развитие отечественной космической отрасли.

Тохтар и Талгат

Казахстанцы давно открыли дорогу в космос, но до Тохтара Аубакирова все они были членами советских космических экипажей. Именно с Тохтара, который провел в космосе чуть

более недели, начинается свой отсчет отечественная космонавтика. Именно он осуществил, пусть и небольшую, но первую самостоятельную научную казахстанскую программу.

В одной из газет Тохтар Аубакиров рассказывал о том, как сильно он мечтал стать летчиком-испытателем и как этого добивался. И как не хотел сначала идти в космонавты...

Он служил в военной авиации, летал на разных типах самолетов, освоил современный истребитель СУ-15, по праву считался одним из лучших. И уже тогда мечтал стать летчиком-испытателем... Куда только ни писал - отказывали: такие летчики самим нужны... В конце концов написал короткое письмо Д.А. Кунаеву, и оно к нему попало. От него - к тогдашнему министру обороны А.А. Гречко, от министра - к маршалу П.Ф. Батицкому, а уже тот наложил благожелательную резолюцию...

В качестве летчика-испытателя Тохтар Аубакиров участвовал во всех без исключения этапах конструирования и «доводки» самолета МиГ-29-К - он его поднял в воздух, испытал на всех режимах, впервые посадил на борт авианосца «Тбилиси»...

Между тем еще в 1977 году соответствующие структуры занялись поиском казаха - кандидата в космонавты. И это понятно: уже больше двадцати лет стартовали с казахстанской земли космические корабли, десятки людей (в том числе и иностранцы) побывали в космосе, и среди них не нашлось ни одного представителя коренной национальности. К Тохтару, который уже начал работать в знаменитой фирме Микояна, выпускавшей суперсовременные МиГи, приехал заместитель начальника авиации ПВО СССР Н.И. Москвитин, сказал, что пора отправлять в космос казаха, ПВО рекомендует его, Политбюро ЦК КПСС сочло, что кандидатура подходящая... В это трудно поверить, но Тохтар отказался - настолько дорожил своим новым делом...

В 1990 году на ту же тему с ним говорил Н.А. Назарбаев. И вновь Тохтар сказал нет, заявив, что у него не менее важная работа, что он и сегодня единственный из казахов летчик-испытатель за все 70 лет существования Советского Союза.

Через год разговор с президентом повторился, и Тохтар вышел от Н.А. Назарбаева уже с другим мнением, хотя переубедить его, если он в чем-то уверен, вряд ли можно. Значит, нашлись аргументы у президента, если Тохтар сказал о встрече: это был мужской разговор.

Ему шел тогда 45-й год, он был самым «пожилым» из кандидатов в космонавты... Прошел строжайшую медкомиссию, которая не щадит никого (тут бы и прежняя рекомендация политбюро не помогла). Уже в центре подготовки космонавтов познакомился с Талгатом Мусабаевым. Отношения были вначале деловые, постепенно переросли в дружеские, а потом в братские.

Второго апреля 1991 года Т. Аубакиров приступил к занятиям, а второго октября состоялся старт. На космодром прибыло столько президентов, сколько их тут не побывало, наверное, за всю его историю. После доклада командира экипажа Тохтар доложил о готовности к полету Н.А. Назарбаеву на казахском языке, получив от него в ответ теплые слова напутствия.

Полет в космос Тохтара Аубакирова навсегда останется в истории Казахстана еще и потому, что он положил начало освоению собственных казахстанских космических программ - как чисто научных, так и прикладных, в перспективе рассчитанных на применение в народном хозяйстве. В частности, медицинская программа дала новые результаты в области изучения кровообращения. Две другие касались проблем, связанных с сельскохозяйственными культурами и выращиванием специальных видов кристаллов. Эти национальные программы были продолжены во время полетов в космос Талгата Мусабаева.

Тохтар Аубакиров - Герой Советского Союза, Халык Қаһарманы, доктор технических наук. По итогам общественной акции, проведенной в Казахстане в 1999 году, он назван «человеком века».

И еще несколько личных впечатлений. Мне довелось наблюдать Тохтара Аубакирова вблизи, на космодроме Байконур, встречаться и говорить с ним во время одного из его приездов в Павлодар. Мне кажется, он чем-то сродни Юрию Гагарину: то же поразительное обаяние, та же открытость и простота в общении, ни малейшей рисовки... Профессия обязывает журналиста

быть настойчивым, а в каких-то обстоятельствах и назойливым. И все же я постеснялся спросить: не жалеет ли Тохтар о том, что из-за космонавтики ему пришлось расстаться с не менее исключительной профессией летчика-испытателя. Наверное, ему трудно было бы ответить на этот вопрос...

Подсчитано: к середине 2001 года в космосе побывало 280 космонавтов разных стран, которые провели там 23096 суток. Казахстанцам принадлежало из них 333 суток, 11 часов и 45 минут. В основном это был вклад Талгата Мусабаева, трижды побывавшего в космосе.

Талгат - тоже военный летчик, мастер высшего пилотажа, в прошлом спортсмен, был членом сборной Латвии по гимнастике. Он легендарная личность даже среди космонавтов: Талгату принадлежат два своеобразных рекорда - ему пришлось за один полет пять раз выйти в открытый космос, проведя там в общей сложности 30 часов и 8 минут. Это достижение внесено в книгу рекордов Гиннеса.

Тот, второй полет, был по признанию Талгата самым трудным из трех. К станции «Мир», где уже находился экипаж во главе с Мусабаевым, должен был в автоматическом режиме пристыковаться грузовой корабль, и вдруг всего в 20 метрах от станции у него отказала система управления движением. Могло произойти столкновение, как это уже случалось и привело к разгерметизации станции. К счастью, трагедии не случилось - люди остались живы...

В этот раз на принятие решения у Талгата было две секунды. Он мгновенно сообщил на землю, что берет управление кораблем на себя. Восемьтонный корабль «наезжал» на станцию, а Талгат управлял им при помощи телеоператорного режима. Космонавту было бы гораздо проще, если бы он сам находился на том корабле, где все 32 двигателя срабатывали сразу. А в данном случае команды выполнялись с задержкой в полторы секунды.

Как бы там ни было, стыковка прошла нормально. За всю историю космонавтики таких аварийных стыковок известно три, в том числе одна - неудачная.

Кстати, тот грузовой корабль специально создавался для доставки двигателя, который ориентирует станцию в простран-

стве. Без этого нового двигателя «Мир» через какое-то время мог потерять управление и упасть на Землю. После аварийной стыковки космонавтам пришлось устанавливать этот двигатель на пятнадцатиметровой мачте станции - тогда и состоялся рекорд Т. Мусабаева по времени, проведенному за бортом в течение одного полета.

Необычным был и третий полет Талгата. Прежде всего тем, что сформировался поистине интернациональный экипаж. Командир корабля Талгат Мусабаев, бортиженер Юрий Батулин (кстати, бывший помощник президента Бориса Ельцина) и космический турист 62-летний американец Денис Тито.

Главной целью этого полета была замена транспортного корабля на международной космической станции. И опять впервые в истории космонавтики экипаж прилетел на одном корабле, а на Землю возвратился на другом.

Помимо всего прочего, космонавты работали и над четырьмя казахстанскими научными программами.

Вместе с Талгатом в космосе побывал казахстанский флаг, конституция Казахстана и Коран, которые космонавт вручил после полета Президенту Казахстана.

Талгат Мусабаев - полковник военно-воздушных сил России, Герой Российской Федерации и Халык Каһарманы. Он один из двух, кто имеет в действующем отряде центра подготовки космонавтов первую категорию. Вместе с россиянином Афанасьевым они считаются космонавтами экстракласса.

Будут ли последователи у двух казахстанских космонавтов? Есть договоренность президентов России и Казахстана о направлении четырех казахстанцев в центр подготовки космонавтов. Однако из более 500 претендентов отбор прошел только один - 27-летний летчик гражданской авиации из Уральска Руслан Мухамедрахимов. И то с небольшими натяжками.

О строгости комиссии можно судить по примеру, приведенному в одной из газет Талгатом Мусабаевым. В 1987 году «космическую» комиссию проходили 2500 военных летчиков СССР для отбора в отряд космонавтов. Приняли пятерых.

Оказывается, кандидат в космонавты должен иметь пятикратный запас здоровья. Но, по словам того же Талгата Мусабасева, Россия недавно несколько снизила эти требования для тех, кто не является командиром экипажа.

Работа по отбору казахстанских кандидатов в космонавты продолжается. Как сообщил недавно в прессе председатель казахстанского аэрокосмического комитета А. Кесунов, двое из казахстанцев, признанных годными по здоровью и Астаной, и Москвой, будут направлены в центр подготовки космонавтов.

И кто знает, может, уже не за горами полеты тех, кто продолжит космическую одиссею Тохтара Аубакирова и Талгата Мусабасева.

В космос — как на прогулку?

Давно ли были те времена, когда полет в космос считался подвигом? Когда космонавтов знали в лицо и поименно, когда все они (и по заслугам) становились Героями Советского Союза.

Теперь полетами в космос уже никого не удивишь. Хотя то, что случилось в 2001 году, стало своего рода сенсацией: в космосе побывал первый космический турист - американец Денис Тито. Заплатил двадцать миллионов долларов - и полетел... Его соотечественники из НАСА - Национального аэрокосмического агентства США - были против и прямо высказали свою точку зрения российским коллегам, заключившим с Тито коммерческую сделку. Против были и некоторые российские космонавты, считавшие, что это подрывает престиж государства и самой космической отрасли, что это может привести к трагедии (кто знает - как поведет себя турист в космосе, что ему может взбрести в голову?).

Но факт остается фактом: первое космическое путешествие состоялось. Хотя первым его можно считать лишь условно. Разве не туристами по большей части были космонавты из стран бывшей народной демократии, которых по негласной очереди отправляли в составе бывших советских экипажей? Многие ли из них потом связали свою жизнь с космосом? И разве не за те же деньги был отправлен в космос японский журналист?

Произошло то, что рано или поздно должно было случиться. И Россия сделала это первой лишь потому, что ее космическая отрасль как никогда нуждается в дополнительных средствах.

Весьма колоритной оказалась и личность самого первого космического туриста. У Дениса Тито итальянские корни. Его родители из этой страны, а сам он родился уже в Америке. Он хорошо знает, что такое бедность. Но его судьба - это воплощение американской мечты. Получил математическое образование, с 1962 по 1966 годы работал в национальном аэрокосмическом агентстве США - НАСА - рассчитывал траекторию полетов космических кораблей. А первые большие деньги заработал на том, что применил некоторые из открытых им математических зависимостей в биржевой практике.

Говорит, что мечтал о космосе 40 лет - с того самого дня, когда мир облетела весть о полете Ю. А. Гагарина. И видно, эта мечта была по-настоящему сильной, если он заплатил за нее такие деньги, став, кстати, самым пожилым космонавтом на борту «Союза».

Через год примеру Дениса Тито последовал 28-летний Марк Шаттлворс, бизнесмен из Южно-Африканской республики. И хотя точная сумма стоимости космического путешествия на этот раз не называлась, она сопоставима с той, что заплатил его предшественник.

Марк повез с собой в космос клетки казахстанских овец, взятых для опытов с белком, который в будущем может стать лекарством от СПИДа.

Кроме отца, матери, братьев, он пригласил на старт еще свыше полусотни гостей, оплатив каждому 600 долларовое путешествие из Кейптауна на Байконур...

Что тут сказать: у богатых свои причуды.

В США с недавних пор появилась такая необычная космическая услуга: по завещанию состоятельных граждан после смерти их прах в специальной капсуле может быть отправлен на орбиту. Какое-то время она будет летать вокруг Земли, потом, выйдя в плотные слои атмосферы, сгорит... Человек вправе считать, что его прах стал достоянием космоса. А самое глав-

ное, что это дешевле, чем слетать самому - стоит такая процедура «всего» 20 тысяч долларов.

Газеты пишут о том, что одна из российских компаний подготовила проект космического мотеля, где любители экзотических ощущений могут провести до двух месяцев. В Америке и Японии взялись за создание проектов таких гостиниц, причем, речь идет об известных миру фирмах «Хилтон» и «Кавасаки»...

Словом, судя по всему, Байконур без дела не останется... А если серьезно, то если 40 лет назад космосом всерьез занимались лишь две страны, то теперь космическую деятельность ведут уже 130 государств. Не станет же каждое из них строить собственный космодром. Новое развитие получит международная кооперация в рамках совместных космических программ. А это значит, что у нашего Байконура большое будущее.

1992-2002 годы.

Долгое эхо ядерного полигона

Свидание с полигоном

Эта тема была запретной сорок лет. Хотя для жителей Семипалатинской, Павлодарской, Карагандинской областей (да и не только для них) уже давно не было секретом существование в этом малонаселенном регионе Казахстана ядерного полигона, на котором не перестают звучать гигантской силы взрывы.

Первые публикации о Семипалатинском ядерном полигоне в Павлодарской областной газете «Звезда Прииртышья» появились в 1986-1987 годах - в результате проводившегося в то время совместного советско-американского эксперимента по контролю за ядерными взрывами на полигонах в Неваде и у нас, в Казахстане.

Почти неделю просидел однажды в Баянауле спецкор газеты Владимир Бугаев (там, близ озера Джасыбай, был один из наблюдательных пунктов, контроль на котором обеспечивали американцы) и дождался-таки своего звездного часа... После очередного взрыва на Семипалатинском полигоне в Баянаулу прилетел вертолет с учеными СССР и США, включая вице-президента Академии наук СССР Евгения Велихова, журналистами нескольких стран... Тогда все это было в диковинку... Публикацию снимков об эксперименте, которые, кстати, оказались первыми в Казахстане и одними из первых в Союзе, нам пришлось «пробивать».

Затем в Павлодаре дважды побывал начальник Семипалатинского ядерного полигона генерал-лейтенант А.Д. Ильенко. По понятным причинам вопросов ему задавали больше, чем другим. В том числе и на заседании Всесоюзного «круглого стола» по проблемам экологии с участием ученых, специалистов-экологов, представителей министерств и ведомств, журналистов союзных и республиканских средств массовой информации, проходившем в нашем городе. Выступление начальника полигона вызвало самые разноречивые, острые суждения среди участников «круглого стола». Вскоре после этого была достигнута пред-

варительная договоренность с А.Д. Ильенко о возможности посещения ядерного полигона павлодарцами. Прошло с полмесяца, и с полигона сообщили: «Выезжайте!».

Для поездки отобрали восемь человек во главе с заместителем председателя облисполкома, председателем областной экологической комиссии А.Ф. Половниковым, председателем областного комитета охраны природы Н.М. Хлыстуном, заместителем главного врача областной санэпидемстанции Ю.С. Калининным, представителем общественности - мастером Павлодарской ТЭЦ-1, членом инициативной группы «Экология и общественное мнение» В.И. Стаховским, журналистами областного телевидения и газеты. До военного городка ядерного полигона около 260 километров. На контрольно-пропускном пункте журналисты должны быть в половине седьмого утра. Ночуем в Белогорье... Хотя какой там сон: душная летняя ночь не приносит прохлады, а в четыре утра (рассвет еще и не брезжит) отправляемся дальше. К шести утра проезжаем Большой Акжар - центральную усадьбу совхоза «Акжарский». Дальше - территория полигона: колючая проволока, неясные очертания зданий...

На контрольно-пропускном пункте солдаты сверяют список членов нашей делегации со своим, куда-то звонят, потом сообщают: «Через несколько минут за вами приедут». Скоро появляется военный УАЗ. Рассаживаемся по машинам - и снова в путь. К нам, в «Рафик», подсаживаются двое молодых парней - крепких, розовощеких. Мы приняли их за ученых, поскольку они были в штатском. Но парни - штабные офицеры: майор и капитан. Первый служит здесь уже пять лет, второй - третий год. Оба женаты, у капитана на днях родился второй ребенок. На здоровье ни сами, ни их семьи не жалуются. Службой довольны.

Едем мы, как выясняется, на участок «Балапан», который примерно в 100 километрах отсюда. О дальнейшем будет сообщено там, на месте.

По обеим сторонам дороги тянется степь - точно такая же, как у нас в Майском, Экибастузском районах: покрытые травами пологие сопки, жесткая песчано-каменистая почва... Мне, кстати, уже довелось лет десять назад побывать на территории полигона, правда, в другой его части. Там по согласованию с

военными почти круглый год пас табун коней совхоза «Жалтырекий» известный животновод Шамиль Жанатаев. И мы с парторгом совхоза Шакиримом Альпаевым ездили к нему на отгон. Поразило тогда более всего безлюдье: едешь час, другой - по грейдеру ли, по проселку - и не встретишь ни одной живой души - только сопки, похожие одна на другую, и степь, степь, степь... К слову сказать, мы тогда не сразу нашли стойбище табунщика: заблудились, ночевали в степи и только с помощью военных на следующий день попали к Шамилю Жанатаеву...

Вспоминается все это еще и потому, что на этот раз дорога не так пустынна: несколько раз нас останавливают патрули военной автоинспекции, стоят дежурные и на всех проселках, примыкающих к асфальтированной трассе, по которой движутся две наши машины. С чего бы это такие меры предосторожности? Не из-за нашего же приезда!

...Ю.С. Калинин, предусмотрительно прихвативший с собой дозиметр, замеряет уровень радиации. На экране высвечиваются цифры 10,12,13 микрорентген в час. Это норма, естественный природный фон.

Проплывает в знойном мареве слева от дороги небольшой поселок - здесь расположена одна из воинских частей, обслуживающих полигон. В ней, как сообщили сопровождающие нас офицеры, жили американские ученые, специалисты, военные, участвующие в совместном советско-американском эксперименте по контролю за ядерными взрывами.

Еще полчаса езды, и мы у наблюдательного пункта командования - двухэтажного здания в степи, окруженного несколькими сооружениями. Тут уже достаточнолюдно; не один десяток офицеров, есть и штатские. Чуть поодаль садится пятнистый вертолет, из него с группой людей выходит начальник полигона А.Д. Ильенко и, заметив, что мы замешкались, делает энергичный жест рукой: «Пошли!»

«Это — боевая работа...»

Мы - не единственные гости на полигоне. Тут же журналисты из «Правды», «Известий», ТАСС, АПН, «Комсомолки», республиканского телевидения, соседи-семипалатинцы и ка-

рагандивцы, представители общественных организаций - Советского комитета защиты мира, общества «Невада-Семипалатинск», ученые специальной комиссии Академии медицинских наук СССР.

Всех приглашают на второй этаж. В просторной, светлой комнате с длинным широким столом становится тесно. Начальник ядерного полигона даст понять, где мы находимся и как себя следует вести.

- Вы прибыли на военный объект, где сегодня проводится не показательный, а обычный ядерный взрыв... Поэтому все ваши действия будут регламентированы.

Начинается заседание государственной комиссии. Ее председатель С.Н. Воронин (он во главе нашего большого стола, за которым уместилось человек 35-40) сообщает:

- Сегодняшний взрыв мощностью до 20 килотонн производится в целях совершенствования военной техники. Глубина залегания зарядного устройства более 500 метров... Мы присутствуем на боевой, потенциально опасной работе, поэтому прошу (Стаислав Николаевич - человек штатский) - никакой самодетельности. До испытания остается один час 28 минут...

Далее следуют доклады служб, обеспечивающих подготовку, проведение взрыва и контроль за ним.

Первый доклад:

- Цель испытания - сбор научно-технической информации. Для него выбрано место, пробурена боевая скважина, оборудованы рабочие и технологические площадки... С помощью спускной колонны на глубину свыше 500 метров доставлено зарядное устройство... Забивочный комплекс (между собой военные именуют его просто пробкой или затычкой - об этом мы узнаем позже) обеспечивает безопасность проведения взрыва. Прогнозируется фоновая радиоактивность.

Второй:

- В эпицентре взрыва температура составляет несколько миллионов градусов, давление - более ста тысяч атмосфер. При этом твердая порода превращается в жидкое, а затем газообразное состояние... Образуется мощный ударный фронт, зона дробления породы, трещины... Волна сжатия порождает колебания по-

чвы, возникают сейсмозмушения. Для контроля за ним установлены сеймопункты - на полигоне в военном городке, в Семипалатинске, Белогорье...

Третий:

- Мы находимся на удалении в 18 километров от взрыва. Сводка погоды: температура воздуха 30-33 градуса, ветер в слое до 500 метров - 2-5 метров в секунду, в слое до полутора километров - 5-8 метров. Облачность - 3-6 баллов...

Четвертый:

- Докладываю прогноз радиационной обстановки. Выброса продуктов деления не произойдет... Возможно истечение инертных газов, а в дальнейшем - образование их струи по направлению ветра...

- Обеспечивает ли прогноз полную безопасность участников взрыва?

В напряженной тишине этот вопрос начальника полигона А.Д. Ильенко звучит жестко и требовательно.

- Да, межведомственная комиссия гарантирует безопасность.

Пятый:

- Докладываю меры радиационной безопасности. Все люди из зоны взрыва и его окрестностей эвакуированы. Датчики установлены в эпицентре, а также на расстоянии 50, 100 и 300 метров. Непрерывный контроль за радиационной обстановкой ведется с вертолета и самолета... Намечено несколько дополнительных маршрутов обследования... Учитывая опыт 12 февраля (тогда в результате взрыва образовалась струя инертных газов с повышенным радиационным фоном, она была зафиксирована в нескольких населенных пунктах, что вызвало беспокойство местных жителей, возмущение общественности - Ю.П.), наши люди контролируют обстановку в ряде населенных пунктов. На случай образования струи инертных газов сформирован передвижной дозиметрический пост...

Генерал-лейтенант Ильенко:

- Вопросы обеспечения радиационной безопасности на полигоне и за его пределами у нас на первом месте... А теперь - по машинам!

...Проселочная дорога петляет по каменистой степи и через полчаса приводит нас к площадке, где оборудована боевая скважина. Нам показывают ее оголовок - небольшое возвышение, чем-то отдаленно напоминающее сруб колодца с выходящим из него сплетением кабеля. (Вертикальная боевая скважина имеет ствол 1-2 метра, глубину - 500-700 метров, ствол забивают щебнем, песком, бетонными пробками, которые должны локализовать продукты взрыва под землей. Но есть компоненты летучие, или благородные радиоактивные газы - ксенон, гелий, криптон, которые могут просачиваться наружу - Ю.П.).

- Вы будете находиться в трех километрах отсюда, - дает последнюю справку начальник полигона.

- А мы вернемся сюда?

- Да, если все будет нормально, - это уже на ходу. - Все вопросы - после!

На бегу к автобусу видим Ю.С. Калинина с дозиметром.

- И тут норма, - сообщает Юрий Семенович, когда уже трогаемся, - 14-17 микрорентген в час.

...Мы на смотровой площадке - за семь минут до взрыва. Отсюда его место - как на ладони. Для желающих воспользоваться техникой установлены две стереотрубы. Кто-то из военных замечает, что американцы своих наблюдателей так близко не подпускают - в Неваде менее прочный состав земной коры.

Объявляется пятиминутная готовность. Нарастает нервное напряжение... Гарантии, правда, выданы - да чем черт не шутит! Впрочем, журналисты в эти последние минуты до взрыва с особым напором наседают на военных. А тем, судя по всему, именно теперь не до нас - они лучше, чем кто-либо, знают, с чем имеют дело.

Минутная готовность. Киношники устанавливают на стол, стоящий прямо на земле, стул с мягкой кожаной обивкой, а на него - два наполненных до краев стакана - один с водой, другой с чаем - для контраста... Заняты места у обеих стереотруб. Фотокорреспонденты нервно щелкают затворами, перепроверяя уже проверенные аппараты.

- 40 секунд, - мерно звучит голос из громкоговорителя, - 20 секунд. . 5,4,3,2,1...

Два удара следуют практически одновременно - один снизу, прямой и жесткий, по стопам ног, другой - резкий, звук - как удар - по ушам...

Мгновение спустя земля заходила ходуном - ощущение, как в поезде, когда, переходя из вагона в вагон, оказываешься в сцепке между ними... Зазвенели, столкнувшись, стаканы, выплеснув примерно по пятой части жидкости... Упала со стола забытая кем-то начатая бутылка минералки...

И все. Тишина. Только облако пыли висит над местом только что прогремевшего взрыва. Над ним, на небольшой высоте, непрерывно кружат самолет и вертолет.

Как передать свои ощущения в эти секунды, с чем сравнить их? Я, к счастью, никогда не испытывал того, что бывает во время землетрясения, и поэтому у меня не было страха. Но и приятного мало - можно только догадываться, какая жуткая, всеразрушающая сила бушевала в эпицентре, если на поверхности, рядом, ощущался толчок в шесть, а у нас на площадке примерно в четыре-пять баллов. Этот толчок наверняка был замечен и в Павлодаре, почти за три с половиной сотни километров...

Доклады по громкоговорителю:

- Истечения радиоактивных газов нет, радиация - на уровне фоновой.

- Передовой радиационный пункт выехал на разведку в эпицентр.

...Над местом взрыва без устали кружат самолет и вертолет.

Наконец, туда разрешено выехать и нам. Внешне все как будто не изменилось. Только тугий канат кабелей обрублен мощным взрывом. В нескольких десятках метров от нас военные бетонируют оголовок скважины, укрывают землю полиэтиленом. Нам пояснили, что это делается впервые, в целях дополнительной безопасности.

И все же следы недавнего взрыва заметны - даже неопытному взгляду. Под ногами у нас трещины - неширокие и неглубокие. Такие бывают после сильной засухи. Впрочем, трещины эти тут же будут заделаны, уже работают здесь бульдозеры - «Кировны».

Вернувшийся от оголовка скважины А.Д. Ильенко подтверждает:

- Радиоактивного загрязнения нет. Истечение инертных газов возможно - в этом случае самолет и вертолет будут сопровождать их «до полного нуля». Уже теперь ясно: никакой опасности для населения в результате этого взрыва нет и не будет.

Ю.С. Калинин тут же выдает свою информацию: 12-17 микрорентген в час - столько же, сколько было до взрыва.

«Пишите правду!»

«Конференц-зал» оборудован на смотровой площадке - вместительная палатка с двумя открытыми стенками, стол, несколько десятков скрепленных меж собой стандартных сидений.

Генерал-лейтенант А.Д. Ильенко открывает конференцию.

- Мы пригласили вас для того, чтобы показать ядерный взрыв и его последствия. Чтобы вы увидели все своими глазами и могли судить о том, что здесь происходит. Замечу, что на полигоне работают обычные люди, которые любят своих жен, детей, внуков, которые честно и добросовестно выполняют важную государственную задачу. Хочу, чтобы вы это поняли, прежде чем будете писать о нас.

- Какова территория полигона, сколько стоит ядерный взрыв?

- Полигон занимает 18,5 тысячи квадратных километров. У меня нет официальных данных относительно стоимости взрыва. Думаю, она колеблется, и значительно, в зависимости от мощности, степени сложности подготовительных работ, других параметров. Американцы подсчитали, что довольно мощный ядерный взрыв, проводившийся в ходе совместного советско-американского эксперимента, обошелся им в 25 миллионов долларов.

- Почему в официальных сообщениях звучит, как правило, одно и то же: произведен взрыв мощностью от 20 до 150 килотонн? Почему не указывается точная мощность?

- 20 килотонн - это, грубо говоря, нижний возможный предел атомного взрыва, 150 - верхний предел, установленный соответствующим международным соглашением. Точная мощность ядерных взрывов является секретной - и у нас, и у аме-

риканцев. Хотя во время совместного советско-американского эксперимента были сообщены точные данные - по 136 килотонн с обеих сторон.

- Будет ли зафиксирован нынешний взрыв в Европе?

- Да, испытание даже такой небольшой силы скрыть невозможно. Так же, как и любое, даже незначительное повышение уровня радиации на полигоне и за его пределами. И если бы у нас был с этим хоть малейший беспорядок, уверяю - об этом тут же стало бы известно всему миру.

- Семипалатинский ядерный полигон молчал почти пять месяцев. С чем это связано? Будете ли вы теперь наверстывать упущенное?

- Я думаю, последний термин употреблен неудачно. Дело, которым мы занимаемся, слишком серьезно и не терпит ни суеты, ни спешки. Кое-кто склонен считать, что «молчали» мы в связи с «последствиями», вызванными испытанием, проведенным 12 февраля этого года. Что же на самом деле произошло? Тогда по трещинам, образовавшимся в результате взрыва, на поверхность земли и в атмосферу поднялись инертные радиоактивные газы. Ситуация эта не исключительная, и в данном случае никакой сколько-нибудь значительной опасности для здоровья людей как на полигоне, так и за его пределами не было. Тем не менее, общественность, средства массовой информации высказали обеспокоенность. Было создано движение «Невада-Семипалатинск». Мы учли все эти общественные настроения...

- Как вы относитесь к идее закрытия Семипалатинского полигона, переноса его в другое место?

- Решение о проведении взрывов принимает не командование полигона, а правительство страны. Оно же вправе решать - нужен ли ему полигон и где. Моя точка зрения: перенесение ядерного полигона нецелесообразно и по политическим, и по экономическим мотивам. Надо ли говорить о том, какой политический резонанс в мире вызовет известие о создании нового ядерного полигона - ведь и прежний в это время будет действовать. И потом, на новое строительство потребуется четыре-шесть миллиардов рублей.

- Политическим руководством страны, - продолжает А.Д. Ильенко, - принято решение уменьшить частоту и мощность взрывов на нашем ядерном полигоне. Оно нами уже выполняется, именно поэтому с февраля молчал полигон, и мощность нынешнего взрыва была небольшой. Многие спрашивали меня о том, как я отношусь к мораторию на ядерные взрывы. Отношусь положительно, если и другая сторона сделает то же самое. Но я против одностороннего моратория. Вспомните: полтора года длился наш односторонний мораторий, а взрывы в Неваде гремели с завидной регулярностью.

- Аркадий Данилович! Послушаешь вас, и складывается впечатление, что полигон под боком - едва ли не благо для живущих в округе людей... Между тем известна и тревожная информация - о последствиях взрывов, производившихся в воздухе и на поверхности земли...

- Я никогда не утверждал, что полигон - это подарок, что зона вокруг него действует на людей подобно женьшеню. Население испытывает после взрыва сейсмические, психологические нагрузки, что может отрицательно влиять на его здоровье... Но ведь много здесь радиофобии, и притом неоправданной. На территории полигона возможно превышение естественного радиационного фона после испытаний, в отдельных случаях - истечение инертных радиоактивных газов. Но эти превышения абсолютно безвредны не только для населения, но и для людей, проводящих испытания. В чем вы сегодня сами смогли убедиться. Вместе с тем, незнание, неинформированность людей, некомпетентность порождают подчас самые невероятные слухи, сплетни - вплоть до того, например, что детей надо поить водкой, дабы повысить их устойчивость к радиации. Бред? Да! Но ведь говорят, и многие, вероятно, страдают именно от незнания. Мы теперь официально предупреждаем о предстоящих взрывах не менее чем за два дня первым секретарей обкомов партии и председателей облисполкомов, информируем также население близлежащих сел.

А.Д. Ильенко приводит и такой довод:

- У нас на полигоне некоторые живут со времени его основания, мой нынешний заместитель по научно-исследовательской

работе здесь уже 24 года, имеет семью, детей, внуков - все, что положено человеку. Сам я на полигоне девятый год, тут мой внук родился, ни на что не жалуясь...

Прямо скажем, нелегко, порой очень неудобно было начальнику ядерного полигона под «перекрестным обстрелом» журналистов, представителей общественности. Вопросы следовали один за другим, в том числе и такие, на которые генерал не мог, не имея права отвечать... Но надо отдать ему должное: Аркадий Данилович был неизменно корректен, выдержан. И за всю пресс-конференцию (первоначально отведенные для нее 40 минут превратились в полтора часа) не выпил ни глотка воды из стоящей перед ним бутылки с минералкой. Зато многие из нас «прикладывались» к своим неоднократно - жара стояла немилосердная...

- Какие чувства испытываете вы после каждого взрыва?

- Сколько сусликов погибло в результате нынешнего испытания?

- Знакомы ли вам имена Абая, Шакарима?

- Когда будет следующий взрыв?

- Как влияют взрывы на состояние грунтовых вод, не заражают ли их?

- Почему ваши данные расходятся с данными некоторых ученых?

- Как вы относитесь к деятельности общества «Невада-Семипалатинск»?

- Нынешний приезд нашей группы на полигон - это тоже эксперимент, или теперь уже норма?

Думаю, одно только перечисление прозвучавших вопросов в известной мере характеризует и атмосферу беседы, и степень ее остроты. Затем к разговору подключился начальник главного управления Министерства обороны СССР генерал-полковник В.И. Герасимов. В частности, на последний вопрос он ответил так: все же полигон есть полигон, и пусть тут работают ученые и военные, информируют обо всем общественность... Впрочем, заметил он, как вы сами убедились, и журналистам сюда дорога не заказана. На многочисленные обращения жур-

налистов по поводу того, о чем можно и о чем нельзя писать из всего увиденного и услышанного, В.И. Герасимов ответил коротко и исчерпывающе:

- Пишите правду!

Неподведенные итоги

Наверное, я бы погрешил против истины, если бы сказал, что встреча с полигоном не оставила у меня никаких добрых чувств. Наконец приоткрыта завеса секретности, что в течение нескольких десятилетий скрывала этот далеко небезобидный объект от живущих рядом с ним людей. Тайное становится явным, положено начало диалогу между секретным военным ведомством и общественностью. Все эти реальные проявления политики открытости и гласности не могут не радовать. Проходившая в атмосфере открытости и доброжелательности встреча была полезной для всех, кто в ней участвовал. Прежде всего тем, что она дает пищу для размышлений - и хозяевам полигона, и тем, кого они принимали. «Мы пока остерегаемся друг друга, - говорил на пресс-конференции представитель движения «Невада-Семипалатинск», - чтобы преодолеть недоверие, нам надо чаще встречаться, налаживать новые формы взаимоотношений». С этим трудно не согласиться. Как и с тем, что обороноспособность страны должна и сегодня поддерживаться на необходимом уровне...

Среди вопросов, что волновали и продолжают волновать людей, один остается главным - каково реальное влияние полигона на окружающую среду, на здоровье местного населения. Военные уверяют, что у них все чисто - разработанная на полигоне система мер гарантирует полную безопасность людям как на военном объекте, так и за его пределами. В этом нас должен был убедить и последний взрыв, свидетелями которого мы были. (Все бывшие в нашем распоряжении приборы действительно показывали фоновую радиацию). Нам рассказали о дополнительных мерах безопасности: раньше заряды закладывались на глубину 500 метров, теперь этот порог увеличился до 650 метров, решено не проводить здесь мощных ядерных взрывов, уменьшить их количество...

Но многие вопросы по-прежнему остаются открытыми. Разве испытания, даже те, что производятся на большой глубине и не повышают естественную радиацию, проходят бесследно для окружающей среды? Каковы последствия взрывов, проводившихся на поверхности земли, ведь информация на этот счет сегодня идет самая противоречивая? Почему у некоторых людей в дни проведения испытаний обостряются хронические заболевания? Насколько правомерны в связи с этим требования местных жителей, соседствующих с полигоном, соответствующих компенсаций - материальных, медицинских и прочих?

* * *

Мы все-таки побывали в этом городе, о котором так много слышали. Постояли у памятника Игорю Васильевичу Курчатову - он здесь жил и работал с 1949 по 1955 год. Прошлись по тенистым, ухоженным улицам, зашли в магазин. Город как город: мальчишки во дворах, старушки у подъездов. Никаких архитектурных излишеств - скорее наоборот... Впрочем, есть «достопримечательность»: нам показали дом, построенный для Берии. Все тут сделано в духе времени и привязанностей сталинского наркома: двухэтажный особняк с подвалом, комнатами охраны на первом и жилыми на втором этаже для «самого» - с узкими, похожими на бойницы окнами... Отсюда до памятника И.В. Курчатову - едва ли больше полукилометра. Вот как все перешлетается в истории и в жизни...

А город, которого, кстати, нет ни на одной карте, так и называется - Курчатов.

* * *

Эти строки были написаны и опубликованы около тринадцати лет назад. Я решил не «подправлять» те свои старые заметки - только немного сократил: они по-своему характеризуют время.

Теперь нам гораздо больше известно о полигоне. Но далеко не все. И поэтому есть смысл продолжить разговор и о том, что было, и о том, что стало.

Хроника ядерного безумия

Ядерная эпоха началась сразу после окончания второй мировой войны. 6 августа 1945 года на японский город Хиросима была сброшена американская атомная бомба, а через три дня - на Нагасаки. Только в Хиросиме было разрушено 70 тысяч зданий и погибло 140 тысяч человек. Многие стали калеками, и сегодня еще, спустя больше чем полувека, сотни тысяч человек, переживших те два взрыва, продолжают испытывать их тяжкие последствия. Ежегодно примерно на пять тысяч человек растет список жертв тех бесчеловечных бомбардировок.

Конечно, же Советский Союз должен был дать американцам достойный ответ. И, кстати, работы в этом направлении велись уже не один год. В одном из уральских городов группа ученых под руководством Ю. Харитона создавала ядерный заряд. Требовалось место для его испытания.

Почему для полигона была выбрана именно эта территория? Решающую роль сыграло несколько факторов: просторная, малонаселенная степь, далеко от центра, рядом - полноводная река, есть железная дорога, неподалеку город с аэропортом...

Сама площадка для полигона - равнина диаметром около 30 километров, окруженная с трех сторон невысокими горами... Те, кто выбирал место, были вполне удовлетворены: им казалось, что сама природа позаботилась об идеальных условиях для испытаний. Общая же территория, отчужденная для полигона от Семипалатинской, Карагандинской и Павлодарской областей, превысила 18 тысяч квадратных километров.

В 1947 году сюда прибыли военно-строительные части, а уже 29 августа 1949 года академик И.В. Курчатов, руководивший деятельностью полигона, отдал письменный приказ о взрыве. Он был произведен на металлической вышке высотой 30 метров и имел мощность 20 килотонн.

Эксперимент удался. Был вполне доволен и присутствующий на полигоне Берия, который по поручению Сталина курировал «атомный проект». Говорят, что на первое испытание Берия привез с собой два заранее заготовленных списка. Один на случай ареста, если испытание сорвется, а другой, если оно будет успешным, для награждения... Награждены были многие.

12 августа 1953 года был взорван термоядерный заряд мощностью 480 килотонн. Чудовищный «гриб» поднялся на высоту 16 километров, в результате образовался грязный радиоактивный след в юго-восточном направлении с нуклидами цезия - 137, стронция - 90, плутония. Десятки тысяч людей - местных жителей - были эвакуированы более чем на неделю.

22 ноября 1955 года испытана первая водородная бомба - на высоте 1500 метров. Очевидцы могли наблюдать свечение «ядерного солнца» за сотни километров, ударная волна ощущалась на расстоянии до 500 километров.

Сохранился документальный фильм об испытании первой водородной бомбы в 1955 году. Был построен целый город - с жилыми кварталами, зданиями, имитирующими промышленные предприятия. Вместо людей в квартирах разместили подопытных животных... По степи на разном расстоянии от эпицентра были разбросаны бронетранспортеры, танки, самолеты в укрытиях и другие объекты.

Взрыв... Сперва на экране белое облако, из которого вырастает гигантский гриб. Зрелище потрясает, вызывая противоречивые чувства. Согласитесь: есть своя зловещая, завораживающая красота в этой чудовищной картине. Эта созданная гением (не знаю, правда, насколько здесь уместно данное слово) человека «красота» символизирует собой смерть.

Далее на экране ураган невероятной разрушительной силы. Он все сметает на своем пути... На расстоянии в несколько километров от взрыва горит все, что может и не может гореть, горит сухая, каменистая земля...

В девяти километрах - большие разрушения, даже каменных зданий, в восьми - подопытные животные обожжены и убиты, в семи - полностью разрушены промышленные здания, в шести - жилые дома - сплошные руины, в пяти - ударной волной отброшены танки весом в десятки тонн... На расстоянии в 80 километров от взрыва повреждены крыши домов, двери, окна, обвалилась штукатурка...

Такая картина не скоро забывается.

Первые 14 лет на полигоне проводились наземные и воздушные взрывы урановых, плутониевых и водородных бомб.

В 1961 году в СССР были созданы межконтинентальные баллистические ракеты, и требовалось создать и испытать ядерные боеголовки для них. Поэтому 1961-1962 годы стали годами наиболее интенсивных испытаний: их производилось до 40-50 в год.

Военным уже с самого начала стало ясно, какое это смертоносное оружие - ядерная бомба. Но до 1953 года местное население не предупреждалось о взрывах и не отселялось. Потом людей стали предупреждать, а при особо мощных взрывах выводить из домов и даже эвакуировать. Военные приезжали на машинах, грузили в них людей с немудреным домашним скарбом. Никто не понимал - почему надо уезжать, у многих на глазах были слезы - люди не знали, вернутся ли они к родным очагам и могилам предков.

Увозили порой за десятки, сотни километров. А уже через некоторое время после испытания (иногда это было несколько недель) возвращали обратно. Помогали подправить нарушенное жильё, вставить стекла... Но некоторые навсегда покинули родные очаги, и не по своей воле.

Вряд ли правы те, кто говорит, что местных жителей намеренно использовали в качестве подопытных кроликов... Но то, что в конце концов они страдали только потому, что им суждено было родиться и жить здесь, очевидно.

В 1963 году был подписан договор между СССР, США и Великобританией об ограничении испытаний ядерного оружия в трех сферах: в атмосфере, космосе и под водой. Наземных и воздушных взрывов не стало, но договор не остановил гонки вооружений, он лишь загнал «ядерного джина» под землю.

Полвека существовал полигон. Называются разные цифры общего количества прозвучавших на нем взрывов. Чаще всего звучит цифра 470. В том числе 26 наземных, 90 - воздушных и 354 - подземных.

Суммарная мощность взорванных на Семипалатинском полигоне ядерных взрывов в две с половиной тысячи раз превысила мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму, составив свыше 17 миллионов тонн тринитро-толуолового эквивалента.

Жертвы полигона

В селе Майское, что всего в 25 километрах от Курчатова, когда-то был райцентр. Потом райцентр перенесли подальше от полигона, в Белогорье (ныне Коктюбе). И хотя население Майского уменьшилось в разы, здесь по-прежнему живут сотни людей. Между тем - это зона максимального радиационного риска. А люди, как правило, живут тут давно. В редкой из семей бывшего райцентра нет инвалидов - детей или взрослых, страдающих тяжелыми заболеваниями.

Канат Капасов в свои тридцать с лишним лет ростом и комплекцией напоминает ребенка - он не вырос и до метра. Его мать Каскель родилась в здешних местах еще до создания полигона, на здоровье никогда не жаловалась... Она была уже на седьмом месяце беременности, когда к ним в село приехали военные - предупредить о намеченном взрыве. Жителям, чьи дома были покрепче, разрешали остаться в них, остальным велели выйти на улицу. Каскель осталась, но после взрыва в их доме обвалился потолок, и она оказалась под завалами, упала на живот... Роды были тяжелыми, пришлось делать кесарево сечение... А в итоге сын Канат страдает всю жизнь физически, а особенно морально. На нищенское пособие, которое ему положено по закону, не проживешь... А какую работу с его физическим недостатком можно найти в дальнем селе?

Вторая трагедия этой семьи - одиннадцатилетний Азамат. Родился он слепым, а в семь лет поставили страшный диагноз - шизофрения. После десяти лет мальчика вынуждены были отправить в психиатрическую лечебницу... К счастью, остальные дети здоровы.

Своя трагедия у семьи Туякбаевых. У тринадцатилетнего Серика - детский церебральный паралич. Он не ходит и не говорит. Его младшая сестра родилась с тем же диагнозом и через несколько дней умерла. Их мать Торгын напрямую связывает то, что произошло с ее детьми, с ядерным полигоном. Сама она родилась неподалеку в то время, когда взрывы проводились еще в атмосфере.

Алмагуль Жанакова родилась с синдромом Дауна. В два года ее парализовало, до пяти лет была недвижима, потом научилась передвигаться сидя... Теперь едва ходит и совсем не разговаривает. Ее мать Нурбия Жанакова - историк местной школы, написала книгу о последствиях атомных взрывов на население Майского района.

Приведенные случаи - отнюдь не исключение. В селах, находящихся вблизи от полигона, вам приведут многие другие. В той же Майской школе у большинства учеников проблемы со зрением. Увеличивается число детей, рождающихся с патологиями (причем, уродства встречаются в несколько раз чаще, чем в более благополучных регионах), почти все женщины страдают анемией, большая часть населения - иммунодефицитом, растет число онкобольных, при этом рак обнаруживают уже и у маленьких детей.

Есть сведения о том, что службой радиационной безопасности полигона была создана карта всех радиоактивных «следов» от наземных ядерных взрывов, выпавших на территорию Казахстана и некоторых районов Алтайского края. Однако казахстанцы ее так и не получили. Может быть, потому, что слишком уж неприглядная, ужасающая картина вырисовывалась? Во всяком случае, некоторые специалисты считают (и тому есть документальные подтверждения), что радиоактивные осадки выпадали на расстоянии до 500-600 километров от взрывов.

Острое социальное неблагополучие регионов, прилегающих к бывшему полигону, ни для кого не секрет. Однако никому из реально пострадавших от смертоносных испытаний практически невозможно доказать, что он - жертва полигона.

Принят закон «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие испытаний на Семипалатинском ядерном полигоне». Согласно ему в Павлодарской области к зоне максимального радиационного риска отнесены населенные пункты Акжарского и Маддарского сельских округов, к зоне повышенного радиационного риска - весь Майский район. Лебжинский район был объявлен зоной минимального радиационного риска, а Баянаульский - территорией с льготным социально-экономическим

статусом. Законом предусмотрен ряд льгот и компенсаций гражданам, пострадавшим от ядерных испытаний. Но, во-первых, все эти компенсации отнюдь не покрывают понесенных людьми потерь того же здоровья, а, во-вторых, касаются лишь части наших земляков. Между тем поддержку государства заслуживают и многие другие: ведь хорошо известно, что выпадение радиоактивных осадков отмечалось на значительном удалении от взрывов, подчас за сотни километров - в том числе и в северных и восточных районах Павлодарской области, и даже на территории Алтайского края и соседних областей России.

Речь идет о долгоживущих изотопах. Так, например, на землях Майского района обнаружен плутоний - 239. Период полураспада этого радионуклида - свыше 14 тысяч лет. Следовательно, потребуются рекультивация таких земель.

Необходимы также комплексные исследования территории областей, на которых располагался полигон, на предмет их радиоактивного заражения. Нужно всесторонне обследовать население этих регионов, создать специальные реабилитационные центры для лечения людей, особенно тех, кто жил вблизи полигона. Что-то в этом направлении делается, но ведь эта работа должна быть рассчитана на многие годы.

Давно изучающий проблемы экологии, последствий ядерных испытаний Токболат Искаков обращает внимание и на следующие обстоятельства. Конечно, подземные взрывы на порядок безопаснее наземных или воздушных. Но в результате подземных испытаний нарушался гидрорежим подземных вод, оказывалось отрицательное воздействие на донные пласты русла Иртыша. Токболат считает это одной из причин маловодности реки.

В горных массивах Дегелена и Мыржика, где проводились взрывы, образовались многочисленные полости, в которых накоплено огромное количество долгоживущих радионуклидов. Полости постепенно заполняются водой. По подземным каналам эта отравленная вода может просочиться и в Иртыш. Такова версия Т. Искакова, который призывает провести мониторинг русла Иртыша на отрезке от Семипалатинска до Павлода-

ра, а также незамедлительно заняться оздоровлением окружающей среды и населения.

Внимание ученых института космических исследований Академии наук Казахстана привлек и такой феномен. Как показали наблюдения из космоса, проводимые в рамках специальных казахстанских программ, зона Семипалатинского ядерного полигона зимой почти не покрывается снегом. Ученые не склонны объяснять этот феномен только влиянием радиации и прочих последствий взрывов. По предположениям, на потепление почвы могут воздействовать некие тектонические сдвиги, движение подземных вод. Хотя точно установить, что же происходит под полигоном, пока не удается. Вероятно, около 500 ядерных испытаний все же каким-то образом спровоцировали подземные процессы, повлиявшие на потепление почвы. Во всяком случае, наличие устойчивых температурных аномалий очевидно.

Ущерб, нанесенный полигоном Казахстану, невосполним. По разным оценкам только радиационному воздействию подверглось от 1,2 до 1,6 миллиона человек из проживающего здесь населения трех областей. По оценкам тех же специалистов, чтобы территория, которая пострадала от ядерных взрывов, пришла в норму, потребуется как минимум 300 лет.

От атомной столицы к Наукограду?

Курчатов - атомная столица Семипалатинского полигона - был выстроен на левом берегу Иртыша, примерно на одинаковом расстоянии от Семипалатинска и Павлодара.

Кроме самого Курчатова здесь в свое время работали академики Александров, Сахаров, Зельдович, легендарный министр среднего машиностроения Славский.

В Курчатове имели свои подразделения Министерство обороны, атомной энергетики и промышленности, общего машиностроения. (Последнее, в частности, занималось здесь созданием двигателя для полета на Марс, но, к сожалению, эти работы были остановлены).

На полигон работал 31 научно-исследовательский институт и конструкторское бюро военно-промышленного комплекса, 29 научно-исследовательских институтов других отраслей.

Когда впервые прозвучали голоса казахстанцев о необходимости прекращения ядерных испытаний, а затем и закрытия полигона, многие в Москве их восприняли в штыки. Особенно негодовали военные, и их можно было понять: ни американцы, ни французы, ни китайцы отнюдь не горели желанием остановить атомные взрывы. Нельзя забывать и о другом: на Семипалатинский полигон работали не десятки даже, а сотни предприятий, институтов, конструкторских бюро. Чем их занять?

30 мая 1989 года депутат Верховного Совета СССР от Казахстана Н.А. Назарбаев с трибуны съезда народных депутатов рассказал о вреде, нанесенном населению и природе Семипалатинским ядерным полигоном. О реакции на свою речь Н.А. Назарбаев рассказал в вышедшей в 2001 году своей книге «Эпицентр мира».

«Что именно изменилось, я понял уже после доклада и выступлений. Изменилось отношение. Покушение на главный стратегический объект страны! И пошло-поехало. Чего только не наслушался в кулуарах. И что выношу сор из избы(?), наживаю политический «капиталец», продался (кому - не уточнялось) и, наконец, самое «серьезное» обвинение - подрываю обороноспособность нашей державы».

Но голос казахстанцев звучал все тверже.

В том же 1989 году по инициативе поэта Олжаса Сулейменова было создано общественное движение «Невада-Семипалатинск», которое внесло весомый вклад в прекращение ядерных испытаний.

Призывы закрыть полигон поддержали вице-президент СССР, ученый-ядерщик с мировым именем Е.П. Велихов, писатель и публицист Г.А. Боровик, многие другие ученые, политики, общественные деятели.

29 августа 1991 года Н.А. Назарбаев подписал Указ № 409 «О закрытии Семипалатинского испытательного ядерного полигона».

Казахстан стал первым в мире государством, где Указом Президента было прекращено испытание ядерного оружия. Но атомные взрывы на планете продолжали звучать. Позднее были

закрыты полигоны в США (Невада), Франции (Новая Зеландия, атолл Мороруа), России (Новая земля) и Китае (Лоб-нор).

Отказавшись в 1994 году от статуса ядерной державы, Казахстан последовательно участвовал во всех международных инициативах, направленных на ядерное разоружение. Наша страна присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия, а затем к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, участвовала в программе ликвидации всех ядерных объектов военного назначения, установлении системы экспортного контроля и учета ядерных материалов. Благодаря усилиям Казахстана Генеральная ассамблея ООН в конце 2000 года приняла резолюцию «Международное сотрудничество и координация деятельности в целях реабилитации населения, экологии и экономического развития Семипалатинского региона». В рамках этой программы уже привлечены десятки миллионов долларов.

После закрытия полигона дальнейшая судьба его «столицы» - города Курчатова оказалась под угрозой. Спешный уход отсюда российских воинских частей мог повлечь за собой полное разрушение всей научно-производственной структуры и всей социальной сферы.

Город стал стремительно пустеть...

Настоящим спасением для Курчатова стало создание на базе комплекса полигона и ряда научных организаций и объектов республики Национального ядерного центра. Указ Президента о его создании был подписан 15 мая 1992 года. Основные его задачи - проведение работ по радиационной безопасности и экологии, исследования проблем утилизации и захоронения радиоактивных отходов, разработки в области ядерных технологий и атомной энергетики. В частности, речь идет и об анализе влияния ядерных взрывов на природную среду, выработке рекомендаций по реабилитации и мирному использованию территории полигона.

Очень важно было сохранить научный потенциал, сосредоточенный в Курчатове, повернуть его на решение мирных проблем. В Курчатове действуют три казахстанских научно-исследовательских института, филиал НИИ радиационной медицины и экологии. В 1993 году создал институт геофизических ис-

следований Национального ядерного центра, куда вошли и геофизические лаборатории, размещенные в Курчатове, Маканчи и Актюбинске. Институт геофизических исследований провел совместный эксперимент с орбитальной станцией «Мир» по наземному сопровождению дистанционного зондирования территории полигона из космоса. Результатом стало составление кадастра и карты проявлений полезных ископаемых, составление мелкомасштабной карты.

Большие перспективы связаны с использованием ядерного реактора и специального хранилища для радиоактивных материалов, других объектов, оставшихся в наследство от полигона.

Руководство Курчатова и Восточно-Казахстанской области выступило с инициативой - принять закон «О статусе Наукограда в Республике Казахстан». Наукоградом, столицей атомной науки, по мнению курчатовцев, и должен стать в перспективе их город.

1990-2002 годы.

Вагон особого назначения

Речь пойдет о железнодорожном вагоне. Надежно укрытый от постороннего глаза, он несколько лет одиноко коротал дни и ночи в одном из тупиков Павлодарского отделения Целинной железной дороги. По возрасту этот вагон можно было бы назвать дедушкой и даже прадедушкой большинства его ныне действующих собратьев - вагону в этом году исполнилось 85 лет. Однако он не чета всем им - общим, плацкартным, купейным и даже мягким. У него особая родословная, своя уникальная судьба.

Когда-то для него вне всякой очереди загорался зеленый свет, ему обеспечивался "свободный коридор" на многие километры вперед и - на всякий случай - сзади. А теперь он доживает свой век на запасных железнодорожных путях за тысячи километров от той главной станции, к которой некогда был приписан. Угрюмо-сосредоточенно взирает он запорошенными угольной пылью стеклами своих окон на отдыхающие поодаль составы: разве могли они видеть в своей суетливой жизни даже сотую долю того, что повидал он - вагон особого назначения.

Давайте познакомимся!

Приглядимся к нему повнимательнее и мы. Внешние габариты примерно те же, что и у большинства его молодых "родственников", но наш вагон более угловат. Некогда зеленая краска на нем утратила прежний глянец и местами "пузырится" - делают свою вечную работу мороз и зной, дождь и ветер. Вагон, как редкой щетиной, "зарос" металлическими заклепками. Колес почти не видно, но можно различить, что колесных пар у него шесть, а не четыре, как у обычных пассажирских вагонов. Вызывающе смотрятся многочисленные рессоры: продольные и поперечные из многослойных стальных листов, а также вертикальные - мощные стальные пружины. Там, где у обычного вагона внизу между колесными парами свободное пространство, здесь - длинные металлические ящики - для аккумуляторов и другого дополнительного оборудования.

Теперь поднимаемся внутрь, чтобы убедиться в том, что и тут много такого, о чем большинство из нас, простых смертных, никогда и не подозревало. Потому что ничего подобного в тех вагонах, в которых мы с вами путешествуем, никогда не встречается.

В дальней от входа в вагон его части располагается рабочий кабинет - сравнительно небольшое помещение размером примерно 3х4,5 метра. За массивным продолговатым столом для совещаний могли бы уместиться человек шесть - может быть, восемь. Для помощников предусмотрены тут же, слева от входа в кабинет, откидные сиденья и столики. Есть еще мягкий диван - справа от входа; массивная тумбочка напротив, встроенные шкафчики. Отделан рабочий кабинет (и большая часть других помещений, речь о которых впереди) красным лакированным деревом.

Это карельская береза. Величием и тайной веет здесь даже теперь, когда на всех этих предметах лежит печать одиночества и некоей запущенности...

В нескольких шагах от кабинета - через узковатый коридор - другое любопытное помещение. Часть его занимает мягкий спальный диван, четыре основания которого покоятся на укороченных пружинных рессорах. Рядом, напротив окна, письменный стол под зеленым сукном с выдвигаемыми ящиками, прикрытыми отдельной дверцей. Был тут и массивный шифоньер из уже знакомой нам карельской березы, теперь остались только тяжелые дверцы да основание... К сожалению, в вагоне побывали грабители. Утащить они ничего не успели, но разобрали шифоньер и ободрали облицовку с дивана - видимо, хотели в ней унести части шифоньера и все прочее, чем удастся поживиться... Но поскольку все в этом вагоне делалось не только на совесть, но и на века, "размахнуться" грабителям не удалось. К тому же их, вероятно, спугнула охрана.

Но мы, впрочем, отвлеклись...

Обладатель таких рабочего кабинета и спального купе должен был иметь в пути максимум бытовых удобств. Поэтому прямо из спальни дверь ведет в ванную комнату. Тут по желанию можно было принять душ или ванну, наблюдая за процес-

сом мытья в квадратное, во весь рост, зеркало. В ванной размещается и туалет.

За этой комнатой - купе помощника, - конечно, поскромнее, чем у хозяина, но, можете быть уверены, нам с вами в таких также ездить не приходилось.

Еще в вагоне предусмотрен пищеблок, где кухня для приготовления пищи отделена от другой маленькой комнатки. Может быть, эта маленькая комнатка кому-то служила столовой, а для хозяина здесь полагалось принимать из кухни блюда через специальное окошечко. (Не отсюда ли вообще пошла по стране эта странная манера - тарелки с супом и кашей почему-то должны подаваться из кухни именно таким способом. При этом неудобно и тому, кто подает, и тому, кто принимает, но так положено - и все тут!).

Но мы, кажется, опять отвлеклись. Между тем, давно пора назвать имя того, кто ездил в этом вагоне, или, точнее говоря, благоустроенной квартире на колесах со всеми возможными удобствами для плодотворной работы и полноценного отдыха.

Доказательства – прямые и косвенные

Есть данные о том, что этот вагон был построен в 1913 году на Петровском вагоностроительном заводе (по некоторым сведениям, ходовую часть помогали делать в Швейцарии, а деревянную обшивку изготовили финские мастера). И предназначался вагон для царя Николая II, последнего государя из царствующей династии Романовых. Но если Николай Александрович и пользовался вагоном, то недолго. Грянули известные события 1917 года, после которых в течение ряда лет у вагона, вероятно, могли быть разные хозяева...

Зато потом несколько десятилетий подряд он служил только одному человеку.

Известно, что этот человек не любил летать. Он, впрочем, и ездить не особенно любил, но поскольку совсем обойтись без этого не мог, то во всех возможных случаях предпочитал самолету автомобиль или поезд. На поезде он не раз ездил отдыхать на юг, к морю, на нем он отправился на международную Потсдам-

скую конференцию победителей второй мировой войны... Вряд ли у этого всемогущего человека был один единственный персональный вагон: как теперь стало известно, в иные периоды его жизни всегда стояли "под парами" в разных местах Москвы готовые тотчас отправиться в путь два поезда специального назначения... Но и по прямым, и по косвенным данным, есть основания считать, что вагон, о котором идет речь, действительно, служил Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Для осведомленного круга железнодорожных "генералов", да и не только для них, принадлежность вагона никогда не была тайной за семью печатями. Ведь после Сталина на нем много лет ездил один из министров путей сообщения СССР. Затем вагон ненадолго закрепили за руководством Целинной железной дороги. И, наконец, его последним хозяином несколько лет был начальник Павлодарского отделения Целинной железной дороги А.С. Саркыншаков.

Документы и свидетельства людей подчас говорят о предмете куда меньше, чем конкретные детали - свидетели косвенные, но вместе с тем самые впечатляющие. Теперь хорошо известны некоторые, скажем так, особенности характера вождя народов: его гипертрофированная подозрительность, маниакальная боязнь покушений и другие. Поразительно, насколько все это отражено в механизмах и обустройстве вагона.

Взять хотя бы двери.

Одна из них отделяет жилую и рабочую часть вагона от всей остальной, а вторая - еще и рабочий кабинет сам по себе. Внешне обычные, как будто деревянные, они необычно тяжелы - каждая весит по 250 килограммов. Дело в том, что это металлические двери, с отделкой "под дерево". Рассказывают, что каждая из них открывалась лишь по сигналу изнутри и автоматически закрывалась за входившим (или выходящим), блокируя вход.

Много людей у хозяина вагона, похоже, бывать не могло. Рабочий кабинет, как уже упоминалось, рассчитан всего на несколько человек. Здесь несколько кнопок, которые выведены на пульт у пищеблока с указателями: "рабочий кабинет", "спальное купе", "первая дверь", "вторая дверь" и т.д.

Но, пожалуй, самое любопытное укрытие представляет собой спальное купе. Со стороны рабочего кабинета и со стороны входа в вагон оно надежно ограждено от кого бы то ни было двумя бронированными дверями, так что попасть к хозяину без его ведома было невозможно. Но ведь остаются еще и окна - целых четыре окна - два в коридоре и два в спальном купе. Злоумышленники могут воспользоваться ими... Пустая затея! Простым нажатием кнопки, скрытой от постороннего глаза в специальной потайной нише, обладатель вагона включает в действие еще один умный механизм, и пространство меж двойных вагонных стекол заполняется медленно выдвигающимися десяти-миллиметровыми стальными листами. Теперь все: купе полностью бронировано - со всех четырех сторон и сверху тоже. Какая там мышь, комар не проникнет! (Интересно, что должен был чувствовать человек, оказавшись в этом довольно малом пространстве, полностью забранном сверхпрочным металлом? Как ему тут дышалось? А может, механизм закрытия стекол вообще никогда не включался и был предусмотрен так, на всякий случай?).

Кстати, о "всяком случае". Когда вагону понадобился неотложный ремонт, и пришлось с немалыми трудностями пристраивать его с этой целью на специализированный московский завод имени Войтовича (там изготавливают и ремонтируют только правительственные вагоны), был получен ответ на еще один вопрос: почему этот вагон весил целых 98 тонн, или почти вдвое больше обычного пассажирского. С днища вагона особого назначения были сняты свинцовые пластины общим весом в 32 тонны. Дело в том, что, оказывается, помимо всего прочего, этот вагон не мог - не имел права! - опрокидываться. Ни при каких обстоятельствах. Даже после схода с рельсов, даже в случае диверсии. Такую гарантию ему давала свинцовая прокладка внизу, превращая бронированную крепость на колесах еще и в бронированного "ваньку-встаньку". В случае чего - наклонился и встал. И никаких опрокидываний!

Надо ли теперь говорить о таких мелочах, как автономное снабжение вагона электроэнергией от аккумуляторных батарей. О том, что вагон также не имел права трясти и качать своего

хозяина? Ведь благодаря повышенному весу вагон плотнее обычного прилегал к рельсам, а некоторые "остаточные явления" сводились на нет специальными пружинными рессорами (помните, под спальным диваном?). Ничто не должно было беспокоить, а тем более раздражать хозяина во время его раздумий в пути о благе своего народа...

Что с ним стало?

История появления вагона особого назначения в Павлодаре имеет свои случайности и свои закономерности. Во второй половине семидесятых годов самая крупная в бывшем Союзе Казахская железная дорога была разделена на три - Алма-Атинскую, Западно-Казахстанскую и Целинную. Начальникам дороги полагался для служебных поездок салон-вагон. К тому времени стали изготавливаться новые типы таких вагонов - более удобные и комфортабельные. Может быть, кому-то в Москве сталинский вагон показался анахронизмом, или по каким-то иным причинам его передали Целинной дороге. Там он пробыл совсем недолго и очутился в Павлодаре - тем самым Москва давала понять, какое значение она придает формируемому в области топливно-энергетическому комплексу, где не последняя роль принадлежит железной дороге.

Вот такая цепь случайностей и закономерностей привела к тому, что последним хозяином вагона стал бывший начальник Павлодарского отделения дороги Аби Саркыншаков. Было время - дневал и ночевал в нем - в пору бурного развития ЭТЭКа. Я все допытывался: не ощущал ли он дискомфорта, не доносили ли при этом тревожные мысли? "Нет, - смеется он, - сначала вроде чувствовал какой-то душевный дискомфорт, а потом привык... Да и не успевал предаваться размышлениям о своих предшественниках: время было трудное, напряженное - наработаешься, бывало, чуть не на ходу засыпаешь..."

И дальше бы ездил на нем А. Саркыншаков, когда возникала надобность, но у вагона стала славать ходовая часть. А ремонтировать ее никто не брался - тут все особенное, нестандартное, изготовленное в единственном экземпляре. Нет, оказыва-

ется, на территории бывшего СССР заводов, которые бы выпускали подобное оборудование.

Вот так и оказался вагон на запасном пути. Узнав о его существовании, мне стоило больших трудов уговорить А.С. Саркыншакова рассказать об истории вагона. Постепенно узнавал все новые детали и подробности. Так, в одну из последних встреч нам с фотокорреспондентом Владимиром Бугаевым был продемонстрирован еще один редкостный экспонат из вагона особого назначения - ведерный красавец-самовар. У него было свое особое место на кухне. Специальный пояс жестко фиксировал его, не позволяя шататься, а тем более опрокидываться - даже в экстренных случаях.

Самовару более века. За эти годы его бесчисленное множество раз чистили, отчего "опознавательные" знаки на нем стерлись. Но кое-что прочесть можно. Одна из подписей удостоверяет, что изделие выпущено торговым домом "Поставщик двора Его Императорского Величества Николай Иванович Баташев, наследник Баташева". Слова, как и полагается, с "ятями". Тут же фабричная марка и дата основания торгового дома - 1825 год.

По всему сияющему телу самовара разбросаны оттиски многочисленных медалей, удостоверяющих высочайшее качество изделия. Оттиски сильно стерты, но нам удалось насчитать по меньшей мере девять медалей. Внизу с трудом, но прочитывается надпись: "Серебро. Изготовлен на фабрике Баташева в Туле". И год изготовления - 1877 или 1873 (последняя цифра наполовину стерта).

Конечно же, такой самовар - сам по себе уникальное произведение искусства, и нам оставалось еще раз подивиться тому, сколь талантливы были наши недалекие предки...

Вероятно, у читателей давно возникает вопрос: почему же московские хозяева такого вагона до сих пор не заявляют своих прав на него? Тут самое время сказать о последней причине, по которой бывший начальник Павлодарского отделения дороги предпочитал не афишировать его присутствие в Павлодаре. Оказывается, вагон уже давно должен был находиться в другом

месте. Еще в пору существования Союза А.С. Саркыншаков получил несколько предписаний от своего московского железнодорожного начальства - вернуть "шестьосный салон-вагон № 4, являющийся уникальным образцом отечественной техники". Были и просто заманчивые предложения - продать, выгодно обменять... В том числе из Ленинграда, где находится центральный музей железнодорожной техники. Но, полагая, что вагон должен остаться там, где дослуживал свою судьбу и состоялся, понимая, что ему нет цены, Аби Саркыншакович под разными предлогами сумел не выполнить руководящие указания. Вообще, он дисциплинированный человек. Но это тот редкий случай, когда он несколько не жалует о проявленной им, потомственным железнодорожником, недисциплинированности. Сегодня вагон особого назначения - один из экспонатов будущего музея под открытым небом, который в свое время начал создавать А.С. Саркыншаков.

Несколько лет назад мы с Владимиром Бугасвым делали для газеты репортаж об этом уникальном вагоне, и Аби Саркыншакович пригласил нас в свой новый салон-вагон, где стояли стол и стулья "оттуда". В вагоне было чисто, опрятно и как-то очень уютно. Прощаясь, не без умысла спросили: какой из вагонов ему все-таки дороже? Он возмутился:

- Да вы что? Это же консервная банка, по сравнению с тем, где мы были!

* * *

Считается, что самый шикарный по оснащенности поезд был в свое время у Льва Троцкого. Он состоял из 12 вагонов, где, кроме салон-вагонов и вагона-ресторана, были еще вагон-баня, вагон-автомастерская, вагон-ледник для скоропортящихся продуктов.

Собственный, достаточно комфортный, поезд был и у М.И. Калинина.

По действующей в 20-30 годы иерархии командующим фронтами и армиями полагался лишь отдельный салон-вагон.

Немало ездил на поезде особо назначения Л.И. Брежнев. Его личный вагон имел салон для совещаний со спецсвязью, кабинет для хозяина со спальным местом, ванную комнату и туалет личного пользования, купе для секретаря и охранников и проводников-поваров, кухню, купе с холодильным оборудованием и баром.

На таком поезде Л.И. Брежнев через всю страну ездил на встречу с американским президентом Дж. Фордом.

Спешпоезда и спецвагоны и сегодня стоят в столицах (и не только в них) на запасных путях.

*1995-1999 годы,
материал подготовлен в соавторстве
с А.С. Саркынишаковым.*

Дом Шафера

Теперь этой квартиры уже нет. То есть она есть, конечно, существуют те же комнаты, в которых живут другие люди... Но *той*, в которой когда-то посчастливилось побывать не одной сотне людей (и мне тоже), уже нет и никогда не будет. Наверное, это скорее хорошо, чем плохо, но я все равно скучаю по той старой квартире...

В ней поражало почти полное отсутствие вещей - в привычном понимании этого слова. И в то же время в ней было очень тесно. Это потому, что все свободное пространство отдавалось пластинкам и книгам. Книг и журналов здесь было - как в приличной библиотеке - более двадцать тысяч единиц. И пластинок - двадцать тысяч штук. Да еще тысяча магнитофонных лент и кассет.

Подобной частной музыкальной коллекции не было в бывшем Советском Союзе. Второе такое частное собрание музыкальных произведений, записанное на пластинках, трудно найти во всем мире. Ее хозяин в достаточно юном возрасте (а ему исполнилось тогда лет пятнадцать-шестнадцать) поставил перед собой заведомо недостижимую цель — собрать образцы лучших музыкальных произведений всех времен и народов. И самое удивительное - то, что ему каким-то образом удалось выполнить эту невыполнимую задачу. "В основном, - уточняет он, - примерно к пятидесяти годам, то есть где-то за тридцать пять лет".

Да, как это ни кощунственно прозвучит, оказывается, вся мировая музыкальная культура вполне может уместиться в 52-метровой двухкомнатной квартире. И уже давно пора назвать ее хозяев - супругов Наума Григорьевича Шафера и Наталью Михайловну Капустину.

"Я коллекционирую музыку, а не исполнителей".

Наум Григорьевич, безусловно, коллекционер. Но, скажем так, коллекционер нетипичный. В отличие от большинства своих собратьев по увлечению, круг интересов которых строго ограничен вполне определенными музыкальными направлениями,

исполнителями, жанрами, Шафер формально всеяден. Но в этой всеядности есть своя жесткая логика. Он говорит о себе так: "Я коллекционирую музыку, а не исполнителей. И мой главный принцип отбора - хорошая это музыка или плохая".

Иной коллекционер никогда не уравнивает "низкий" жанр с "высоким" - скажем, вальс с симфонией. В коллекции же Шафера все в алфавитном порядке: например, Кальман рядом с Моцартом, а талантливая частушка может соседствовать с симфонией.

Наум Григорьевич принципиальный противник эстетства в коллекционировании и во многом благодаря именно своему внутреннему демократизму смог собрать уникальную коллекцию музыкальных произведений, записанных на патефонных и граммофонных пластинках. "В ней может не оказаться каких-то отдельных исполнителей, - уточняет Шафер, - но пробелов в музыкальных произведениях нет".

Все это на самодельных стеллажах, которыми были заставлены не только стены, но и все свободное пространство квартиры, а также и просто на полу (не хватало места!) разместились более двадцати тысяч пластинок. В том числе десять тысяч бывших, которые не выпускаются уже больше тридцати лет. Кроме бывших советских заводов и студий грамзаписи - Апрелевской, Ленинградской, Рижской, Ташкентской - здесь представлены пластинки всех других существующих в мире студий, фабрик, заводов, фирм. В коллекции есть пластинки, которым не менее ста лет, и выпущенные сравнительно недавно.

Мне посчастливилось подержать в руках, ощутив ее благородную тяжесть, пластинку, выпущенную в начале века французской фирмой "Пате" (откуда потом пошло и само слово патефон). А потом мы с Наумом Григорьевичем и Натальей Михайловной слушали прекрасно сохранившуюся (почти сто лет прошло!) мелодию русско-славянского танца, и я видел, как преображались их лица, каким восторгом они были наполнены. Для меня самого открытием стало и то, что эта старая пластинка имеет 90 (а не 78, 45 или 33) оборотов в минуту, а иголка на ней устанавливается у центра и движется по мере проигрывания к

краю пластинки, а не наоборот, к чему мы все привыкли. Запись музыки на ней осуществлялась еще так называемым механическим способом, который впоследствии был заменен более совершенным и прогрессивным электрическим.

А потом мы слушали одну из первых отечественных казахских пластинок, выпущенную в 1936 году. Это был кюй "Кенес" в исполнении Жапшаса Каламбаева и Лухмана Мухитова...

Мы слушали "Однозвучно гремит колокольчик" в исполнении хора Донских казаков под управлением Сергея Жарова - эту песню, которая никого не оставит равнодушным. "Вы чувствуете, как они умирают без Родины, вы ведь знаете, что хор в полном составе эмигрировал из России вскоре после революции", - комментировал Наум Григорьевич. Откуда мне было знать об этом...

Бьющиеся пластинки, составляющие половину шаферовской коллекции, или десять тысяч единиц, имеют особенную ценность. И вот почему - просвещал меня Наум Григорьевич. Эти пластинки начали выпускаться в советской России с 1918 года, когда запись велась механическим способом. С 1932 по 1969 год музыку записывали уже электрическим способом. И лишь потом появились небьющиеся пластинки. Так вот, только с 1932 по 1969 год на бьющихся пластинках в Советском Союзе вышло 48 тысяч записей - музыкальных произведений, спектаклей, стихов, речей... Многие из них поистине уникальны, бесценны. Они хранят реальные "голоса" инструментов, живые голоса исполнителей. Но музыкальный слух иных эстетствующих меломанов коробит шип, издаваемый старыми пластинками при проигрывании. (Шаферу он, напротив, несколько не мешает). Отчасти поэтому, а отчасти из-за того, что бьющиеся пластинки попросту хрупки, и реставрируются записанные на них произведения. Дело это, бесспорно, нужное, благородное, но при реставрации в погоне за чистотой звучания зачастую стремятся во что бы то ни стало избавиться и от того самого "шипа". И вот тут, по мнению Наума Григорьевича, происходят непоправимые вещи, по сути - катастрофа. Он называет это потерей тембровой окраски исполнения, в результате чего ослабевает, теряется мощь, сила звучания, объемность музыкального произведе-

ния. В подтверждение Наум Григорьевич проигрывает оригинального, а затем "отреставрированного" Шаляпина - "Из-за острова на стрежень" - и это действительно как земля и небо. "Долгоиграющие небьющиеся пластинки - безусловно, гениальное изобретение, - убеждал меня Шафер, - и я совсем не против прогресса, но только когда на них записывают современных исполнителей, а не копируют прежние записи, уродуя их".

Наум Григорьевич сердится, когда о пластинках говорят неуважительно, и всегда спорит с теми, кто утверждает, будто они недолговечны и быстро изнашиваются. "Пластинка быстро погибает от небрежного хранения и неправильного употребления. А когда ее правильно хранишь, по-человечески с ней обращаешься, она будет служить вечно. Некоторые эстеты меня уверяют: мол, проиграешь ее 50 раз - и все, испорчена... А я свои пластинки слушаю уже пятьдесят лет - и они до сих пор в прекрасном состоянии".

Это - чистая правда. И эти старые пластинки на самом деле живут. Кстаги, и патефоны действуют. Они звучат в их доме и на многочисленных музыкальных встречах, устраиваемых Наумом Григорьевичем и Натальей Михайловной. Одна беда - патефонных иголок осталось совсем мало. И взять их теперь негде.

Их жизнь — особая тема

А начиналось все с семьи. Достаточно скромной еврейской семьи, в которой чтили веру, ценили книгу, любили музыку. Шаферы жили в Бессарабии, бабушка была верующей, хорошо пела, отец играл на скрипке, мать на фортепьяно... Наум лет с четырех знал буквы и начинал читать, в пять - уже распевал "Как много девушек хороших".

Меньше чем за десять дней до начала Великой Отечественной большую часть местных жителей депортировали. На сборы отвели два часа, с собой велели брать лишь самое необходимое. Среди этого "самого-самого" у Шаферов оказался и американский патефон, которым в семье очень дорожили. Но патефон взять не разрешили... А в пластинки Наум вцепился мертвой хваткой, и они уехали вместе с семьей в Казахстан.

Поразительная вещь: одна бесчеловечная акция спасла семью от другой трагедии - пришедшие спустя несколько недель фашисты поголовно истребили евреев, каким-то образом спасшихся от депортации.

Потом был "тридцать первый поселок" в Акмолинской области, война, полуголодное существование. Среди бессарабских спецпереселенцев оказалось немало представителей интеллигенции, и Наум стал для них "мальчиком напрокат". Они собирались вечерами то в одном, то в другом бараке, и он читал, а вернее... пел Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Джамбула - то речитативом, то нараспев, то на всем знакомую мелодию. "Евгения Онегина", например, на мотив все тех же "Девушек хороших" из популярных в ту пору "Веселых ребят".

Затем семья перебралась в Акмолинск, он стал учиться в музыкальной школе. Обучали на фортепьяно, а тренировался дома на балалайке. Много занимался самообразованием, сочинительствовал сам - писал песни, романсы и даже оперу. И еще тогда, в школе, решил, что соберет в своем доме лучшую музыку всех времен и народов.

Потом был филфак КазГУ, где он учился и продолжал свое музыкальное самообразование. Однажды судьба свела его с Евгением Брусиловским, и начались их удивительные, ни на что не похожие отношения, их дружба. Брусиловский, разглядев в парне талант, занимался с ним у себя дома, бесплатно, готовил его к поступлению в консерваторию. Он настаивал на том, чтобы Наум оставил университет и посвятил себя музыке... Но Шафер не решился на этот шаг, и их жизненные дороги разошлись...

Учеба подарила ему встречу с любимым человеком - Наташей Канустиной, которая стала его женой. Они уехали по распределению в самую что ни на есть тьмутаракань, куда никто не хотел ехать. Это было одно из отрезанных от мира сел Восточного Казахстана. А в качестве свадебного подарка отец Наума подарил молодым патефон. И в их первом общем доме, землянке с земляным полом, где не было электричества, они при свете керосиновой контилки слушали романсы Глинки и инструментальные пьесы Шопена, ковбойские песни и любимые мело-

дии Дунаевского. А добрую половину своей учительской зарплаты тратили на книги и пластинки, которые выписывали на почте и носили домой в мешке - так много их приходило...

Сколько еще будет всего в их жизни! И любимая работа в Целинограде, и защита Шафером кандидатской диссертации, и неожиданная страшная разлука... По абсолютно вздорному обвинению "за систематическое распространение клеветнических измышлений о советском государственном строе" он был осужден на полтора года, а затем на долгие годы отлучен от любимого дела.

Их жизнь - это особая тема, и об этом нельзя говорить скороговоркой.

... У тувинское горловое пение

Коллекция Шафера уникальна прежде всего тем, что она всеобъемлюща, всеохватна. В этом ее главная, однако не единственная ценность. Потому что в ней есть и подлинные жемчужины (о чем уже говорилось, и еще будет идти речь), а также то, что Шафер называет "коллекция в коллекции". Таких у него также наберется не один десяток, в том числе и тех, которым позавидует любой истинный ценитель музыки, слова, а тем более любой истинный коллекционер. И хотя, по собственному утверждению Наума Григорьевича, он коллекционирует музыку, а не исполнителей, их он коллекционирует тоже. Среди тех, кто представлен в его собрании пластинок наиболее полно, Лемешев ("Он у меня практически весь", - заметил Шафер), Виноградов, Александрович... И другие "серьезные" исполнители (есть у коллекционеров такое определение) - Шаляпин, Обухова, Максакова, Давыдова, Козловецкий, Михайлов. Представители "серьезной" эстрады - Бунчиков, Нечаев, Утесов, Шулженко, Бернес. Шафер неравнодушен и к авторской песне, в его коллекции бардов - Окуджава и Высоцкий, Галич и Визбор, Татьяна и Сергей Никитины...

А еще он собрал гигантское количество литературных записей. Теперь уже, наверное, мало кто помнит, что в свое время на пластинках издавались записи чеховских спектаклей "Три сестры", "Дядя Ваня" и "Вишневый сад", спектакли по пьесам

Островского, Льва Толстого... Все это тоже есть у Шафера - и "Воскресение" с участием Качалова, и "Анна Каренина", и весь роман "Евгений Онегин". А еще отрывки литературных произведений в исполнении Москвина, Тарханова, Ливанова, Массалитиновой, Журавлева, Яхонтова... А еще эстрадные спектакли (например, с участием Аркадия Райкина), отечественная поэзия в авторском исполнении...

Огромное собрание речей политвождей: Ленина-Сталина-Калинина-Луначарского-Коллонтай-Хрущева-Брежнева...

Мы как-то вместе слушали одно из выступлений Сталина, 1937 год. Уничтожены все, кто мог составить какую-то оппозицию Сталину. "В основном" построен социализм, принята сталинская конституция. Умиротворенностью и благодушием, чувством исполненного долга дышит его речь перед избирателями. "Ласковое ворчание сытого зверя, напившегося сладкой крови и облизывающего губы..." Этот комментарий Наума Григорьевича записан им на обложке пластинки и датирован 1984 годом. Кстати, всего в коллекции полтора десятка пластинок с речами Сталина.

Шаферовские пластинки хранят голоса Юрия Левитана и Юрия Гагарина... Взволнованная речь первого космонавта на Красной площади начинается с обращения "Дорогой Никита Сергеевич!" Это на одной пластинке, а на другой, вышедшей позднее, все то же, но без "дорогого Никиты Сергеевича". Так "подправляли" в свое время историю. И теперь, впрочем, без конца подправляют...

А еще на его пластинках звучат голоса животных и птиц, колокольные звоны, театральные шумы (есть, оказывается, и такие грамзаписи, воспроизводящие шум идущего поезда и шелест дождя, летнюю грозу и артобстрел...)

Шафер записал и хранит четырнадцать спектаклей гремевшего в шестидесятые годы в Павлодаре кузенковского театра. Но это, правда, на магнитофонной пленке. Всего у него свыше полутора тысяч бобин и кассет с магнитофонными записями. И хотя он ценит их меньше, потому что, в отличие от пластинок, они не вечны, это тоже целое богатство.

Все деньги, которые получал Наум Григорьевич, уходили на пластинки и книги, а жили на зарплату Натальи Михайловны. Шафер вел обширную переписку со многими коллекционерами, обменивался пластинками с ними. И, в частности, через Польшу получал пластинки ведущих мировых студий грамзаписи. Любую поездку использовал для пополнения коллекции. Очень многие, к кому он обращался, смотрели на него, как на чудака, и без сожаления, а подчас и с охотой расставались со своим бывшим "имуществом": кому нужна эта рухлядь, особенно бьющиеся патефонные пластинки?

В коллекции Шафера есть пластинки, выпущенные им самим. Одна из них - "Дунаевский в гостях у Булгакова" - составлена из разысканных Наумом Григорьевичем и практически неизвестных ранее фортепианных произведений композитора. В эту пластинку включено музыкальное произведение и самого Булгакова, которое считалось потерянным. Это полька, напетая писателем для оперы "Рашель" - над ней он работал с Дунаевским.

Позднее ведущий популярного телевизионного цикла ОРТ "В поисках утраченного" Глеб Скороходов в передаче, посвященной творчеству Дунаевского, использовал музыку с этой пластинки. Она стала своеобразным лейтмотивом всей передачи.

Вторая пластинка - "Кирпичики" - представляет популярный в свое время городской романс. Главным исполнителем здесь выступил Андрей Корчевский. На этой пластинке есть две песни и самого Шафера, сочинявшего музыку под псевдонимом Гитин. С "Кирпичиками" была такая история. Записывалась эта пластинка на Алма-Атинской студии звукозаписи, выпускал ее Апрелевский завод грампластинок, а свой номер дала Петербургская студия звукозаписи, потому что завод фактически уже прекратил выпуск подобных изделий... Словом, это было своего рода историческое событие - "Кирпичиками" заканчивалась эра виниловых пластинок.

Позднее вышли два лазерных диска с записями музыкальных произведений Наума Григорьевича, но об этом чуть позже.

И, конечно, нельзя не сказать о тех трех десятках пластинок, которые Шафер-мальчишка вывез с собой, когда их депор-

тировали из Бессарабии. Они уже больше полвека с ним: русские бытовые песни, романсы Глинки, музыка Римского-Корсакова, танцевальные мелодии. Они хранятся отдельно - среди самых дорогих семейных реликвий.

Впрочем, можно еще долго рассказывать, как создавалась коллекция. Но куда важнее ответить на вопрос - для чего?

Никогда эта пламенная страсть не была для Шафера самоцелью, никогда его бесценное богатство не лежало мертвым грузом... К этой без преувеличения сокровищнице музыкальной культуры приобщались не десятки и не сотни даже, а тысячи людей. И напрямую, в его сначала целиноградской, а после павлодарской квартире, и в различных аудиториях, где звучал его патефон, и в театральных залах, где шли спектакли в музыкальном оформлении, подготовленном с помощью шаферовской коллекции, и у радиоприемников и телеэкранов, когда транслировались передачи, которые он прямо или косвенно помогал готовить...

В их доме хранятся уникальные человеческие документы: журналы посещений и стенгазеты, запечатлевшие лишь малую толику жизни "кружка любителей музыки", действовавшего в шестидесятых годах в Целинограде. Шафер читал в местном пединституте курс русской литературы, а на общественных началах вел со студентами этот самый кружок. Два раза в неделю, по два часа. Кружок стал для многих вторым университетом: молодые люди учились слушать и воспринимать музыку Шостаковича и Моцарта, Чайковского и Дунаевского... Слушали стихи Ахматовой и Кирсанова, прозу Паустовского... Газета "Мелодия", которую они выпускали, "затмила" общепуниверситетскую, и по этой причине Шаферу рекомендовали свою снять. Кстати говоря, такой же кружок вел в Целиноградском педучилище его брат Лазарь.

Когда спустя несколько лет Шафер будет отбывать срок - "за систематическое распространение клеветнических измышлений о советском государственном строе" (это было совершеннейшим бредом, ничего подобного он никогда не делал, и со временем, конечно, будет реабилитирован), многие "кружковцы" писали ему в зону о том, что теперь, разъехавшись после окон-

чания вуза по стране, сами ведут подобные кружки, советовались, как лучше построить занятия... Как они помогли ему тогда, эти письма!

Он и сам писал в эти трудные годы жене, составляя для нее, помимо всего прочего, уроки музыкального образования. Из зоны он задавал ей задания на дом, где значились Глинка, Бетховен, старинные романсы, Лемешев, Валентина Левко, джазовая музыка и даже... частушки. Наталья Михайловна всегда была ему не только женой, но и настоящим другом. В том же Целинограде они вместе вели народный университет культуры, где на ее долю приходилось не самое легкое - организация занятий, оповещение слушателей, явка, материальное обеспечение, то бишь доставка к месту лекции патефона или проигрывателя с пластинками из их собственной квартиры. И ученицей она оказалась великолепной, пройдя в отсутствие отбывавшего срок супруга еще один курс музыкального образования.

Иной раз ей не удавалось отыскать нужную пластинку (коллекция уже тогда была достаточно обширна), и тогда зек-муж подробно инструктировал "слушательницу" и на этот счет... Семь лет занималась Наталья Михайловна по его лекциям и составленным им программам, а затем сама вела не один год в Павлодаре (разумеется, на тех же общественных началах) музыкальные занятия со школьниками.

А сколько самых невероятных историй, связанных с коллекцией, они могут рассказать! В 1965 году в Целиноград приехал всемирно известный лирический тенор Михаил Александрович. Организаторы концертов привели его домой к Шаферу. После всего увиденного тот, слегка смущаясь, спросил: "А нет ли у вас канторского пения?" Вряд ли он рассчитывал на положительный ответ - откуда здесь могли быть древние еврейские молитвы? Но, оказавшись, эти мелодии у Шафера есть. Александрович увез их с собой, а когда спустя какое-то время эмигрировал в Канаду, то уже располагал вполне готовым репертуаром для своих выступлений подобного рода. Хорошо еще, что об этой истории не проведали "органы", иначе Шаферу на суде впаляли бы и злонамеренное распространение чуждой нам музыки.

Несколько лет назад в Павлодаре была с концертами Елена Камбурова. Шафер решил подарить ей на память магнитофонную кассету с записями ее ранних песен. Одну из них она поет на пару с Иосифом Кобзоном. Камбурова была просто поражена, поскольку напрочь забыла об этом факте своей биографии. Прослушав "Вальс Февральской революции", редкий, практически неизвестный, она затем включила его в программу собственных концертов. Московские коллекционеры страшно разобиделись на Шафера: "Из-за вашего простодушия вальс, выйдя на эстраду, потерял свою уникальность..." Правда, и у Шафера есть претензия к Камбуровой: она название пересиначила и подает как "Вальс Октябрьской революции". Впрочем, получилось довольно остроумно.

Однажды о Наталье Михайловне Капустиной написала все-союзная "Учительская газета". И некая учительница из Горького лично явилась к ним домой, дабы удостовериться: неужели у них с Наумом Григорьевичем все так и есть, неужели они правда так живут? Неделю прожила у них дома, Шафер день и ночь записывал ей на магнитофон приглянувшиеся музыкальные вещи (помимо прочего, ей для уроков истории понадобился лающий голос Гитлера - отыскался и он), а еще тринадцать кассет дописал после отъезда и отправил уже вдогонку.

Подобных историй не перечесть. У бессребреника Шафера давно "пасется" весь Павлодар - преподаватели-музыковеды и студенты музучилища, исполнители, театральные режиссеры, многочисленные знакомые, малознакомые и совсем незнакомые люди. А он... Он таков, что никому не может отказать, и уж тем более брать деньги. Хотя та же перезапись требует средств и буквально пожирает время. То, чем Шафер особенно дорожит, чего ему при его образе жизни так не хватает. Но ведь каждому это не объяснишь...

Готовя эти заметки, я попросил Наума Григорьевича перечислить - что он "писал" в последнее время. "Вчера целый день переписывал оперу Вагнера "Тристан и Изольда". Родственникам хорошей знакомой понадобилась запись, где главную партию исполняет знаменитая норвежская певица Кирстен Флагстад. Это

пять пластинок, десять сторон, по полчаса каждая... Повезли эту запись в Санкт-Петербург. Самое удивительное, что граммофонная версия оперы в этом исполнении (запись 40-х годов) была выпущена именно в Ленинграде, в 1968 году. Но вот там ее не смогли отыскать..."

Среди других записок у Шафера числятся: песни и романсы в исполнении Вертинского, ранний рок, музыка Скрябина, мелодии арабских стран... И, наконец... тувинское горловое пение (понадобилось же кому-то!). И все это в коллекции есть, но время, время...

Каюсь, приобщился и я к сонму страждущих припасть к шаферовскому роднику. Наум Григорьевич несколько раз предлагал мне составить список любимых мелодий, которые он готов мне переписать. Я сначала отнекивался, потом долго составлял список... Думаю, он ужаснулся от этой чудовищной мешанины авторов, стилей, жанров - там были, например, вальсы Хачатуряна и Свиридова, песни Френкеля, Окуджавы и Галича, "Матушка, что во поле пыльно", и даже "Ванька - ключник, злой разлучник" - песня, отрывок из которой я слышал всего один раз и то в нетрезвом исполнении, но, правда, от близкого мне человека... Поразительно, но заказ мой был в точности исполнен... И я, далеко не меломан и музыкально малообразованный человек, очень горжусь этим необычайным подарком. Это - любимая моя кассета.

Шафер и Дунаевский

Особенно дорожит Наум Григорьевич той частью коллекции, что связана с именем Исаака Осиповича Дунаевского. Эта тема - Дунаевский и Шафер - требует особого разговора. Здесь же скажем лишь о том, что ни в бывшем Союзе, ни в мире нет, пожалуй, другого человека, который бы столь глубоко, всесторонне, системно исследовал жизнь и творчество этого композитора. Наум Григорьевич автор нескольких книг о Дунаевском, публикатор его обширнейшей переписки, первооткрыватель ряда его неизвестных произведений и, конечно, активнейший популяризатор творчества этого выдающегося композитора.

В 2000 году, когда отмечалось 100-летие И.О. Дунаевского, Н.Г. Шафер был приглашен председателем оргкомитета Т.Н. Хренниковым на юбилейное торжество в Москву в качестве консультанта.

К этому времени уже увидела свет вышедшая в одном из московских издательств книга Шафера "Дунаевский сегодня", опубликована в журнале "Дружба народов" подготовленная им же переписка композитора с Людмилой Головиной-Райнль. Журнал "Простор" в шести номерах опубликовал письма Дунаевского к Р.П. Рыськиной со вступительной статьей Н.Г. Шафера "Дунаевский в Казахстане". Эти письма были выпущены в 2000 году издательством "Елорда" отдельной книгой. Она продавалась в Кремлевском дворце на торжествах, завершающих юбилей композитора, вручалась, как приз, исполнителям.

Наум Григорьевич открыл совершенно неизвестные страницы творчества двух великих людей - Исаака Дунаевского и Михаила Булгакова, доказав, что они не только знали друг друга, но были достаточно близки, сотрудничали... Подтверждением стала пластинка "Дунаевский в гостях у Булгакова", записанная Шафером вместе с педагогом-музыкантом из Астаны Людмилой Тонорковой в зале Московской консерватории. А книга с одноименным названием - нотный сборник выходит в этом году в Москве.

Очень дорожит Наум Григорьевич изданной в Павлодаре в 1998 году книгой "Оперные либретто Булгакова". Это первое издание воссозданных по рукописям писателя его оперных либретто, считавшихся ранее утраченными.

В журнале "Нива" публиковались письма Дунаевского к Людмиле Вытчиковой, а его переписка с Людмилой Райнль издана в Москве большой отдельной книгой под названием "Может быть, я Вас не так понял" (Почтовый роман).

В коллекции Шафера 400 пластинок - и бьющихся, и долгоиграющих, имеющих прямое отношение к Дунаевскому. От самых первых записей с его мелодиями до самых поздних. Часть пластинок передана Науму Григорьевичу сыном Дунаевского Евгением - они из личной коллекции самого Исаака Осиповича, он держал их в руках, слушал. Будучи в Москве на уже упо-

минавшихся юбилейных торжествах, Шафер успел попрощаться с Евгением Исааковичем, который тяжело болел и скончался буквально на следующий день после столетия отца.

Наум Григорьевич показал (и проиграл) одну из пластинок, запечатлевших мелодии Дунаевского. Не совсем обычна история ее появления на свет, да и "прописалась" она в этом доме отнюдь не запросто. Пластинка эта была выпущена немецкой фирмой "Полидор" - ее французским филиалом - вскоре после того, как фильм "Веселые ребята", музыку к которому написал Дунаевский, был показан на одном из международных кинофестивалей. Так вот, немцы умудрились издать "Марш веселых ребят" и "Сердце, тебе не хочется покоя" на полгода раньше нас, притом на французском языке. Когда об этом узнал Дунаевский, то был раздосадован тем, что у него даже не попросили нот, а сделали собственную аранжировку. И Леонид Утесов, который исполняет мелодии в фильме, остался недовольным, о чем сам говорил много позднее Шаферу.

И вот Наум Григорьевич узнает о том, что известный коллекционер Л. Волков-Ланнит распродает свою коллекцию, где есть и эта пластинка - предмет давнего вожделения Шафера. Конечно же, он отправился к Волкову. Тот психологически рассчитал все очень точно и мигом его раскусил: этот торговаться не умеет и не будет. "Если я вам скажу сто рублей, вы ведь все равно не уйдете..." Это было минимум в пять раз дороже каталожной стоимости и практически месячная зарплата Шафера. Конечно, он заплатил, хотя сам отдавал пластинки другим коллекционерам всегда бесплатно (в том числе и уникальные, часть из которых затем утекла за рубеж), а где-то через год при очередной встрече напомнил Волкову-Ланниту известную поговорку про сто рублей и сто друзей. Тот невозмутимо парировал: "Скажите спасибо, что я не запросил тысячу..." Так создавалась коллекция.

Люди, давно знакомые с Шафером, разумеется, знали его как человека многих талантов: филолога-литературоведа, исследователя творчества Дунаевского и Булгакова, автора ряда книг. Но даже самые близкие были недавно поражены тем, что он - еще и композитор, автор почти трех сотен песен, романсов, оперы.

Творческий вечер Шафера-композитора "Забытые песни и романсы уходящего века" должен был состояться в малом зале Павлодарского русского драматического театра. Но пришлось спешно менять и сцену, и зал, потому что к началу концерта людей собралось столько, что многим негде было не только сидеть, но и стоять.

Больше двух часов павлодарцы наслаждались музыкой композитора Нами Гитина. Нами - звала Наума в детстве мать, а ее звали Гита. Так появился у Шафера (еще студента) столь необычный псевдоним, который ему придумал Евгений Брусилловский.

На концерте прозвучали произведения на стихи Лермонтова, Евтушенко, Долматовского, Лебедева-Кумача, Эминеску, Квитко и других авторов. При этом "Колыбельная" на стихи Джамбула была написана более полувека назад, а "Предчувствие осени" совсем недавно...

Исполнителями песен и романсов стали солисты филармонии Астаны заслуженная артистка Казахстана Гульнар Хамзина и Дина Камиденова, Станислав Козлов, пианистка Гульзада Хусаинова.

А накануне такой же концерт, по инициативе Людмилы Топорковой, при полном аншлаге состоялся в Астане.

Сто "черных очей" и полмиллиона карточек

Каким образом Наум Григорьевич умудряется управляться со своим огромным "музыкальным хозяйством"? Очень просто. "Адреса" очень многих пластинок он знает на память. А на разного рода непредвиденные случаи у него есть специальная картотека. Отыскать с ее помощью любую нужную пластинку для него не составляет никакого труда. Однажды мы с товарищем были в гостях у Наума Григорьевича и Натальи Михайловны, и я, по настоянию хозяина, ("Называйте что хотите - это наверняка у меня отыщется!") "заказал" русскую народную песню "На улице дождик". И еще одну мелодию, песню "Называют меня некрасивою", которую пели мои родители... Обе вещи были найдены мгновенно, и мы их тут же прослушали. Мой спутник захотел услышать романс "Только раз бывает в жизни встреча". "С этим сложнее, - улыбнулся Шафер, - вы в каком испол-

нении предпочитаете?” Оказалось, в коллекции два с лишним десятка вариантов исполнения этого романса. Но это не рекорд: “Очи черные” представлены в коллекции почти сотней вариантов исполнения.

И вот в таких и некоторых других “сложных” случаях без картотеки никак не обойтись. В ней пятьсот тысяч карточек. Это никакая не ошибка: в его картотеке действительно полмиллиона карточек. Немыслимо огромное количество. Можете посчитать сами объем проделанной работы: даже если заполнять каждый день (без праздников и выходных) по сто карточек, то на это потребуется около четырнадцати лет. А он все это делал сам, без чьей либо помощи.

Почему пластинок двадцать тысяч, а карточек полмиллиона? Все очень просто. Во-первых, на некоторых пластинках может быть до десяти произведений, а, во-вторых, на одну пластинку чаще всего приходится заводить сразу несколько карточек: по композиторам, исполнителям.

Что имеем — сохраним!

Как-то у них в гостях оказалась давняя знакомая. Пожилая, не очень хорошо видящая, она подслеповато прищурилась и спросила: “А вы что, так при библиотеке и живете? Квартиру вам так и не дали?”

Простим ей свойственную возрасту рассеянность. Наверное, в ее памяти просто отпечатался тот факт, что когда-то в их жизни было и такое... Хотя подобный вопрос вполне мог задать любой другой человек, попавший к ним впервые. Все свободное пространство от пола до потолка в их квартире занимали стеллажи с пластинками и книгами. Самим хозяевам здесь почти не оставалось жизненного пространства. Как-то случилась маленькая неприятность — часть стеллажей с книгами обрушилась. Хорошо, что хозяина в это момент не оказалось рядом — он вполне мог быть погребен под ними. Книги уже нигде не помещались, и хозяйка стала их понемногу раздавать...

Еще сложнее ситуация была с пластинками: они должны храниться только на стеллажах, в положении стоя. Но места не хватало, и часть их давно лежала, если можно так выразиться, и в

тесноте, и в обиде... Лет десять назад Шафер заходил к министру культуры Казахстана, завел было речь о судьбе коллекции, но тот лишь развел руками: "Нет денег". А теперь и подавно... Между тем никаких денег Наум Григорьевич не требовал (хотя и они бы не помешали) - речь идет о сохранении уникальной музыкальной сокровищницы в принципе. Иные власть предержащие персоны на этот счет высказывались примерно так: "Ну, заберем мы ее, а что потом с ней делать?" Но задача как раз и состояла в том, чтобы сохранить это, без всяких оговорок, национальное достояние. А уж в том, что применение десяткам разделов коллекции найдется, нет никакого сомнения.

Уже отыскивалось немало желающих приобрести раритетный фонд: москвичи с охотой взяли бы пластинки Дунаевского, Израиль давно интересовался частью коллекции, представляющей еврейскую музыкальную культуру, местный музей имени Бухар Жырау выразил готовность забрать произведения казахского народного творчества и отечественных композиторов... Государственный музей Глинки из Москвы "заявил" список из почти 300 записей, которых у него нет, а у Шафера они были... Находились коллекционеры, готовые заплатить немалые деньги, лишь бы заполучить какие-то шаферовские пластинки. Клара Эльберт, директор Русской библиотеки в Иерусалиме, предлагала пять тысяч долларов - сумму, немыслимую для всегда живущей сверхкромно семьи. Но Шаферу нужно было совсем другое: оставить потомкам в наследство коллекцию в целостности и сохранности целиком. Да и сам он без нее не смог бы жить, потому что она давно стала частью его самого.

Может быть, самый заманчивый вариант предлагал начинавший когда-то карьеру в Павлодарской области Омский губернатор Л.К. Полежаев. Прослышав об уникальной коллекции, он прислал Н.Г. Шаферу официальное письмо: готовы принять и вас, и ее. Для коллекции найдется место в музее, владельцу будет выделена квартира, Омский университет готов взять его на работу.

В Павлодар приезжали посланцы Полежаева из главного управления культуры Омской области, возили Шафера в Омск. Но и Наум Григорьевич, и Наталья Михайловна давно прикипе-

ли душой к Павлодару и никуда не хотели бы уезжать отсюда, если бы не коллекция.

И тут забили тревогу павлодарские журналисты, пошли ходоки от общественности к городским властям. "Перезревшую" проблему принял близко к сердцу аким Павлодара Николай Иванович Чмых. Побывав в гостях у Наума Григорьевича и Натальи Михайловны, он лично убедился в том, какого богатства может лишиться Павлодар.

Вскоре родилась идея создать в нашем городе уникальное учреждение - "Дом Шафера".

Нашлось помещение в центре города, его капитально отремонтировали, предусмотрев под одной крышей помещения для коллекции пластинок, библиотеки, актового зала для мероприятий, служебного кабинета (его у Шафера отродясь не водилось) и даже несколько комнат, где живут Наум Григорьевич и Наталья Михайловна. Что и говорить, это был нестандартный шаг, достойный детища Шафера... Теперь у "Дома Шафера" есть свой небольшой штат, который работает под методическим руководством Наума Григорьевича. На специальных стеллажах разместились пластинки, книги, журналы, подшивки газет. Среди последних также есть достаточно редкие экземпляры. Появилась возможность завершить работу по описанию коллекции, систематизации на специальных карточках.

Редкий день в этом доме не бывает гостей, ведь коллекция - одна из культурных достопримечательностей Павлодара. Экскурсии, лекции, тематические занятия для студентов и школьников... Музыкальные вечера для горожан, встречи с интересными людьми - поэтами, певцами, музыкантами... Небольшой актовый зал во время таких мероприятий, как правило, переполнен. Был случай, когда сам хозяин дома так и не смог пробиться на сцену, чтобы произнести приветственное слово. Много, что делает здесь Шафер, он делает на общественных началах, оставаясь профессором местного университета. А его коллекция, которой по праву может гордиться не только Павлодар, но и весь Казахстан, остается открытой для истинных ценителей музыки и, хочется верить, еще долго будет служить людям, даря им радость.

2000-2002 гг.

«Жить стоит!»

Биография жизни короче,
Но не раб человек у судьбы,
Мир безумен, жесток и порочен,
Если сдашься ему без борьбы!

Василий Луков.

- Вы - коренной казахстанец. А как вообще Исаевы оказались здесь? Кто были ваши родители, знаете ли что-нибудь о своих более далеких предках? Может быть, есть какие-то семейные предания, легенды?

- Моя биография типично советская. Предки мои попали в Казахстан, как и большинство русских, в период столыпинских реформ, на рубеже XIX и XX веков, а наша историческая родина - Тульская губерния. Предки - крестьяне. Осели в нынешней Северо-Казахстанской области, в селе Пресновка Соколовского района. (Последние годы там располагался совхоз «Лесной»).

Дед по отцу считался середняком. У него, кроме моего отца, было еще два сына и две дочери. Моего старшего брата мать родила в селе в 1929 году, а я родился уже в Петропавловске, в 1932 голодном году, куда переехали деда и родители. Как-то им удалось перебраться в город в период коллективизации... Дед стал работать на сапого-валяльной фабрике, но вскоре погиб там в результате несчастного случая: затянуло в ременную трансмиссию. Опыта-то у него для такой работы не было.

Другой дед еще раньше в основном жил в городе, работал кровельщиком и жестянщиком.

Отец мой окончил четыре класса церковно-приходской школы и пятый класс вечерней школы в городе. Его специальное образование - курсы счетоводов, по тем временам он считался грамотным человеком и перед Отечественной войной занимал пост главного бухгалтера Петропавловского элеватора.

В начале войны его призвали в армию, и он погиб на фронте. Нас у матери осталось четверо, она всю войну проработала на разгрузке железнодорожных вагонов. Умерла в возрасте 90 лет.

Во время войны и некоторое время после нее мы жили крайне бедно, так как работал один старший брат - на оборонном заводе. Я несколько лет жил у сестры матери в Акмолинской области, где и школу окончил.

Самая главная семейная традиция - мы все книголюбивы. Отец читал вслух матери: она была практически безграмотна. Ну и мы подслушивали, еще не умея читать. Но с пяти лет я уже читал самостоятельно. Любят читать и мои дочери. А вот внушки уже не все.

Прочел практически всю русскую, советскую и зарубежную классику. В последнее время читаю современную русскую прозу и поэзию. С грустью констатирую, что ничего не могу порекомендовать из современной литературы дочерям и внукам...

- Самые яркие впечатления ваших детства и юности? Почему вы выбрали именно «мореходку»? Что она значила для вашей дальнейшей жизни, чему научила?

- Видимо, так устроен человек, что все его самые яркие впечатления - из детства, какое бы тяжелое оно не было. Нашу биографию перепахала война. И люди все потом сравнивали: как было до и после войны. Сам я пережил голод, холод, был безотцовщиной...

С детства люблю «тихую» рыбалку - с удочкой, чтобы поплавок «танцевал»! И не важно, каких размеров рыбец тогда клевала - все пескарики, окуньки, плотвички.

Купание с пацанами в речках, озерах, старицах, да и любых лужах... Лес и степи... Впервые верхом на лошади... Поездки на быках за сеном и за дровами. Школа. А у меня их было аж семь. Первая любовь...

Почему выбрал мореходку? Книжки: Жюль Верн, Станюковича, Сергеева-Ценского, «Два капитана» Каверина, других авторов... Романтика юности, а с другой стороны проза жизни. Конечно, хотелось стать писателем или журналистом, учиться

в МГУ или в Литературном институте, но стипендии малень-кие, и помощи ждать было не от кого. А в мореходке - все на полном государственном обеспечении. Тогда было три высших мореходных училища: в Ленинграде, в Одессе и во Владивосто-ке. Конечно, всю жизнь заочно был влюблен в Питер. Но, хотя в то время был и не очень большой конкурс, все же оставалось опасение, что в Европе труднее будет попасть в курсанты. Ко-нечно, если бы был уверен, что окончу школу с медалью, то подал бы документы в Ленинградскую мореходку. Аттестат высылался после остальных документов, и можно было бы еще успеть переиграть, но я подумал, что, возможно, судьба - схать на Дальний Восток. Так оно в конце концов и оказалось. У меня зрение было хуже, чем требовалось для будущего штурмана, и я оказался на судоремонтном факультете...

Какую колоссальную роль в нашей жизни играет случай! Вот война, ведь это тоже в конце концов случай в жизни людей и государства. Из-за войны я попал в село Журавлевку, где встре-тил свою будущую жену, которая тоже по воле случая попала туда. Да и наше рождение - это тоже результат случайной встре-чи наших родителей. Сталин издал в марте 1944 года указ об об-разовании специальных военных и гражданских училищ, в том числе и мореходных. После окончания училища я начал работать в Находке, но дальневосточный климат оказался неподходящим для здоровья жены и надо было уезжать. Жена хотела к родите-лям, которые в это время жили в Караганде. Вот эта цепь слу-чайностей привела к тому, что я с морским образованием вернул-ся в Казахстан. Три момента тут сыграли судьбоносную роль: Сталин, война, жена! В дальнейшем больше играла роль законо-мерность, но и случай участвовал в моем приезде в Павлодар, пе-ремещении в Алма-Ату и возвращении вновь в Павлодар.

В Казахстане решающую роль в моей судьбе сыграл Д.А. Ку-наев... Но чтобы закончить тему мореходки, скажу, что быть капитаном дальнего плавания - это не для меня, ибо, так оказа-лось, я по характеру домосед и все равно плавал бы недолго. Моряки ведь месяцами не бывают на берегу, неделями с ходо-вого мостика ничего не видно, кроме океанских волн, и такая жизнь длится годами.

- Расскажите о жизни в Караганде, особенностях того времени. Как и почему вы оказались на заводе топливной аппаратуры? Почему вам удалось там сделать то, что не удавалось другим?

- В Караганде прожил 18 лет (больше, чем в других городах). Там состоялся как руководитель. Работа на заводах сыграла значительную роль в моей биографии, особенно, когда стал директором Карагандинского завода отопительного оборудования - крупнейшего завода в Караганде и отрасли. Попал туда в тяжелейшее для предприятия время: завод систематически не выполнял план. Три литейных цеха с тяжелыми условиями труда. Загазованность, запыленность, нехватка кадров, большой брак чугунного литья (в год выплавлялось 100 тысяч тонн чугуна).

Как завод стал самым передовым в отрасли - это отдельный разговор. Я думаю, что был прав первый секретарь Карагандинского обкома партии, сказавший: «Если бы Исаев не был директором именно этого завода, другая ему была бы цена». Считаю завод основой всей дальнейшей карьеры.

И опять случай (я не попал на партийную работу сразу после окончания Высшей Партийной школы при ЦК КПСС) сыграл положительную роль в трудовой биографии. Работа на этом заводе способствовала развитию организаторских способностей, которые откуда-то попали в мои гены. Первые год-два было тяжело и мне, и членам моей семьи.

- Считаете ли первую встречу с Д.А. Кунаевым судьбоносной для себя? Как потом складывались ваши взаимоотношения (утверждение первым секретарем Карагандинского горкома и т.д.).

- Вот тут судьба свела нас с Д.А. Кунаевым. Неудовлетворительная работа завода, постоянный дефицит отопительных радиаторов вели к невыполнению планов строительства жилья и других объектов в Казахстане, Средней Азии, и партийные и государственные органы были озабочены этой постоянной «болячкой». Кунаев при посещении Караганды жестко критиковал горком партии за неудовлетворительную работу завода. И когда мы начали выполнять план, он выразил желание посетить завод.

Было это 10 июня 1970 года, в день моего рождения. Это посещение и сыграло «роковую» роль в моей дальнейшей судьбе. Димаш Ахметович, как говорится, «положил глаз» на меня. Ему тогда было 58 лет, и глаз у него был ого-го какой острый!

Поэтому, когда встал вопрос о кандидатуре на должность первого секретаря Карагандинского горкома партии, и обком представил три кандидатуры (меня в этом списке не было, ведь я не был ни секретарем райкома, ни отраслевым секретарем горкома), Д.А. Кунаев отклонил все предложенные кандидатуры и неожиданно для обкома назвал мою фамилию, указав, что не следует оставлять на хозяйственной работе человека, с отличием окончившего ВПШ и проявившего высокие деловые качества на производстве. Выбор первого секретаря ЦК обсуждению не подлежал.

В горкоме я нажимал на выполнение плана, и в городе практически не было отстающих промышленных и других предприятий, выполнялись планы по капитальному строительству жилья, вводу объектов.

Проработал в горкоме менее четырех лет, и в возрасте 43 лет, минуя должности второго секретаря или председателя облисполкома, был рекомендован на должность первого секретаря Павлодарского обкома партии. Конечно, кандидатуры на такие должности обсуждались в аппарате и в бюро ЦК Компартии Казахстана, утверждались в ЦК КПСС, но решающий голос был за Кунаевым. Кстати, в ЦК КПСС для рекомендации на должность первого секретаря обкома направлялись личные дела семи человек и, в случае, если первый по списку по какой либо причине не проходил, рассматривался следующий....

- Первое «пришествие» в Павлодар. Можно ли считать эти годы лучшей, самой интересной и плодотворной порой в вашей жизни? Что особенно помнится из тех лет?

- Конечно, работа в Павлодарской области - пик трудовой биографии, и мне кажется, что удалось проявить свои деловые качества в полной мере. Мне тогда было, повторяю, 43 года. Чувствовал поддержку со стороны республиканского ЦК и ЦК КПСС. Был избран депутатом Верховного Совета СССР. Эти

годы (1976-1981) были периодом наибольшего развития области. Бурно развивался ЭТЭК - Экибастузский топливно-энергетический комплекс, строились крупнейшие угольные разрезы и электростанции, объекты стройиндустрии, железнодорожного транспорта, других отраслей народного хозяйства, торговли, здравоохранения, образования, культуры, коммунальные объекты и большое количество жилья. Рос не только промышленный Экибастуз, в эти годы в два с лишним раза возросли мощности на Ермаковском ферросплавном заводе, вошли в строй новые цеха на тракторном и судоремонтном заводах, на химзаводе, вошел в строй нефтеперерабатывающий завод. Были построены новый пивоваренный и рыбоперерабатывающий заводы, швейная фабрика. Строительная база области была самой мощной в республике. Гордостью павлодарцев стали Дворец культуры тракторостроителей, Дворец пионеров, главпочтамт и железнодорожный вокзал, плавательные бассейны и другие спортивные сооружения, крытый рынок и новый ЦУМ, дом быта и другие объекты. В Павлодаре ежегодно вводилось в строй до 250 тысяч квадратных метров жилья, а в области - до 500 тысяч.

В эти годы наивысшее развитие получило сельское хозяйство области. Посевные площади составляли не менее трех миллионов гектаров в год, в том числе до двух миллионов - зерновых культур. Ежегодно вводилось в строй до семи тысяч гектаров земель регулярного орошения. Строились новые животноводческие комплексы, птицефабрики и свинофермы. Ежегодно возрастало поголовье всех видов скота, возводились в селах дома культуры, детские сады, жилые дома. Область была в первых рядах по благоустройству и озеленению в республике, да и в Союзе.

Только за 1976-1981 годы в Павлодаре было высажено более 65 тысяч крупномерных сосен с комом, а сеянцами более 200 тысяч. Большое количество дорог и тротуаров покрывалось асфальтом, особенно тогда, когда появилась возможность выпускать битум на НПЗ.

Большое развитие получили физкультура и спорт, художественная самодеятельности. Дети и молодежь росли под крылом

пионерской организации и комсомола. Практически не было безработных, наркоманов. Я не припомню громких уголовных дел.

То время в стране названо застоем. Видимо, это имело место, но меньше всего относилось к нашей области.

Таких показателей в развитии экономики и культуры область не имела ни до, ни после «застойных лет»!

И хотя жили не очень богато, а скорее бедно, жизнь была предсказуема, все имели работу, многие - благоустроенные квартиры, люди не испытывали трудностей с охраной здоровья, получением образования, могли позволить себе поехать в другие города страны.

Воздушный транспорт соединял все города республики, за билетами на самолеты и поезда были длинные очереди, а по Иртышу плавали грузовые и пассажирские теплоходы. Многие люди тогда были счастливы...

- Как вы сейчас расцениваете ваше неожиданное освобождение с поста первого секретаря обкома? Или оно не было для вас неожиданным? Сильно ли переживали? Ощущалось ли это как жизненная катастрофа, крушение надежд? Как вы справились со всем этим?

- Дослужившись до значительных высот в служебной карьере, я практически не встречал фактов политической борьбы, интриг и несправедливых гонений. До партийной работы всегда сопротивлялся, когда меня выдвигали на новую должность. Конечно, правила игры того времени не позволяли выступать с критикой первых лиц. Но и упрекнуть меня в подхалимаже никто не мог, это, видимо, и сыграло свою роль при моем освобождении от должности первого секретаря обкома.

В ЦК КПСС не назвали причин освобождения, сказали, что очень уж переживать не стоит: «собак на тебя же не навешали!». Конечно, на такой должности, когда ты на виду у начальства и у масс, всегда можно найти какие-либо «грешки» или упущения. Но если бы что-то серьезное инкриминировали, то потом не назначили бы Председателем Комитета народного контроля республики, членом правительства. Но переживал я, не скрою, сильно, потому что сделано было немало, и здоровье позволяло до-

биваться хороших результатов в перспективе. Область шла впереди других. Но, хотя меня и «подстрелили на взлете», больше обидно было за государство и партию, которые так неэкономно относятся к кадрам такого уровня. Я не запаниковал и в дальнейшем доказал, что со мной поступили несправедливо.

За работу в органах контроля я один среди председателей республиканских комитетов был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Устоять помогла закалка, полученная в годы войны, работа на заводах, особенно в должности директора одного из самых отстающих в стране, опыт превращения его в самый передовой. Никаких «мохнатых рук» у меня не было. И Д.А. Кунаев, поняв свою ошибку, когда послушал каких-то «шептунов», потом вновь выдвинул меня на очень ответственную работу - председателем республиканского комитета народного контроля.

- Где вам вообще лучше жилось: в столице, Павлодаре, Караганде? Какой из этих городов вам роднее и ближе?

- Так получилось, что где бы я ни работал, всегда был доволен своей работой, потому мне было «комфортно» и в Караганде, где я прожил дольше всего - 18 лет, и в Алматы, и, конечно, в Павлодаре, где уже живу больше 16 лет, и где я больше всего «наследил», а точнее, оставил след.

- Кто ваши учителя в жизни? Кто вас по ней двигал? Кому вы особенно благодарны за науку? Что вообще повлияло на становление характера, личности Бориса Исаева?

- В детстве - отец был главным авторитетом. Сам жил строго и нас воспитывал, не позволяя и малейшей разболтанности. Были (хотя и немного) хорошие учителя. Начиная с училища, постоянно жил в каком-либо коллективе. А коллектив - самый эффективный воспитатель. С молодости я на глазах у людей. Кроме родителей, большую роль в жизни сыграли книги, а потом необходимость быть «образцом» для других.

А еще больший «прокурор», больше, наверное, не бывает, в нашей семье - моя супруга. Ее родители - ленинградцы - тоже были образцовыми коммунистами. Как-то так получилось, что вокруг меня всегда оказывались люди, тянущие вверх, а не вниз,

не мирившиеся с самыми маленькими «колючками» в моем характере.

- Почему вы вновь решили вернуться в Павлодар? Не было ли сожаления, ведь вы не раз потом говорили: я вернусь в другой город, другую область?

- Мне очень нравилось жить в столице, но не нравилось существовать в столичных кругах, я не из «паркетных шаркунов». Все же, видно, на роду мне написано жить и работать в областном центре... Были и другие субъективные и объективные причины. В это время ликвидировали органы народного контроля. От предложенного мне крупного поста в правительстве я отказался. Павлодарцы просили меня вернуться в область, где в это время разгоралась междуусобица, которая привела к отставке двух первых секретарей обкома. После меня в области затормозились темпы роста, и мне хотелось продолжить то, что не успел в первый период пребывания в области. Но в это время расформировали Союз, разогнали КПСС, государство и народ были испорчены в годы правления Брежнева и Черненко, горбачевской перестройкой, а область - происходящей склокой... Правильно говорится, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку....

- Что из сделанного вами в вашей жизни считаете наиболее важным, значительным?

- То, что в представленном времени и пространстве состоялся как сын, муж, отец, как человек и работник, как товарищ, друг. Предъявлял жесткие требования к людям, стремясь поднять их человеческую и профессиональную планку, никого несправедливо не наказывал, не снимал с работы, никого не унижал и никому не мстил. Был для подчиненных строгим «бабькой». И врагов много не нажил.

- В первой книге Н.А. Назарбаева «Без правых и левых» есть строки и о вас. Раньше вам довольно часто приходилось быть рядом с ним, расскажите о ваших взаимоотношениях.

- С Н.А. Назарбаевым я познакомился в Караганде, когда он был секретарем парткома Карметкомбината, тому уже почти тридцать лет. Когда я стал секретарем обкома, а он секретарем ЦК Компартии Казахстана по промышленности, был тесно

связан с ним по работе. Отношения были вполне товарищескими - вплоть до разгона советов.

- Вы сами выдвигали людей на руководящие посты. Чем вы при этом руководствовались, часто ошибались? Что говорили себе в таких случаях, если уже ничего нельзя было исправить?

- Да, ни одной «исаевской» сосны я не посадил самолично. Я с самого начала своей трудовой деятельности выращивал кадры. Тогда действовал принцип подбора по деловым и политическим признакам. Была система подбора, расстановки и воспитания кадров. И, надо признать, эта система в целом работала эффективно. Была номенклатура, был резерв на выдвижение. Партийные и государственные органы следили за кадрами, замечали и отмечали способных руководителей. Конечно, был и субъективный фактор при выдвижении на более высокую должность, но рано или поздно незаслуженно попавший на ответственный пост человек получал объективную оценку от соответствующего органа. Я, правда, перескочил несколько должностей, но это было скорее исключением, чем правилом.

Теперь модно заступать на новую должность, привозя с собой свою команду, но я никогда не делал этого. Были ли ошибки? Да, конечно, но не так много. Когда я второй раз приехал в область, с удовлетворением обнаружил, что тех, кого я «посеял» более девяти лет назад, «проросли». Работай и веди себя правильно, и твоя карьера в советское время может сложиться благополучно - так было. Субъективизм стал проявляться в большей степени в последние годы, когда в стране правили «старцы».

- Были в вашей жизни вообще какие-то крупные ошибки, о которых вы теперь жалеете?

- Вряд ли кому-то удалось прожить, не сделав ошибок. Люди меняются, меняются оценки событий. Все любят поговорить, особенно про начальство. Перемьли и мои кости, но очень уж сильно не ругали.

Самые горькие ошибки - это предательство людей, которым верил, их было немного, но жизнь с большинством из них расчиталась с лихвой. А для меня они давно не существуют. На судьбу грех жаловаться - все же в жизни удалось достичь многого.

- Какие качества в людях цените больше всего? Какие - не приемлете?

- Как я уже говорил, больше всего я не прощаю предательства. Не люблю лгунов, людей необязательных, беспардонных, любящих унижить других. Поэтому ценю верность, искренность, обязательность, порядочность. Ценю, когда люди не забывают добро, сделанное для них.

- Кто ваши друзья и почему?

- Таких, как в детстве или в студенческие годы - закадычных почти не осталось. По работе были и есть хорошие товарищи. Но немало и тех, кто отдалился, как только изменилось мое служебное положение. Дружба ведь более прочное чувство, чем, например, любовь, которая может быть не взаимной, несчастной. А дружба не бывает односторонней: «Я с тобой дружу, а ты со мной нет». Истинных друзей бывает меньше, чем пальцев на одной руке.

- Ваше представление о счастье?

- Говорят: счастье - это когда тебя понимают. Но это слишком мало для счастья. Кто-то говорил, что счастье - это не судьба (как, впрочем, и любовь), а талант. Нельзя сделать людей счастливыми, но можно развить в них способность ощущать счастье, если эта способность есть в зародыше. Одни помнят из всей жизни только плохое и считают себя несчастными, а другие, у которых плохого было не меньше, помнят только хорошее, и это и есть настоящие счастливицы, как бы мало радости ни давала им жизнь. Разве не было несчастных принцев и счастливых нищих? Счастье многогранно. Оно существует во времени и в пространстве. Есть миг счастья, бывает счастливый день, месяц, год. Есть счастье в любимой работе. В любви, в семейной жизни, в детях, в здоровье и в смерти. И с неба манна не валится, надо прикладывать усилия и выстрадать свое счастье и счастье других людей.

- У вас нелегкий характер, который, на мой взгляд, не только помогал вам, но и вредил в жизни. И тем не менее вы, похоже, не меняетесь. Что вы можете сказать по этому поводу, как оцениваете свой характер, свою натуру?

- Характер во многом определяется генами. Но и воспитывается - средой, самим человеком. Вот японцы считают, что надо примиряться с ситуациями, ограничивать себя в развлечениях, находить возможность выполнить установленные правила, а причиной несчастья считать самого себя. А Дмитрий Лихачев говорил, что жить в нравственном отношении надо так, как если бы ты должен был умереть сегодня, а работать так, как если бы был бессмертен. А преуспеть в жизни - это значит прожить спокойно, не суетясь, что редко кому удается. Очень важно оставаться порядочным человеком, всегда выбирать путь на абсолютную правдивость. И это только кажется трудным - на самом деле этот путь самый легкий, самый перспективный. На таком пути не будет серьезных претензий к самому себе. Я всегда старался говорить всем одно и то же, чтобы не попасть впропуск, чтобы не обвинили во лжи. Замечательно сказано, что человек - это рыцарь на распутье. И ничего так не разлагает человека, как незаслуженные блага, незаработанные почести.

Но до сих пор в цене те, что лезут в глаза начальству, ловкачи, которым не хватает способностей, но хватает хитрости, чтобы понять слабости начальства и им потакать. Руководитель должен быть решительным, ведь руководить - это принимать решения. Поэтому надо знать, хотеть, уметь успевать, получать результат. Творчески подходить к любому делу, быть способным на самоотдачу, быть социально справедливым. И уж, конечно, повезло, если ты здоров, талантлив и храбр. Характер проявляется в поступках, в делах. Что значит - нелегкий характер? Видимо, слишком прямой, требовательный, не дающий поблажек ни себе, ни другим...

Мало кто знал, что я в душе лирический поэт и не очень люблю публичное внимание. Впрочем, говорят, с годами мой характер стал помягче.

- Мне в общих чертах известна романтическая история ваших взаимоотношений с женой Ириной Валерьяновной. Может быть, расскажете что-то о вашем «почтовом романе» и нашим читателям, хотя бы кратко. О дочерях и внучках - что сочтете нужным?

- Мы женаты уже 48 лет, а знакомы на десять лет раньше. Мы учились несколько лет в одной школе, потом разъехались на пять лет. Но, видимо, нам было суждено быть вместе. А «почтовый роман» - 100 моих писем в течение одного года из Владивостока в Караганду, каждое из которых размером в половину школьной тетрадки. Конечно, такой натиск она не выдержала, покой я ее нарушил, голову заморочил. И через шесть лет после разлуки мы встретились и образовали дружную семью, состоящую теперь из двух дочерей, четырех внуков и двух правнучек!

Дочерей воспитали вроде неплохо, обе получили высшее образование. Теперь им живется трудно, как всему их поколению, не закаленному жизнью, оказавшемуся в нынешнем «первобытном капитализме». Мне кажется, что дети и внуки своими бедами рассчитываются за наши счастливые времена. Дочерей мы держали в строгости, не баловали, о чем я теперь говорю с некоторым сожалением.

- Как и почему Борис Васильевич Исаев стал Василием Луковым? Это один человек, или в чем-то все же разные? Кажется, в последнее время Лукову пишется хуже... Почему?

- Луковым я стал и случайно, и закономерно. В училище был редактором сатирической газеты «Полундра!», баловался стихами. Вообще в юности мечтал стать писателем или журналистом. Но о том, что начну систематически заниматься сочинением стихов, никогда и подумать не мог.

Когда рухнул Союз, когда стало казаться, что жизнь прожита зря (а это совпало по времени с уходом на пенсию), тут-то все накопленное - гордость и обиды за себя и наше положение, куда я причисляю фронтовиков, тружеников тыла и нас - детей войны, вылилось в первую книжку стихов «Возвращение к себе». Она получилась - как крик, всплеск эмоций. И вот уже десять лет я испытываю сладкие муки, мучаюсь в поисках свежих рифм, содержания и форм своих сочинений.

Обычно в серьезном возрасте пишут прозу, мемуары, а я вот никак не перейду к большим формам. Беспокойный характер, эмоциональное восприятие жизни, бурных событий нашего

времени (да к тому же я по гороскопу Близнец) разделили меня на Исаева и Лукова. Конечно, это цельная личность. Биография, гены - это Исаев, а стихи - это Луков. Я и сам иногда читаю свои книжки и думаю, что это написал кто-то другой.

Я думаю, что рассказ, повесть или роман, пьеса пишется по составленному плану, там герои действуют по воле автора, события рассчитаны. А стихи появляются как бы ниоткуда. Мучает какая-нибудь мысль, потом появляется первая строчка, определяющая форму стихотворения, но совершенно неизвестно - какая будет вторая, и чем все кончится. Если есть начало, то легче всего пишется часов в пять утра, видимо, всю ночь в мозгах шли какие-то процессы. В последнее время лирических строк меньше, чем гражданских. Но уже на новую книжку есть материал, но нет средств на ее печатание.

- Вы накануне своего 70-летия. О чем больше всего думается, что вспоминается? Сожалаете ли о чем-то? Мечтаете?

- О чем думаю, о чем сожалею? Я об этом сказал в своих стихах и газетных статьях, большинство из которых публиковались в вашей газете.

Действительность не вызывает оптимизма. Я уже писал, что человек деградирует на фоне общественного прогресса. Это хорошо видно на культуре, а ведь только искусство оставляет вещественные памятники цивилизации. Архитектура (хотя постройки все же разрушаются), картины, книги, ноты, скульптуры, что еще? Классика, шедевры остаются в веках. Архивы. Научные открытия. Но вчерашняя наука быстро стареет. Производственные объекты, предметы - все это исчезает во времени.

Возможно, в сегодняшней науке и есть гении, но в мировом искусстве что-то их не видно. По-моему, литература и искусство переживают глубокий кризис. В русской литературе вошли в моду ерофеевы, аксеновы, лимоновы и другие специалисты по «ненормативной лексике», в скульптуре - церетели, на эстраде - сукачевы, моисеевы, титомиры и т.д. А девицы находятся в переходном периоде - от «голопупия к голопопию»...

Сожалею, что с карты мира исчезло государство Советский Союз, а экономика стран СНГ откинулась на десятилетия назад.

Завидую телеведущим Сенкевичу, Крылову и Дроздову - они весь свет объездили, а я мог посетить только Болгарию, Венгрию, Чехословакию и ГДР. Теперь-то можно в любую страну поехать - были бы «баксы».

Сожалею, что не жил в девятнадцатом веке, в стране гениальных поэтов, писателей, художников, в стране настоящих патриотов, настоящих мужчин и обаятельных женщин. Таковых почти не осталось: измельчал народец.

Сожалею, что история наша опять пошла по кривому пути. Во главе бывших советских республик - бывшие генсеки и другие «партайгеноссы», «кинувшие» свое население.

«От вождей добра не жди - под себя гребут вожди!» - сказал поэт Василий Луков, и я с ним согласен. Ну да, в советские времена мы были «равнобедными», а теперь появились богатые, «новые», «олигархи» - они-то комфортно сегодня себя чувствуют. Ни одна страна СНГ не ставит в центр своих задач народ, бедных, безработных.

А что же народ? Молчит, привык глядеть начальству в рот. А общество, за редким исключением, находится в этот переходный период от социализма к капитализму на стадии «пофигизма», когда всем все до лампочки, все «по фигу», «моя хата с краю» и т.д.

Более-менее активные бывшие специалисты, доценты с кандидатами подались в «челноки», «комки», «шабашники», побежали «за бугор», а большая часть «гегемона» просто обнищала.

Жаль, что жизнь, а точнее, молодость коротка...

- Может быть, я забыл что-то важное... Спросите об этом сами себя - и ответьте.

- Хотелось побольше поговорить о моей журналистской деятельности, о стихах, но это отдельная и большая тема.

Как начинаются стихи, как трудно пишутся стихи, как продолжаются стихи: читайте Лукова стихи!

Заключительные строки этого интервью:

Жить стоит просто потому,
Что мать с отцом тебя родили,
Чтоб жизнь продолжить самому,
Чтоб дети-внуки не забыли!

Извлечения из стихов В. Лукова

Биография жизни короче,
Но не раб человек у судьбы.
Мир безумен, жесток и порочен,
Если сдашься ему без борьбы.

* * *

Что такое любовь, в самом деле?
Яд-дурман, героин-порошок?
То - покой на душе, радость в теле.
Когда вместе вдвоем хорошо.

* * *

Позади - гнилой застой,
Впереди - мираж.
То ли строить храм святой,
То ли рыть блиндаж?

* * *

Мир помнит Трою и Отрар,
Другие города.
А я влюбился в Павлодар,
Похоже, навсегда!

* * *

Век наступил компьютерный,
Хмельной, похабный, муторный...

* * *

Земного рая нет, есть ад:
Житье - сплошная пытка!
Не повернуть в пути назад:
Одна дана попытка...

* * *

За окном бормочет дождик,
Листья падают, шурша...
Я до круглой даты дожил,
Пригорюнилась душа...

* * *

Дождь прошел, на небе солнце,
За окошком птичий грай.
Выгляни, душа, в оконце,
С жизнью в счастье поиграй!

* * *

Молю: на слове не лови,
Не стоит думать об обмане:
Стихи - признание в любви
Принцессе Грез - Прекрасной Даме!

* * *

Попозже бы туда, попозже бы,
Где большинство, где большинство,
Где все становятся похожими,
Где статус - кво, где статус - кво...

* * *

Жизнь - бесконечный мыльный сериал,
Где свои роли я уже сыграл...

* * *

Карают власть за правду, не за ложь,
Пророков судят ироды-пилаты,
Иуду в каждой дюжине найдешь,
Кто правит - прав, кем правят - виноваты!

* * *

Не изменить, увы, судьбу,
Пока не вынесут в гробу,
Ведь невозможно выбирать
Страну и век, отца и мать...

* * *

Смирись с судьбой у смертного одра:
Ты мог уйти в рай или в ад вчера.
Цени прожитый день, и час, и миг:
Ведь смерть всего лишь краткой жизни пик!

* * *

Последнее счастье - проснуться весной,
Когда распускаются почки.
Уйти по-английски тогда в мир иной,
Когда все расставлены точки...

* * *

Не продавайся сатане,
Как Фауст в сочиненьи Гете.
Сегодня души не в цене,
Бессмертье тоже не в почете.

© 2002 г.

“Все, что могу, я на себя беру!”

За те десять с небольшим лет, что мы знакомы с Владимиром Гундаревым, в общей сложности не наберется, наверное, и полутора месяцев, проведенных нами вместе. Что несколько не мешает нам дружить и (пусть это и покажется кому-то высокопарным) чувствовать друг друга на расстоянии.

Все эти годы главным делом жизни Владимира Романовича был и остается журнал «Нива», когда-то им самим придуманный, выпестованный, переживший разные времена, чуть не умерший и теперь снова вошедший в пору своего расцвета. Все эти годы, сам оставаясь в тени, В.Р. Гундарев был, пожалуй, главным собирателем литературных сил республики. «Нива», рассчитанная в свое время лишь на творческие силы Северного и Центрального Казахстана и читательскую аудиторию этих регионов, давно завоевала всеказахстанскую известность. А теперь журнал хорошо знают и в России.

Мне давно хотелось написать о Гундареве. Но так уж вышло, что наши не слишком частые встречи либо не оставляли времени для спокойных и обстоятельных бесед, либо сам он деликатно, но решительно уклонялся от разговора о себе.

И тогда я пустился на небольшую хитрость: составил перечень вопросов и отправил ему, попросив ответить на них письменно. Так родилась эта беседа, которую, впрочем, правильней было бы назвать воспоминаниями Владимира Гундарева о детстве, его размышлениями о собственных жизни и творчестве.

Мы договорились с ним, что будем общаться, как и в жизни, на ты. И еще я попросил Владимира Романовича по возможности проиллюстрировать ответы на вопросы и выдержками из его стихов.

«В душе пора не запорошена...»

- Все мы родом из детства. Каким было твое? Расскажи о родителях, ярких впечатлениях детства.

- Я - человек деревенский. И не стыжусь этого. Родился я 19 июля 1944 года, как говорила моя мама, на восходе солнца. И мне кажется, что этот нежный утренний свет, несмотря на все жизненные передряги, сохранился в моей душе до сих пор, он и помогает мне все преодолевать. Родом я из глухих сибирских краев, из Кыштовского района Новосибирской области, который на северо-западе граничит с Томской областью, а на юго-западе - с Омской. От райцентра до железной дороги - 160 километров.

Здесь березовый свет,
журавлей на болотах рыданье,
Рыжий колос у ржи,
бирюзовые очи у льна.
Вдоль угрюмых урманов,
возле топких озер Васюганья
Протянулась полоской
родная моя сторона.
Простоватой крестьянкой
притулилась у Тары неловко,
Не прельщая красой
и лукаво к себе не маня.
Но всему вопреки
неказистая вроде б - Кыштовка
Год от года дороже,
прекрасней столиц для меня.
Тяготенье земное -
в нем, Кыштовка, твое притяженье, -
Эту властную силу
я всегда ощущаю вдали.
И, старея, к тебе
я свое убыстряю движенье, -
Тут и мама моя
стала горстью родимой земли...

Это уже из стихов последних лет, когда я попытался выразить свое трепетное отношение, свою любовь к этому краю.

Вообще-то родился я в селе Большеречье, но затем отец Роман Тимофеевич вернулся в свою родную деревню Ядрышниково, где жили его родители, младший брат и две старших сестры. Отец был старше мамы на десять лет. Ей было девятнадцать, когда она родила первенца - меня. Отец по тем временам был грамотным человеком - окончил 7 классов, у мамы же за плечами всего два класса. Отец уже повидал мир, жил и работал на Дальнем Востоке, в Амурской области, где жили тогда его родственники, их и сейчас там много. Отец был болезненным, перенес много операций, поэтому и на фронт его не взяли. В Большеречье он был начальником сельской почты, а когда переехал в Ядрышниково, стал вместе с мамой работать в колхозе - пчеловодом на пасеке, а мама ему помогала. Можно сказать, что на пасеке я и рос. До сих пор тепло вспоминаю это время.

Послевоенное детство - как и у всех из моего поколения - было тяжелым. Досыта никогда не ели. С весны до поздней осени мы, ребята, переходили на «подножный корм» - дикий лук и чеснок, ягоды (земляника, клубника, малина, смородина, костяника, черемуха, боярка, шиповник, рябина, клюква, брусника), грибы, рвали в лесу медунки, так называемые «пучки», «шкерды» (очищали их стебли и ели), на берегах озер лакомились молодым камышом. В общем, знали множество съедобных трав. По весне зорили в колках сорочьи гнезда и пекли на костре или выпивали сырыми яйца. Этим и набивали животы. Но есть все равно хотелось. Главное - мало было хлеба. Да и картошки не вдоволь. Весной, когда на огороде сходил снег, мы собирали оставшиеся и созревшие клубеньки, мама их очищала от кожуры, смешивала эту серую массу и жарила нам на железной печурке драники. Вкусноты необыкновенной!

Немного подрос, лет с 6-7 пристрастился к рыбалке. Самодельными удочками (лески из волос конского хвоста) рыбачил на речке Таре, где ловил пескарей, ершей, чебаков, ельцов, окунишек, и на многочисленных озерах, где водились караси и голяны. Увлечение карасями у меня сохранилось до сей поры. В

рыбалке я был удачлив. К тому же это была весомая прибавка в столу. Мама всегда радовалась, когда я возвращался с добычей. Этому умению меня научил мой крестный дядя Саня, он был сторожем на пасеке, мы с ним там ночевали, а раненько уходили рыбачить на озеро Конопляное - в километре от пасеки. По ведру карасей иногда притаскивали! Из всех снастей я признавал только удочки. Кстати, о дяде Сане у меня есть стихи «Все может быть...» Приведу такие строки:

... И только сторож пасеки колхозной
(Был одноногим дядя Саня наш)
Считался человеком несерьезным,
Внося в беседы эти ералаш.
Был весел он, философ деревенский,
Мастак затеять безобидный спор,
То острое словцо вдруг вставит веско
Он в простодушный сельский разговор,
В глазах скрывая синие сполохи,
Невозмутимый сохраняя вид,
Такое скажет, что дружный хохот
Раскатами в деревне загремит.
То новостью внезапной ошарашив,
С три короба, придумщик, наплетет,
Потом, поправив ногу-деревяшку,
Опять сигарку новую свернет.
Любил он повторять одно и то же,
Ладонью припечатывая в такт:
«Все может быть,
лишь быть того не может,
Чего уже не может быть никак»...
Ну и так далее.

Колхоз - он и для детворы колхоз. Сызмальства мы стали помогать старшим. Садил и копали картошку, во время сенокоса (а все тогда делалось вручную и на конской тяге) на лошадях возили копны. Женщины косами-литовками косили траву, а мы, мальцы, когда трава в рядках подсохнет, граблями перево-

рачивали сено. В общем, дел и нам хватало. В уборку, когда подросли, были копнильщиками на уборочных агрегатах, помогали обмолачивать рожь, горох, рвали лен-долгунец. Зарабатывали первые трудодни, на которые по итогам колхозного года мало что причиталось. Впрочем, речь сейчас не об этом. Просто мы не были тогда белоручками и в меру сил помогали родителям...

Да, забыл сказать, что деликатесами для нас, детей, были брюква (особенно пареная), репа и кормовой турнепс. Хлеб же мама пекла в печи ржаной, да и то смешивала муку с тертой картошкой. Вот такие ковриги и насыщали наши голодные рты. Белого - пшеничного хлеба мы (через три года после меня родился брат Михаил) не видели. Такой хлеб ела только семья моего родного дяди Трофима (он работал в МТС бригадиром тракторной бригады), жившая в доме-пятистенке моего деда Тимофея Кондратьевича рядом с нашей неказистой избой. Иной раз, когда голод давал о себе знать, я стоял у высоких тесовых ворот этого крепкого двора и клянчил: «Тетя Лена, откложите лавота (так я произносил слово «ворота»), дайте мне хлеба». Жена дяди Трофима выходила, открывала с щекоты калитку и выносила мне душистый пшеничный ломоть. Многие из той поры стерлось в памяти, а вот это попрошайничество осталось. (Вообще-то хлеб досыта мы стали есть где-то с 54-55 года, когда началось освоение целины).

Дед Тимофей (бывший мельник, а потом шлотник, и очень умелый), мягко говоря, был скуповат и прижимист, под стать ему была бабушка Евпроксия (умерла в 1957 году). Кстати говоря, дед был рыжебород, курил трубку, больше молчал, чем говорил, на нас, внуков, внимания не обращал. Породы он был крепкой, прожил до 86 лет, правда, трубку уже не курил, но стопочку-другую (когда я приезжал в деревню в гости, уже став журналистом) вместе со мной выпивал. Под конец жизни он подбрел ко мне и охотно со мной общался, хотя говорил по-прежнему мало. Наверное, что-то от деда Тимофея (его звали в деревне «дед Тимак») передалось и мне. Во всяком случае, курение трубки. А вот дожить до его лет - об этом и мечтать нечего.

Отрадой той поры для меня была пасека. Я любил там бывать, с любопытством наблюдал за таинственной для меня жиз-

нью пчел, укусов их не боялся (хотя, бывало, что пчелы и жалили меня), любил густой и тяжелый аромат раскинувшегося рядом с пасекой белого поля цветущей гречихи, с которой пчелы собирали тягучий нектар. А когда отец качал мед, я помогал крутить ручку медогонки, а потом с удовольствием ел «ошурки» - срезанные с рамки верхние части запечатанных пчелами восковых сот. Однако не был падок на мед, особого пристрастия к нему не испытывал - в отличие от брата Мишки, который мог съесть этого лакомства довольно много. Пожалуй, именно на пасеке, в прекрасном уединении, я научился общаться с природой, полюбил ее.

О том времени у меня есть написанные еще в молодости стихи «Слово об отце». Приведу несколько строф:

В душе пора не запорошена,
Ее я снова повторяю:
Вот смеха катятся горошины,
С отцом опять я говорю.
В лохматых каплях клевер розовый,
Мы на траве лежим с отцом.
И день - белесый и березовый,
К нам прикасается лицом.
Синичка рядом тонко тенькает,
Спешат куда-то муравьи.
Мое сердчишко бьется птенчиком
От неосознанной любви...

Когда я писал эти и последующие строки, то видел перед собой пасеку и ее окрестности.

«И мне в четырнадцать мальчишеских
Пришлось отчаянно мужаться...»

- Где и как ты учился? Твои воспоминания, связанные со школой.

- В родной деревне Ядрышниково я закончил школу-четырехлетку, а потом стал учиться в семилетке - в соседней деревне Заливино, где жил брат моей матери дядя Алексей, бывший фронтовик. Было одно неудобство - наши деревни находились

друг от друга всего в трех километрах, но их разделяла река Тара. Переправиться на другой берег можно было только на лодке. С этим же постоянно возникали проблемы. Весной и осенью по этой причине не каждый день прибежишь из школы домой, приходилось обитать у дяди Алексея. Да и зимой - в морозы и снегопады - тоже дома появляешься один-два раза в неделю. Вот и жил я у дяди Алексея, принося для питания в тощем мешочке - «сидоре» не то что снесь, а так, что было - ковригу хлеба да шмат сала. Тетя Маруся - жена дяди Алексея - относилась ко мне по-доброму, всем, что было на столе для своих, кормила и меня.

С одежкой и обувкой в то время тоже худо было. Много лет спустя, когда меня на родине узнали как поэта, учитель литературы и русского языка в семилетке Леонид Павлович Полукеев (он, к счастью, жив-здоров и сегодня) рассказывал моей однокласснице Светлане Масловой, с которой мы потом учились в средней школе в Кыштовке (мать Светланы - родная сестра Полукеева): «Никогда не забуду 1 сентября 1955 года. К нам тогда в пятый класс из деревни Ядрышниково пришли несколько учеников. И вот - торжественная линейка. Каждый обут, одет - насколько позволяли возможности родителей. Смотрю - и глазам своим не верю: один вихрастый мальчишка стоит в этом строю... босиком! Это был Володька Гундарев».

Я любил школу, любил учиться. Ровно успевал по всем предметам. Но особенно любил литературу и русский язык. Читал запоем. (Я и сейчас постоянно учусь, правда, больше забываю, чем оставляю в памяти). И Леонид Павлович всячески поощрял мою тягу к знаниям, мой интерес к литературе. Уже тогда я сочинял стихи. Леониду Павловичу я признателен за поддержку. Многим я обязан и своему первому учителю, бывшему фронтовику Михаилу Федоровичу Чебыкину (он тоже, слава Богу, еще во здравии). Михаил Федорович учил меня с первого по четвертый класс и был расположен ко мне.

Через год, где-то с шестого класса, из нашей деревни только один я учился в семилетке, остальные мои сверстники и сверстницы по разным причинам бросили учебу.

В 1958 году я сдавал экзамены за седьмой класс. Только сдал первый экзамен (по математике, получил пятерку), как 2 июня, на Троицу, умер (в 42 года) мой отец. После его похорон я пришел, зареванный, на письменный экзамен по русскому языку и литературе. Директор школы предложил: «Мы тебя освобождаем от дальнейших экзаменов, поставим тебе тройки, согласен?». Но я отказался. Сказал, что буду сдавать. Пишу сочинение, а слезы капают на тетрадные листы... Все же написал. Получил пятерку. На «отлично» сдал и последний экзамен.

После смерти отца (нас у мамы осталось четверо - кроме меня и Мишки, две сестренки: шестилетняя Вера и годовалая Наташка) надо было помогать матери. И я лето работал в колхозе прицепщиком на тракторе у дяди Трофима (к тому времени он стал уже рядовым механизатором). Были не только дневные смены, но и ночные, особенно трудные для меня. Ничего, привык, втянулся. Даже трактором ДТ-54 научился управлять.

Это время тоже запечатлелось в стихотворных строчках:

А пчелы брали мед в гречишнике,
Гудели в желтой мгле акаций.
И мне в четырнадцать мальчишеских
Пришлось отчаянно мужаться.
Мгновенно кончились все праздники,
Мне тяжелее час от часа -
В июньский день на тихой пасеке
Отец скончался...
И плакал я от горя страшного,
Как плачут дети, враз взрослея.
Стал неожиданно за старшего
В своей потерянной семье я...

Вполне возможно, что впоследствии я бы стал механизатором, а то, глядишь, и бригадиром... Но мне хотелось учиться. Уговорил маму отпустить меня 1 сентября в восьмой класс. Средняя школа находилась в райцентре, в 25 километрах от нашей деревни. Значит, в Кыштовке надо было определяться к кому-нибудь на квартиру. Слава Богу, жил не у чужих людей, - у дальних родственников со стороны отца, но все равно не дома... У

меня всегда глаза на мокром месте, когда я смотрю фильм по рассказу Валентина Распутина «Уроки французского». Это и обо мне тоже. Во всяком случае, в отдельных эпизодах узнаю себя, да и окружающая обстановка, дух времени - соответствует тому, что пережил и перечувствовал я.

В средней школе мне очень повезло с преподавателем литературы. Раиса Павловна Рассказова сыграла большую роль в моей судьбе, всячески поощряла мое увлечение стихотворчеством, относилась ко мне... ну... как к близкому человеку, переживала за меня и поддерживала, воодушевляла. И я сам всегда впоследствии испытывал к ней теплые, прямо-таки родственные чувства. Она тогда даже мои сердечные тайны знала. Да и потом, спустя годы, догадывалась, что я всегда любил одну свою одноклассницу. К сожалению, тогда без взаимности. Мы до сих пор с Раисой Павловной в дружеских отношениях. Нынче ей исполняется 75 лет... А пять лет назад она отмечала свой 70-летний юбилей. Как раз в те дни моя младшая дочь Ассоль защищала в мединституте кандидатскую диссертацию. И все же я рванул на юбилей учительницы. Из всех ее бывших учеников я был единственным, кто приехал издалека, даже из другого государства.

Вообще о детстве, о взрослении, о трудной и прекрасной поре жизни можно рассказывать долго и много. Ведь именно там истоки всего. И хорошего, и плохого.

Что касается ярких впечатлений детства, то о некоторых из них я уже рассказывал. К этому добавлю, что когда я пришел «первый раз в первый класс», то сразу же любимой книгой стал букварь (до школы я читать не умел), я полюбил моих учителей, которых называл выше, я был ошеломлен, когда стал понимать и чувствовать неброскую красоту природы. Об одном из ярких впечатлений детства можно узнать из стихотворения «Потрясающие события». Вот его начало:

Не помню в каком году -
возможно, в пятьдесят первом,
Однажды по нашей деревне
полупорка пронеслась.

Шарахались куры и гуси,
в испуге теряя перья,
Но лихо летела машина,
разбрызгивая грязь.
А мы, пацаны босые,
на это чудо глазели,
Затем, подвернув штанины,
за ней припустили вмиг.
И пузырились наши
рубахи из бумазеи,
Мы ликовали: отныне
в колхозе есть грузовик!..

«Нас честными отцовскими глазами
Оценивает Время непрестанно...»

- Первые ростки творчества: как, откуда, почему? Когда ты
понял, что - поэт?

- Я был таким же, как все деревенские мальчишки, и все-таки внутри что-то необъяснимое меня будоражило и томило. В школе я сразу же полюбил стихи, чувствуя в них какое-то волшебство. И мне самому захотелось сочинять, придумывать. Кажется, во втором классе у меня получилось примерно такое: «Вытаращив глаза, бежит по дороге коза». Смешно? С этого все и началось. Мне понравилось рифмовать. Уже в семилетке мое пристрастие к стихам ни для кого не было секретом. А когда учился в средней школе, писал много, меня все называли поэтом, я уже тогда мечтал стать журналистом и писателем. С восьмого класса я стал своим человеком в редакции районной газеты «Колхозный путь». Сначала писал короткие заметки, а уже весной 1959 года было опубликовано мое первое стихотворение. Невозможно передать, что я испытывал, когда увидел напечатанными в газете свои стихи. С тех пор и пошло... Редакция районки стала для меня родным домом, по существу моей первой и главной в жизни газетой. Она дала мне путь в литературу. Поэт ли я - трудно сказать, но стремление им стать не давало мне покоя. Никогда не забуду такой случай. Еще был жив отец

(кажется, это было незадолго до его кончины). Мы сидели за столом, обедали, и я вдруг брякнул: «Папа, а я хочу быть поэтом». Он так посмотрел на меня проницательно, такую боль я увидел в его голубых глазах, что осекся. Отец ничего не сказал. Но уже потом, когда его не стало, я понял, что таил его взгляд. Отец наверняка чувствовал: жить ему осталось мало (год назад в Новосибирске ему сделали сложную операцию, вырезали одно легкое и от второго часть отрезали), а мне придется бросить школу и идти работать в колхоз... «В лучшем случае ты станешь трактористом, надо помогать матери растить младших. Вот тебе и вся поэзия...» Этот отцовский взгляд я чувствую и поныне... Я очень любил отца. И до сих пор для меня он очень дорог, я постоянно ощущаю его взгляд - но уже строгий и требовательный. Много лет спустя я написал стихи, в которых есть такие строки:

И каждый раз, когда моя дорога
К порогу дома отчего вернется, -
Отец с портрета сразу глянет строго,
А мама в грудь мою лицом уткнется.
За худенькие плечи обнимая,
Оцепенею от гнетущей боли:
«Какая же ты маленькая, мама!
Как высохла от горькой вдовьей доли...
Становишься все меньше...

Что тут скажешь? -

Так облако под ярким солнцем тает.
В какой-то миг - представить страшно даже -
Неужто и совсем тебя не станет?..
И все, что с нею связано - то свято,
И дорожу я этим беспредельно.
А мама улыбнется виновато:
«И как тебя я нынче проглядела?
Ведь глаз с дороги не сводила прямо,
И все из рук валялось, право слово,
Как чужая, что ты без телеграммы
Заявишься домой внезапно снова».

И хлопочет оживленно рядом,
И снedyю стол уставит предо мною.
А я, отцовский пригвожденный взглядом,
Стою, не смея сесть к нему спиною.
И спазмы перехватывают горло:
«Ну что, отец, ты душу мне тревожишь?»
И смотришь на меня с немьим укором,
Ведь ты теперь меня уже моложе,
А я все старше буду год от года.
Такое предназначено судьбою.
Я без тебя одолевал невзгоды,
Ну в чем же я повинен пред тобою?
Ведь я над жизнью матери не властен,
От хвори уберечь ее не в силах...
Пусть не всегда
 был путь мой прям и ясен
И ветром по земле меня носило
Из края в край,
 но на дорогах трудных
Я не подвел, ничем не опозорив
Тебя и мать.
 Так было и так будет,
Покуда надо мною светят зори...

Извини за длинное самоцитирование, не удержался... Заканчиваются эти очень важные для меня стихи такими строчками:

... И чтобы о давно ушедших память
Забвения травой не зарастала,
Нас честными отцовскими глазами
Оценивает время непрестанно.

По складу души я лирик, все, что меня тогда окружало, требовало выхода. Чувства, обуревавшие меня, хотелось выразить «складно», своими словами. Так было в начале творческого пути, так и осталось...

Мама - Мария Егоровна - после смерти отца тридцать с лишним лет работала на ферме телятницей, имела немало поощре-

ний и наград, в их числе орден Трудовой Славы третьей степени... Умерла в 1995 году, через два месяца после своего семидесятилетия... Брат и сестренки в свое время (каждый в разные годы и по отдельности) жили у меня в Целинограде, но потом все-таки по разным причинам вернулись в деревню, в сельской местности живут и сейчас. А вот у меня судьба сложилась иначе. Вопреки и наперекор обстоятельствам я шел к своей цели. Знаешь ли, отцовский взгляд меня подталкивал. Отец, как мне представляется, был и остается моим ангелом-хранителем. За последние годы он меня трижды спасал от смерти. Теперь все «лимит» исчерпан... А еще, наверное, и данный мне какой-то божий дар не давал смириться, подталкивал вперед.

«Даже долгая жизнь Все равно коротка...»

- Как вообще пишутся стихи? Что первично: мысль, образ, тема, ритм, настроение?

- Ну, на это я затрудняюсь тебе ответить толково и вразумительно, ибо «тайна сия велика есть». Стихи пишутся и рождаются по-разному, чаще всего стихийно, когда поступит толчок извне, может быть, свыше. Это называют вдохновением. Хотя можно себя и заставить писать стихи. Такое у меня тоже часто бывало. Работаешь-работаешь, пересиливаешь себя, ломаешь преграды, а потом увлечешься - и вдохновение накатило.

А что первично: мысль, образ, тема, настроение? Правил тут нет. Опять же случается по-разному. То вдруг зацепит тебя внезапно возникшая мысль, показавшаяся тебе интересной, не тривиальной, то появится зримый образ или сразу же в мозгу вспыхнет строчка, от нее и начинаешь «танцевать», мгновенно отключаясь от окружающего тебя мира. Много значит и настроение... Все это сугубо индивидуально. Нередко озарение приходит в совершенно неподходящей ситуации. Это может быть и на шумной улице, в грохочущем поезде или в переполненном автобусе. А то и ночью строчка приснится... Первично все-таки Слово... Спроси у своей жены, поэтессы Ольги Григорьевой. Думаю, она ответит то же самое.

Сказывается и настроение. Многие стихи окрашены настроением автора. Оно может быть всяким. В зависимости от него и тональность стихов.

Вот сравни:

Ах, какое настроенье у меня! -
Словно радостью внезапно наградили.
Я иду по бело-синей кромке дня:
И белы деревья, как на негативе.
И дома белы на улице, взгляни:
Облаченные в сугробы изваянья,
Низко крыши нахлобучили они,
Погруженные в свои воспоминанья...

Это относительно ранний Гундарев.

Все так же, как весной,
Бывает в октябре,
Когда в тиши лесной
Стоят деревья голы.
Березы на заре
Блестят, как в серебре,
Но морок пеленой
Окутывает доли.
И дождик проливной
Из низких облаков,
И в речке предо мной
Опять набухло русло.
И стайки воробьев
Сухой находят кров.
Все так же, как весной.
... Лишь только грустно.

Это написано уже в годы зрелости.

А вот строфа из «поздней» лирики:

Даже долгая жизнь все равно коротка,
А ведь я еще даже и не жил.

И тебя, - мимолетно коснувшись виска, -
Слишком мало ласкал я и нежил...

Или вот:

... Теперь же мне под шестьдесят.
Но ясен мой беспечный взгляд,
В душе я молод - ты со мною!
И что оставшийся мне путь,
Коль силы расширяют грудь
И осень кажется весною!

Эти строчки взяты из стихов, выплеснувшихся уже нынче, в 2002 году. Пожалуй, вне зависимости от возраста многое в стихах определяет именно настроение. Но к этому нужны еще умственные и прочие способности.

- Кто поэт, а кто нет? Как это определить?

- Все это субъективно. Ведь существует тонкая и невидимая грань, по одну сторону которой поэзия, а по другую - ее подобие. Если по большому счету, то я боюсь причислить себя к поэтам (хотя хочется верить, что это так). Если же я действительно поэт, то, пожалуй, довольно средний. Ну уж какой есть. Выше головы не прыгнешь. Вообще-то по неуловимым признакам можно отличить поэта от графомана, настоящую поэзию от умелого версификаторства - труднее. Критерии, конечно, есть, но пользоваться ими сложно. Внешние признаки поэзии еще не все, чтобы окончательно определиться и дать оценку автору. Нужно еще и чувствовать нутром.

«Входи, деревня, поименно
В мои сыновние стихи...»

- Как родилась «Деревенька»? Как стала песней? Вспомни истории, связанные в «Деревенькой».

- Как родилась «Деревенька»? Понимаешь, меня всегда тянуло домой, то есть на родину. Но в молодые годы далеко не каждый год удавалось провести свой отпуск в деревне. Это уже позже, став постарше и пока жива была мама, я старался навещать ее ежегодно. Так вот, зимой 1971 года я так затосковал по

родине, что спасу нет. Чтобы облегчить душу, в один присест, примерно за час, написал стихи «Деревня моя деревянная». А потом и еще большой цикл стихов об этом, в том числе и с такими «программными» строчками:

... Не франтоваты, не парадны,
Походки ваши не легки, -
Вы угловаты и нескладны,
Мои родные земляки.
Иваны, Марьи и Семены
Ждут свой черед, светло тихи.
Входи, деревня, поименно
В мои сыновние стихи...

Впоследствии этот цикл составил основу моего первого сборника стихов «Деревня моя деревянная», вышедшего в 1973 году.

Как раз в ту пору началась повальная кампания по уничтожению так называемых «неперспективных» деревень. И мои стихи были как раз стихийным, неосознанным протестом против этого варварства. Кстати, под этот нож чуть не попала и моя любимая деревня Ядрьшниково. Ее спасло чудо - появление песни «Деревенька моя». История ее возникновения любопытная. Сначала стихи «Деревня моя деревянная» были опубликованы в областной газете «Целиноградская правда», потом я их отправил в одну из новосибирских газет. Там-то, видимо, они и попали на глаза композитору Николаю Кудрину, он искал слова, чтобы написать песню о деревне. Мои стихи пришлись ему по душе, он и создал песню «Деревенька моя», взяв из стихов только три, наиболее подходящих, «поющих» строфы. Естественно, об этом я не знал и не ведал. Как потом выяснилось, первым исполнителем «Деревеньки» был самодеятельный ансамбль «Ваталинка», которым руководил Н. Кудрин. Ансамбль пел ее в Кремлевском Дворце съездов на заключительном концерте Всероссийского фестиваля народной песни. Потом ее стал исполнять Сибирский народный хор, а солисткой была заслуженная артистка России Галина Меркулова (с ней я был раньше знаком и даже немного влюблен в нее). Кстати, несколько лет спустя Си-

бирский народный хор приезжал к нам в Целиноград, и эта песня звучала в моем присутствии на концерте во Дворце Целинников. Не скрою, мне было приятно, когда объявили, что автор стихов находится в зале. Пришлось встать... Но это было потом...

В 1973 году «Деревенька моя» зазвучала по Всесоюзному радио в исполнении заслуженной артистки России Нины Пантелеевой и вокального квартета «Улыбка». Тогда-то я впервые услышал эту песню. Правда, автором слов значился И. Гундарев. Осенью того же года я был на лечении в Алуште, увидел афиши, что выступает Нина Пантелеева, пошел на концерт. Вовсе не думал, что для изысканной курортной публики она будет петь «Деревеньку». А она спела... В антракте я набрался смелости и пошел за кулисы, чтобы познакомиться с певицей. Встрече Нина Пантелеева обрадовалась (мы потом долго с ней переписывались), порывисто меня обняла: «А мы с Николаем Кудриным найти вас не можем... Вы знаете, Володенька, какой это замечательный плягер!». Она дала мне адрес композитора, пообещала, вернувшись в Москву, прийти на радио и исправить ошибку в моих инициалах (слово она сдержала). Я написал в Новосибирск Николаю Михайловичу, так мы с Кудриным заочно познакомились. Даже написали еще одну песню - о Сибири, но она такого звучания, как «Деревенька», не получила. К сожалению, с Николаем Михайловичем встретиться нам так и не удалось, а несколько лет назад композитор Кудрин, ставший народным артистом России, умер...

«Деревенька моя» стала звучать и на Центральном телевидении - в исполнении народной артистки России Ольги Воронец, да и вообще - к моей неожиданности - стала в народе очень популярной, в том числе и в застольях, чуть ли не наравне с «Шумел камыш».

Удивительно, но эта песня живет и сейчас, вот уже 30 лет.

Между прочим, Ольга Воронец, однажды зимой, уже в восьмидесятые годы, была с концертами в моем родном Кыштовском районе. Там ее на руках носили. Мне об этом написала бывшая учительница Раиса Павловна Рассказова. А тут сразу же у меня выпала командировка в Москву. Уже в последний день

перед отъездом в Целиноград я пересилил свою застенчивость и позвонил Ольге Воронец (номер телефона у меня был), представился, услышал ее восторженный, но простуженный голос: «Вы знаете, как меня приняли на вашей родине! Хотя морозы были под сорок градусов, но мне было так тепло! На одном из концертов была ваша младшая сестра, мне ее показали. Познакомилась я и с вашей учительницей. Правда, маму вашу не видела, до ее деревни мы не смогли доехать. Но когда я увидела эту природу, то поняла, что стихи о деревеньке могли родиться только здесь... И все же я в Сибири простыла, только вернулась оттуда, сейчас сильно гриппую. Через день-два я буду готова пригласить вас, Володя, в гости». Я поблагодарил Ольгу Борисовну и сказал, что, к сожалению, ночью улетаю. Встретимся в следующий раз... Но так и не получилось.

«Деревеньку» я слышал многократно в прекрасном исполнении и замечательных солистов, и разных коллективов. Но особенно был растроган, когда приехал в родительский дом, вечером мама собрала гостей-односельчан, а потом они после рюмки-другой вдруг переглянулись и запели «Деревеньку». И столько в их непоставленных голосах было искренности, задушевности, что на моих глазах выступили слезы. Испытать такое - счастье. Это высшая награда для автора от земляков. Это моими словами они выражали свою любовь к родной стороне.

- Правда ли, что ты живешь на доходы от своей «Деревеньки»?

- Да, еще в семидесятые годы мои московские друзья пустили шутку: «Гундарев - последний русский помещик. Он до сих пор живет на доходы от своей «Деревеньки». Действительно, если бы в те годы собрать все отчисления, которые я получал за исполнение песни через Всесоюзное агентство охраны авторских прав, в том числе и за рубежом, то на эту «ренту» вполне можно было купить «Жигули». Я же эти гонорары, разумеется, растранирил - не скопидом, не в деда-мельника пошел. Правда, потом, по причине раздела Советского Союза гонорары за «Деревеньку» иссякли, но недавно в сфере оплаты за «труды праведные» произошли изменения, и я получил из России за ис-

полнение «Деревеньки» еще тысячу рублей. Однако «последним русским помещиком» меня уже не назовешь - появились новые помещики. Я им в подметки не гожусь.

«Все, что могу, я на себя беру!»

- Есть ли у читателя Гундарева любимые строки поэта Гундарева?

- Ну и вопросы у тебя, Юрий Дмитриевич... Стихи и книги - это те же дети. Не мною это сказано, но я совершенно с этим согласен. И все они одинаково дороги, даже неудачные. Ведь каждая строчка выстрадана, прошла через сердце. Конечно, со временем к каким-то стихам охладеваешь, но ни от чего из написанного я не отказываюсь. В них вся моя жизнь. Совершенства в стихах, пожалуй добиться не удалось, к тому же оценивать собственные стихи невероятно трудно, восторгаться ими я не могу, но и в обиду их не дам. Назвать любимые стихи - не знаю, не получится, но главные, важные - есть. Хотя бы вот эти:

Когда легко мне что-то удастся
И чувствую, что двигаюсь вперед,
То в спину мне язвительно несется:
«Он слишком много на себя берет!»
Когда же, пересилив злые беды,
Я становлюсь сильней, наоборот, -
Злословят с толку сбитые соседи:
«Он слишком много на себя берет».
Когда я ошибаюсь, не безгрешен,
Советчиков не ставя ни во грош, -
«Друзья» такое выскажут при встрече:
«Ты слишком много на себя берешь.
Чтоб шею не свернуть,
ты помни меру,
Не зарывайся, мы к тебе с добром.
Живи спокойно,
Вот как мы, к примеру,
Мы лишнего на плечи не берем».

Да, я живу, делами перегружен.
Пусть у меня не та, как прежде, статья,
Но если я еще кому-то нужен,
Я на себя не стану меньше брать.
Вновь перед собою ставлю «сверхзадачу».
Пусть говорят:
«Не приведет к добру»,
Но если я еще хоть что-то значу, -
Все, что могу,
я на себя беру!

Возможно, стихи не очень удачны, но в них мое кредо.

- Кто твои поэтические учителя и любимые поэты?

- На этот вопрос можно отвечать бесконечно. Если же ответ сформировать кратко, то моим коллективным поэтическим учителем стала русская классика. Что касается любимых поэтов, то их тоже немало. Стоит открыть любую книгу в моей домашней библиотеке, и в сборнике даже не очень знаменитого поэта, а то и вовсе малоизвестного, можно найти прекрасные классические строки, которыми можно восторгаться. Ведь в историю поэзии можно войти и одним стихотворением, даже одной строчкой. В детстве и юности я очень любил Есенина и Маяковского (и сейчас люблю), Пушкина, естественно, тоже почитал, но всю глубину его гения постиг значительно позже, с возрастом. Надо самому иметь отношение к творчеству, чтобы понять и оценить все величие Пушкина, «поэта на все времена». Я часто обращаюсь к его творениям. Недавно снова перечитал его десятитомник. Пушкин велик в каждой строчке, в том числе в исторических исследованиях, публицистике, письмах... Не представляю русскую поэзию без Лермонтова, Тютчева, Баратынского, Некрасова, Блока... Любимы мною А. Твардовский, П. Васильев, Н. Рубцов, Ю. Кузнецов, В. Соколов, Н. Тряпкин, В. Федоров... Можно ограничиться этим? А то еще придется назвать не менее трех-четырёх десятков фамилий.

«Но Вспоминай и про свою тетрадь...»

- Как ты оказался в Казахстане, чем здесь занимался?

- Как я оказался в Казахстане... Судьба... В сентябре 1960 года, в шестнадцать лет, я уехал из Кыштовки в Кемерово, к дяде Александру, брату отца. Так сложились жизненные обстоятельства, что немного запутался. А тут еще и несчастная любовь... Добрые люди помогли получить паспорт, я вырвался из колхозного «крепостного» права. В общем, уехал. В Кемерово пришел на студию телевидения, сначала сотрудничал внештатно, видно, показал себя, меня взяли в штат младшим редактором «последних известий». Писал тексты к телесюжетам, даже очерки делал. Параллельно учился в вечерней школе. Был активным комсомольцем. Тогда много говорилось о целине. В марте 1961 года Акмолинск был переименован в Целиноград, тема целины зазвучала с новой силой, и я решил поехать в Казахстан. Написал письмо в Целинный крайком комсомола, но, не дожидаясь ответа, махнул в Целиноград, наивно считая, что там без меня не обойдутся. Короче говоря, в конце мая я уже был в Целинограде (мне не было еще семнадцати). Много всякого пережил-перенес. Но опять мне повезло на добрых людей. С газетой «Молодой целинник» не получилось. И я появился на Целинном краевом радио. Несколько месяцев был внештатным корреспондентом, жил только на гонораре, а 1 сентября меня зачислили в штат.

Моим наставником и учителем стал Моисей Михайлович Гольдберг, он что-то увидел во мне, поддержал. Я многим ему обязан. Мы дружим все эти годы, до нынешней поры. В марте 1963 года я стал членом Союза журналистов СССР - одним из самых молодых в стране, ибо у меня уже был необходимый профессиональный стаж. Получилось так, что это я без Целинограда не смог обойтись.

Осенью того же года меня призвали в ряды Советской Армии. Служил три года в Бакинском округе ПВО. Часто публиковался в окружной газете «На страже», в других газетах и даже в журналах. Два армейских года был инструктором политотдела по комсомольской работе. После службы мне предложили три

варианта: поступать во Львовское высшее военно-политическое училище; идти работать в штате окружной газеты; остаться на сверхсрочную службу в вышестоящем политотделе. Но я вернулся в Целиноград, где меня ждали, и стал работать на областном радио редактором молодежной радиостанции «Товарищ». Здесь поэтическим творчеством я стал заниматься уже целеустремленно. И в ноябре 1970 года меня пригласили на работу литературным консультантом Целиноградского межобластного отделения Союза писателей Казахстана. Целых двадцать лет я учился сам и учил других. Это были плодотворные годы. Я написал и выпустил поятора десятка поэтических сборников и художественно-документальных книг. А заметил меня и перетацил к себе тогдашний ответсекретарь отделения Союза писателей, поэт и прозаик Нургожа Уразов, за что я признателен ему. В 1978 году меня приняли в ряды Союза писателей СССР - в 34 года, что по тем временам тоже было редкостью.

Правда, о периоде литконсультантства у меня есть грустные стихи:

Ты рукописи должен разбирать:
Оценивать стихи,
вникать в рассказы
И радоваться каждой
яркой фразе, -
Но вспоминай
и про свою тетрадь.
А там листы пугающе чисты, -
Как осенью пусты
Поля и чащи, -
Тебе сюда б заглядывать почаще,
Но беззаботен почему-то ты...
А заканчивается стихотворение так:
А спохватился:
цель-то далека.
Намереньями
долго жил благими.

И ускользает от тебя строка,
Твои стихи -
Написаны другими.

Хотя, если честно, эти упреки справедливее отнести не к тому времени, а к периоду работы в «Ниве».

- Можно ли считать «Ниву» главным делом твоей жизни?

- Как бы там ни было, - несмотря на это откровенное признание, - я действительно считаю «Ниву» главным делом своей жизни. Ты знаешь, я не мистик, но склонен считать, что был голос свыше. А репродуктором, передатчиком этого повеления стал писатель Алексей Борисович Дебольский, который в августе 1990 года предложил мне взяться за издание регионального литературно-художественного журнала - на северные и центральные области Казахстана. Уверял, что у меня получится. Я и взялся... 17 апреля 2002 года исполнилось 11 лет со дня выхода первого номера «Нивы». Вот уже второй год журнал выходит ежемесячно. Он стал не только всеказахстанским, «Ниву» хорошо знают и за пределами республики, прежде всего, в России... Да, журнал - главное дело моей жизни. Мне кажется так. Я этим живу. Журнал и любовь - для меня все.

- Главные достижения журнала за все годы его существования?

- О главных достижениях журнала за эти годы мне трудно судить. Я пристрастен, мне дорого в «Ниве» все. Думаю, что ты, как многолетний автор и член редсовета журнала, можешь сделать это лучше меня и объективнее.

- Какая «Нива» тебе больше по душе - старая или новая?

- Конечно, прежнюю «Ниву» не сравнить с нынешней. Я тогда отдавал ей всего себя без остатка, отдаю и сейчас. Прежде она доставляла мне очень много хлопот и огорчений, на каждый номер приходилось выколачивать деньги, идти на поклон. Ты это не хуже меня знаешь, сам помогал мне в поиске средств. Правда, тогда я был бедным, беззащитным, но полновластным хозяином журнала. Сейчас ситуация несколько иная. Мне надо считаться с мнением учредителя и издателя «Нивы» - ОАО «Республиканская газета «Казахстанская правда», зато нет финан-

совых проблем. Главное - «Казправда» спасла журнал, когда он фактически находился на грани закрытия. Благодаря этому «Нива» не только сохранилась, но и возродилась, обрела новое лицо. Так что спасибо Анатолию Гурскому и Валерию Михайлову, они взяли «Ниву», может быть, ради меня, а еще и учитывая нужность этого журнала.

Что же касается моих амбиций и честолюбия - то это мне, полагаю, не присуще. Собственную линию в журнале я выдерживаю. В целом мне доверяют. Остальное можно пережить.

- Можно ли считать годы руководства «Нивой» вычеркнутыми из жизни поэта Гундарева? Не писалось или руки не доходили?

- Я просто не представляю, чем бы я занимался, если бы у меня не было «Нивы». Ведь поэзия, литературное творчество в целом всегда были своеобразным приложением к моей обычной жизни и деятельности, хотя и занимали в судьбе видное место. Я же не был поэтом в чистом виде, жил не только литературным трудом. И кто меня сегодня знает как поэта?

В общем, я не могу считать годы руководства «Нивой» вычеркнутыми из жизни поэта Гундарева. Да, в эти годы я стихов писал меньше, чем прежде. Но ведь и возраст подошел, когда «лета к суровой прозе клонят». Не то что не писалось, просто времени не было. И потом: есть изречение, что хороший поэт в год должен писать не больше 10-12 стихов. Это меня утешало. Раньше я писал значительно больше. Потом стал писать меньше 10-12 в год, всего несколько. Следовательно, я - хороший поэт (шучу). К тому же всплески вдохновения у меня бывали и в минувшие годы. Приходит озарение и сейчас. К тому же я занимался документальной прозой, кроме того, переводил с казахского прозу - повести и рассказы. И потом - разве плохо, если поэт руководит журналом, именно литературным журналом, отдавая ему свои знания, опыт, умение, мастерство? О чем еще мечтать в наше время? Слава Богу, что у меня получилось именно так. В молодости мне помогали, теперь я должен помогать другим.

«И хочется до сладких слез любить,
Чтоб целый мир обрадовать любовью».

- Какую пору (периоды) своей жизни считаешь лучшими и почему?

- Прошедшую жизнь я не делю на периоды. Они все взаимосвязаны, один перетекает в последующий. И все прожитое является для меня единым, цельным лучшим периодом, надо ценить то, что было, поскольку впереди у меня практически ничего не осталось, а будущее для меня - это, извини, могила, смерть. А произойти это может в любой момент. «Любовь и смерть приходят навсегда» - есть у меня такая строчка...

- Самые грустные события твоей жизни...

- Самые грустные события моей жизни... Это, конечно, смерть отца и матери, близких, друзей. Я уже очень многих дорогих мне людей потерял. Невольно вспоминается чья-то строчка: «Наша жизнь - это музей, где висят портреты друзей»... Но довольно о печальном.

- Самые радостные...

- Радостных событий тоже было много в моей жизни. Это любовь. Рождение детей и внуков. Что касается творчества, то это первые опубликованные стихи, первая книга... Первый номер журнала «Нива». Достаточно?

- В чем, по-твоему, смысл жизни?

- В поисках ответа на вопрос «В чем смысл жизни» человечество бьется не одно тысячелетие. Лучшие умы теряются в догадках. Если ответить примитивно, то смысл жизни в самой жизни, надо просто жить, радоваться каждому мгновению, но при этом не быть растением, а стремиться к чему-то важному, недостижимому, идеальному, делать добро другим людям, даже зная, что добро, как правило, наказуемо. Да, вспомнились собственные две строчки: «И хочется до сладких слез любить, чтоб целый мир обрадовать любовью». Даже в этом.

- Твое представление о счастье?

- У каждого своя формула счастья. Помнишь, в одном старом фильме прозвучала из уст подростка очень глубокая фраза: «Счастье - это когда тебя понимают». В этом особый смысл.

Для меня счастье - заниматься любимым делом, любить самому и быть любимым. Все это у меня есть. Так что я человек счастливый.

- Расскажи о семье, детях и внуках.

- Так, семья... Я дважды был женат. Дочь от первого брака - Ирина - родилась в сентябре 1963 года, окончила Ленинградский политехнический институт, инженер-механик, живет в Питере. Занимается художественной фотографией. Ее сыну - моему первому внуку - Андрею 13 лет.

Вторая жена - Раиса, по профессии инженер-строитель. У нас с ней дочь Ассоль, 1968 года рождения, кандидат медицинских наук. У нее двое детей. Роману - 12 лет, Виталине - 3 года. Добавлю, я всегда был плохим мужем и плохим отцом.

- Давай не будем заниматься самобичеванием, лучше пойдем дальше. Близкие люди знают, что ты вспыльчив. Всегда был таким или жизнь испортила? Сильно ли мешает тебе это в жизни?

- Ты не можешь без каверзных вопросов... Отвечу как на духу. Да, по натуре я эмоциональный, импульсивный. Вспыльчивый, это верно. Пожалуй, всегда был таким. Могу легко взорваться, но отходчив и незлопамятен. Правда, после инфаркта я изменился, стал сдерживать свои эмоции, контролировать себя, относиться ко всему философски. Теперь мне это удается, хотя изредка все же срываюсь. Но не на работе. Я и в самом деле стал другим, более сдержанным и выдержанным. «Учитесь властвовать собой» - пожелание мудрых. Следовать ему трудно, но возможно.

- Не была ли ошибкой идея создания газеты «Столичный проспект»? Все равно ведь никому ничего не доказал, а сколько сил и здоровья потерял....

- На создание газеты «Столичный проспект» я был вынужден пойти, чтобы сохранить «Ниву», поскольку уже тогда, в 1994 году, оказался в тисках серьезных финансовых проблем. Когда мне предложили взяться за выпуск газеты, я поставил условие: если основной учредитель возьмет на себя и материальные заботы по журналу, на что получил согласие. Хотя на практике трудности с финансированием и газеты, и журнала продолжа-

лись, из-за чего летом 1998 года «Столичный проспект» пришлось закрыть. Но газета за четыре года свою роль сыграла - она была острой, принципиальной, многие люди обращались в «Столичный проспект» как в последнюю инстанцию. А это очень важно.

Я никому ничего не собирался доказывать, хотя действительно истратил много сил и здоровья. Но через газету я проводил и отстаивал собственную гражданскую позицию, свое видение актуальных проблем. Только в «Столичном проспекте» я мог опубликовать то, что считал необходимым, существенным. Хотя это мне и выходило боком. Зато голос мой был услышан.

- Кто твои друзья и почему?

- Много друзей не бывает... В дружбе мне повезло. Правда, мне всегда казалось, что друзья мне давали и делали для меня больше, чем я для них. Но тут уж ничего не поделаешь. Мой самый давний друг, так сказать, закадычный - это известный ныне тележурналист Дукеш Баимбетов. Мы с ним познакомились еще в юности, в 1961 году, когда он работал диктором радио. И вот дружим уже свыше сорока лет. Это настоящая дружба, крепкая, выдержавшая все испытания. За эти годы у нас была всего одна размолвка. В молодые лета. Два больших друга у меня на родине - Михаил Рассказов и Леонид Гяммер. В начале семидесятых стал моим другом авиатор Николай Федоров (ныне он живет в Крыму, но ежегодно приезжает сюда). О нем у меня есть стихи «Восходящие потоки».

К прискорбию, некоторые мои друзья уже ушли в мир иной. Это журналисты Владимир Дроздов, Виталий Криницкий, Геннадий Терец, Борис Гавриленко.

Из оставшихся надежных друзей могу назвать и поэта Владимира Шестерикова, и тебя, Юрий Дмитриевич. Еще мои друзья - журналисты Людмила Леева и Лариса Черезова. Это основной дружеский круг. Есть и много добрых приятелей.

А почему - сказать не могу. Не анализировал. Мне по душе крылатая фраза Михаила Светлова: «Дружба - понятие круглосуточное». Этому стремлюсь следовать.

«Мне одинаково нужны
Сибирские леса и роши,
И даль ишимской стороны...»

- В твоих стихах с одинаковой пронзительной силой звучат как российские, так и казахстанские мотивы... Гундарев - русский поэт в Казахстане или казахстанский в России? Где теперь твоя родина?

- Сложный вопрос... И ответить на него не так-то просто. Казахстан для меня стал второй родиной. Но и без первой, подлинной, я не могу. Впрочем, об этом я написал в 1994 году:

Могло ль в кошмарном сне присниться,
Что стало горькой явью дня:
Теперь Россия - заграница
Для россиянина меня.

«Да что же приключилось с сыном, -
Понять моя не может мать, -
Что иностранным гражданином
Ему втемяшилось вдруг стать?
Ведь не в Америку уехал -
А в том краю, что сердцу мил.
Неужто кто-то ради смеха
Такое людям учинил?»

Нет, не постигнет разум здравый
Враз изменившийся уклад, -
Ведь суверенные державы
Не ставят гражданам преград.
А что у нас? - Единым махом
Воздвигнут был водораздел.
Теперь для омского казаха
И Казахстан - иной предел.
Теперь из каждого аула
Иль отдаленного села
Добраться легче до Стамбула,
Чем до Кургана иль Орла.

Ну разве было неизбежным
Вполне обычное сейчас:
Все то, что в ближнем зарубежье, -
Подальше дальнего для нас?
А если вдруг проехать сможем
Отсель в какой-нибудь Сургут,
То рэкетеры из таможен
Нас, будто липку, обдерут.
Так вышло: я родился русским.
И, значит, мне вменить в вину,
Что вел страну имперским курсом,
Осваивая целину,
(Пустив под Вологдой и Курском
Деревни многие ко дну)?
Гораздо все сложнее и... проще:
Мне одинаково нужны
Сибирские леса и рощи,
И даль ишимской стороны.
И это - в сердце, в этом - счастье,
Навеки соединено,
Не разделить его на части, -
Ведь сердце у меня одно.

Такой ответ тебя устраивает? И вообще - я не та фигура, чтобы галать: русский ли я поэт в Казахстане или казахстанский в России.

- Как ты оцениваешь современный литературный процесс в Казахстане? Что радует в нем и что огорчает?

- Что касается современного литературного процесса в Казахстане, то я могу в какой-то степени судить лишь о русской литературе. И ничего утешительного сказать не могу. Во-первых, государству сегодня литература не нужна. Фактически это вещь в себе. Существует - хорошо. Нет ее - тоже ладно. Для русской литературы есть Россия. И каждый русскоязычный поэт и прозаик варится в собственном соку. Издательское дело преимущественно стало частным. Из русских писателей остались те, что были раньше. Изредка они издаются. Мощного свежего

притока нет. Об этом можно судить по «Ниве» и «Простору». (Кстати, «Простор» мне очень дорог, ведь в этом журнале я часто публиковался в прежние годы. Трудности, выпавшие на долю «Простора», я тоже принимаю близко к сердцу. Наши журналы не конкуренты, а собратья). Хотя изредка талантливые имена возникают. Правда, появилась возможность издавать книги за собственный счет или находить богатого спонсора. Талантливому поэту или прозаику в этом не везет. В основном хлынул серый и мутный графоманский поток. В большинстве своем никакого отношения к истинной литературе эти книги не имеют. Очень редко в «навозной куче» макулатуры появляются жемчужины. Хорошо, что они есть. Но этого мало для того, чтобы говорить об успешном развитии русской литературы в Казахстане. Об этом ты знаешь не хуже меня.

- Через твои руки проходит огромное количество графоманского творчества. Как ты со всем этим справляешься, не возникает ли отвращение к печатному слову?

- Конечно, раньше через мои руки проходило огромное количество графоманских изделий. Сейчас меньше, потому что эту обузу берут на себя в основном сотрудники журнала.

Редакция - своеобразная веялка. В одну сторону летит полова, мякина, шелуха, в другую - чистые зерна. А отвращения к печатному слову нет. Я сочувствую каждому пишущему. В том числе и графоманам. Ведь они не виноваты в том, что природа обделила их талантом... Отвращение у меня к непечатному слову.

- «Поэт в России больше, чем поэт», - сказал когда-то Евтушенко. А кто сегодня поэт в Казахстане?

- Я думаю, что формула Евтушенко была справедливой и верной для того времени, для советского периода. Нынче ситуация совершенно иная. Теперь и в России поэт меньше, чем поэт. То же самое и у нас в Казахстане.

Кто у нас в республике... Не буду касаться казахских собратьев по перу... Да все те же поэты, что и были: Валерий Михайлов, Юрий Грунин, Любовь Шашкова, Надежда Чернова, Валерий Антонов, Бахытжан Канапьянов, Владимир Шестериков, Виктор Семерьянов, Ольга Григорьева, Ольга Шиленко, Сагин-

Гирей... Еще с десятков фамилий можно перечислить. К сожалению, поэтическое слово ныне девальвировалось. Будем надеяться, что появятся новые яркие имена на литературном небосклоне.

* * *

Когда я читал его рукопись, она еще хранила терпкий, резкий аромат табака... И мне легко было представить самого бородатого Гундарева в темных очках, внешне невозмутимого, ироничного, аппетитно посасывающего свою любимую трубку.

Наверное, я бы мог что-то добавить к сказанному им и от себя. Например, то, что он трудоголик, что у него поразительное чутье на талантливых людей, благодаря чему очень многие из них смогли публично заявить о себе со страниц «Нивы». Я бы мог припомнить о его привычках и некоторых чудачествах... Но я не буду этого делать: Владимир Романович исчерпывающе ответил на мои многочисленные вопросы, за что я ему благодарен.

Гундарев мог бы считать свою судьбу вполне удавшейся, даже если бы в ней «случилась» одна единственная «Деревенька», ставшая народной. А он еще создал журнал, без которого нельзя представить сегодняшний литературный процесс в Казахстане. Чего все это стоило - знает только он сам.

Журнал забирал все его силы. Лишь в прошлом году он опубликовал в «Ниве» (второй за десять лет) подборку своих стихов. Там было и такое четверостишие, которое можно считать жизненным кредо Гундарева:

За счастье, за удачу,
За все, что по плечу, -
Сполна плачú и пла́чу,
Пла́чу и плачú.

Я от души желаю Владимиру Романовичу и его любимому детищу долгих лет жизни. А в том, что они будут плодотворными, я несколько не сомневаюсь.

2002 г.

«В своем деле я должен быть лучшим»

Штрихи к портрету банкира

Я знаю его тридцать с лишним лет, но, собираясь на встречу с ним, вдруг понял, что почти ничего о нем не знаю...

... 1970 год. Железинка. Я только что поступил на работу в районную газету «Ленинское знамя»... С трудом устроился на квартиру к женщине с тремя детьми. По вечерам, после работы, заняться особо нечем, и мы с сыном хозяйки - четвероклассником играем в шашки.

За этим занятием нас застаёт незнакомый парень, постарше меня. Он покупает у моей хозяйки молоко, но ее пока нет дома.

- Ты в шашки-то играешь? - спрашиваю парня: мне надоело выигрывать у своего малолетнего партнера.

- Немного, - отвечает он и садится за доску.

После четвертой или пятой я понял, что у меня никаких шансов...

Парень был учителем математики Железинской средней школы и к тому же кандидатом в мастера спорта по шашкам. В то время он играл в составе сборной Казахстана в первенстве СССР по переписке. Я даже не знал, что такое бывает.

... 2002 год. Кабинет директора банка. Передо мной его хозяин - достаточно известный в банковском бизнесе человек - региональный директор «Альянс Банка» Вениамин Яковлевич Беркуцкий - тот самый, что когда-то преподнес мне шашечный урок...

Мы договорились с ним снять некий покров тайны с профессии, до сих пор остающейся одной из самых закрытых.

«В детстве я мечтал быть милиционером...»

- В шашки-то до сих пор играешь?

- Какой там... Давно забросил и связи подрастерял: уж лет пятнадцать не играю.

- Кстати, а почему шашки? Какое-то несерьезное занятие...

- А знаешь, насчет последнего ты не прав... Все произошло случайно. Я искал книги по шахматам, а попалась в библиотеке - по шашкам. Ее содержание меня поразило - оказалось, это такая красивая, захватывающая игра... Я ею увлекся и в свое время даже стал чемпионом Казахстана среди юношей, третьим призером чемпионата Казахстана среди взрослых. А по переписке выполнил норму мастера спорта, кстати, именно в Железинке. Ездить оттуда на соревнования было не так просто, вот я и занялся перепиской... На всесоюзном турнире сильнейших кандидатов в мастера спорта занял второе место, должен был играть на первенстве Союза. Но тут меня призвали в армию, и я стал солдатом...

- А кем ты мечтал стать в детстве? Не банкиром же, наверное...

- Во втором, кажется, классе хотел быть милиционером. Уже не помню - почему. Наверное, форма приглянулась. Потом - непременно шофером. У отца был служебный ГАЗ-69 (помнишь, их еще «бобиками» называли), и он иногда в степи доверял мне руль. До него я сам, правда, не доставал, отец мне под зад свою папку с документами подкладывал...

- Отец был начальником?

- Скорее специалистом высокого класса... Он был тракторостроитель и мама, кстати, тоже... Она работала на Харьковском, а он на Сталинградском тракторном заводе, а познакомились они в Рубцовске, куда эвакуировали оба этих завода. Хотя сначала пунктом эвакуации значился чуть ли не Семипалатинск. Эшелон остановился в Рубцовске, его начальник обратил внимание на каменное здание около станции, что было тогда большой редкостью, и приказал разгружаться... Так родился Алтайский тракторный завод. А первую продукцию в ту военную пору он выпускал под открытым небом.

В Рубцовском музее сохранилась командировка отца, направленного с оборудованием завода из Сталинграда. В двух

книгах есть специальные главы об отце. Он был неординарным человеком: очень энергичным, выдержанным, доброжелательным... В Рубцовске отличился тем, что, будучи начальником цеха, перенес свое рабочее место прямо в цех. Установил верстак и, в случае необходимости, сам ремонтировал вышедшие из строя станки. Работали-то в основном женщины и подростки, которые не были технически подкованы.

Однажды моя будущая мать, которая работала в отделе главного технолога, пришла с каким-то поручением в отцовский цех и, когда ей указали на мужчину в замасленном комбинезоне, даже не поверила, что это начальник цеха... Так они познакомились... И я тоже в Рубцовске родился.

Отец потом осваивал целину - был директором МТС - машинно-тракторной станции на Алтае, начальником моторного цеха на Барнаульском моторном заводе. Он - один из основателей Павлодарского тракторного завода, возглавлял здесь отдел по подготовке производства. Работал на тракторном до пенсии. А в 80 лет, помню, консультировал соседа-студента по начертательной геометрии...

Такой у меня был отец, чье воспитание очень помогает мне в жизни. Он был и остается для меня главным авторитетом.

- Почему же ты тогда не пошел по его стопам?

- Тут опять все решил случай. Как-то мы с отцом и матерью ехали на поезде в Москву, и мать на какой-то станции купила книжку - «Занимательную математику» Кордемского. Суток четверо мы были в пути, и я ее читал, не переставая. Она меня просто сразила - там были такие удивительные задачи!

Уже дома, в Рубцовске, моясь в ванной, услышал, что по радио диктуют содержание математических задач. Крикнул маме: «Запиши!» Она успела записать из пяти последние три. Я их решил, и этого хватило для поступления в Алтайскую летнюю физико-математическую школу. И уже в ней мы участвовали в очередном туре Всесибирской Олимпиады.

Я ни одной математической задачи не решил: уровень преподавания в той школе, где я прежде учился, был невероятно низок. Но я все же прошел этот тур - по физике, которую, по правде сказать, знал еще хуже, чем математику. Экзаменато-

рам понравились мои комментарии к задачам. Они сказали, что я качественно описал процессы (хотя я не знал ни одной формулы). И после собеседования я был зачислен в физико-математическую школу в Новосибирском академгородке. Это была школа-интернат, где учились в девятом-десятом классах ребята со всего Союза. Отличная школа, образцовый порядок, никакой «дедовщины». Каждый семестр сдавали экзамены, неуспевающих отчисляли.

А лекции нам читали светила математической науки. Алексей Андреевич Ляпунов - математику. Много лет спустя я с удовольствием нашел строки о нем в романе Даниила Гранина «Зубр». Ляпунов вместе с главным героем романа, известным ученым Тимофеевым-Ресовским отбывал ссылку на Урале... Собрал там богатую коллекцию камней, которую показывал и нам. Гранин, кстати, тоже пишет об этой коллекции.

У нас преподавали известные теперь всему миру физики Роальд Сагдеев и Спартак Беляев. Один из лекторов приехал на занятия в генеральской шинели - это тоже на нас, пацанов, производило впечатление... Он работал на Семипалатинском ядерном полигоне.

- После школы вас автоматически зачисляли в университет...

- Как раз наоборот. Мы были вторым выпуском. А первый доставил немного головной боли преподавателям НГУ, поскольку наши ребята знали ту же математику не хуже иных своих учителей, дерзили... И уже на нашем выпуске, можно сказать, отыгрались: нас с Юркой Субочем элементарно «зарубили» на вступительных экзаменах по физике. Это было несправедливо, мы пошли к декану разбираться. Он принял беспрецедентное решение - сам нас экзаменовал, предупредив, что все равно снизит каждому оценку на один балл. В итоге Юрка поступил, а я нет... (Кстати, впоследствии мы с Юркой почти в одно время защитили кандидатские и оба заведовали кафедрами геометрии: он в Новосибирском, а я в Павлодарском пединституте). Тут же работала приемная комиссия Томского университета, и я без труда сдал экзамены на мехмат.

«Из университета меня отчислили»

- Помнишь ли самые интересные события из студенческой жизни? Ты был хорошим студентом?

- Самое яркое впечатление - это то, как меня отчислили из университета... Мы были прикреплены к кафедре геометрии. Заведовал ею Роман Николаевич Щербаков - фронтовик, человек с характером, талантливый ученый и организатор. Практически вся сибирская и центральноазиатская геометрия выросла из Томской школы. Мне очень нравились лекции Щербакова - я на них постоянно делал для себя какие-то открытия, просто влюбился в них. Роман Николаевич тоже ко мне хорошо относился - видел, что я люблю и знаю геометрию... Вот он-то меня и выгнал...

- Объясни...

- Я на свою беду увлекся азартными играми - шашками, и, что самое противное, преферансом. Из учебы меня интересовала только геометрия, на занятия я почти не ходил... Тем не менее первый курс закончил без троек. Постепенно привык к легкой жизни... Так же вел себя и на втором курсе. Меня вызвал Роман Николаевич: «Ты все же имей совесть!» Я пообещал исправиться и опять проспал... И он послал заявку на мое отчисление...

Я приехал в Павлодар, меня зачислили на второй или третий курс физмата пединститута. Его я закончил. В институте женился (мы с женой вместе учились), на последнем курсе сын родился.

- Что было потом?

- Работать поехал в Железинку - квартиру пообещали. Два года преподавал там, потом год служил в армии - солдатом, потом год преподавал в Павлодарском машиностроительном техникуме... И вдруг понял: теряю форму, темп жизни... Подвернулось место стажера-исследователя с последующей перспективой аспирантуры. Стажироваться можно было и здесь, но я поехал в Томск, к Щербакову. И знаешь, какими словами он меня встретил: «Ну, что, нагулялся?» Взял на стажировку, я сразу сдал кандидатские экзамены, поступил в аспирантуру. Опять пришел к Роману Николаевичу, он мне рассказал о направлениях работы кафедры, и я выбрал тему...

- И что это была за тема?

- «Преобразования Егорова в квазиневклидовых пространствах».

- Это как-то можно объяснить нормальному человеку?

- Вряд ли... Скажу лишь, что Дмитрий Федорович Егоров - один из основателей Московской математической школы. Эту самую задачу он сформулировал в одной из своих публикаций, причем на французском языке...

- Где ты защищался?

- В Казани. На кафедре университета, которой когда-то заведовал Лобачевский. Там до сих пор существует традиция: заведующие этой кафедрой живут в бывшей квартире Лобачевского. Кафедрой заведовал Александр Петрович Норден, который, совершенно меня не зная лично, принял активнейшее участие в моей дальнейшей судьбе. Ему понравилась моя диссертация, он сказал: «Это настоящая геометрия». Тут надо заметить, что москвичи недолюбливали сибирских математиков (наверное, видели, и не без основания, в них серьезных конкурентов), давили нас, в том числе и по части защиты диссертаций. Я все это испытал на своей шкуре. А Александр Петрович всегда боролся за чистоту в науке и два года писал письма в мою защиту. Они выглядели очень внушительно: полстраницы текста и столько же - подпись, где перечислялись все его регалии.

- Надо полагать, после защиты тебя ожидала вполне размеренная, предсказуемая жизнь...

- Я стал старшим преподавателем, потом - доцентом, потом завкафедрой. Был абсолютно убежден, что мое будущее связано с преподаванием и наукой. Я написал несколько научных статей, видел дальнейшее направление работы, контуры докторской... Но, как говорят в таких случаях, жизнь опять внесла свои коррективы.

У меня на кафедре был небольшой, всего на полставки, курс вычислительной математики. И тут в стране начинается настоящий информационный бум, и эти полставки у нас вырастают в целые направления.

- Сами собой, что ли?

- Нет, конечно... Специалистов ведь не было, а я видел, что за информатизацией будущее. Поехал на курсы повышения квалификации в Новосибирск (где, кстати, и встретил своего друга и однокашника по физмат-школе Юрку Субоча, который, как и я, заведовал кафедрой геометрии).

Постепенно мы наладили обучение информатике, открыли отделение... Получили первые компьютеры, учились писать первые программы. Всю эту работу и вела наша кафедра. Я ею увлекся отчасти поневоле: специалистов не хватало; пока их не набрали, не обучили, чуть ли не все курсы сам читал.

«Умка»

- Расскажи о наиболее интересных делах тех лет.

- Мне опять повезло на встречи с интересными людьми. Одним из самых-самых был Игорь Поливанный. Он работал на алюминиевом заводе, занимался там какими-то рутинными делами. Мне удалось перетянуть его к нам на кафедру, он поступил в аспирантуру.

Я был знаком и его познакомил с главными авторитетами в области информатизации образования - Андреем Петровичем Ершовым и Игорем Максимовичем Бабко. Бабко руководил НИИ информатизации и взял Игоря Поливаного под свое крыло. Работая у нас на кафедре, Игорь написал оригинальную, без преувеличения уникальную диссертацию, защитился...

Но я, собственно, хотел рассказать о другом - разработанном на нашей кафедре программном комплексе для обучения детей элементам информатики - для учеников младших классов.

Игорь придумал и написал совершенно замечательный компьютерный язык с не менее оригинальным названием «УМКА». Идея проста: научить ребенка общаться с компьютером через рисование и исполнение музыки. Главные достоинства «УМКИ» - простота и естественность. Другие существующие в ту пору компьютерные языки надо было зубрить, запоминать, а мы свой рекламировали так: «Попробуй забудь!»

Секрет, может, еще в том, что Игорь оказался разносторонне талантлив: сильный математик, к тому же музыкально ода-

рен, хорошо рисовал. Как математику ему удалось создать очень быстрые алгоритмы рисования, что было чрезвычайно важно, ведь речь шла о весьма несовершенных, «медленных» компьютерах. Именно это особенно понравилось его научному руководителю И.М. Бабко. Я думаю теперь: «УМКА» был лучшим в мире компьютерным языком для обучения основам информатики. А Игорь, кстати, когда защищался, нашел новые «быстрые» алгоритмы, которые по скорости рисования в разы превосходили существующие на то время.

- А на ком вы испытывали «УМКУ»?

- Чтобы отладить в действии всю систему, мы решили провести эксперимент: пошли в соседнюю с институтом третью школу и попросили дать нам десять человек из пятого класса - по числу имеющихся у нас компьютеров «Агат». Мы хотели только мальчиков, думая, что с ними будет как-то проще общаться. Но тут в дело опять вмешался случай. Из Москвы в Павлодар приехала доктор медицинских наук Леонова, руководитель специализированной лаборатории по изучению влияния ЭВМ на детей и подростков. (Лаборатория относилась к НИИ физиологии). И она предложила поработать вместе, попросив взять в группу еще и десятерых девочек. Хочу подчеркнуть, что мы специально никого не отбирали, это делали физиологи - по каким-то им самим нужным признакам... Во всяком случае отличников среди этих девчонок и мальчишек я не помню. А физиологи нам, по правде говоря, только мешали, отвлекая детей своими бесконечными командами: сядь так, голову - туда и т.д.

- И что же дал ваш эксперимент?

- Эффект был просто потрясающий. Я же не новичок в образовании и лишний раз убедился: дети невероятно талантливы все, без исключения. Мы не ставили оценки, давали им полную свободу, а раз в четверть проводили творческий конкурс. При этом каждый из них верстал, что хотел, но обязательно с использованием определенных команд.

Что они только ни вытворяли!

Как-то мы объявили: за первое место в творческом конкурсе будет вручена пятидюймовая дискета - страшная редкость

по тем временам. Кто-то «сконструировал» на экране новогоднюю елку с мигающими огоньками, кто-то движущегося деда мороза, кто-то кремлевские куранты с движущимися стрелками... Одна девочка нарисовала оригинальные кубики, по которым растекался свет... Представляешь, какая художественная фантазия! Для пятиклассников это были сложнейшие задачи, а они еще их сами себе усложняли.

Когда мы вручили Саньке Ютлину эту самую «пятидюймовку», он был по-настоящему счастлив... Несколько дней спустя, 7 ноября, звонит мне в восемь утра и что-то у меня спрашивает или объясняет, связанное с этим делом. А я ничего не пойму спросонок - праздник же, выспаться хотел... Вот как эти ребята относились к нашему эксперименту.

Два года мы с ними отработали, эксперимент закончился. Но всем нам жаль было расставаться. Мы создали кружок при кафедре, кто-то из наших бывших подопечных ходил туда, кто-то «прилип» к студентам. Из 20 человек (подчеркиваю, самых обычных ребят) 18 впоследствии поступили, выдержав конкурс, в различные классы школы-гимназии. Многие потом - в вузы...

- Что же произошло?

- Просто мы помогли им поверить в себя, в свои силы. Нашли себя и те, кто не пошел в информатику. Например, один из них был призером республиканской Олимпиады по физике. А те, кто остался верен ей, выигрывали областные олимпиады, становились призерами республиканских олимпиад - причем, будучи еще восьмиклассниками, когда по утвержденным учебным программам информатика у них только с девятого.

Саша Ютлин уже в десятом классе стал победителем республиканского конкурса компьютерных программ по разделу «Антивирусы». А в этом конкурсе участвовали отнюдь не дети, а лучшие программисты Казахстана.

Теперь Саша и его бывший одноклассник, участник того эксперимента, Виталий Лифанов - старшие специалисты головного офиса нашего банка.

Виталий обеспечивает компьютерную внутрибанковскую связь, а Саша - работу операционных систем. Мы с ними посто-

трики под моим присмотром проложили провода, и я смонтировал сеть только на одной так называемый «витой паре». В Павлодаре мы стали первыми, кто это сделал. Сейчас просто смешно вспоминать, а тогда было столько вопросов, проблем, казалось бы, совершенно неразрешимых... Как бы там ни было, в результате мы заимели самую быструю сеть - информация по ней передавалась быстрее, чем в любом другом банке.

И тогда я успокоился, стал приходить в себя после долгого морального кризиса. Ведь я как бы ответил сам себе на вопрос, кто я такой и что могу.

- И после этого началась твое дальнейшее продвижение по служебной лестнице в «Иртышбизнесбанке?»

- Ничего подобного. Меня пригласили в «ТуранАлем» на такую же должность. Я бы не пошел, но, во-первых, мне показалось, что наш банк «рулит» не туда, а, во-вторых, мне импонировал Серик Салыкович Аманбаев - директор Павлодарского филиала «ТуранАлема».

Компьютерной сети в «ТуранАлеме», который считался одним из самых крупных в Павлодаре, не было вообще. Спроектировал более сложную сеть, установил. Потом пришлось организовывать курсы по ликвидации компьютерной безграмотности. На них ходили все, включая директора, быстро освоили основы информатики.

Через год павлодарский филиал стал одним из лучших среди филиалов «ТуранАлема» по информационным технологиям, уступая лишь головному офису «ТуранАлембанка». Потом внедрили новый программный комплекс. Хорошая получилась сеть - до сих пор работает.

И в Экибастузе тоже пришлось такую же сеть создавать. И все мы делали своими руками, расскажи сейчас кому - не поверят: начальник отдела информатизации шастает по филиалу в грязных штанах...

У нас были большие планы, я привел с собой хороших ребят... Но тут случилось непредвиденное...

- Что-то слишком часто в твоей жизни случалось непредвиденное...

- А ты сам посуди. Однажды Аманбаев говорит мне: «Я уйду». «А кто придет?» - «Ты», - отвечает он. Разумеется, я не мог это воспринять всерьез. В своем деле, конечно, мог считать себя профессионалом. Но руководить банком?! Я на начальников бюджетного и валютного отделов смотрел как на богов... А он мне говорит, что уже согласовал мою кандидатуру, и потом уламывал меня еще дней пять.

В конце концов я согласился и очень благодарен Аманбаеву за этот его нелогичнейший, как мне тогда казалось, шаг. Теперь понимаю - мною попросту затыкали дыру. Филиал-то был финансово убыточным: огромный забалансовый портфель, то есть многочисленные невозвращенные кредиты...

Я пригласил тех, кого считал профессионалами - Ларису Юрьевну Удовик, Венеру Павловну Гилязутдинову, других коллег, попросил помощи. И мы начали работать.

Через очень короткое время оказалось, что мы больше не в убытке, потом «плюс» еще чуть-чуть вырос... И хотя то был просто адский труд, мне это так понравилось! Можем, оказывается!

- И тебя переводят из «и.о.» в директора...

- Нет, приезжает заместитель председателя правления и привозит нового директора - Алпысбая Рахметуллаевича Ахметова (он ранее возглавлял Павлодарский филиал Нацбанка Казахстана, я отношусь к нему с огромным уважением). А меня переводят на прежнюю должность, добавляя в качестве морально-материальной компенсации персональную надбавку к окладу - 300 долларов.

- И ты с этим миришься?

- В душе, конечно, нет: я же уже попробовал сдвинуть такой воз и думал, что могу тянуть его сам...

- Что же дальше?

- Дальше судьба подбрасывает мне очередной «подарок». Открывается вакансия в «Иртышбизнесбанке», и все тот же Сергей Диптан предлагает мне стать «чистым» первым замом, курирующим не только информатику, но и бизнес.

Назначают меня 17 августа 1998 года. Тебе эта дата ни о чем не говорит?

- Российский дефолт?

- Именно так. И в тот же день меня назначают и.о. председателя правления банка. Плюс ко всему уходил я в свое время в «ТуранАлем» из относительно благополучного банка, а вернулся к «минусам». Ситуация, точь-в-точь описанная бароном Мюнхаузенем, когда он вместе с конем тонул в болоте. У меня, говорил он, было два выхода: погибнуть или спастись, и как думаете, что я выбрал? Как известно, он стал сам себя тащить за волосы... Нечто подобное делал и я, по ходу учась торговать валютой, осваивать кредитную политику, другие тонкости банковского дела. Помню, входит начальник валютного отдела: «Клиент положил на депозит десять тысяч долларов». Вроде радоваться надо, а она в панике: надо же что-то делать с этими деньгами, по депозиту ведь проценты придется выплачивать... Пришлось в то время много работать. Мне вообще в этом смысле повезло в жизни: всегда приходилось много работать. Не было готовых людей. Искали, обучали. Много чего было. Но тот год банк закончил с прибылью в шесть миллионов тенге. И это была победа. Пусть маленькая, но победа.

Шаги роста

- После чего началась более-менее спокойная жизнь...

- Если бы так... Как раз в ту пору Национальный банк разработал новые требования для банков республики. Кстати говоря, сделал это первым в СНГ и правильно поступил.

- Какие это были требования?

- Устанавливался минимальный объем собственного капитала банка, более жесткие требования к качеству управления банковскими рисками, к автоматизации, стандартам бухучета и так далее.

Стало очевидным, что маленьким банкам больше не жить (и это логично - они очень неустойчивы, особенно в условиях переходной экономики), но даже и крупные не удовлетворяли многим из перечисленных требований. О нашем и говорить нечего. Так, например, по новым требованиям собственный капитал банка должен быть не менее одного миллиарда тенге, а у нас он

был раз в десять меньше. Владельцы банка поняли, что не смогут выполнить эту задачу, и продали его.

Новые хозяева решили слить «Иртышбизнесбанк» с Семипалатинским городским акционерным банком. Сделали все по правилам, и родился новый банк, сохранивший прежнее название - «Иртышбизнесбанк». Пришел и новый председатель правления - Н.Х. Сагалиева, а я стал заместителем председателя.

Постепенно мы достигли объема собственного капитала в миллиард тенге, выполнили все другие требования Нацбанка и вошли в так называемую первую группу банков.

- Что это значит?

- Первая группа - это те банки, которые выполнили условия новых стандартов, приближенных к международным; вторая - те, что явно стремятся к этой цели; и третья - те, у кого нет шансов ее достичь, их дальнейший удел - переход в ранг кредитных товариществ.

Когда Нацбанк начинал эту акцию, в стране было что-то около сотни банков, потом осталось 38. И этот процесс продолжается - еще недавно их было 42.

Цель, можно сказать, достигнута: в Казахстане действует около двух десятков нормальных, дееспособных банков. И мы - в их числе, причем уже достигли границы первой десятки. Сейчас нормальный банк должен иметь уже не менее полутора миллиардов тенге собственного капитала, чтобы выпустить собственные облигации. Это - приток новых денег; продавая их, как любой другой товар, мы можем и должны зарабатывать на этом. Кроме того, необходимо иметь не менее двух миллиардов, чтобы предоставить клиенту полный перечень возможностей банка Казахстана.

- Удалось ли вам решить эту новую задачу?

- Где-то к весне 2001 года стало ясно: «Иртышбизнесбанк» достиг определенной точки своего развития и дальше расти не может. Не видно было новых энергичных акционеров. Поэтому крупные владельцы решили продать свои акции. После серии длительных переговоров 13 августа 2001 года «ударил по рукам» с покупателями. Прежние крупные акционеры ушли, но-

вые - обладали возможностями, необходимыми для развития банка.

Была поставлена задача - превратить наш банк из регионального в серьезный республиканский. А через три года - войти в пятерку крупнейших банков страны.

- Что поменялось с приходом новых владельцев? Кто они?

- Поменялось многое. Головной офис банка переместился в Алматы, оставшийся финансовым центром Казахстана. Новым стало название банка - «Альянсбанк» (в прежнем присутствовал, если можно так сказать, региональный компонент). Изменилась и политическая ориентация банка...

- А разве у банка должна быть политическая ориентация? Мне всегда казалось, что он должен помогать зарабатывать деньги своим клиентам и зарабатывать сам...

- Ни для кого не секрет, что ряд банков обслуживал (и продолжает делать это) интересы определенных групп людей. Например, того же Аблязова, владеющего, как выяснилось, контрольными пакетами ряда банков.

- И какова же ваша теперешняя политическая ориентация?

- Она - нулевая.

- То есть?

- Маргулан Калиевич Сейсембаев, владелец группы компаний «Сеймар», одного из крупных акционеров нашего банка, на всех встречах с нами не устает повторять: «Наш главный принцип - равноудаленность от всех политических группировок». А в математике равноудаленность тождественна равноприближенности. В приложении к нашей ситуации это - готовность к бизнес-сотрудничеству со всеми, но на взаимовыгодных условиях и без политической составляющей.

- А чем известна группа компаний «Сеймар»?

- Это крупнейший в Казахстане производитель яиц и мяса птицы, «Сеймар» построил крупный, современный бумажный комбинат, осуществляет ряд крупных проектов в России. С приходом «Сеймара» банк получил значительное развитие.

Проекты

- Может быть, я ошибаюсь, но, мне кажется, народ недолюбливает банки и вашего брата - банкира: мол, кровопийцы, наживаются на других, гребут деньги лопатой... Что ты можешь сказать по этому поводу?

- Я с этим никак не могу согласиться. Говоря за весь народ, ты глубоко заблуждаешься... Если бы отношение людей к нам было именно таким, они бы не шли к нам.

- У тебя есть реальные доказательства?

- «Альянсбанком» только в Павлодаре и только в 2001-2002 годах выдано кредитов около четырех миллиардов тенге. Это же заметное явление в экономике. Это сопоставимо с бюджетами городов. Мы в год выдаем юридическим и физическим лицам более тысячи кредитов. Представляешь, сколько фирм и людей живут благодаря этому!. Фирмы работают сами и дают работу тысячам, десяткам тысяч людей; павлодарцы открывают свое дело - кормятся сами и обеспечивают своих близких; платятся налоги, упрочивается положение в государстве...

А ты говоришь - кровопийцы...

- Расскажи в таком случае о наиболее удачных проектах.

- Их много. Вспомню лишь о крупных. Мы, например, кредитовали налаживание в Экибастузе производства ферросиликоалюминия. Это совершенно новая для Казахстана продукция. Всю ее забирает сегодня Карметкомбинат, а просят и китайцы, и японцы, и немцы... Между тем, это был сложный и рискованный проект. Когда мы пришли туда, там была одна маленькая печечка, а теперь - с нашей помощью - настоящий современный завод с большими перспективами роста.

Основные городские маршруты в Экибастузе и рейсы из Экибастуза в Павлодар обслуживают сегодня автобусы «Вольво». Почти все они куплены на кредиты нашего банка. Начиная с нескольких автобусов, а теперь у него целая автобаза.

- Вениамин Яковлевич, а может, не стоит гордиться тем, что мы везем из-за границы всякое старье?

- И опять ты не прав. Да, Игорь покупал не новые, но вполне работоспособные машины - те, что действуют там на маршрутах. Они отвечают всем требованиям безопасности и экологии (шведские экологические стандарты одни из самых жестких в мире)... Про комфортабельность - как для пассажиров, так и для водителей - и говорить нечего: она неизмеримо выше, чем у машин других марок, работающих в области. Кстати сказать, и для наших климатических условий «Вольво» неплохо приспособлены.

Можно посчитать, скольким людям дал работу (с нашей, заметь, помощью), Игорь Вайцицкий. Недавно он выиграл тендер на обслуживание одного из центральных городских маршрутов в Астане.

- Что еще можете поставить себе в заслугу?

- У нас много «завязок» с тракторным заводом и, в частности, расположенным на его территории инструментальным заводом. Его директор Аскар Рахимжан - толковый организатор и финансист. «Инструментальщикам» удалось выйти на нишу, еще не занятую в Казахстане. Речь - о поставках инструмента для ремонта нефтяных скважин. Вообще говоря, это острейшая проблема для нефтяников. И если в мире она как-то решается, то у нас тут полный провал. Я сам в этом убедился.

- Каким образом?

- Когда возникает интересный проект, я должен участвовать в нем не только за столом при обсуждении каких-то вопросов или при подписании документов, но и на всех этапах. Мы с директором завода полетели на Мангышлак, были на нефтяных месторождениях «Мангистаумунайгаза», видели, как они разрабатываются. И финансовый директор крупнейшей компании «Мангистаумунайгаз» господин Гиллер привел нам такие цифры: у «Мангистаумунайгаза» 1300 скважин, а качают нефть лишь 400. Остальные простаивают: нечем ремонтировать - нет инструмента. Дело в том, что нефть здесь залегает на больших глубинах - от 1,2 до двух километров, и трубы очень часто выходят из строя. Нехватка инструмента для их ремонта - сегодня проблема из проблем. На их закупку в год тратится более двух

миллионов долларов. И если завод сможет «закрыть» эту потребность - дать инструмент, удовлетворяющий нефтяников по качеству и по цене, - других партнеров не надо.

И вот наши местные кулибины за два месяца изготовили образцы четырех самых дефицитных инструментов (надо было разработать технологию, сделать оснастку и т.д.) и передали на испытания. И в результате павлодарские инструментальщики получили крупный заказ на первую партию. Был на заводе представитель нефтяников, посмотрел, как идут дела, уехал довольный. Если дело и дальше так пойдет, «Мангистаумунайгаз» будет работать с павлодарцами очень плотно. И другие нефтяники тоже интересуются разработками завода, даже из Тюмени. Это же общая проблема, а работы здесь - на десятки лет.

- Так что, можно сказать, слухи о кончине тракторного завода сильно преувеличены?

- Там создается ряд очень перспективных производств. И мы в них участвуем. Вместе с республиканским банком развития мы довольно крупно участвуем в проекте создания трехручье-вой линии по производству мелющих шаров и стержней и подкат-чушек для прокатных станков. Первые две позиции - мелющая продукция, необходимая для горнодобывающих предприятий, ТЭЦ и т.д. (огромный дефицит сегодня). И точно такой же дефицит - подкат-чушки для металлургических заводов. Этим проектом занимается фирма «Литмашкомплект».

Кроме того, литейное, кузнечное и инструментальное производство задействовано на выполнении заказов для железной дороги. Я тем самым хочу сказать, что на тракторном происходит очень много интересного, тамошние производства начинают очень активно работать на рынке. Хотя этот бизнес и продолжает оставаться весьма рискованным для инвесторов.

- А есть ли, на твой взгляд, перспективы у бывшего основного производства?

- Ты имеешь в виду выпуск тракторов? Безусловно, есть. Это, кстати, касается как гусеничных отечественных машин, так и колесных, типа МТЗ (пока, правда, полностью из деталей и механизмов белорусов).

- Откуда такая уверенность?

- Начинает подниматься село, впервые за многие годы некоторые хозяйства стали приобретать технику. Начинает работать система лизинга.

- Можешь привести примеры?

- Не так давно производственный кооператив «Кирова» Павлодарского района приобрел три новых комбайна, «Галицкое» из Успенского района - пять, «Красиковское» из Щербактинского закупает жатки.

- На ваши деньги?

- Некоторые - на наши. А Руди и Косицын через систему лизинга, то есть в рассрочку, а наш банк выступает гарантом. Это - думающие руководители, не привыкшие жить одним днем. Они очень активно сотрудничают с нами.

- Ну, это известные имена...

- Согласен, но свой быстро набирающий вес бизнес они строят по-новому. Причем, что любопытно, каждый достигает цели по-своему.

- Например?

- Хорошо известен в области бывший колхоз «Победа», где председателем Владимир Пантелеевич Поляков. Мы активно сотрудничаем с ним. Так вот, когда мы, участвуя в реализации областной программы «Личное подворье» стали искать там потенциальных получателей кредитов, то не нашли их. Все люди и так круглый год заняты делом, получают зарплату, корма для подворья - так что им это просто не надо. Совсем иное дело в Акшимане. Руководитель тамошнего крестьянского хозяйства Танарбергенов - клиент нашего банка - сам завез односельчанам: кому птицу, кому поросят, кому овец... Сознательно пошел на затраты, но как хозяйственник и политик поступил очень дальновидно. Акшиман - самая что ни на есть глубинка - больше сотни километров от райцентра. Чтобы люди имели пропитание, заработок, надо дать им для этого возможность. И тогда они не уедут, и сохранится школа и больница, и не умрет сам аул... Настоящим стратегом и патриотом показал себя в Акшимане господин Танарбергенов, чье хозяйство активно кредитуеться нашим банком.

Бауржан Касенов, руководитель крупного крестьянского хозяйства «Астык» из Актогайского района, в свое время боялся банковского кредита... А теперь его из банка не выгонишь. Иногда и дела нет - приходит просто посоветоваться, поговорить. У нас - полное взаимное доверие. И закладывалось оно тогда, когда он мучительно раздумывал - брать - не брать кредит для приобретения гербицидов (сорняки пошли на посевах). Долго сидели вместе, считали - пересчитывали, вместе решали - стоит рисковать или нет. Я ему тогда отчасти даже навязывал тот кредит. И он это оценил. Бауржан научился очень грамотно работать с финансами. И я вижу: таких людей, понимающих, что такое рынок, умеющих работать в нем, становится все больше. И они вовлекают в свою орбиту других людей, дают хлеб им. За такими будущее. И я очень рад, что причастен к их судьбе, способствую их становлению.

- Может быть, расскажешь еще и о каком-то необычном, очень оригинальном проекте?

- «Простых», если так можно выразиться, у нас почти не бывает. За каждым - кропотливая работа, порой долгие, мучительные раздумья и почти всегда - риск. Рискует ведь не только тот, кто берет, но и тот, кто дает кредит... Вот, например, я долго прорабатывал проект кредита на приобретение медицинского оборудования для эндовидеохирургии...

В чем тут была сложность? В том, что впервые хотели закупить продукцию немецкой фирмы «Карл Шторц». А я же в этом ничего не понимаю. И к тому же не было по сути никаких залогов у клиентов, с которыми мы прорабатывали проект, то есть риск был очень высок. Я поехал в Экибастуз, где уже применялась аналогичная аппаратура, но российского производства (отличие - в уровне качества, в наборах инструментов, и еще в том, что немцы вместе с набором оборудования обеспечивали допуск к базе видеоданных с образцами лучших в мире операций по этой части). Я загорелся этим проектом, чуть ли не сам бизнес-план составлял (медикам в этом смысле было достаточно трудно) и все равно боялся, что деньги могут уйти безвозвратно. Нашел представителей фирмы в Алматы, поехал, познакомился

с ними, написал письмо в Москву, где у нее был офис, звонил за границу... Фактически взял всю ответственность на себя...

Теперь у нас в Павлодаре есть это уникальное оборудование...

Суть операций с его применением проста: вместо разреза делается два прокола; в один с помощью специального шланга вводится хирургический инструмент, а в другой «видеоглаз» с шейсовской оптикой; на экране хирург видит всю картину в реальном измерении и оперирует больного. Молодые парни работают на этом оборудовании как прирожденные эндовидеохимиurgi, освоили хирургические, урологические, гинекологические и другие виды операций. Число таких операций, наверное, перевалило за сотню, и пока (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить) ни одного осложнения. Тут, кстати, и наша заслуга: это так называемый длинный проект, в нем, помимо прочего, оговорено и такое условие - больные должны уходить после таких операций без осложнений, то есть пройти достаточное послеоперационное лечение.

Ну, и чтобы закончить тему «необычных» проектов, скажу, что в нашем банке перебивали со своими выставками почти все наиболее известные павлодарские художники.

- Они-то вам зачем?

- У нас есть для этого возможность - большой удобный холл, охрана... Художникам важно выставиться... Нам важно, чтобы людям нравилось приходить в банк... Так что, выходит, мы нужны друг другу... Есть Третьяковка, а есть Арбат, и есть в Павлодаре место, где на улице стоят художники, продавая свои работы... Почему бы и нам не занять свою нишу... И в Павлодаре теперь есть музей, а есть и наш выставочный зал, куда художник может пригласить своих друзей на неформальную встречу.

Современный банк — это...

- Какими в идеале должны быть отношения банкира, банковского служащего и клиента?

- Банкир должен стать полноценным партнером клиента в бизнесе, иначе результата не будет...

- Ты хочешь сказать: клиент должен «отстегнуть» банкиру часть кредита...

- Те времена давно прошли. А сказать я хотел лишь то, что сказал: банкир обязан кровно болеть за благополучие клиента, потому что за этим кроется и его собственное благополучие. И далеко не все и всегда тут меряется деньгами. Я, скажем, иногда занимаюсь «сводничеством»...

- Что ты имеешь в виду?

- Свожу людей - даже, если это не приносит банку никакой финансовой выгоды; помогаю им найти друг друга, договориться... Иногда зарабатываю при этом... головную боль.

У меня есть масса знакомых из самых разных сфер, которые приходят просто посоветоваться, принимая то или иное решение, совсем не обязательно связанное с кредитами. Тот же Косицын, например, или Касенов. Игорь Вайцицкий из Экибастуза (я тебе о нем рассказывал) вообще взял за правило «обкатывать» на мне свои новые идеи. Он открывает автобазу в Астане, присмотрел там помещение, но сомневается - брать или не брать. Поехали, говорит, вместе посмотрим. Я звоню другому нашему клиенту - директору фирмы «Казресурспром» Александру Евгеньевичу Михалевичу и зову его - побудете, говорю, экспертом. Едем, находим вместе приемлемое решение для Вайцицкого, а у Михалевича при этом «наклевывается» свой интересный проект - на поставку в Астану минских троллейбусов.

Случайность? Может быть... Но отчасти закономерная... Так и закладывается режим доверия, долгосрочные контакты... Понимаешь, я не только плотно работаю с ними на всех этапах проектов - от замысла и кредитования до осуществления - мы становимся по-настоящему близкими людьми. Что может быть дороже этого? Кто-то очень хорошо сказал: дружба, основанная на бизнесе, лучше, чем бизнес, основанный на дружбе. Это как раз про наши отношения.

- Сформулируй проповедуемый тобой главный принцип работы вашего банка.

- Я как-то смотрел передачу по телевидению, кажется, это был канал «Би-Би-Си». И вот там один банкир говорит: «Если

у вас проблемы с женой, идите за помощью не к врачу, не к ее родственникам или друзьям - идите в банк, ибо один он всегда кровно заинтересован в том, чтобы вам было хорошо». В идеале банк должен быть своеобразным клубом бизнес-партнеров. Клиентов должно тянуть в банк, они должны идти к нам не только по необходимости, это должно стать для них потребностью. Они должны не только верить нам, но и всегда рассчитывать на наше человеческое участие. А наш долг - руководителей банка, всех служащих - создать соответствующую атмосферу - атмосферу заинтересованного человеческого участия и профессионального консалтинга.

Современный банк, на мой взгляд, должен быть не только финансовым учреждением, но одновременно и социально-общественным... Всякого, кто к нам пришел, необходимо встретить максимально вежливо, дружелюбно и обязательно помочь. Вот такие подходы у своих работников мы и стараемся культивировать.

- Вениамин Яковлевич, да вы чуть не благотворительностью, похоже, занимаетесь - не банк, а богадельня какая-то...

- Не благотворительность, а принцип работы. Сейчас денег в государстве, в том числе и в банках, не хватает, а придет время - будет в достатке. И тогда люди пойдут туда, где работают именно по таким принципам.

- И что, уже идут?

- Идут. По объему депозитов физических лиц мы на втором месте в городе, после Народного банка. А ведь наш банк совсем молодой. В чем секрет? Мы культивируем систему уважительного отношения к клиенту, независимо от того, кладет он на депозит тысячу или сто тысяч тенге. Нам дорог любой клиент. Но именно в большом потоке вместе с мелкими приходят и крупные депозиты. Так что это - самая беспроблемная политика.

- Откуда вы берете кадры, легко ли к вам попасть на работу?

- О некоторых своих коллегах я уже рассказывал. Ведущие отделы возглавляют опытные специалисты-профессионалы. Берем и молодых, растим. В их числе, например, менеджеры кредитного отдела Ирина Квиташ и Виталий Мельник, выпускни-

ки ПаУ и ПГУ. На Ирину мы обратили внимание, когда она проходила у нас практику. А Виталия никто раньше не знал, он пришел и сказал, что хочет у нас работать. Я с ним обстоятельно побеседовал, рекомендовал правлению и рад, что не ошибся.

Неплохо идут дела у Бауржана Суханкулова. Его мы взяли по конкурсу. Объявили, что приглашаем выпускников. Явилось столько отличников... Отобрали его. Он у нас занимается оценкой залогов – это весьма сложное и, разумеется, ответственное дело. И таких молодых специалистов у нас много.

- А немолодых?

- Я – самый старший, мне, ты знаешь, за пятьдесят.

- А по блату к вам можно попасть?

- Как-то по настоятельной просьбе взяли девушку. Проработала неделю – принесла заявление: не могу, говорит, работать в таком режиме...

- А что это за режим?

- Это – большие нагрузки, необходимость многое знать и многое уметь и, конечно, большая ответственность.

- Сколько длится твой обычный рабочий день?

- Во всяком случае он не заканчивается с закрытием банка для клиентов. Часто, наоборот, только начинается, но уже для других дел... Днем – работа с клиентами, вечером встречаемся с руководителями отделов, обговариваем какие-то вопросы, новые идеи. Поверь – это не обязаловка. Вот мы с тобой ведем этот разговор в субботу, уже темнеет. А ты видел – заходила директор Павлодарского филиала Лариса Юрьевна Удовик, хотя никто ведь ее на работу не вызывал; тут же начальники еще двух отделов, некоторые другие ребята. Просто у них есть дела, вот и работают.

Еще наши специалисты непрерывно обучаются. Все, кто работает с клиентами, съездили на курсы-тренинги в Алматы – головной офис регулярно приглашает для этой цели высококлассных специалистов-преподавателей. Люди, как правило, учатся с охотой. Внедрили новую программу «Банк-клиент», обеспечивающую операции без бумаг, посредством электронной связи. Так некоторые из наших работников и клиентов до того вош-

ли во вкус, что теперь еще и переписываются таким образом, обмениваются и не всегда служебной информацией... Ну и пусть – делу же это не мешает.

- Бытует и такое мнение: работа в банке – сплошная рутина, скука смертная. Ты, конечно, уже отчасти доказал мне обратное, но все же: что больше всего привлекает тебя в твоей работе, что в ней самое интересное?

- Когда я только начинал, то всерьез считал: главное – это качество проекта; если он хорошо проработан, то и проблем с возвратом кредита не будет... Но это глубокое заблуждение. Самое интересное и сложное, самое главное – не проекты, не деньги, не машины, а люди. Я давно зарекся оценивать проекты как проекты. Прежде всего меня интересует сам человек, потому что 80 процентов успеха или неуспеха любого дела – это люди.

- А ты не упрощаешь?

- Если мы и ошибались, ввязываясь в неудачные проекты, то ошибались прежде всего в людях. Но, к счастью, крупных провалов до сих пор не было – значит, по большому счету мы в людях не ошибались.

- Самое приятное в твоей работе...

- Люди.

- А самое неприятное...

- Тоже люди... Как ни крути, а мы, повторюсь, не только и не столько финансовый, сколько социальный институт.

- Расскажи о своей семье, увлечениях.

- С женой, Ларисой Матвеевной, мы учились на одном курсе. Она работала, как и я, в школе, потом в вычислительных центрах, возглавляла их в областном почтовом ведомстве, в «Данабанке». Сын закончил спортфак нашего пединститута, преподавал, причем весьма успешно, теперь занимается бизнесом. Нашей первой внучке, Валерии, уже десять лет.

Никаких особых увлечений у меня нет. Шашки остались в прошлом. Я не охотник и не рыбак. Как-то друзья (клиенты банка) затащили на охоту, так я там хоть выспался от души на

свежем воздухе. Люблю Баянаул, Джасыбай, люблю бывать там, хоть и нечасто удается выбраться.

Все мое основное время занимает работа. На ней я обычно допоздна. Однажды пришел домой в семь вечера – жена всполошилась: ты что, заболел? В субботу обычно тоже на работе, а если нет, то голова все равно на работе – сижу за компьютером (они у многих из нас связаны с компьютерной системой банка).

- Сегодня твою жизнь можно считать вполне сложившейся: руководитель крупного банка, уважаемый человек... Но ведь так было (и к сожалению, наверное, будет) не всегда... Что ты говоришь себе в трудные минуты жизни, когда приходится круто менять судьбу? Что помогает тебе выстоять?

- Знаешь, банковский бизнес – это своего рода командная игра. И здесь действуют свои жесткие правила. Мне могут сказать: извини, парень, но ты больше не вписываешься... Кроме того, в любой момент из-за форс-мажора или других обстоятельств может быть не возвращен крупный кредит. И я должен быть готов к этому, как боксер-профессионал на ринге к нокауту. Поэтому моя нынешняя жизнь – это не только бесконечные поиски лучших вариантов, но и бесконечные мучительные раздумья и сомнения: прав я или нет, то ли делаю...

Да, порой мне очень нелегко приходилось в жизни. Но у меня были очень хорошие учителя – прежде всего отец, редкий человек, а еще мой научный руководитель Роман Николаевич Щербаков. У них я учился держать удар, не пасовать перед трудностями. У Романа Николаевича был простой и в то же время универсальный принцип в жизни, который он прививал и своим ученикам – ни дня без результата. Теперь это и мой жизненный принцип. Я прошел хорошую школу жизни и благодарен в ней даже тем, кто меня предавал, ведь они тоже меня по-своему учили и воспитывали. Своими учителями я считаю и всех тех людей, о которых тебе говорил.

- Есть ли у тебя заветная мечта?

- Я всегда делал в своей жизни только то, что мне нравилось, и хочу, чтобы это продлилось как можно дольше.

Что можно добавить к сказанному самим В.Я. Беркуцким? Никакой он не везунчик. Всего и всегда добивался сам. Не боялся браться за новое дело, стремясь стать в нем первым. Всегда много работал. Ставил перед собой высокие цели и стремился к их достижению. Вот, в сущности, и вся формула жизненного успеха. Совсем простая, даже не для математики.

2002 г.

“Бизнесмен достоин уважения”

Валерий Иванович Романченко - человек в Павлодаре достаточно известный. Многие помнят его по работе в обкоме комсомола, в центре стандартизации и метрологии. Несколько лет он был акимом Ильичевского района Павлодара. Но далеко не все знают, что в числе первых в нашем городе Валерий Иванович стал пробовать себя в бизнесе и кое-чего на этом поприще добился.

У него был выбор: остаться на госслужбе (предложения поступали) или вернуться к своему делу. И он выбрал второе. И кроме того, согласился возглавить областной союз промышленников и предпринимателей (на общественных, кстати сказать, началах).

В.И. Романченко не понаслышке знает историю зарождения и развития бизнеса в Павлодаре, многих бизнесменов, психологию этого дела. Он человек с активной жизненной позицией, с устоявшимися жизненными принципами. Мне кажутся интересными и его собственный путь, и его мысли о природе современного бизнеса, о том, что нужно делать для развития отечественной промышленности.

Валерию Ивановичу были переданы вопросы для размышления. А он, как обязательный человек, дал на них письменные ответы. Получилось не интервью, а скорее монолог - о времени, о себе, о том, что его волнует.

Трудней Всего было маме

Я из семьи первоцелинников. Мой отец, Романченко Иван Акимович, бывший фронтовик, до переезда в 1954 году по направлению в Казахстан, работал механиком совхоза “Моревский” Краснодарского края.

По прибытию в Павлодар был направлен главным инженером в совхоз № 23 Лебяжинского района. С того времени вся его жизнь была связана с Лебяжинским Прииртышьем.

Я с детства был в восторге от значимости того дела, которое делали мой отец и его односельчане, от того некорыстного, полного самоотдачи и самозабвения отношения к работе. С детства я несу в памяти имена таких людей как Петр Мефодьевич Выборный, Куляй Щербакбаева, Казбек Жапаров, Александр Лаптев, Григорий Костылев, Иван Савчук, а затем в совхозе им. Джамбула Николай Тенц, Николай Зотов, Иван Фомин. Родители называли их по именам, так я их и запомнил, не зная многих по отчеству. Эти имена навсегда связаны в моем сознании с запахом солончаковой пыли и испепеленной солнцем пожухлой травы, снежной поземкой на бескрайних проселочных дорогах. Эти имена вместе с именами моих босоногих сверстников - золотой ореол моего счастливого детства.

Я был единственным ребенком в своей семье. Моя мама, Раиса Федоровна, детей больше иметь не могла, и вся ее любовь и жаль отдавалась мне.

В страду я своего отца не видел неделями. Я просыпался - его уже не было, ложился спать - он еще не возвращался с работы.

Тяжелей всего в первые годы нашей жизни на целине было маме. Детских садов в совхозе не было, и ей, как и многим женщинам того времени, приходилось посвящать себя воспитанию детей, работе по хозяйству. Она скучала по прежней жизни, по большой семье своих родных, по родному цветущему краю. Тайком, случалось, плакала.

Когда я подрос, мать стала работать бухгалтером.

Жизнь шла своим чередом, и в этой жизни были и друзья, и события. Общие заботы, общение сплачивает селян. Такого чувства единой семьи никогда не возникает в городе. Но печаль о прошлой жизни ушла с приходом новых забот.

Несмотря на то, что в семье я был единственным ребенком, меня с раннего детства приучали к труду. Работа по хозяйству, а держали мы, как обычно, и скот и птицу, была делом обыденным.

Начиная с шестого класса, я вместе со своими сверстниками летом работал то на току, то на сельхоздворе, то в МТМ. После восьмого класса уже имел две специальности - кинемеханика и токаря. Охотно принимал участие и в спортивных со-

ревнованиях, и в художественной самодеятельности. Большим университетом и окном в жизнь для меня была огромная по тем временам частная библиотека и ныне здравствующего (в то время нашего односельчанина) Михаила Павловича Большакова.

Окончил я Лебяжинскую среднюю школу, куда мы ежедневно ездили на "летучке" за семь километров. Я до сих пор удивляюсь, с какой любовью, самоотдачей работали педагоги и в Джамбуле, и в Лебяжем. С той поры питаю большое уважение к людям этой, как правило, плохо оценивающейся в нашем обществе профессии.

Начинал мастером

После школы поступил в Павлодарский индустриальный институт. Здесь дважды избирался секретарем комитета комсомола факультета, был в стройотряде, ездил на сельхозработы, стоял у истоков зарождения в Павлодаре КВН-овского движения. Был принят кандидатом в члены партии, и тут же мне было отказано в приеме в члены КПСС из-за моей несговорчивости и упрямства.

По окончании института женился (супруга параллельно заканчивала учебу на машфаке). По распределению начал работать мастером участка на Инструментальном заводе, в прекрасном коллективе, основу которого составляли мастера высокой пробы, приехавшие сюда с Уральских заводов, Юрий Миленцевич Данилов, Виктор Иванович Шумилов, Рудольф Сергеевич Рокин, муж и жена Симаковы, Леонид Аввакумович Иванов. Эти люди, которые были вдвое старше меня, приняли как родного, видя во мне желание познать свою профессию. Я очень многим обязан их чуткости и такту. Работа у меня складывалась, уже через полгода меня назначили старшим мастером участка, но настойчивое предложение перейти на работу в обком комсомола круто изменило мою жизнь.

Пять лет проработал в комсомоле. В 25 лет был рекомендован обкомом партии на должность начальника областного управления профтехобразования, но в Алма-Ате председатель госкомитета воспринял это как что-то несерьезное.

Работая в обкоме комсомола, вновь стал кандидатом в члены партии.

Райком не утверждал решение первичной парторганизации девять месяцев. Потом все же утвердили, а меня направили на два года срочной службы в армию. По окончании службы долго не мог устроиться на работу.

Помог мой учитель, у которого я защищал свой дипломный проект, Макар Мусаевич Жасимов. Он пригласил меня работать в качестве младшего научного сотрудника на свою кафедру. Содержать на зарплату в 80 рублей семью (а у нас с женой уже была четырехлетняя дочь) было невозможно, и даже часы лабораторных занятий не помогали.

Пришлось все начинать сначала. Вернулся на свой завод мастером. Было тяжело морально, материально. Спасибо, мои родители помогали.

Родной рабочий коллектив вдохнул и силы, и надежды, а терпения у меня к тому времени было уже достаточно.

Со временем избрали меня секретарем парткома завода, а через три года пошел в цех начальником, но поработать долго не удалось, я не устраивал новое руководство завода и пришлось уйти.

Вновь сложные поиски работы... Потом старые друзья порекомендовали меня на работу в центр стандартизации и метрологии. Семь лет проработал в этом коллективе в качестве заместителя директора. Очень теплые воспоминания сохранились о тех днях. Вячеслав Михайлович Артемьев, умный, грамотный руководитель, дал мне возможность, не боясь, что это пошатнет его авторитет, реализовать много моих идей.

За семь лет из тесной лаборатории госнадзора предприятие было превращено в высокооснащенный центр - один из лучших в республике, для работников построено более 20 квартир, центр стал осуществлять все виды государственного надзора на своей территории.

Пришла перестройка. Нами было создано акционерное общество "Сертификация", которое стало проводником зарождения в Казахстане национальной системы сертификации.

Все эти годы я постоянно учился, закончил армейскую партийную школу, курсы Высшей комсомольской школы, курсы патентоведения, курс обучения академика А.Г. Аганбегяна на ПО ПТЗ, курсы Академии народного хозяйства СССР, аспирантуру ВНИИСА и т.д. Уверен - деловая карьера человека не может состояться, если он постоянно не занимается самообразованием.

Всегда был "неудобным"

Когда увидел, что у акционерного общества полностью исчерпаны резервы, а перспектива его развития руководство Казгосстандарта не устраивает, ушел в торговый бизнес, образовав товарищество с ограниченной ответственностью с бывшим своим коллегой по центру стандартизации и метрологии Анатолием Ивановичем Бизяевым.

Занимались торговым бизнесом, делали всё, что давало возможность заработать. Торговали мебелью, товарами народного потребления, затем нефтепродуктами, занимались снабжением предприятий необходимыми комплектующими. При этом сами разгружали на первых порах вагоны с товаром, сами занимались продажей.

Живет моя семья до сей поры в квартире, которую я получил, работая в центре стандартизации. Ходил на работу пешком. Наша фирма сначала арендовала комнату в центре стандартизации, а затем рядом построила свое отдельное здание, громко называемое с той поры "офисом".

Ходил обычно мимо рынка на углу улиц 1 Мая и Свердлова (ныне Ломова). Рынок был неухожен, вечно с запахом гнилой луковичной шелухи и отбросов. В один из летних дней решился, пошел на прием к незнакомому мне в то время главе города В. Пыхтину. Он долго сомневался в серьезности наших намерений, но потом поверил, сказав: "До конца года приведете в порядок - будет рынок ваш".

Мешкать было некогда, осень уже заканчивалась. Нашли организации, которые согласились уложить асфальт, сварить лотки, ограждения. И к зиме все в основном обустроили. Строили с условием отсрочки платежей за выполненные работы. К

началу лета следующего года мы постепенно рассчитались за них, в основном за счет доходов, получаемых уже с обновленного рынка, названного в память об историческом названии района - "Затонским рынком".

Так как наша компания уже долгое время занималась оптовой торговлей нефтепродуктами, возникла мысль о строительстве АЗС - автозаправочных станций. Сейчас у нас в системе "Казбек" работает четыре АЗС. Самым сложным в этом деле было пробить заслон чиновничьих препон. Получение разрешительных документов длилось порой до одного года. Я думаю, до сих пор у любого бизнесмена, собирающегося открыть свое дело, это самый серьезный камень преткновения, как в моральном, так и в материальном плане. А мы строили в основном в рассрочку, либо используя чужие оборотные средства, на небольшое время задерживая их возврат по завершению операции, либо оплачивали работы после ввода объекта от прибыли его деятельности. Естественно, и в первом, и во втором случае, как правило, это явно или неявно оговаривалось договорами. И мы их стремились исполнять как подобает.

Сейчас этот бизнес не приносит прежних дивидендов, конкуренция значительно их снизила. Но это закон бизнеса - нельзя стоять на месте.

Год работы акимом Ильичевского района Павлодара дал мне широкий круг знакомств, опыт, но отрицательно сказался на бизнесе, мы немного потеряли темп. Сейчас думаем вместе с компаньонами над новыми проектами, они достаточно сложные... Хватило бы сил, да улыбнулась бы фортуна.

Я всегда, на мой взгляд, был "неудобным" человеком: вникал во все, спорил и доказывал, если был с чем-то не согласен... А нас заставляли ходить "в ногу", шаг влево-вправо - это расценивалось, как непослушание и немедленно пресекалось. Видимо, поэтому мое поколение, под 50 и старше, не смогло найти себя в рыночных отношениях. Многие приучены были быть "исполнителями" и испытывали полную растерянность при создании своего бизнеса, боялись рисковать, брать на себя ответственность. Я уговаривал многих "рукастых" слесарей с тракторно-

го: “Открывайте свои мастерские на Затонском рынке, ремонтируйте замки и прочую домашнюю утварь и всегда будете иметь свой кусок хлеба. Но... боятся даже братья: “А вдруг дело не пойдет?”. Куда спокойнее и удобнее по привычке ездить к проходной завода, где уже давно не платят денег. Нынешнее поколение - менее зависимо от окриков и муштры, у него другая ментальность, этих людей только надо научить направить свою энергию в нужное русло.

Экономика любого общества развивается по определенным законам. Некоторые первоэтапные из них разработаны ещё в XIX веке английскими учеными. В свободном предпринимательстве свое развитие прежде всего получает торговый капитал, затем на его основе - промышленный. Наши предприниматели это ещё раз подтвердили. Сначала все занимались, что у нас называли “купи-продай”. А теперь у людей на основе заработанных денег появляются собственные магазины, бары, рестораны, аптеки, заправочные станции, автомойки, производства - прежде всего алкоголя, продуктов питания, мебели. Следующим этапом наверняка будут: запасные части к автомобилям, автоаксессуары, бытовая химия, швейные изделия (я имею в виду серийное, а не индивидуальное производство), несложная бытовая техника. Машиностроение в полном смысле этого слова заинтересует наших предпринимателей не раньше чем через пять лет.

Вообще-то, предсказывать дело неблагодарное - проживем - увидим.

В нашем городе богатых нет

Что такое богатый человек? В каждой из стран на этот счет существуют свои оценки. Наверное, я не ошибусь, если скажу, что в нашем городе людей богатых в том смысле, который подразумевают под этим словом жители состоявшихся стран, попросту нет.

Учитывая, что наша страна находится по уровню социального развития в общем списке стран на месте ниже девяностого, у нас богатым считают того, кто имеет особняк, машину (иномарку), какое-то дело (свое). В развитом мире эта ситуация обыденная, рядовая.

На мой взгляд, даже самый богатый, по нашим понятиям, человек сегодня не может называться состоятельным, потому как неизвестно, что произойдет с ним, с его бизнесом в ближайшее время. Богатым, состоятельным человек может быть только в богатом, развивающемся обществе. Из богатой страны люди не уезжают, потому критерием стабилизации экономики в нашей стране можно будет смело считать приостановку отъезда из Казахстана людей прежде всего не титульной нации.

А богатыми люди становились по-разному. Кто-то, как пишет неизвестный автор монографии под названием "Казахстанские кредиты", получил при правительстве С. Терещенко безответственные (под гарантии налогоплательщиков страны) кредиты. Некоторые фирмы, получившие эти кредиты, хорошо известны павлодарцам.

Другие, используя свое руководящее положение, вместе с приближенными на первом этапе перестройки "вымыли" на введенных им предприятиях оборотные средства за счет приобретения сырья, комплектующих по завышенным ценам. Но эти, разорив свои предприятия, и сами поставили себя в плачевное положение - предприятия нет, работы нет, деньги кончаются быстро.

Некоторые наоборот сохранили свои предприятия, а затем приватизировали их вместе с коллективами. И естественно, основной пакет акций предприятия достался им - руководителям. И это в большинстве своем стало действительным благом для всех.

Нашлись люди, которые не видя перспективы в прежней своей работе и став "челноками", с помощью своей интуиции и деловой сноровки, достигли значительных результатов.

Конечно, при достижении своих целей людьми использовались все возможные пути. Для некоторых этот путь шел через нелегальную торговлю спиртом, табаком, другими видами товаров. Немало людей, которые достигли своего положения, действительно откликаясь на вызовы времени, мобильно переориентируя свое дело в нужном направлении.

В конечном счете, всех этих людей отличает энергичность в действиях, неуспокоенность, инициатива и умение делать свое

дело. По-моему мнению, человек, сумевший скопить капитал, создать с его помощью свое дело, сохранить это достояние для себя и для людей - уже достоин уважения. Даже не особенно вдаваясь в детали происхождения этого капитала, конечно же, если он не сопряжен с криминалом самых низких форм.

Что же касается законности, то многих законов у нас фактически ещё нет, иначе бы они не менялись чуть ли не ежедневно. В чехарде этих изменений не всегда может разобраться специалист - не то, что бизнесмен или простой человек, которому надлежит исполнять эти законы. И если бизнесмен будет следить только за их неукоснительным изучением и исполнением, у него просто не хватит времени делать свое дело. Назрела явная необходимость наряду с принятием нового налогового законодательства принять мораторий на внесение поправок в него. Я думаю, что на первое время нужно установить порядок, при котором нововведения, отражающиеся на деятельности любого бизнеса, могут вводиться только с нового финансового года. От этого никто бы ничего не потерял.

Закон есть закон. Закон должен стать устойчивым требованием общества, государства к поведению людей в различных аспектах жизнедеятельности. Он не должен быть разменной монетой - сегодня одно, завтра другое. "Перестройка" должна когда-то закончиться, нужно обыденное рутинное созидание.

Любое богатство призрачно в разрушающейся экономике, оно перспективно только если стремишься к подъему бизнеса, он не может останавливаться, не двигаться вперед.

Состоявшихся бизнесменов в нашем городе немало. Из тех, кто на виду, это С.М. Стрюк, Г.Ф. Шпейзер, братья Ахметжановы, С.А. Диптан, В.М. Егерь, Г.А. Мамедов, В.Я. Дворецкий, В.Я. Бобров, С.Г. Макенов, В.Н. Титов, В.З. Свинцицкий, З.М. Нурмуханова, И.С. Гордиенко. В числе состоявшихся бизнесменов я бы так же назвал педагогов Г.И. Малахову, Т.Г. Конурбаева в паре с Б.С.Карибжановым, мужа и жену Бабенко, врачей Н.Н. Онишко, Т.Г. Велитченко и многих, многих других. Эти люди, создававшие свое дело, люди - созидатели, движители. Таких сейчас становится все больше и больше.

Это радует. Иных я знаю близко, с кем-то просто знаком или мало знаком. Я готов твердо стоять на том, что эти люди уже состоялись. И думаю, что они уже не растеряют того, что ими создано - это не в их характере.

Почему я ушел из госслужбы

Когда упразднили районы нашего города, я отказался от дальнейшей госслужбы. Хотя предложения были и поступают до сих пор. Видимо, такого я склада человек... На госслужбе я менее свободен в своих действиях, во мнениях, нет мобильности и простора. Все зарегламентировано, расписано, все с оглядкой. Конечно, жизнь человека всегда предполагает ограничения в свободе. И все же мне нравится тот путь, когда свободы больше и меньше условностей.

Вот тогда я сам решил заняться союзом промышленников и предпринимателей. Здесь все зависит от твоей фантазии, творческой удачи, и это тоже бизнес. На организации услуг можно зарабатывать. Надо сделать так, чтобы все, чем мы занимаемся сегодня - союз промышленников, предпринимателей, форум предпринимателей, торгово-промышленная палата - стало необходимым, нужным нашим начинающим и опытным бизнесменам. Тогда это будет оплачено. Я думаю, что я смогу это сделать.

Мы сейчас пытаемся объединить все общественные объединения предпринимателей, тех, кто может что-то сделать для предпринимателей, создать Центр бизнеса.

Мы разработали проект реализации программ поддержки и развития предпринимателей. Его годовой бюджет в первом варианте составляет более 30 млн тенге. Проект рассчитан на 3-5 лет. Главная цель - создание самофинансируемого Центра бизнеса, который оказывал бы разные виды услуг для деловых людей. Это и обучение, и различные консультации, и свободный доступ к сети интернета, к огромным базам данных, которые существуют в мире, это создание собственной системы кредитования, это формирование своих средств массовой информации. Это возможность поиска партнеров на поставку сырья, оборудования, товаров, не выезжая из города, это представление своего товара широким слоям покупателей, потребителей.

Программа предусматривает, что 50% средств уже на первом этапе будет составлять частный капитал, 50% - средства государственных и негосударственных фондов. Если конечно наша программа выиграет конкурсы и тендеры.

В развитых странах существуют тысячи подобных адвокатских контор, которые содействуют развитию бизнеса, решению наиболее важных для бизнесменов (и не только для них) вопросов. Бывая за границей, я пытался изучать этот опыт, теперь хочу реализовать его в Павлодаре. Трудно сказать, что из этого получится, но я надеюсь на успех.

Все "мотыльки" сгорели

На мой взгляд, государству нужно научиться беречь общественное богатство и госбюджет, как его бережет настоящий хозяин своего дела.

Мы все были свидетелями того, как нувориши первой перестроечной волны, имея колоссальные деньги и возможности, бездумно растранижили их, распылили. И их не стало в бизнесе. Эти "мотыльки" легкой удачи сгорели в огне реалий, потому что идеи их были надуманны, бесперспективны.

На месте парламента, президента я попросту запретил бы всяческие непрозрачные государственные гарантии и кредиты. Необходимо жестко оберегать от разграбления и разбазаривания объекты государственного имущественного комплекса, передаваемые в то или иное управление. Должна быть гласность программ и действий. На деле этого нет. Тракторному заводу выдается очередной многомиллионный кредит. Кто-нибудь знает из налогоплательщиков, что это за программы, какова их эффективность, какова стратегия, каковы этапы исполнения, как обстоят дела сегодня, где и как используются тракторы, переданные в лизинг, каков эффект от их работы или же они уже кем-то перепроданы или переданы? Полная тишина и безмолвие. Какой итог после этого можно ожидать? Ясно, очередной провал. Деньги любят счет и детальный отчет. Коли это деньги налогоплательщика, люди должны знать, где и как они расходуются.

Не нужно создавать никаких контрольных дополнительных органов, нужна гласность. Вы думаете, почему за рубежом такие толстые деловые газеты? Каждая из них содержит полные финансовые отчеты компаний, суть проектов, чтобы налогоплательщик, обыватель знал, куда расходуются налоги, можно ли покупать акции тех или иных фирм. А у нас? Разве кто-то из вкладчиков или акционеров, к примеру, крупнейших банков, может реально узнать, кому, под что и под какой процент отданы его деньги.

Мы только в начале этого пути и очень важно, чтобы нас всех не засосала тряпина безответственного растранижирования богатств нашей страны. Когда какое-то предприятие даже не совсем законно попадает в руки людей, которые начинают умело им управлять - это уже благо. Благо, что его не разграбили и не растащили. За любым из застывших предприятий города сотни и тысячи людей, оставшихся без работы, без средств для существования. Поэтому, на мой взгляд, средства массовой информации, один из мощнейших институтов демократии, должны во главу своей деятельности поставить борьбу с "пиром во время чумы", безумным разбазариванием богатства своего народа.

Может ли бизнесмен быть честным

Честным бизнесмен может быть только в честном обществе, где есть условия для честной конкуренции. У нас их на сегодня нет. К примеру, одним позволяли не платить какие-то налоги, пошлины, акцизы, а другие их платили... Одному дают огромные дешевые кредиты без всяких обоснований, а другому - нет. Одному их прощают и перекладывают бремя их возврата на государство либо банк, другому нет. И т.д. Конечно же, это издержки роста нашей новой государственности, но должны быть воля, стремление тех, кто правит, чтобы эти издержки уходили из нашей жизни.

Сегодня каждый совестливый бизнесмен, а таковых немало, живет и выживает рядом с изначально нечестными, и поэтому вынужден где-то хитрить, ловчить. Это ему претит, но без этого он не выживет, не выживет его бизнес.

Для того, чтобы заработала промышленность, нужна стабильность и не только внутри и внешнеэкономическая, нужна законодательная стабильность. Поднимать нашу экономику, кроме нас самих, никто не станет. Но это вовсе не значит, что надо отказаться от опыта передовых стран. Реформы Петра I, преобразование Казахстана в 50-80 годы показывают, что всегда полезно использовать потенциал других народов, и это очень важно.

Но надо помнить: никто и никогда нам так просто не поможет. Слово помощь здесь совсем неуместно. Нужно сделать, чтобы интересы как Запада, так и Востока совпали бы с нашими интересами. Надо создать условия, атмосферу, когда бы западным бизнесменам было выгодно и удобно приезжать к нам и работать здесь вместе с нами. На недавней моей встрече с китайскими работниками посольства один из сотрудников сетовал: "Меня в неделю 2-3 раза останавливает в Алматы милиция для проверки паспортного режима". Я понимаю, что бдительность необходима, но не до униженности. По крайней мере я никогда не слышал, чтобы кого-то из наших туристов в других странах без повода останавливала полиция.

Атмосфера благоприятного климата начинается, на мой взгляд, с мелочей: каков транспорт, каковы услуги, каковы гостиницы, сервис и т.д.

Местные власти должны заботиться, чтобы такие условия были бы созданы в регионе.

Разумно сочетая инициативу собственных предпринимателей с информацией о том, что сделал и над чем работает западный мир, можно достичь многого. Отстраненность, закрытость, как это тоже уже доказано социалистической доктриной, ведет в тупик.

Успех будет тогда, когда в павлодарском аэропорту будет чаще слышна разноголосая речь иностранцев. Тогда нужно только не упускать свою выгоду. Опыт этого тоже придет.

Моя семья — это...

Семья моя сегодня - это жена Наталья Васильевна, десять лет она отработала на тракторном заводе, а потом ещё почти столько в НПО "Сборочные механизмы", она инженер-технолог. Сейчас так же, как и многие, не может найти работу себе по душе.

К сожалению, мой отец и мать ушли из жизни рано и покоятся на Павлодарском кладбище.

Дочь Олеся - 25 лет и сын Денис живут и учатся в США под присмотром моих друзей, бывших москвичей.

Сын в 12-ом классе, у него есть предмет - экономика, по которой он играет роль банкира. Ему как бы 50 лет, он раздает классу кредиты (лоуны), инвестирует различные "бизнесы", просчитывает удачные маневры, заключает "брак" с одноклассницей, у которой "автомобильный бизнес", они объединяют свои "капиталы", и в зависимости от того, сколько заработает его "банк" к концу семестра, он получит оценку. И у нас в Казахстане надо налаживать подобное обучение, приглашать специалистов, которые стажировались в разных странах, и брать на вооружение всё, что есть хорошего и полезного в мире, активно упражняться в бизнесе.

Я глубоко убежден, что все должно быть гармонично в жизни: работа, семья, отдых. С первых лет совместной жизни у нас с женой установилось правило: каждый отпуск путешествовать. Это правило не сработало лишь дважды - в годы рождения наших детей. Первый раз я смог "достать" путевки в Югославию, это было в 1973 году. Страна нас поразила своей красотой и совершенно отличной от нашей жизнью. С тех пор так и повелось. Когда дети подросли, по возможности брали их с собой. Путешествия, познание мира - это главное наше семейное хобби.

Мы любим быть в кругу своих друзей, кататься на лыжах, рыбачить, выезжать на природу, собирать ягоды, грибы. Старюсь регулярно заниматься спортом, люблю волейбол, баскетбол. Частый посетитель самого прекрасного, на мой взгляд, спортивного сооружения в городе - плавательного комплекса "Толкын".

Стараемся чаще бывать на художественных выставках, знакомиться с новыми музейными экспозициями, посещать интересные нас концертные программы, любим музыку. Люблю петь, в свое время мечтал быть певцом, но не случилось.

У нас хорошая библиотека, но с годами к ней обращаемся все реже: почти все прочитано, нового покупаем мало, расхожее читиво не привлекает.

Я мечтаю...

Я мечтаю о том времени, когда наша страна станет поистине демократичной, когда открытость общества станет явью, когда не станет титульных кланов и наций, когда все будут равны перед законом от самого высокопоставленного чиновника до простого человека. Я мечтаю, чтобы мои дети нашли себе достойное место в жизни, стали бы полезными людьми для общества, чтобы у них все получилось. Мне все время кажется, что им сейчас намного сложнее это сделать, чем нам. К большому сожалению, наше правительство проявляет в большей степени неумелость, чем профессионализм, и тем самым все больше усугубляет положение. Будем же более внимательны и благосклонны к подрастающему поколению.

2000 г.

Коллеги

Он был журналист *О Виталии Ступаке*

Нет ничего проще, чем говорить правду. И нет ничего труднее, чем говорить правду. Особенно если твое слово обращено сразу к тысячам и тысячам людей. Ему удавалось говорить правду, невзирая на обстоятельства, и на то, правится она кому-то или не правится.

Это сказано о Виталии Ступаке одним из его друзей. И это тоже правда.

В журналистику приходят по-разному. Он сделал свой выбор, будучи уже достаточно зрелым человеком. Решительно оставил прежнюю профессию пароходного механика, когда она уже сулила его семье и материальные блага, да и известную устойчивость в жизни.

Вернулся в родной Павлодар, был принят корреспондентом на областное радио. Работал и заочно учился на факультете журналистики. Потянуло в газету. Стал литсотрудником «Звезды Прииртышья», потом возглавил один из ведущих отделов - промышленности и строительства. Пора ученичества скоро осталась позади, приобрел известность у читателей, вес в местных журналистских кругах.

И вдруг опять крутая перемена в жизни. Переход в «Казахстанскую правду» - собственным корреспондентом по Павлодарской области. Работа собкора специфична, и многим представляется сущим раем: над душой никто не стоит, на службу ходить не надо, традиционных ночных дежурств по номеру тоже нет. Но это чисто дилетантский взгляд. Далеко не всякий журналист способен нести эту нелегкую ношу - всегда быть собранным, самодисциплинированным, «всеядным» по тематике, одновременно «вести» массу оперативных заданий, и в то же время работать, как говорят газетчики, «для души». Вдобавок ко всему этому собкор постоянно находится между двух огней -

редакция ждёт от него материалов острых, критических (именно они создают репутацию газете), а местным властям желательно иметь «своего» собкора - человека покладистого, который не выносил бы сора из избы... «Карманный» журналист не устраивает редакцию, «строптивый» неизменно попадает в немилость к местному начальству, со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Виталий Ступак был «неудобным» журналистом - он всегда оставался самим собой. И все же переход в «Казахстанскую правду» дался ему нелегко. Несколько лет спустя с присущей ему иронией он охарактеризовал мне свое новое положение так: «Представь человека, привыкшего к двуспальной кровати, которому вдруг предложили перебраться на раскладушку...». Да, кроме всего прочего, собкору приходится действовать в условиях жесткой конкуренции, каждый день бороться со своими собратьями за место на полосе.

Ему нужно было по существу заново создавать журналистское имя. И он сделал это: уже через три года после перехода в «Казахстанскую правду» на итоговой редакционной летучке В.Д. Ступак был признан лучшим из полутора десятков собкоров. То были, как потом стали говорить, годы расцвета застоя. Чем же заслужил журналист признание? Своими материалами, о содержании которых можно судить даже по их заголовкам: «Бумажные силуэты» (о проблемах формирования архитектурного облика Павлодара), «Дачный воробей» (о нечистых на руку людях, делающих бизнес на «дачной» неразберихе), «Горький привкус» (о том, почему хозяйства области производят мало зерна сильных пшениц), «Кукольный ассортимент» (о том, как тракторный завод пошел по пути наименьшего сопротивления в производстве товаров народного потребления). Называю все эти публикации, не листая подшивок, - по памяти. Скорее всего, это не лучшие его материалы, но даже они позволяют судить о нем, как о человеке острого аналитического ума, который стремится во всем дойти до сути, докопаться до первопричин.

Неудивительно, что многие его статьи и корреспонденции вызывали неудовольствие властей и руководителей предприя-

тий, принимались в штыки. Но никогда по ним не было опровержений. Наверное, случались у него и просчеты, и ошибки, но ни на один его материал в целом никогда не было рекламаций. Все дело в том, что он очень серьезно относился к своему ремеслу, и будучи профессионалом сам, просто не способен был на халтурную работу, не терпел непрофессионализма, упрощенчества, примитивизма... В журналистике особенно: сталкиваясь со всем этим, высказывался достаточно откровенно, порой резко, за что его иные недолюбливали и в нашем газетном цехе. В то же время мог оценить добротную работу и не забывал сказать об этом автору. Мог часами разбирать с молодым журналистом корреспонденцию, как это было, например, с моими первыми материалами.

Вышло так, что как журналист он формировался далеко не в самой комфортной общественной атмосфере. Но никогда он не принадлежал к хору алилуйщиков. Его перо всегда оставалось честным и трезвым, и, может быть, поэтому он, привыкший к постоянному «сопротивлению материала», с удивлением и даже некоторой растерянностью наблюдал, как мгновенно «перестраивались» и начинали гневно клеймить бастионы застоя некоторые из собратьев, которые еще недавно все это старательно прославляли.

Даже тогда, когда пришло время его и таких, как он, Виталий Данилович не торопился, трудно, а порой и мучительно постигая то, что с нами было и происходит. Думаю, нечто подобное творилось (да и теперь есть) в сердцах многих искренних, неравнодушных людей: душевная смута, переоценка ценностей, прозрение, новое осознание себя в этом обновляющемся мире...

Вскоре у него как будто открылось второе дыхание. Много писал для «Казахстанской правды». Не забывал «Звезду Прииртышья»: у нас появилось несколько его статей фундаментального характера в защиту Иртыша и его поймы, о проблемах формирования территориально-производственного комплекса, ряд очерков. Были, кроме этого, публикации в центральных газетах, республиканских журналах и коллективных сборниках. Была масса новых задумок, буквально «давил» накопленный

более чем за десятилетие огромный материал по экологии региона, ждали своей очереди годами собираемые материалы о сложной судьбе ЭТЭКа, о мелиорации, право которой на жизнь он всегда отстаивал, о Чалдайском лесе... Не раз он жаловался мне, что переполняет его, требуя выхода, материал особого рода - журналистский опыт, который он обязан кому-то передать...

Он был целиком в этих планах, в работе, жил ожиданием чего-то нового, значительного в судьбе.

И вот - смерть. Нелепая и такая для всех неожиданная.

Оказывается, он знал, что дни его сочтены. Он не хотел умирать и готовился к смерти. Накануне операции обошел друзей - многие из них только после поняли: приходил прощаться... Загодя написал женщинам открытки-поздравления с днем 8 Марта, тоже прощальные...

А в личном дневнике в эти дни мучительно билась его тревожная мысль: «Почему так несправедливо устроена жизнь? Почему я должен уйти именно теперь, когда мне надо столько сказать людям и когда я могу это сделать?»

Врачи уверяют, что операция была проведена безукоризненно - они сделали все, что могли... А без нее он все равно был обречен.

Трезво оценивая всю серьезность своего положения, он никому не показывал своей слабости и мужественно боролся за жизнь, пока это было в его силах.

Никогда он не был баловнем судьбы и, может быть, поэтому умел ценить жизнь - со всеми противоречиями и сложностями: у него был редкий дар ощущать ее красоту и неповторимость - в самых, казалось бы, обыденных вещах. Будучи очень трезвым человеком по отношению к жизни, он никогда не утрачивал счастливой способности удивляться и радоваться ее мелочам: ежегодному половодью на Иртыше, полосатому лебяжинскому арбузу, хорошей книге, удачной шутке собеседника...

Казалось, он, как никто другой, был создан для жизни.

Его уже не было в живых, а домой звонили и приходили.

- Мы договаривались о встрече с Виталием Даниловичем...

- Я хочу поделиться радостью: после его материала меня восстановили на работе!

- Виталий Данилович заказывал статью - она готова.

Десятки людей шли, звонили, слали телеграммы...

Почему-то так в жизни устроено, что мы начинаем по-настоящему ценить близких людей, когда их уже нет с нами. Я бы погрешил против истины, сказав, что был его близким другом. Но как же мне порой недостает его звонков - по поводу и без него, его иронического взгляда и даже его всегда корректного, но нередкого (таков характер!) укора: «А вот тут, мне кажется, ты опять облегчил себе жизнь, не дотянул - мог сделать лучше...».

Уже после его смерти редколлегия «Казахстанской правды» присудила Виталию Даниловичу Ступаку главный приз за лучшую журналистскую работу по итогам года - «Золотое перо», вышел журнал «Простор» с его последней статьей о судьбе поймы Иртыша. Ждут в его рабочем кабинете своего часа десятки папок с собранными им материалами - заготовки для будущих статей...

Говорят, журналистика - это не профессия. Это образ жизни. Он был журналист.

Фотокор О Владимире Колчине

Этот снимок принес мне несколько лет назад мой давний знакомый и коллега Петр Иванович Бородихин:

- На, полюбуйся на себя молодого!

Такой фотографии у меня действительно не было.

1971 год, областная летучка журналистов в совхозе «Авангард»... На переднем плане, как водится, начальство и журналистские «зубры»: редактор «Звезды Прииртышья» В.С. Молотов, его первый зам. Л.И. Устюжанинов, В.М. Шкурко и П.А. Побережников - совсем еще орлы. В среднем ряду и сзади коллеги из «Кызыл ту» - С. Шошанов, Б. Абдыкадыров, С. Жусупов, и районных газет - И.П. Угрюмов (Иртышск), М.А. Смердов (Качиры), тут же недавно пришедший в «Звезду Прииртышья» П.И. Оноприенко. Нашел и себя - рядом со своим первым на

ставником В.М. Калиновским. Мы трое, был еще Л.П. Кишкун, он тоже есть на снимке, приехали из Железинки.

На этой старой фотографии человек тридцать, узнал я, наверное, половину. И не мудрено: иных уж нет, а те далече...

А летучку ту помню еще по недолгому, необременительному «пленарному заседанию», весьма продолжительному обеду - каждому полагалось полкурицы («Авангард» был птицесовхозом), горячительное предусмотрительно прихватили с собой, и по зажигательному футбольному матчу - «районщики» против «областников». Тогда-то я впервые и услышал эту фамилию - Колчин. Дядьке было уже за сорок, а мяч он гонял с нами, молодыми, с таким азартом...

И автор того памятного снимка тоже Колчин, хотя, убей не помню, когда он нас фотографировал. Перед тем, как вернуть оригинал П.И. Бородихину, я сделал себе несколько копий. Одну - увеличенную, и часто смотрю на нее: мне кажется, фотокорю удалось запечатлеть на ней время. Вроде ничего особенного, но есть в снимке, как, впрочем, и во многих старых фотографиях, некая магия, какая-то неразгаданная тайна...

...Мне пришлось бок о бок работать с В.С. Колчиным больше двадцати лет. А его общий «звездинский» стаж, пожалуй, не меньше тридцати. И без Колчина нельзя себе представить историю «Звезды Прииртышья», да и историю области - он ведь тоже писал ее своими снимками.

Колчин - коренной павлодарец, его детство, юность пришлось на военные годы. После семилетки пошел работать, думал потом доучиться, да так и не пришлось. Профессию выбрал отцовскую - крутил баранку. Работал на грузовых машинах, ездил в дальние рейсы, бывал в разных переделках, как-то чуть не замерз, попав в сильный буран.

Честно говоря, я даже не знаю, как Колчин попал в газету. Скорее всего стал приносить свои любительские снимки, втянулся, а потом уже просто не мог без газеты. Мне самому казалось, что он был в «Звезде Прииртышья» всегда.

Я бы погрешил против истины, назвав его высоким профессионалом, фотомастером. Скорее фотожурналистика была его

ремеслом. Но именно на таких ремесленниках и держатся местные газеты. Один из редакторов пытался отлучить Колчина от газеты - «Сидорыч» показался ему малообразованным, грубым. Но тот редактор в нашей газете долго не задержался, а Колчина попросили вернуться. И он с охотой вернулся в родные стены, хотя работал эти несколько лет таксистом, денег имел побольше, чем в редакции, и в таксопарке был не на последнем счету.

Одно время Владимир Сидорович совмещал работу водителя и фотокорреспондента, потом был только фотокорреспондентом, потом - только водителем. Наверняка не найдется в области села, где бы он не побывал. Он был из той когорты журналистов, которые не мыслят себе эту профессию без командировок. В дорогу предпочитал отправляться рано, часов в шесть утра, и не дай вам Бог опоздать на несколько минут - тут же последует выговор. Он был точен как часы и абсолютно надежен. С годами Колчин несколько не изменился, без командировок скучал, ругал молодых, засиживающихся в своих кабинетах. Дорога была его стихией, а машину он знал как свои пять пальцев и чувствовал - как близкого человека. Он, кстати, и на своих личных «Жигулях» (кажется еще первой модели) мог запросто отправиться в командировку. Все в редакции знали: с Колчиным в поездке не пронадеешь - он был своим в любом районе, едва ли не в любом селе.

В фотокорах он буквально завалил газету снимками, ему не нужно было указывать, когда что снимать, напоминать, а тем более - торопить... Одна беда: отечественная цинкография и допотопная высокая печать зачастую сводили на нет все усилия тогдашних фотокоров - качество печати (и особенно снимков) подчас было просто ужасающим. Условия, в которых работают нынешние фотокоры, по сравнению с колчинскими, можно без преувеличения назвать сверхкомфортными.

Кое-кто в редакции относился к Колчину свысока, считая его недоучкой и поденщиком, да и вообще отчасти мужиковатым. Про него ходила такая ядовитая шутка, составленная из слов, которые он произносил неправильно: «Ехал по граверу,

шел по коридору, открыл фотолабораторию, снял кофр и сказал: «Уф, чижало!» Но в трудную минуту к нему можно было обратиться в любое время дня и ночи, и он никому не отказывал. У него было обостренное чувство справедливости. За его внешней нарочитой грубоватостью скрывалась достаточно чувствительная и ранимая душа. Вот только знали об этом немногие...

Жизнь никогда не баловала Колчина: он рано пошел работать и работал всегда много. Так уж сложилось, что ему в одиночку пришлось растить четверых детей - и всех их он поставил на ноги.

Жизнь его была как будто ничем не примечательной. Можно сказать - просто достойная жизнь. Он умер легко, во сне. Может быть, легкая смерть и была ему наградой за достойную жизнь?

Районный газетчик О Петре Бородихине

Недавно ко мне пришла студентка филфака Павлодарского госуниверситета и сказала, что ей поручили написать курсовую работу о творчестве журналиста П.И. Бородихина. Она уже ко многим обращалась, но все отмахиваются: какое там творчество... Не знает теперь - что делать: может, попросить другую тему или взять другого, более достойного журналиста?

После этого мне самому захотелось рассказать о нем - о его по-своему счастливой жизни.

У районных газетчиков, как правило, незавидная судьба. Прожорливая как кукушонок районка ежедневно требует материалов, приучая своих немногочисленных «корров» к скорописанию (тут уж не до красот стиля и не до литературной отделки), сушит мозги... Журналист, задержавшийся в районке, быстро исписывается, обходясь небогатым набором штампов. Наиболее совестливые и ранимые зачастую спиваются... Я сам работал в районке и знаю множество таких судеб...

Петру Ивановичу Бородихину, к счастью, удалось избежать такой участи. Хотя именно с районной газетой была связана большая часть его журналистской жизни. Он рос отчаянным романтиком, комсомольским активистом; и когда учился на аг-

ролесомелиоратора, и когда служил в армии, и когда работал в совхозе «Суворовский» Иртышского района, возглавляя на общественных началах одну из самых крупных в районе комсомольских организаций. И везде, и всегда писал в газеты: в «Звезду Прииртышья», например - еще в ту пору, когда она именовалась «Большевикским путем» - полвека с лишним тому назад.

В 1951 году на областной комсомольской конференции обратился к делегатам с призывом: «Поедем на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку - сооружение Волго-Донского канала!». Присутствующий на конференции секретарь обкома партии, похвалив Петра за инициативу, заметил, что дел комсомольцам хватит и здесь. Общего почина не получилось, но Петр все же написал письмо в ЦК ВЛКСМ и вскоре получил путевку. В должности техника зеленого строительства озеленял берега будущего канала, участвовал во всех комсомольских делах, писал заметки в газеты «Сталинская стройка» и «Молодой ленинец». Тогда же в содружестве с двумя молодыми поэтами написал песню «Рассвет над каналом», которая в свое время часто звучала по всесоюзному радио.

Потом обустроивал дорогу Москва-Брест, потом восстанавливал разрушенный войной Ростов-на-Дону. Был здесь разнорабочим, бетонщиком, учеником каменщика и одновременно - репортером областного радиокомитета, печатался в областных газетах «Молот» и «Комсомолец». Во время комсомольских рейдов ловил карманников и спекулянтов... Стал освобожденным секретарем комитета комсомола... Только и делать карьеру! А он с эшелонам добровольцев отправляется на строительство Омского нефтеперерабатывающего завода. Жили в вагонах-теплушках: пока буржуйка топится - как в бане, а перед утром - почти как на улице, вода в бочке замерзает. Вкалывал вместе со всеми на стройке: долбил ломом мерзлый грунт, рыл траншеи под фундамент, строил сборно-щитовые дома. А из местной молодежной газеты слали телеграммы: «Срочно шли материал о ростовчанах-строителях. Подборку писем напечатали. Спасибо за репортажи, действуй дальше в том же духе».

Заметили - направили на штатную работу в черлакскую газету «Коммунист». Покритиковал одного из руководителей района - выгнали. Поехал в Джезказган, работал редактором новостей на местной студии телевидения, печатался в областных и республиканских газетах и даже в «Труде» и «Комсомольской правде».

Потом, наконец, уже в семидесятых, прочно осел в Павлодарском Прииртышье: сперва в Качирской «Заре», а потом в «Ниве» Павлодарского района. И все эти годы писал в «Звезду Прииртышья». Обычно это были небольшие по объему материалы: зарисовки о людях - передовиках производства, сельских умельцах, корреспонденции о сельскохозяйственных кампаниях, заметки на актуальные темы, информации. Нельзя сказать, что эти заметки делали погоду в областной газете... Тут, скорее, другое... Герой писателя Андрея Платонова заявил о себе так: без меня народ неполный. Петр Иванович Бородихин мог о себе с полным правом заявить: без меня павлодарская журналистика неполная.

Мне кажется, у него никогда не было и не могло быть врагов: невысокого роста, всегда доброжелательный, улыбчивый, он словно излучал дружелюбие. Журналисты моего поколения, будучи значительно моложе его по возрасту, за глаза называли его Петей, что не мешало нам относиться к нему с искренним уважением. Может быть, еще и потому, что он хорошо знал свою высоту - потолок районного газетчика - никогда этого не стеснялся, скорее даже гордился тем, что он «районщик».

К сожалению, последние годы жизни Петра Ивановича были омрачены развалом сельского хозяйства, которое он хорошо знал и очень любил, нищанием столь дорогих ему сельских жителей. Он принимал их беды, общий разлад сельской жизни как личную трагедию. Пытался писать об этом, но что мог сделать журналист районной газеты - пенсионер.

В последние годы и особенно месяцы жизни он тяжело болел, но при всяком удобном случае забегал в редакцию - обменяться новостями, взять свежие номера журналов «Простор» и «Нива», выписывать которые его пенсия не позволяла.

Кое-кто считал его не только необременительным, но и отчасти неглубоким, и даже легкомысленным человеком. Он же и смертью своей преподнес нам урок: когда понял, что дни его сочтены, решил не обременять лишними хлопотами медиков и близких и сам ушел из жизни. На следующее утро пришел его сын с адресованной мне предсмертной запиской. Там были прощальные слова и просьба - напечатать в газете, с которой он сотрудничал больше полувека, некролог. Некролог, который написал сам Петр Иванович.

1989-2002 г.

Соседи

За спиной у нас еще виднеются домишки села Буденное. Впереди - точно такие же - Березовки. Села разделяют несколько километров. То же июльское небо в разрывах облаков, те же березовые колки по обеим сторонам дороги, та же степь, еще не успевшая поблекнуть после столь щедрых на дожди мая и июня. Все - то же... Мы сами не заметили, как пересекли границу двух районов, областей и... стран.

На территории сопредельного российского государства встречает Владимир Дмитриевич Соколов - глава администрации Купинского района Новосибирской области. Нас познакомил недавно аким Железинского района Манап Шарапиденович Кубенов. Та встреча в Железинке была, можно сказать, случайной, времени на общение не хватало. Владимир Дмитриевич пригласил продолжить знакомство в Купино...

Это была редкая удача.

Почти всю жизнь прожив в Казахстане, давно считая себя коренным казахстанцем, я никогда не забывал и о своих сибирских корнях. В Купинском районе родились мои родители и сам я, здесь могилы многих моих предков... Грех было не воспользоваться возможностью побывать, как теперь принято говорить, на своей исторической родине. Тем более, что от нее до Павлодара всего три сотни километров.

Как живется купинцам?

Купинский район - это без малого шесть тысяч квадратных километров территории, 42 тысячи человек населения. Почти половина его живет в самом городе. Здесь традиционно развита переработка сельхозпродукции. В Купино крупный молочно-консервный комбинат (бывшего союзного подчинения), который и сегодня производит больше половины сухого молока в области, собирая сырье для этого у себя и в хозяйствах четырех соседних районов. Среди другой продукции комбината - сухие сливки и обрат, масло, цельномолочная продукция. Всего на комбинате занято 600 человек.

В городе крупный элеватор, способный принять и переработать до 120 тысяч тонн зерна, а при нем мельница, цехи по производству растительного масла, макарон, гречневой крупы.

По образному выражению главы района, основательно "подсел" за последнее десятилетие мясокомбинат: причины понятны, но предприятие сейчас возрождается, дела там поправляются.

Местный пищекомбинат выпускает пряники и печенье, хлебобулочные изделия, пиво. Рыбозавод перерабатывает свою же озерную рыбу и привозную, океанскую. На промкомбинате шьют одеяла и фуфайки, делают валенки. Действует железнодорожный узел с крупными вагоноремонтным и локомотивными депо.

Может быть, главным положительным результатом последних десяти лет стало именно сохранение промышленного потенциала города. Ведь помимо всего прочего, это занятость населения, налоги, устойчивость жизни тысячи людей.

Как и всюду, на так называемом постсоветском пространстве, нелегко живется купинским сельчанам. Район - второй в области по посевным площадям. Яровой клин - 124 тысячи гектаров, в том числе 110 тысяч занимают зерновые.

От нашей границы до Купино километров семьдесят, и почти везде по обеим сторонам дороги - зеленеющие пшеничные поля, как правило, чистые, без сорняков. Радуют глаз и черные, без травинки, паровые поля. "Работает трехпольный парозерновой севооборот - пояснит чуть позднее начальник райсельхозуправления Борис Николаевич Сердюков.- Такие севообороты внедрены в большинстве хозяйств района".

Прошлый год по здешним меркам был ниже среднего, тем не менее, собрано вкруговую почти по девять центнеров зерна с гектара, 14 тысяч гектаров пришлось списать. Итого, осталось после подработки 98 тысяч тонн зерна. Даже в нынешние трудные времена, при сохраняющемся диспаритете цен, зерновое производство в районе остается рентабельным. В средние по климатическим условиям годы лучшие здешние хозяйства собирают по 12-15 центнеров зерна с гектара.

Как и у нас в области, здесь в нынешнем году хороши травы - и на естественных угодьях, и сеяные (ими не перестали заниматься). Необходимое количество кормов район уже заготовил, но работа продолжается. А это, в свою очередь, добавляет запаса прочности второй рентабельной отрасли сельского хозяйства - молочному животноводству. В здешних хозяйствах 31 тысяча крупного рогатого скота, в том числе свыше десяти тысяч коров. Второй год купинцы активно ведут закуп молока в хозяйствах и у населения. В прошлом году заготовили таким образом 900 тонн, в этом будет не меньше полутора тысяч. Общая прибавка закупа молока в районе за первое полугодие - 1300 тонн. Откуда рост? Хороший год, уродились травы. К тому же, закупочная цена - от 3 до 3,3 рубля за литр - самая высокая в области - уравнивает в правах хозяйства и население. Расчет за молоко - деньгами. И людям подспорье, и молочно-консервному комбинату хорошо - нет перебоев с сырьем.

Мясное животноводство пока убыточно. Почти не осталось овец, а было их 120 тысяч. Есть лошади - две тысячи голов.

Владимир Дмитриевич Соколов, характеризуя ситуацию в сельском хозяйстве, был достаточно сдержан, скуп на оценки. Я же, сравнивая положение у них и у нас, назвал бы состояние купинцев скорее устойчивым. Все, конечно, относительно, и все же...

Купинцы, в отличие от тех же железинцев, сохранили большинство хозяйств в качестве основных производителей зерна, молока, мяса. Двадцать пять бывших совхозов и колхозов сменили форму собственности (это теперь акционерные общества), не разрушая саму систему хозяйствования. АО - частные предприятия, где у каждого акционера есть земельный и имущественный пай, но в большинстве своем люди предпочитают работать сообща, сохранив, как это ни парадоксально прозвучит, важные основы коллективного труда.

О том, насколько эффективен такой подход, можно судить по результатам прошлого, не слишком благоприятного года: 14 акционерных обществ - больше половины - завершили год с прибылью. И пусть худо-бедно, где-то с разрывом в два-три меся-

ца, а где-то и больше, людям все же платят зарплату. Небольшую, в среднем рублей по 600 (чуть больше трех тысяч тенге) в месяц. Однако добавьте сюда обязательную натуроплату осенью - по полторы тонны чистой пшеницы да по столько же фуражного зерна на каждого работающего, да сено и солому для подворья, да вспашку огородов и другие услуги... Так в среднем до 1200 рублей и набегит. Да еще и подворье - подмога: каждая семья держит коров, свиней, другой скот, птицу. Люди охотно продают молоко, закуп которого налажен в каждом селе. За нынешний июнь типичная здешняя сельская семья в среднем имела денежный приварок в 600-800 рублей - это "лишняя" пенсия, а то и полторы.

"Тот, кто работает, не ленится, - тот и не бедствует", - говорили мне почти все, с кем доводилось беседовать в акционерном обществе "Чайинское" (речь о нем чуть позже), где дела только-только налаживаются. А, например, в Рождественском, Стеклянском, Приозерном, Новосельском, Лукошино, Ленино зарплату и механизаторы, и животноводы получают регулярно, лишь с небольшим отставанием.

Есть ли здесь свои фермеры? Есть. Всего - 148 фермерских хозяйств, у которых в целом 15 тысяч гектаров пашни. У некоторых - до двух тысяч, эти считаются крупными. Фермеры выращивают зерно, товарным животноводством они почти не занимаются - это считается невыгодным.

В принципе любой акционер может выйти из АО и хозяйствовать сам. С имущественным паем сложнее. У многих акционерных обществ - долги перед кредиторами, бюджетом. Следовательно, надо вычленять и их часть, приходящуюся на долю потенциального фермера. Может, поэтому в последнее время нет особо желающих пуститься в одиночное плавание. А может, еще и потому не хотят рисковать люди, что видят - вместе выжить легче, а что до фермерства - то его на собственном дворе хватает.

В целом по району, как уже упоминалось, возросло производство молока, прибавляется и поголовье скота. Прирастили на 14 тысяч гектаров посевные площади. Сохранены основные объекты социальной сферы: детские сады (там, где набираются

группы малышей, они действуют), клубы и дома культуры (зимой, правда, работают не все), водопроводы, фельдшерско-акушерские пункты, другие объекты жизнеобеспечения.

“Плохо, что финансово нас зажали, - сетовал начальник райсельхозуправления Б.Н. Сердюков. - Душит диспаритет цен, особенно на горючее. Почти не обновляем технику, она изношена на три четверти, приходится нашим сельским умельцам проявлять чудеса изобретательности”.

И все же я не заметил ни у кого, с кем беседовал, ни уныния, ни растерянности, ни подавленности. В хозяйствах готовятся программы действий на ближайшее время. Они будут проанализированы, после чего сверстают общую программу развития сельскохозяйственного производства в районе.

Сложность еще в том, что бюджет района дотационный (в области лишь два района из тридцати живут без дотаций), и в прежние годы долг по зарплате бюджетникам доходил до восьми-десяти месяцев. Накалилась социальная обстановка. С приходом нового губернатора В.А. Толоконского, уравнившего в правах городских и сельских бюджетников, ситуация значительно улучшилась: погашены прежние задолженности, свои деньги учителя, медики, другие работники социальной сферы получают теперь вовремя. Пенсии платят день в день. Что же до их размеров, то ни россиянам, ни казахстанцам тут хватиться особо нечем.

А вот по качеству дорог соседи-железинцы (во всяком случае, там, где мы ехали) явно уступают сибирякам. Казахстанский участок дороги от Михайловки до Буденного и далее до границы, широченный, как взлетно-посадочная полоса, представляет собой нечто невообразимое, сплошь состоящее из рытвин и колдобин. Такое впечатление, что эти два с небольшим десятка километров специально изуродованы так, чтобы напрочь отбить охоту у любого, кто отважится путешествовать из Михайловки в Купино. Зато сразу после границы тот же грейдер (без асфальта) - вполне приличная дорога.

Примерно час мы преодолевали около трех десятков километров от Михайловки до границы и столько же времени ехали до Купино, куда путь в два с лишним раза длиннее.

Это - для размышления нашим властям и "дорожникам". Не верю, что нужны сверхусилия для приведения в божеский вид этого участка трассы. Ведь речь, в конце концов, идет не только о престиже района, области и нашего государства, но и о неудобствах, испытываемых людьми.

Сибиряки

Каковы нынешние сибиряки?

Чем-то они очень похожи на нас, казахстанцев. Столь же открыты, доброжелательны, хлебосольны.

Думаю, уместно будет хотя бы коротко рассказать о тех, с кем успел пообщаться за эти два дня.

Глава района Владимир Дмитриевич Соколов - коренной, купинский. Его предки по материнской линии пришли в эти края в поисках лучшей доли век назад, из-под Полтавы; отцовская "линия" - с Урала. Все из крестьян. Родители уже учительствовали, отец позднее заведовал районо, был заместителем председателя райисполкома, директорствовал на крупнейшем предприятии города - молочноконсервном комбинате. Владимир, закончив в Купино школу, поступил в Свердловский политехнический институт - тот самый, что закончил и первый президент России. Профессию выбрал по тем временам экзотическую - эксплуатация атомных энергетических установок. Одну из производственных практик, в конце шестидесятых, проходил у нас в области - на еще строящейся Ермаковской ГРЭС.

После института (где была и военная кафедра), отслужив два года в армии командиром танкового взвода в Закавказье и женившись во время отпуска здесь же, в Купино, с молодой супругой и трехмесячной дочерью поехал по распределению в Норильск. Десять лет отработал там на крупнейшей ТЭЦ, последние шесть - начальником ведущего котлотурбинного цеха. Дела на работе ладились, прибавлялось семейство, в доме был полный по тем временам достаток - о лучшем и мечтать не приходилось.

Но в 1980 году умерла мать и, похоронив ее, четверо сыновей вместе с отцом решали - с кем ему жить. Отец выбрал Вла-

димира Дмитриевича, но уезжать из Купино, где прожил всю жизнь, наотрез отказался. И семейству Соколовых, так хорошо обосновавшемуся в Норильске, пришлось срочно сниматься с насиженного места. А Владимиру Дмитриевичу, почти сорокалетнему - начинать строить жизнь заново.

Недолго поработал на молочно-консервном комбинате, пригласили в райком партии, а уже оттуда "бросили на прорыв" - на местный элеватор, где надо было поправлять дела.

Он проработал там четырнадцать лет. Всякое случалось за эти годы. Но хорошего было больше. В лучшие годы элеватор принимал до 100 - 110 тысяч тонн зерна. Развивали производство, подсобные цеха. Построили более 50 квартир. В какой-то мере работу Соколова-директора может характеризовать и такой факт: даже в самые тяжелые годы экономического кризиса последних лет рабочие элеватора никогда не оставались без зарплаты.

В главы района Соколов не рвался и сам это предложение встретил без особого энтузиазма. По его собственному признанию, он ощущал себя на своем месте, ему жаль было оставлять налаженное производство. Он даже предлагал кандидатов на пост главы, которые, как считал, вполне подходили на эту должность. Но за него высказались и депутаты районного законодательного собрания. И в марте 1998 года Соколов стал главой Купинской районной администрации.

Забот, конечно, прибавилось. Ситуация в бюджетной сфере в ту пору была, как он сам выразился, "архихреновой" - одни восьми-десятимесячные долги по зарплате чего стоили... Теперь стало намного проще, во всяком случае по этой части, а хлопот по-прежнему полон рот. И сам город с его промышленностью и прочим хозяйством требует внимания, и село, где почти не бывает "передыхов".

Тем не менее, при всей своей занятости, Владимир Дмитриевич отнюдь не производит впечатления человека, утомленного жизнью. Он не слишком разговорчив, он сосредоточен и деловит. Начисто лишен каких бы то ни было признаков начальственной спеси. Я видел его в общении с другими людьми и могу су-

дять о том, что одним своим присутствием он создает атмосферу спокойной уверенности, столь необходимую для решения любых вопросов.

Мне кажется, при всей своей естественной скромности и простоте Соколов несет в себе лучшие черты сибирского характера - надежность, внутреннюю силу. Именно о таких говорят - с ним можно иметь дело.

Об этом мне говорил в свое время и Манап Шарапиденович Кубенов. Работая директором совхоза "Советский Казахстан" - в ту пору одного из самых крупных хозяйств Железинского района, он предпочитал возить "свой" хлеб на Купинский элеватор, хотя совхоз был "приписан" к Валихановскому. Почему? Тут было много причин: в Купино создали более мощную сушильную базу, способную довести до нужных кондиций даже зерно высокой влажности, здесь очень грамотно и чисто работали специалисты, определяя силу пшеницы - клейковину, стекловидность, влажность, никогда не занижали эти кондиции, по совести расплачивались. Не последнюю роль играли и личные контакты двух директоров - Соколова и Кубенова. И вот теперь судьба опять свела их - теперь уже на новом уровне - глав районов. И они, живя уже в разных государствах, опять работают рука об руку, а по сути пишут первые страницы новейшей истории взаимоотношений России и Казахстана...

Владимир Евстафьевич Шевченко - в чем-то противоположность Соколову. Массивный, плотный, эмоциональный. Тоже сибиряк, хотя не забыл и "ридину мову". АО "Чайнское" он возглавил год с небольшим назад. Тогда в районе уже не знали, что с этим хозяйством делать, оно в буквальном смысле разваливалось.

Привезли в "Чайнку" Шевченко, представили акционерам: хотите, берите, не хотите - решайте свою судьбу сами, но это ваш последний шанс. Вряд ли разуверившиеся во всем люди, забывшие, когда последний раз получали деньги, надеялись на то, что очередной начальник сможет изменить их жизнь к лучшему. Приняли нового председателя, скорее, по инерции. А Шевченко показал себя очень скоро. Работал сам, и того же

требовал от других, не давал житья выпивохам. От тех, кто, давши раз слово, нарушал его, беспощадно избавлялся, требовал дисциплины. А впервые в него поверили, когда осенью в каждый двор завезли сено и солому. Не даром: работающим под зарплату, всем остальным за деньги, но по приемлемой цене. Главное же - никто не был обойден, а подворье со скотом есть у всех. Потом и первую зарплату выдали - не всю, разумеется, а процент от заработанного, но ведь реальные деньги.

В этом году чяинцы прирастили дойное стадо - на 150 голов. И это только начало. Вовремя скосили травы, все сено вывезли и - невиданное дело - уже в июле начали доставлять корм работникам "Чаинского" и всем остальным жителям.

Люди поверили не только в Шевченко, но и в себя, в то, что можно, оказывается, жить иначе. Об этом мне говорили в Михайловском отделении "Чаинского" многие, в том числе и пенсионеры, то есть те, кто не так часто с ним сталкивается, однако и на себе ощущает плоды его хозяйствования. Хотя, конечно же, далеко не всем по душе его жесткие требования к дисциплине, а особенно его политика закручивающая гаск по части спиртного. Чего греха таить: в сибирской деревне, как и у нас, выпивка - дело привычное. "Но тут уж так: или мы их, или они нас - третьего не дано, - убежденно говорил мне Шевченко, - а я от своего не ступлю, тем более, что я теперь не один".

Разные они, сибиряки. Соколов, Шевченко, начальник райсельхозуправления Сердюков - крепкие хозяйственники, люди сильные, волевые... Редактор местной газеты "Маяк Кулунды" Владимир Григорьевич Лаврушин, с которым мы также основательно пообщались, в свою очередь особенно интересовался нашим житьем-бытьем. Свое дело знает. Его газета, в отличие от наших районок, выходит в неделю дважды приличным по нынешним временам тиражом (свыше пяти тысяч экземпляров).

Антонина Васильевна Прудникова 32 года учительствовала, потом восемь лет работала в райкоме партии. В 1983 году вышла на пенсию. Десять дней отдохнула и взялась за организацию районного краеведческого музея. В 1985 году он начинался

с одной комнаты, а теперь это настоящий музей, где интересно и первоклашкам, и старожилам города.

Во время прекрасной экскурсии, устроенной для нас Антониной Васильевной, меня буквально ошеломил такой факт: оказывается, пришедшей в начале двадцатого века в Купино железной дороге сибиряки во многом обязаны знаменитому павлодарцу Артемию Ивановичу Дерову, активно пробивавшему в тогдашних столичных инстанциях ее строительство для доставки экибастузского угля по Транссибирской магистрали. А другой факт был мне известен и раньше. Уже в середине двадцатых годов, когда железная дорога пришла в Павлодар, наше паровозное депо начиналось с нескольких паровозов, приписанных к станции "Купино" и прибывших к нам в город вместе с купинскими паровозными бригадами. Вот как творится история.

В Купинском музее представлены и многие наиболее известные земляки. Антонина Васильевна остановила наше внимание на одном из них. Он присутствует сразу на двух стендах: на одном - как ветеран войны, разведчик, командир орудия, а на другом - как знатный чабан, Герой Социалистического труда. Это Михаил Алексеевич Клевленов. А выбрала его Антонина Васильевна потому, что их знатный земляк, оказывается... казах. Просто, видимо, казахскую фамилию Тлеуленов (Тлевленов) переименовали на русский манер, так же, видимо, ассимилировалось имя - и есть теперь в Купино казах Михаил Алексеевич Клевленов. И можно не сомневаться в том, что характер у него не только сибирский, но и вполне казахский. Младший из его детей появился на свет, когда отцу было почти семьдесят. Увы, я не знаю, как называли сына или дочь. Казахи в таких случаях называли сыновей Жетпебаями, то есть рожденными от семидесятилетнего (семьдесят - жетпіс) отца. Когда руководитель музея в очередной раз напомнила Михайлу Алексеевичу, что надо сфотографироваться для стенда, он отвечал: "Некогда мне - детей надо нянчить!"

Хорошо известны в районе казахи Сергей Бейсембаевич Сулейменов - председатель районного профсоюза работников агропромышленного комплекса и владелец частной строительной фирмы - одной из самых крупных в районе - Тасбаев, которого

здесь зовут на русский манер Александром Ивановичем. А вообще казахов здесь немало - они есть в каждом хозяйстве, всего 496 человек.

Из других сибиряков не могу не упомянуть заядлого рыбака и охотника, хитроватого и разбитного, с которым мы ловили сазанов на озере Чаны. Загорелый, жилистый, веселый, он говорил мне: "Найти меня просто - Созина тут каждый знает. Про меня даже стих есть. И продекламировал: "Кто охотник лучший в мире? Сашка Созин из Сибири!"

Говорят, кстати, что в былые времена это знаменитое озеро в пору половодья соединялось с Иртышом. И самые отчаянные из предков нынешних местных жителей доходили на лодках с Чана (еще и так называют здесь озеро) до самого Иртыша. Может быть, это были и Сашкины пращуры?

Ближний сосед лучше дальнего родственника,
или Кто и как лижет новейшую историю

Не выбирай дом - выбирай соседа... Ближний сосед лучше дальнего родственника...

Отлично сказано - очень верно по сути. И многократно подтверждено самой жизнью. История взаимоотношений россияни со степняками, особенно в нашем краю, нечислится не одним веком. Были в этой истории и печальные страницы, но по большому счету представителей двух народов, волею судеб оказавшихся рядом, всегда отличало стремление к добрососедству, мирному сожительству, обмену опытом жизни... Традиции тамырства в конце прошлого века, постоянная взаимовыручка, сотрудничество без принуждения и без какого-то ни было участия государства... Люди разных национальностей в этом краю всегда находили общий язык и точки соприкосновения.

Во время страшного голода, обрушившегося на Казахстан после бездумного, форсированного принуждения казахов к оседлому образу жизни, многие семьи степняков спасались именно в Сибирь и на Алтае, в том числе и в многочисленных селах Кулинского района. И сегодня их потомки живут здесь, не собираясь менять место жительства.

Большой толчок к дальнейшему развитию хозяйственных связей двух районов дала Целина. Именно Купино стало своеобразным плацдармом, с которого перебрасывались техника, строительные материалы, другие грузы для вновь создаваемых целинных совхозов. С одним из целинных отрядов, сформированных в Купино, сто с лишним километров пробивался к месту будущего целинного совхоза "Михайловский" в далеком 1955 году мой отец. С тех пор казахстанцем стал и я. Велика роль Купино в создании целинных совхозов "Озерный", имени XIX партсъезда. Многие жители района в ту пору связали свою судьбу с целиной, перебравшись в новые казахстанские хозяйства и создавая их с колышка. В последние годы купинцы приняли не одну казахстанскую семью, решившуюся перебраться в Россию.

Соседние хозяйства двух районов - Купинского и Железинского - всегда помогали друг другу техникой, семенами, обменивались опытом, выручали в трудную минуту.

Об этом и сегодня с большой теплотой рассказывает В.Е. Шевченко, много лет возглавлявший совхоз "Кулундинский", чьи поля граничили с полями совхоза "Мирный" Железинского района.

- В "Мирном" в ту пору главным агрономом был Михаил Иванович Трусов. Я своим специалистам и бригадирам всегда ставил его в пример: "Посмотрите на его посевы и на наши, когда же и мы так работать научимся?"

... Я знал директора "Мирного" Федора Андреевича Грушина и дружил со сменившим его Николаем Ильичем Лобашевским. Когда он после тушения пожара в степи (такой уж человек был - бросился в одиночку спасать степь, не думая о последствиях) лежал в Михайловской больнице, приехал его навестить. Оказалось - поздно... Вечная ему память.

... Я до сих пор помню, как Николай Ильич и директор совхоза "Веселая роща" Шаймухамет Айткенов выручили меня, поддержав "Кулундинский" фуражом, когда я даже не знал - смогу ли рассчитывать. Потом с их помощью мы построили асфальтовый завод, они же помогли наладить поставки угля и щебня из Майкубена.

... Я хорошо знаю казахстанцев: им раз добро сделаешь - они десять раз добром отплатят.

Сегодня, когда, казалось бы, рвутся все связи, говорили мне глава района В.Д. Соколов и начальник райсельхозуправления Б.Н. Сердюков, руководители местных АО "Стеклянное" Владимир Николаевич Шубников, АО "Заря" Александр Андреевич Юстус, других соседствующих с Железинским районом хозяйств не утратили контактов с казахстанцами. В чем-то они осложнились, потому что крупных хозяйств в Железинском районе почти не осталось. Но есть фермеры, крестьяне, купинцы работают с ними - например, с фермерами из Озерного Жаскеном Бегалевым и Галы Смаиловым. Выручают их горючесмазочными материалами и семенами, берут у них в аренду сенокосы... Связи - самые разные, как и подобает хорошим соседям.

По традиции на свое ежегодное предпосевное агрономическое совещание купинцы приглашают железинцев, польза тут обоюдная.

Уже дважды в этом году встречались руководители двух районов - В.Д. Соколов и М.Ш. Кубенов. Поговорить коллегам и давним знакомым было о чем. И все же главной темой встреч была саранча. Ей ведь, зловредной и легкокрылой, нет дела ни до каких границ. Нужны были выверенные и очень четкие совместные действия в борьбе против общей напасти. После встречи в Железинке была поездка в Купино железинцев - акима района, представителей области, специалистов, акимов сельских округов и фермеров, чьи земли граничат с Купинскими. Проехали соседи по всем потенциально опасным участкам, договорились - где, кто и что делает. И каждый свои обязательства выполнил. В.Д. Соколов говорил мне, что кулиги, где скопление личинок саранчи принимало угрожающий характер, подавлены. Опасности неконтролируемого расселения этой заразы в районе нет.

Достаточно уверенно чувствуют себя теперь и железинцы. Во всяком случае, претензий к соседям в этом плане у них нет. А свои обязанности они тоже выполнили.

Так что хозяйственные, да и просто человеческие связи не прерывались никогда. "Мы так срослись корнями и переплелись ветвями, что стали неразделимы", - говорил мне Владимир Дмитриевич Соколов. Горячим поборником сохранения таких связей выступает и Манап Шарипиленович Кубенов, зная, что подчас тем же местным фермерам проще и дешевле заполучить горючее на посевную или уборку у купинцев, чем у собственных коммерсантов, которые сдерут за него три шкуры. А соседи, кстати, могут порой дать в долг - и ГСМ, и семена.

В силу неурегулированности между двумя государствами многих вопросов главам районов приходится иногда решать самые неожиданные проблемы. От Озерного и Джамбула до Купино путь втрое ближе, чем до Железинки. Куда повезут казахстанцы тяжелого больного в случае острой нужды? Конечно, к соседям. Но ведь не положено: у них нет ни страховых полисов, ни направления... Наконец, они граждане другого государства. Соколов своим медикам сказал: "Берите - под мою ответственность". И принимают "чужаков", и лечат, и оперируют... И появляются порой на свет поворожденные орущие казахстанские граждане на территории сопредельного государства...

Что поделаешь - жизнь далеко не всегда вписывается в установленные рамки. И очень хорошо, что находятся люди, по-человечески решающие вопросы, до которых пока не дошли руки у государств.

Когда-то из Павлодара в Купино и обратно тремя разными маршрутами ходили три-четыре автобуса в день. Теперь остался один. И тот, по правде говоря, ходит не совсем законно. По существующим правилам его пассажиры обязательно должны проходить таможенный контроль. А ближайшая таможня в Карасуке, за сто километров от Купино, что пассажирам окрестных деревень по обе стороны границы совсем не по пути. Со своей стороны купинский глава сделал все, чтобы сохранить очень важную ниточку, связывающую простых людей в Казахстане и России. И пока министерства иностранных дел двух стран договариваются, где устраивать пограничные переходы

с обеих сторон, Соколов уже предложил организовать такой пункт упрощенного перехода в районе села Метелева, которое стоит неподалеку от Михайловки и как раз на маршруте движения. (К сожалению, сейчас, когда пишутся эти строки, автобус из Павлодара в Купино уже не ходит. - Ю. П.)

И все-таки - хотим мы этого или нет - атрибуты государства проявляют себя с обеих сторон границы. Среди этих новых реальностей - передислоцированный в Купино из Киргизии пограничный отряд. Пограничники будут стоять не только здесь, но и в четырех соседних районах - по всему периметру границы с Казахстаном. (Пограничные заставы недавно появились и с нашей казахстанской стороны - Ю. П.). Известно, сколько бед доставляет Казахстану транзит наркотиков, которые через нашу страну прямоком идут в Россию и дальше в Европу. Серьезнейшую проблему для России представляют угроза терроризма, нелегальная эмиграция.

Впрочем, пограничный отряд, который должен состоять из 600 человек, пока только формируется. Но пограничников мы все же увидели на обратном пути, неподалеку от еще никак не обозначенной границы. Трое парней в камуфляже, завидев нашу машину, как-то напряжились и шагнули на дорогу. "Свои!" - крикнул им из машины районного главы водитель, и мы поехали дальше. А В.Д. Соколов пояснил мне, что он предупредил командира пограничников о нашем приезде, поэтому нас и не остановили.

В Чубаровке

Приезжая в небольшую - в одну улицу - деревеньку Чубаровку, что в восьми километрах от Купино, я всякий раз испытываю особые чувства. Это - родина отца и матери. Отец уходил отсюда на фронт, а мать, ещё девчонкой, оставив школу, работала в войну поварихой в здешней тракторной бригаде. После войны они поженились, неподалеку, в бывшем совхозе "Купинский", родился старший брат, а потом и я.

Уже живя в Казахстане, мы каждое лето гостили в Чубаровке у деда с бабушкой - родителей моей матери. Я помню их все-

гда чисто выбеленную избушку с пластяной крышей, уютный двор, заросший травой-муравой, и сбегающий вниз, к пересыхающему озеру, огород с цветущей картошкой...

На старом чубаровском кладбище теперь столько нашей родни... Тут и дед Тимофей, и бабушка Акулина, тут дед Петр Петрович, отцов отец, которого я знаю лишь по рассказам бабушки, нашедшей последний приют на нашем павлодарском городском кладбище; тут наша старшая сестра Люба, чья могила давно сравнялась с землей; тут многочисленные дядья-тётки, которых знал и которых не довелось никогда увидеть...

Кладбище заросло травой - местами едва ли не в человеческий рост, у земли травы переплелись так, что напоминают кошму... Многих могил теперь и не найти...

Мы пришли сюда вместе с матерью и младшим братом. Помолчали... И на душе стало легче, спокойнее. Хорошо, что приехали попроведовать - и живых, и мёртвых... А то когда ещё доведется...

* * *

История не признает черновиков и всегда пишется только набело. Так и пишется сегодня новейшая история взаимоотношений двух районов, двух областей, двух стран. Она, эта история, будет такой, какими будем мы сами... А пока... Пока позади российская Березовка, перед нами казахстанское Буденное. Села, как две капли воды похожие друг на друга.

*Павлодар-Купино-Павлодар,
август 2000 года.*

Тэрэ, Эстония!

В 2001 году группа казахстанских журналистов побывала в Эстонии. Поездка была организована фондом «Сорос-Эстония» при содействии фонда «Сорос-Казахстан» и Казахстанского национального пресс-клуба.

Ее целью стало знакомство с различными сторонами жизни современной Эстонии.

Среди казахстанских коллег, побывавших в этой стране, оказался и я - как лауреат проведенного в прошлом году фондом «Сорос-Казахстан» конкурса «Казахстанская литература - 2000» по разделу очерка и эссеистики.

Секреты эстонского экономического чуда

Эстония - маленькая страна. Особенно если мерить ее нашими казахстанскими мерками. Так, например, на территории Павлодарской области разместится почти три Эстонии, или, если быть совсем точным - 2.77. (Площадь нашей области - около 125 тыс квадратных километров, а Эстонии - немногим более 45). Эту страну можно за день проехать вдоль и поперек, что мы, впрочем, неоднократно и делали.

В отличие от Казахстана в Эстонии почти нет полезных ископаемых, какими бы можно было торговать. Есть лишь горючие сланцы, которые идут на внутреннее потребление, да строевой лес. Мало пахотно пригодных земель. Население - полтора миллиона человек, из которых примерно миллион эстонцев.

И, тем не менее, именно Эстония сегодня лидирует среди бывших социалистических стран по такому показателю, как эффективность экономики. Средняя зарплата в стране по данным официальной статистики перевалила за 300 долларов, а средняя пенсия приближается к ста долларам. В списке первой полусотни индустриально развитых стран Эстония заняла 22 место (для сравнения: Россия - 45 место).

В чем секрет эстонского экономического чуда? Есть ли оно вообще? На эту тему пространно рассуждал на встрече с нами

известный эстонский ученый-экономист, внештатный экономический советник президента Н.А. Назарбаева (они познакомились и стали единомышленниками будучи народными депутатами СССР и работая в бывшем Верховном Совете СССР) Михаил Бронштейн. Суждения его интересны еще и потому, что он считает себя независимым экономистом и не меняет убеждений в угоду политической и иной конъюнктуре.

Получив независимость (хотя эстонцы говорят иначе: «Мы восстановили независимость, отнятую у нас в 1940 году Москвой»), Эстония не стала выжидать, она действовала решительно, порой дерзко. Первой среди бывших союзных республик отказалась от российского рубля, введя собственную денежную единицу - крону, и жестко привязав ее к немецкой марке в пропорции 8:1. Неуклонно проводилась и проводится жесткая антиинфляционная политика: расходы бюджета - строго по доходам. Не выполняется доходная часть - урезается расходная. Подобный жесткий подход, диктуемый здешними «младореформаторами», не раз больно бил по населению, особенно по наиболее уязвимым его слоям, но в главном себя оправдал. Теперь это признают почти все. Эстонская крона устояла, и ее курс по отношению к немецкой марке остается неизменным все годы (одна дойчмарка равна восьми кронам), более того - это теперь, как тут выражаются, «мягкоконвертируемая» валюта, которую, например, покупают рассудительные и отнюдь не склонные к авантюрам финны, и не только они.

Другой решительный шаг - тотальная приватизация. Как и везде, далеко не всегда справедливая и прозрачная (судя по нашему отечественному опыту, такие понятия, как справедливость и прозрачность, вряд ли вообще уместны применительно к этому типу реформ)... Но, хорошо ли, плохо, а бывшего государственного сектора тут не стало очень быстро, почти совсем. Осталась разве что железная дорога, переживающая серьезный кризис и заждавшаяся своей очереди. Во время нашего приезда в Эстонию там как раз шли бурные дебаты о путях разгосударствления этой стратегической отрасли.

Все здесь теперь частное: банки, предприятия, сфера услуг, средства массовой информации. И принадлежит все это чаще всего иностранному капиталу.

- Привлечение иностранных инвестиций для нас вопрос жизни и смерти, - подчеркнул Михаил Бронштейн (и эту фразу в Эстонии мы слышали не единожды из самых разных уст). - Поэтому все делается для того, чтобы создать в стране привлекательные условия для вложения иностранного капитала.

Эти условия созданы. В Эстония нет ни экспортных, ни импортных таможенных пошлин, что имеет решающее значение для транзита идущих с запада на восток и с востока на запад грузов. А возможности для такого транзита у Эстонии, обладающей незамерзающими портами на Балтийском море, огромны.

Транзитные услуги, банковский бизнес, туризм (речь о нем впереди) - три главных кита, на которых устремляется в будущее динамично развивающаяся эстонская экономика. Стабилен единый для всех хозяйствующих субъектов подоходный налог - 26 процентов. Незыблемо право частной собственности. Эстония решилась на шаг, который и сегодня многими воспринимается неоднозначно: здесь принят закон, по которому прежние владельцы могут вернуть принадлежавшие им до 1940 года земли и недвижимость. Эта тема также заслуживает отдельного разговора, а в данном случае я привожу данный факт - как еще один пример неординарности действий государственных мужей Эстонии.

Среди других составляющих эстонской экономики - рыболовство и лесопереработка. Эта страна занимает значительную часть побережья Балтийского моря (между Финским и Рижским заливами). Длина береговой линии Эстонии - 3780 километров. А кроме того, здесь свыше 1500 островов, 420 рек и поистине бесчисленное число озер (включая знаменитое Чудское, на котором мы тоже побывали). Почти сорок процентов территории Эстонии покрыто лесами - хвойными и лиственными. Огромные штабеля бревен, приготовленных к переработке и отправке, встречались нам очень часто.

Сельское хозяйство переживает серьезный кризис. В бытность Союза Эстония по праву считалась одной из самых аграрно развитых республик, особенно по части молочного и мясного животноводства. Значительная доля продукции этой отрасли шла в так называемый союзный фонд. Взамен республика получала дешевую электроэнергию, другие ресурсы. Совхозов и колхозов теперь нет, соседние российские области (Ленинградская, Псковская и другие), потребляющие некогда в немалых количествах дары эстонских полей (огурцы, лук и прочее), теперь за границей - самой настоящей (об этом мы тоже еще поговорим). Страдают обе стороны, но перспектив тут пока не просматривается.

Однозначно связывая свое будущее с западной Европой (и с Европейским союзом), Эстония, образно говоря, развернулась на 180 градусов - лицом к Западу и соответствующей частью «тела» к России. Михаил Бронштейн говорил нам об этом с сожалением и досадой, поскольку сам он, и как человек, и как экономист, хорошо видит, что от этого проигрывают обе страны. Но что есть, то есть... Зато, уверяли нас здешние «западники», эстонская экономика почти не пострадала от российского дефолта.

Эстония и Россия: проблемы реальные и мнимые

История Эстонии полна драматических страниц. В течение последних семи с лишним веков ее территорией постоянно владели чужеземцы: то немцы, то датчане, то шведы, то поляки... Почти два века Эстония входила в состав Российской империи. «Нас все время кто-то стремился защищать и освободить, хотя мы никого об этом не просили...» - примерно так не без иронии выразился один из наших эстонских собеседников, характеризуя далекое и совсем недавнее прошлое своей страны.

Наверное, у Эстонии вообще было немного шансов уцелеть в этой исторической мясорубке... Но, видимо, очень круто оказался замешан немногочисленный эстонский этнос, сумевший сохранить себя, свой язык и культуру... А в итоге и свою страну. В 1920 году Эстония впервые обрела независимость - по Тар-

тускому мирному договору, подписанному Лениным... Казалось бы, Эстония должна быть благодарна России - за то, что та помогла, пусть и в составе империи, самосохраниться ее народу и отчасти будущему независимому государству...

Но не все так просто в отношениях двух соседних государств - такой большой России и такой маленькой Эстонии.

В 1940 году закончилась короткая история существования Эстонского независимого государства - сюда вошли советские войска. По официальной версии, чтобы защитить от порабощения фашистской Германией... Кстати, угроза эта была вполне реальной - Гитлер в своих ближайших планах отнюдь не предусматривал существование суверенной Эстонии. Ее земли должны были отойти Германии, а самих эстонцев предполагалось переселить на территорию России. Но произошло то, что произошло... Был арестован и сослан первый президент Эстонии Константин Пяте, прошедший советские лагеря и закончивший свой дни в сумасшедшем доме. Состоялась скорая экспроприация частной собственности. Собственники спасались бегством, а тех, кто не успел это сделать, ссылали... Народ оказался расколот надвое: часть эстонцев была призвана в Красную Армию, а значительно большая - мобилизована (или пошла добровольно) в немецкую. После войны еще почти десять лет советская власть «выкуривала» засевших в здешних чащах «лесных братьев». Изменился - в пользу неэстонского состав населения. Преимущественно русским стал бывший эстонский город Нарва и весь северо-восток Эстонии.

Но и в составе Союза Эстония жила как бы немножечко сама по себе. Это была своеобразная витрина Советского Союза - как бы немножечко Запад...

Этот исторический экскурс необходим для понимания всей сложности нынешних взаимоотношений этой страны с Россией, которую эстонцы отождествляют с далеко не самыми светлыми страницами своего прошлого.

Эстония для России теперь дальнее зарубежье. И для Казахстана тоже. Визы для въезда в эту страну мы оформляли в Петербурге, в консульстве Эстонии, заплатив за них (и за меди-

цинскую страховку) по 35 долларов. А границу пересекали в Ивангороде и Нарве. По сути это один город, находящийся на двух берегах реки Нарова, но первый теперь российский, а второй эстонский. А между ними - по фарватеру Наровы - проходит государственная граница.

С обеих сторон реки нависают над ее берегами - друг против друга - каменные крепости, построенные еще во времена Ивана Грозного. Кто мог предположить, что печальные символы ушедшей эпохи вновь обретут свой первородный смысл?

Любопытная деталь. На эстонской купюре достоинством в пять крон как раз запечатлены эти две крепости. Но если над эстонской сияет солнце, то над российской небо заволочено черными тучами. Вот такая своеобразная фигура в кармане, характеризующая отношение маленькой, но гордой суверенной Эстонии к своему могущественному соседу и бывшей братской союзной республике.

«Сами увидите: что такое эстонская и российская границы», - отчасти запугивали нас организовавшие эту поездку эстонские коллеги-журналисты, намекая на скорые неприятности, которые сулит нам встреча с российской таможней. Кто-то со страху даже стал рассовывать по соседям «лишние» доллары и рубли (благо крон у нас еще не было). Но все прошло достаточно спокойно, буднично. Правда, у россиян нашему автобусу пришлось постоять в очереди, пока они досматривали подошедший раньше. И еще нас попросили взять свои сумки и пройти с ними через таможенный пункт, хотя смотреть их никто не стал. Так что пожаловаться на российских пограничников и таможенников никак не можем. Как, впрочем, и на эстонских. Те и вовсе собрали паспорта, а потом принесли и раздали. Мы даже не выходили из автобуса.

Обратно мы ехали на поезде. Эстонцы проверили паспорта и попросили показать места, где лежат наши дорожные сумки. То же самое проделали и россияне, с одной лишь разницей: первые приходили дважды (пограничник и таможенник), а вторые - четырежды (нам показалось, что это многовато). Но и тут никаких недоразумений не возникло.

Чего нельзя сказать о нынешних взаимоотношениях двух стран, нюансы которых подчас очень больно ударяют по их собственным гражданам. Эстонские коллеги не преминули нам сообщить, что у их страны пока нет с Россией мирного договора, что не урегулированы территориальные споры, что Россия «оттяпала» часть Эстонии, отодвинув границу на территорию сопредельного государства... Так эстонская деревня Комаровка считается теперь российской. И, дешево переругиваясь с соседями и родственниками, живущими на противоположной стороне Наровы, граждане суверенной Эстонии укоряют россияни-иностранцев этим обстоятельством, запальчиво требуя: «Вы сперва нам нашу Комаровку верните!».

Прежде существовал упрощенный порядок перехода границы для жителей обоих государств, живущих в приграничье, и они могли спокойно переправляться через реку. Теперь правила ужесточаются. Эстония стремится в Евросоюз и должна выполнить одно из обязательных требований - обустроить границы на уровне его стандартов, обеспечить соответствующий пограничный режим. Требование это, в частности, обусловлено и тем, что страны Евросоюза гарантируют своим гражданам безвизовые поездки, то есть ставится задача обезопасить Эстонию (и страны Евросоюза) от нелегальных эмигрантов. В повседневной же практике эти высокие материи оборачиваются мытарствами для людей, прежде запросто пересекавших Нарову для того, чтобы навестить родных или знакомых, попасть на свою собственную дачу или огород (бывает и так, что живут люди на одном берегу, а эти участки у них на другом, как, впрочем, и кладбища, где лежат их близкие), что-то купить-продать... Теперь для этого им надо делать крюк зачастую в несколько десятков километров, добираясь до ближайшего пограничного перехода. Обустройство же новых таких переходов - дело весьма непростое и дорогостоящее.

Безобидное слово фарватер - теперешний синоним границы - неожиданно приобрело ругательный оттенок.

Как-то по эстонскому телевидению был показан трагикомический сюжет, живописующий приграничные абсурды повсед-

невного бытия. В селе Кунинга Кюла (в переводе на русский - Королевское), расположенном на обоих берегах Наровы, как это нередко бывает, добрая треть жителей носит одну фамилию - Платовы. И вот от своей эстонской жены Лиды Платовой муж уходит к другой женщине, живущей на российском берегу, и по невероятному совпадению, носящей те же имя и фамилию. То есть от одной Лиды Платовой к другой Лиде Платовой, но оформить отношения и с ней не спешит, а потом и вовсе умирает. Чей он муж, чье теперь тело, кому его хоронить? И на территории какого государства? Обыкновенная семейно-бытовая драма приобрела черты международного, межгосударственного конфликта... Как говорится, и смех, и грех...

А если серьезно, то отношения двух государств можно охарактеризовать как умеренно-прохладные. Пожалуй, им недостает элементарного прагматизма. Квоты на въезд в Эстонию для россиян и, соответственно, в Россию для эстонцев ограничивают число деловых, туристических и прочих поездок в обоих направлениях. В прошлом году объем эстонского экспорта в Ленинградскую область составил лишь два процента от его общего объема. Как уже говорилось, эстонским крестьянам некуда стало девать свою огородную продукцию, хотя под боком российский потребитель, готовый «переварить» ее в огромных количествах. Россияне стали меньше летом ездить на отдых в Эстонию. Мешают границы, неурегулированность таможенных и других вопросов.

Может быть, не стоило бы столь подробно рассказывать обо всем этом. Но ведь и Казахстан ведет делимитацию своих границ с Узбекистаном, на очереди Россия, и очень важно сделать это цивилизованно, разумно. Главное - чтобы государственные интересы не затмили интересы десятков и сотен тысяч людей, живущих по обеим сторонам границы.

Говорят ли здесь по-русски?

Настушавшись разговорам о том, что в Прибалтике не испытывают особой симпатии к русским и к русскому языку, мы всерьез опасались, что и в Эстонии с нами не захотят говорить

на нем, и мы не сможем сами объясниться в гостинице, магазине, на улице - эстонцы будут делать вид, будто не понимают нас... Все эти опасения оказались совершенно напрасными... Да, в Эстонии теперь почти не встретишь вывески на русском языке, но говорили на нем мы везде. С депутатами и чиновниками разных уровней (которые, хоть и извинялись за качество своего русского - нечасто, мол, приходится теперь общаться на нем - но изъяснялись вполне прилично), продавцами в магазинах, служащими отелей, прохожими, у которых спрашивали дорогу... Эстонцы были неизменно вежливы и отвечали на русском.

Государственный язык в этой стране один - эстонский. Сегодня, чтобы получить гражданство, нужно сдать экзамен не только на знание конституции, но и на знание государственного языка. Обучение ему - платное, но если успешно сдал тестирование, то половину денег тебе вернут. При правительстве создан специальный фонд, который финансирует эти затраты.

Жители преимущественно русскоязычных городов Нарвы и Силламяэ по-прежнему говорят на русском. И обучение в школе здесь преимущественно тоже ведется на русском. Однако при этом многие родители из русскоязычных семей, заботясь о будущем своих детей, отдают их в классы с эстонским языком обучения. А государственную линию в отношении русскоязычных (их в Эстонии, по разным данным, от 400 тысяч до полу-миллиона, почти треть всего населения - это русские, украинцы, белорусы, евреи и т.д.) нам убедительно обрисовала министр народонаселения и миграции обаятельная Катрин Саке: Эстония не имеет своей целью ассимилировать русских, их детям, особенно в местах компактного проживания, предоставлена возможность обучения на русском языке. Но в то же время государство обеспечивает высокий уровень обучения эстонскому языку, чтобы русскоязычные дети могли быстрее интегрироваться в эстонское общество. Наша цель, подчеркнула министр, сохранить самобытность всех народов, проживающих в Эстонии, и прежде всего - их язык, культуру, традиции. Но правда и то, что после эстонского сегодня на первом месте в школах с обучением на государственном языке - английский, а русский изу-

чают как второй иностранный. Что в общем тоже объяснимо: свое будущее Эстония и ее граждане связывают больше с западной Европой, чем с Россией.

И, чтобы уже покончить с «русским вопросом» в Эстонии, скажу еще вот о чем. Нас очень интересовали процессы миграции и условия получения эстонского гражданства. Пик эмиграции пришелся на первые годы после восстановления независимости Эстонии. Прежде всего уезжали военнослужащие и их семьи, и также те, кто не пожелал остаться в суверенной Эстонии. Нам, в частности, называли цифру выехавших от 60 до 80 тысяч человек. На сегодня из оставшихся полумиллиона русскоязычных примерно 200 тысяч - граждане Эстонии, около 150 тысяч - граждане России и других стран, имеющие постоянный или временный вид на жительство в Эстонии, и примерно столько же тех, кто по каким-то причинам не смог получить эстонское гражданство и не хочет (или опять же не может) стать гражданином России или других стран. Это обладатели так называемых «серых» паспортов, которым Эстония не гарантирует дипломатическую защиту за рубежом и не дает права на безвизовый въезд в страны западной Европы, куда обладатели эстонских паспортов уже отправляются без виз.

Условия получения эстонского гражданства достаточно жесткие. Для этого претендент должен прожить в Эстонии не менее пяти лет с постоянным видом на жительство и сдать экзамен на знание государственного языка и конституции. А на постоянный вид на жительство можно претендовать, если из этих пяти лет три последних ты жил на территории Эстонии. Ограничения для неграждан следующие: невозможность быть избранным президентом Эстонии, неучастие в выборах депутатов парламента (в выборах в местное самоуправление принимают участие все жители страны, достигнувшие соответствующего возраста), невозможность работать на госслужбе, запрет на службу в эстонской армии.

Сразу после восстановления независимости Эстонии условия для получения гражданства были куда более либеральными: автоматически его получали те, кто жил здесь до ввода со-

ветских войск в 1940 году и их прямые потомки, независимо от национальности. Была даже такая «экзотическая» категория людей, которая получила гражданство «за особые заслуги» - те, кто наиболее активно способствовал восстановлению суверенитета Эстонии, особо проявил себя на поприще науки, культуры, спорта и т.д... А среди тех, кто не мог и не может претендовать на получение гражданства ни при каких обстоятельствах, сразу оказались бывшие кадровые офицеры подразделений Советской Армии, расквартированных в Эстонии, сотрудники КГБ. Большая их часть покинула эту страну, но многие остались, получили российское гражданство и продолжают здесь жить, получая по достижению возраста пенсию от российского государства.

Можно сказать, что пик всплеска эмоций, раздора в общественном мнении по поводу всех этих проблем уже позади. Кто хотел и мог - уехал (при правительстве создан специальный миграционный фонд, который оказывает содействие уезжающим в Россию и другие страны СНГ), кто не смог или не захотел - остался и с разной степенью успеха приспосабливается к новым реалиям.

Вот что говорила нам на этот счет министр Катрин Сакс:

- После восстановления суверенитета и волны эмиграции в 1992-1994 годах могла возникнуть опасная ситуация, когда одной, преобладающей части населения, нет дела до другой - неэстонской. И наоборот. Надо было преодолеть это, создать условия, в которых все люди будут себя чувствовать комфортно. Так родился полномасштабный документ «Интеграция эстонского общества». Главная идея: общее государство с его институтами, общее понимание истории, общий язык, на котором могут общаться все, независимо от национальности. Все это должно быть общим, в то же время различными могут и должны быть родной язык, культура и обычаи, уклад жизни в семье, религия, стиль жизни. Эти два процесса - признание и сохранение общего при признании и сохранении различий - и должны интегрировать эстонское общество. Но не сами по себе, а с участием государства, которое создает необходимые условия для этого:

учрежден пост министра, создан фонд интеграции, разработана государственная программа и детальный план.

Наши опросы показывают, что люди воспринимают такие подходы, говорила министр, а значит, мы работаем не впустую.

Самое сложное - изменить психологию, внутреннюю установку людей. Мы не собираемся делать русских эстонцами, цельная - чтобы при сохранении собственной идентичности русскоязычные граждане в полной мере ощущали себя гражданами Эстонии. Говорят, должно смениться поколение, чтобы это произошло, но мы верим - произойдет быстрее.

Земляки

Бывшие советские люди, попав за границу, как правило, стремятся отыскать земляков, и мы в этом смысле не были исключением: коллеги из казахских газет сразу же «заказали» нашим гидам встречу с казахами, проживающими в Таллинне... И у нас даже был специальный ужин в ресторане «Ренесанс», где мы встречались с представителями ассоциации национальных культурных обществ Таллинна. Правда, чистокровных казахов на ней замечено не было, зато были бывшие казахстанцы, целинники, представители разных диаспор, проживающих в столице.

А душой всего этого сообщества и бесспорным лидером давно стала наша землячка, казахстанка, Лидия Кылварт, возглавляющая корейское культурное общество. Она считает эту свою добровольную нагрузку совсем не обременительной и чрезвычайно важной. Сохраняя свой язык, культуру, традиции, люди становятся духовно богаче сами и обогащают других, говорила нам Лидия. У нее, кстати, оказались друзья и в Павлодаре, казахи, супруги-врачи, работающие в железнодорожной больнице. Она наказала мне передать им привет, и я это поручение выполнил. А накануне нашего отъезда Лидия пригласила нас в корейский ресторан, в котором мы и вовсе почувствовали себя как дома, ведь корейская кухня давно стала для казахстанцев родной.

Но это были, скажем так, «протокольные» встречи. Случались и экспромты. В городе Силламяэ, где мы обедали в ресторане, нас «перехватили» две молодые женщины, прибежавшие

сюда только для того, чтобы повидаться с земляками. Гуля - казашка, родом из Степногорска Акмолинской области, а Татьяна - из Караганды. Приехали в Эстонию вместе с мужьями-врачами, которых сюда направили по распределению. На жизнь не жалуются. У Татьяны муж - частный семейный врач, она сама занимается туристическим бизнесом и помогает мужу вести бухгалтерию. У Гули муж - радиобиолог, сама она работает в мебельном магазине. Прежде чем получить гражданство, обе супружеские пары сдавали экзамен на знание эстонского. Но закрепляется он плохо - нет языковой среды, ведь в городе почти всюду говорят по-русски. И старшие дети в обеих семьях учатся в русской школе, а младшие - уже в эстонской. Помнят ли обе Казахстан и не забыли ли казахский? Обе тут же продемонстрировали, что это не так...

Как дорога нам была это случайная встреча! Как не хотелось расставаться!

В этом же городе хорошо знают еще одного казаха - Константина Джексенова. Он бизнесмен, был директором пивного завода в Силламяэ.

А меня самого ждала в Таллинне встреча с коллегой Александром Иконниковым, с которым мы в семидесятые годы начинали работать в «Звезде Прииртышья». Потом он жил и работал в Тургае, Алма-Ате, откуда уже в конце восьмидесятых перебрался в Эстонию (он там родился).

В первое же свое утро в Таллинне я купил в киоске русскоязычную газету «Эстония», где и обнаружил подписанный Сашей материал. Разыскать его по телефону в редакции было делом нескольких минут. Позднее мы встретились, и он, не особенно откровенничая, рассказал мне о своем житье-бытье.

Начинал с того, что издавал одну из первых в Эстонии частных газет - в городе Хаапсалу. Она называлась «Ляанемаские вести», и ее можно было выписать даже в Павлодаре. Протестуя против «имперской политики Москвы в Прибалтике», Иконников публично сжег советский паспорт. После обретения Эстонией независимости получил гражданство - за особые заслуги в восстановлении суверенитета страны. Но воспользоваться ситуацией и пойти во власть не захотел. Открыл в Хаапсалу пер-

вый частный круглосуточный магазин (построил, оборудовал - все сам), воевал, в прямом и переносном смысле, с ракетирами. Устоял. Продал магазин, купил бар, но тут дело пошло не слишком удачно. Вскоре оказался без бара и без денег. Работал ночным почтальоном, с трудом сводя концы с концами, ведь была еще и семья. Решил вернуться в журналистику. В «Эстонию» взяли сначала «стрингером», то есть репортером без оклада, промышляющим свободным поиском тем и живущим за счет гонорара... Теперь редактор одного из ведущих отделов с перспективой роста. Освоил эстонский язык. О Казахстане почти забыл. Свое будущее связывает только с Эстонией, именно ее считая родиной.

Сказки старого Таллинна

Наше знакомство с Таллинном началось с экскурсии по так называемому старому городу. Его можно назвать сердцем столицы и всей Эстонии, здесь каждый камень дышит историей, это настоящая поэзия в камне.

А нам еще несказанно повезло в том, что нашим экскурсоводом оказался непревзойденный знаток Таллинна, автор нескольких книг о его истории и достопримечательностях Юрий Гаврилович Коновалов. Человек весьма преклонных лет, он передвигался столь стремительно, что мы не поспевали за ним, зато он при этом еще успевал сообщать массу любопытнейших сведений, фактов, легенд. Просто ходячая энциклопедия... Жалею, что смог записать лишь маленькую толику из услышанного. Вот небольшие фрагменты.

* * *

- Таллинн - город с тысячелетней историей. Раньше он назывался Ревелем. Петр Первый всерьез подумывал о том, чтобы перенести сюда российскую столицу - еще до строительства Санкт-Петербурга.

* * *

- В Таллинне живут самые высокие люди в Европе - их средний рост составляет 174 сантиметра. Речь, разумеется, о взрослой части населения...

* * *

- Таллиннцы - большие сладкоежки. В день они съедают семь тонн тортов.

* * *

- В этом доме в 1742-1752 годах жил прадед А.С. Пушкина Абрам Петрович Ганнибал. Его первая жена была из Петербурга, она изменила ему и сбежала - за день до свадьбы. А разво-дился с ней Ганнибал 21 год.

Второй женой Абрама Петровича была эстонка, она наро-жала ему кучу детей. Жена была недовольна супругом: «Этот шорный шорт (черный черт - Ю.П.) делает шорных детей и дает им имена, которые невозможно выговорить...» Предок А.С. Пуш-кина был между тем далеко не последним человеком в Таллинне - комендантом города.

* * *

- В этом доме останавливался Петр Первый. А коней он брал у купца по имени... Нет, по-русски это звучит неприлично, при дамах я не могу имя и фамилию произнести вслух...

* * *

- Мы - в Домской церкви, первое упоминание о которой да-тируется 1233 годом. Одна из ее главных достопримечательно-стей - металлический орган, который звучит ничуть не хуже того, что установлен в Домском соборе Риги. А еще в этой цер-кви похоронен Крузенштерн. Да-да, тот самый знаменитый мо-реплаватель...

* * *

- Вы посмотрите, какой изумительный вид открывается с Тоомпеаа («Вышгород» - Ю.П.) на Таллинн. Там, вдали - певческая эстрада и певческое поле. Во время певческих праздников на эстраде помещается хор в сорок тысяч человек, а слушать и подпевать могут еще 300 тысяч. Певческая эстрада занесена в энциклопедию уникальных сооружений мира...

* * *

- Название этой улицы по-русски звучит как Широкая. Когда-то она славилась тем, что каждая ее часть, прилегающая к стоящим на ней домам, считалась собственностью их владельцев. И все, что сваливалось с проезжающих по улице повозок, тоже становилось их собственностью. И чем хуже было для проезжающих, тем лучше для обитателей улицы, кровно заинтересованных в наихудшем ее состоянии. Пословица - что с возу упало, то пропало - имела тут самый что ни на есть первородный смысл.

* * *

- Ратушная площадь прежде была рыночной. А если кого-то уличали в том, что он продает плохой товар, мошенничает, то наказывали так: подвешивали за ошейник к стене, пристегивали руки-ноги... Такая же участь могла ожидать беспутную женщину, отъявленную слетницу и скандалистку... И в таком подвешанно-распятом состоянии наказанные пребывали трое суток. Рядом лежала палка, которой каждый мог «поучить» их. Однако на ночь провинившихся отпускали спать, а днем - есть, пить и отправлять естественные надобности...

* * *

Спасибо Юрию Гавриловичу - можно сказать, что он подарил нам свой старый Таллинн.

Потом была отдельная экскурсия по Таллиннской ратуше, ведущей свою историю от тринадцатого века.

В разные времена она выполняла роль городской управы, хранилища ценностей города, крепости. Здесь принимали законы и судили, встречали высоких гостей, в советское время тут размещался горисполком. Теперь ратуша также используется для представительских целей... Нам разрешили посидеть на дубовой скамье, сработанной в четырнадцатом веке - самой древней мебели Таллинна.

Город с необыкновенной судьбой

- У нас в Эстонии все хорошо, но мы обязательно покажем вам и «проблемные» регионы...

Эту фразу наш эстонский гид и коллега Александр Цуккерман произносил не раз, особенно в первые дни путешествия. И вот мы действительно отправляемся в такое место - это Палдиски, бывший суперсекретный город, где размещалась учебно-тренировочная база советского подводного флота. Именно в Палдиски обучали и переучивали экипажи атомных подводных лодок. С этой целью в одном из зданий, на суше, была смонтирована точная копия атомной субмарины. Со всеми ее атрибутами, включая атомный реактор. Как нам сказали, и командир печально известного «Курска» Геннадий Лячин проходил здесь переподготовку.

Под воинскую часть была приспособлена и вся городская инфраструктура - коммунально-бытовая и прочая. И когда военные в 1994 году ушли, после них остались пустые казармы и здания офицерского городка. Вступившему в должность мэра Яну Мельдеру пришлось отыскивать вместе со своими помощниками места залегания водопроводных и канализационных труб. И делали они это при помощи металлических щупов, потому что надвигалась зима, а никаких бумаг, схем расположения этих коммуникаций военные не оставили. Из 48 многоквартирных жилых домов 11 никогда и никем не принимались в эксплуатацию, но тем не менее были заселены. В первую зиму часть жилья вообще не отапливалась, благо выдалась она не очень холодной.

Рыли котлован - откопали мазутный водоем, образовавшийся в результате утечек. Свообразное наследство, доставшееся от военных... Мазут оказался вполне кондиционным - топили им котельную.

В советские времена, когда весь город был обнесен колючей проволокой, в нем насчитывалось примерно 16 тысяч человек. Сейчас - чуть больше четырех тысяч. Иначе говоря, от Палдиски могли остаться одни только руины - в прямом смысле слова. Но этого не случилось. Может быть, потому, что сюда пришли такие люди, как его бывший мэр Ян Мельдер и его товарищи, которые взяли на себя всю черновую и очень неблагодарную работу по его спасению. Послушаем, впрочем, самого Яна.

- В советское время эстонцев в Палдиски практически не было, сейчас их примерно тысяча человек. Но мы с самого начала решили - ни в коем случае не делить горожан по национальностям. Условие для всех одно - соблюдать эстонские законы. Всем желающим предоставлена возможность для изучения государственного языка. В городе, кроме гимназии с русским языком обучения, открыта эстонская школа.

- Каковы ваши взаимоотношения с неэстонским населением?

- В Палдиски много пенсионеров - бывших советских военнослужащих. Они же не виноваты, что здесь оказались. Теперь это мои избиратели, с которыми я нашел общий язык. Вот и сегодня пойду поздравлять их с Днем Победы...

- За счет чего выживает город, чем заняты люди?

- В Палдиски действует морской порт, думаем о привлечении инвестиций для его расширения и строительства нового. Действует швейная фабрика, кто-то занят торговлей. Часть жителей каждый день отправляется на работу в Таллинн... Есть, к сожалению, и безработные. Наш регион остается одним из самых бедных в Эстонии (средняя зарплата - 1700 крон, или примерно 100 долларов, что втрое ниже, чем по стране в целом - Ю.П.). Но самое главное - мы спасли этот город, он возрождается к жизни, понемногу растет его население.

Ян Мельдер назвал Палдиски городом с необыкновенной судьбой, добавив, что и живут в нем необыкновенные люди.

В самом деле, говорят, что когда-то Петр Первый пришел сюда пешком из Ревеля по берегу моря и раздумывал - не здесь ли заложить Санкт-Петербург... Именно Петр начинал создавать в этом месте российский морской бастион. Сохранился старый маяк, сложенный из камня по его указу. На вершине маяка по ночам разжигали костер. Стоят в Палдиски и некоторые другие постройки времен Петра. А еще этот город известен тем, что в нем отбывал свою 25-летнюю каторгу сподвижник Емельяна Пугачева Салават Юлаев - теперь народный герой Башкирии, которому здесь установлен памятник. Установили его в советские времена, а в пору безвластия украли, поскольку он был из цветного металла. Новым властям пришлось его восстанавливать...

А первый президент Эстонии Константин Пятс в сороковых годах часть своей ссылки провел в Башкирии. Вот такие случаются исторические совпадения.

Можно заглянуть и в более древние времена. Часть Балтийского побережья в Палдиски - так называемые глинты, обрывы с обнаженной земной корой, по которым прекрасно видно, как она формировалась в течение последних 25 миллионов лет.

Что держит в этом городке, сегодня далеко не самом благословенном месте Эстонии, Яна Мельдера, давно сложившего с себя обязанности мэра? «Свежий воздух», - пытался отшутиться он в ответ на именно так поставленный вопрос. А если серьезно... Талантливый травматолог-ортопед, к тому же попробовавший себя в бизнесе, и небезуспешно, он остается в этом городе «простым» депутатом местного самоуправления и едва ли не самым влиятельным человеком. Он считает, что его команда выполнила поставленные на первом этапе задачи (город - спасли!) и теперь они вместе должны двигаться дальше, делать все, чтобы у людей здесь была достойная жизнь. И Ян, и его товарищи, и другие люди, приехавшие сюда со всей Эстонии, не боялись принимать решения (бывало и ошибочные), и нести за них ответственность. Они связали свою судьбу с этим городом, и он сам стал их судьбой.

«Уран – наш, бомбы – Ваши»

Своя непростая судьба и другого «проблемного» города - Силламяэ, расположенного на северо-востоке страны. В отличие от Палдиски он совсем молод, ему немногим более сорока лет. Создавался Силламяэ как город одного предприятия-комбината по обогащению урановой руды. Иногда о нем так и говорили - город-завод.

- Можно сказать, мы с вами товарищи по несчастью, - пошутил председатель здешнего городского собрания депутатов Валдек Мюрд. - Атомные бомбы, которые взрывали на Семипалатинском ядерном полигоне, были изготовлены из урана, обогащенного в Силламяэ.

На предприятии работало пять тысяч человек, на его обслуживание был «завязан» весь город, разумеется, также совершенно закрытый для жителей других районов Эстонии и не только для них. Как и во всех закрытых городах, работавших на оборону, были приличное снабжение, развитая социальная инфраструктура, считалось престижным жить здесь. С восстановлением независимости сменился профиль главного предприятия - теперь оно производит редкоземельные металлы, используемые для высоких технологий. Сырье завозится из России, Африки, Южной Америки. Правда, пока что на заводе занята примерно тысяча человек. Среди специалистов, кстати, немало технологов из нашего Усть-Каменогорска, где есть аналогичное производство. Ведутся работы по утилизации радиоактивных отходов, хранилище которых было устроено по соседству с комбинатом, прямо на берегу моря. На ликвидацию хранилища отводится 7 лет, на эти цели Евросоюз выделил Эстонии 20 миллионов евро. А в перспективе тут намечено построить международный морской порт.

В советские времена в городе насчитывалось двадцать тысяч человек, и население его почти не уменьшилось, Правда, велика безработица - примерно полторы тысячи человек. Как и у нас в Казахстане, здесь очень остро встала проблема содержания объектов социальной сферы (прежде об этом заботился комбинат по обогащению урана). Пришлось сократить часть

детских садов. (Но, кстати, и число детей поубавилось). Есть сложности с содержанием больничного комплекса, опять же доставшегося в наследство от комбината, других объектов...

И, тем не менее, город произвел на нас очень хорошее впечатление: зеленый, чистый, по-своему уютный. Благоустройство - давняя традиция, о порядке заботятся не только власти, но и сами жители.

Эстонцев в Силламяэ всего 2,5 процента, это самый низкий показатель среди всех районов страны. Преобладает русскоязычное население. Граждан России здесь больше, чем граждан Эстонии: соответственно, 3,5 и менее 3 тысяч человек. Есть граждане других стран, а остальные - без гражданства. Но никаких конфликтов на национальной почве нет. Как уже упоминалось, все жители имеют право голосовать на выборах в местное самоуправление. Те, кто собирается жить в этой стране, учат государственный язык. Кстати говоря, первая школа с обучением полностью на эстонском языке появилась совсем недавно. Пока в ней обучается 107 ребятшек, половина из них - из русских семей. Это был выбор их родителей. Мы побывали в этой школе, заходили в классы, беседовали с директором. Сама она из смешанной русско-эстонской семьи и уверяет, что в ней прекрасно уживаются оба начала. Как, впрочем, и у большинства школьников, которые в классах говорят по-эстонски, а на улицах больше по-русски, потому что большинство в городе говорит на этом языке. И обучение в других городских школах - тоже преимущественно на русском, хотя в них есть и эстонские классы, которые здесь сохраняют и «доводят» до выпуска, даже если в них не более пяти-семи учеников. Первая эстонская школа расширяется, рядом с ней и первый детский сад, воспитанники которого говорят на эстонском. Остальные детские сады - русскоязычные.

Через некоторое время город должен встречать представительную экспертную комиссию Евросоюза, которая весьма придирчива и строга в вопросах прав человека, особенно национальных меньшинств. Хотя кого здесь считать национальным меньшинством - тоже большой вопрос... Мы во всяком случае

не могли не обратить внимания на названия здешних улиц - Го-голя, Горького, Маяковского, Гагарина... Центральную улицу Ленина, правда, все же переименовали...

Поэзия дерева и камня

Сааремаа - самый большой остров Эстонии площадью 2674 квадратных километра. Его еще называют - островная земля. Чтобы добраться сюда, мы на своем автобусе въехали в чрево огромного парома, вместившего еще несколько таких же автобусов и, наверное, десяток-полтора легковых автомобилей. А потом из просторного пассажирского салона с верхней палубы любовались красотами Балтики.

Сааремааский уезд занимает шестнадцатую часть территории страны, но здесь встречается четыре пятых всех видов растений, какие есть в Эстонии. Это потому, что на острове более мягкий климат, чем на материке. Неудивительно, что здешние места древние люди облюбовали еще в середине третьего тысячелетия до нашей эры.

На Сааремаа и сегодня можно запросто встретить оленя и лань, лося и кабана. Весной заливы заполняют десятки тысяч морских птиц - это места их традиционного гнездования.

Вольнолюбивые островитяне исстари были охотниками и рыбаками, строителями, земледельцами, вели торговлю.

Прекрасное представление об их быте дает деревня Когува, расположенная на острове Муху, через который и лежал наш путь на Сааремаа. История этого поселения насчитывает свыше четырех веков. Еще в тридцатые годы двадцатого столетия здесь жило свыше 150 человек, в том числе более сотни Шмуулов. Жители Когува едва ли не первыми на острове получили право свободно распоряжаться землей. Предание гласит, что в 1532 году один из основателей рода Шмуулов спас жизнь магистру Ливонского ордена, за что тот и вручил ему, простому крестьянину, документ на право пользования двором величиной примерно в 25 гектаров пахотных земель. Отныне этот человек освобождался от крепостной зависимости, но должен был выплачивать ордену ежегодно шесть марок серебром и раз в год угощать магистра и его свиту. Кроме того, впоследствии де-

ревня должна была бесплатно исполнять почтовую повинность, и позднее для этой цели здесь имели и ямщиков, и специальных лошадей, и даже почтовую лодку - парусник на веслах - со специальными гребцами. Так что не так уж дешево обходилась Шмуулам их «вольная» жизнь.

Когува была деревней рыбаков и земледельцев. Отслужившие свое лодки тут не выбрасывались - их привозили домой и в знак признательности за многотрудную службу вооружали на каменную ограду. Некоторые и ныне коротают тут свои дни на заслуженном отдыхе.

Освобождая землю от камней, крестьяне сеяли рожь, лен, овощи. На сенокос летом выходили затемно. Женщины работали вместе с мужчинами в поле, делали работу по дому, пряли пряжу из овечьей шерсти и льна. Каждая семья сама мастерила себе обувь, шила одежду, изготавливала несложную домашнюю утварь и рабочий инструмент. Здешний мужик обязан был уметь и умел делать все: управляться с лодкой и рыбацкими снастями в море, обрабатывать землю, валить лес, ковать железо (кузница тоже у каждого была своя), строить, ухаживать за скотом.

Сегодня Когува - уникальный музей под открытым небом, где бережно сохранены 105 преимущественно деревянных строений самого разного назначения. Все вместе эти извилистые улочки и переулки, уютные зеленые площади создают единый красивейший ансамбль. А особый колорит ему придают каменные ограды-изгороди. Им тоже не одна сотня лет, все они покрыты, как ковром, нежно-зеленым мохом. В здешних оградах есть что-то вечное, магическое, завораживающее; предки эстонцев считали, что они способны защитить жителей от злых духов и других напастей. Выкладывание каждой такой изгороди было отнюдь не простым делом и занимало далеко не один год. Сначала летом закладывали фундамент. Весной и летом крестьяне собирали на полях камни, а зимой на прочных санях доставляли к фундаменту, чтобы укладывать уже следующим летом.

Так и возникали смыкающиеся друг с другом и перекрещивающиеся полутораметровые каменные ограды, окаймляющие сельские улочки и переулки. Эти неповторимые сооружения и сегодня очаровывают своими прихотливыми извивами и многовековым покоем.

Впрочем, о Когуве можно рассказывать очень долго. В двадцатом веке эта деревня стала знаменитой еще и тем, что здесь жил Юхан Смуул - потомок тех самых многочисленных Шмуулов, которые всегда составляли основной костяк ее жителей. Известный писатель, он был удостоен Ленинской премии за «Ледовую книгу». В Когуве сохранился дом, где родился и вырос Ю. Смуул, куда он любил возвращаться в пору своей славы. Дом Смуулов, впоследствии перестроенный, интересен как раз тем, что это типичное эстонское жилище начала двадцатого века. В первой его части - жилой (она так и называлась - жилая рига) обитала семья, даже по эстонским меркам большая - 22 человека, в том числе десять детей... Экскурсовод рассказывала нам, что в таких семьях во время обеда дети не садились за стол, а ели стоя. Отчасти в целях экономии места, а отчасти - в воспитательных. Детей эстонцы держали в строгости. Бытовала, например, такая поговорка: ребенок должен говорить тогда, когда курица писает... То есть, никогда... А садился сын впервые за стол, когда в первый раз отработает на пашне.

Во втором «отсеке» дома Смуулов было гумно - рабочее помещение. Помимо всего прочего, в нем под потолком, на специальных навесах, хранились снопы с пшеницей или рожью нового урожая. До кондиции их доводил дым, идущий сюда из жилой части. В старину эстонцы-крестьяне топили печи по-черному (т.е. они не имели труб), а у Смуулов, благодаря особому устройству дымохода, дым мог уходить в трубу, обогревать жилую ригу, попадать на гумно. Проходя сквозь снопы, дым не только отлично высушивал зерно, но и придавал ему особые хлебопекарные качества, из-за чего оно особенно ценилось на рынке. В этой части дома молотили снопы, мололи на ручных жерновах муку, изготавливали разную домашнюю утварь. А баня служила хозяевам не только местом, где парились и мылись, но и хлевом для овец.

Юхаан Смуул любил жить в своем доме, особенно летом, сживал за выпивкой с местными жителями, о чем прекрасно написал в книге «Мухуские монологи», запечатлевшей неповторимые характеры обитателей этих мест, их своеобразный быт.

Нужен мост на материк

На Сааремаа нас принимал старейшина уезда, который представляет здесь правительство. Старейшина уезда назначается на пять лет, его основная миссия - обеспечение комплексного развития региона. Для этого в его распоряжении полсотни чиновников.

Главная проблема для острова - транспорт. Паром, на котором мы добирались сюда, конечно, уже прогресс. Но это дорогое удовольствие. Островитяне мечтают о строительстве моста на материк, до которого всего семь-восемь километров. Тем более, что прецеденты в соседней Скандинавии есть - мосты и туннели гораздо большей длины. Есть и проект, его анализирует правительство, которому в конечном счете и решать, ведь сам уезд такое строительство не потянет.

Мост нужен и для того, чтобы спрямить путь из Эстонии на Запад - в Копенгаген, Стокгольм и т.д., до которых от Сааремаа рукой подать. Сегодня приходится добираться вкруговую, через Таллинн.

Летом на Сааремаа настоящее паломничество туристов. Финны не только снимают жилье и живут здесь месяцами, но и приобретают землю и недвижимость, готовы строить и уже строят себе жилье. Все это приветствуется местными властями: туризм - важнейшая статья доходов местного бюджета, а инвестиции нужны острову, как воздух. Уже более двухсот финнов купили на Сааремаа землю и недвижимость. Земля стоит недешево: за гектар у моря надо выложить сто тысяч кронн (примерно 800 тысяч тенге). Покупают землю - значит, построят жилье, проложат дороги, проведут линии электропередач - все это послужит развитию территории.

Пока неэффективно используется большой аэропорт, доставшийся острову в наследство от Советского Союза. Внутренние линии обезлюдели из-за дороговизны. Летом летают маленькие самолеты с туристами из Финляндии, Швеции, Дании.

Центр уезда - город Куресааре, где свое местное самоуправление (собрание депутатов) и мэрия. А еще есть волости, где свое местное самоуправление и свои старшины, которые, в отличие от старшины уезда, избираются. Собрания депутатов

уезда по закону не предусматриваются - они есть только в волостях и городах. В Эстонии грядет административная реформа - головная боль для чиновников. Центральные власти считают, что волостей и даже уездов в Эстонии слишком много.

Население Сааремаа почти стопроцентно эстонское. По-эстонски говорят и совсем немногочисленные русские из смешанных семей. Продававшая нам янтарь женщина в городе Куресааре изумлялась: «Лет десять не слышала русского...»

На Сааремаа сохранился без каких-либо существенных перестроек Куресаарский замок - уникальное крепостное сооружение, ведущее свою историю с 13 века. Теперь здесь музей со множествами экспозиций, повествующих об истории эстов. Мы здесь также побывали.

За что эстонцы любят своего президента

Эстония - парламентская республика. Об этом нам подробно рассказывали при посещении Эстонского парламента, который называется Рийгикогу. На заседаниях парламента может побывать каждый желающий - для этого надо лишь предъявить паспорт и пройти соответствующую несложную проверку на входе. Заседание Рийгикогу в прямой трансляции можно слушать через интернет, стенограммы заседаний публикуются в печатном варианте и даже издаются на компакт-дисках. Депутаты - люди в стране известные. И все же самым популярным политиком в стране неизменно остается Президент - Леннарт Мери, исполняющий свои обязанности уже второй (и по закону - последний) срок.

Президент Эстонии - глава государства, который его представляет и обеспечивает необходимый баланс в деятельности парламента, правительства и судов. Он избирается тайным голосованием парламента на пятилетний срок... Кандидат в президенты должен получить две трети голосов состава Рийгикогу. Если в течение двух дней в трех турах Рийгикогу не сможет избрать президента, созывается коллегия выборщиков, которая состоит из членов Рийгикогу и представителей собраний местных самоуправлений.

Сочинение так тронуло президента, что он решил лично познакомиться с ней и ее семьей, а заодно еще раз посмотреть, как живется людям на преимущественно русскоязычном северо-востоке Эстонии.

Дотошные эстонские журналисты не преминут рассказать, как их президент дважды нарушил закон. В Эстонии запрещено курить в служебных кабинетах, на рабочих и в общественных местах. Обсуждается даже вопрос о выделении специальных мест для курящих в ресторане - почти как в самолетах на международных авиалиниях. А Леннарт Мери - заядлый курильщик. Как быть, если курить в своем кабинете нельзя? Оборудовать специальную курительную комнату? Но это непредусмотренная трата бюджетных средств, то есть опять же нарушение закона. Принимать специальную поправку, позволяющую президенту курить в кабинете? Тоже нехорошо. Решили - пусть курит, тем более, что до окончания его президентского срока осталось не так уж много.

И второй раз стал нарушителем эстонский президент, когда построил себе новый дом на берегу моря. В самом факте строительства никакого нарушения нет. Но на этих нескольких десятках метрах отныне нет доступа к морю всем желающим, а по закону о береговой линии каждый житель Эстонии вправе иметь доступ ко всей многотысячекилометровой береговой линии. И, конечно, тут же нашлось немало страждущих погулять по берегу как раз там, где живет президент. Но ведь президентская усадьба - не проходной двор, пришлось ее огородить. Опять налицо нарушение. Хотя эстонцы, прекрасно понимая, что к чему, отнюдь не в обиде на своего президента. И, судя по последним опросам, скорее готовы простить ему эти маленькие преступления, чем ставить в вину. Чего нельзя сказать о доверии к эстонским политикам вообще. Недавно в эстонской прессе опубликовано «письмо 43». В нем представители творческой интеллигенции, ученые, известные всей стране люди с тревогой пишут о том, что уходит в прошлое эпоха политического романтизма, что в обществе больше нет доверия к политикам, что теряют нравственные ориентиры молодежь...

Нелегко дается рождение нового, в том числе и в Эстонии.

Храмы Эстонии

Эстония - многоконфессиональная страна. Эстонцы преимущественно лютеране, русские - православные, есть также католики, мусульмане, люди других конфессий. Мы побывали на утренней службе в католической церкви, заходили в большой православный храм в старом городе Таллинна, посмотрели телевизионную передачу о том, как проводят в Таллинне священный месяц рамазан здешние мусульмане.

Православных церквей и храмов в Эстонии не один десяток. Некоторые стоят тут еще с петровских времен. В Причудье - районе, прилегающем к эстонской части Чудского озера, с семнадцатого века живут русские староверы - старообрядцы, бежавшие сюда после раскола церкви. Мужчины истари промышляют рыбной ловлей, женщины - огородничеством. До сих пор в Причудье говорят на чистом, своеобразном русском языке, сохраняют традиции, ходят в свои церкви. Этот район Эстонии не спутаешь с другим - на десятки километров тянутся деревни и деревеньки вдоль озера, главная примета которых - огородные теплицы, где потомки российских старообрядцев выращивают вкуснейшие огурцы. А вяленую и копченую рыбу можно купить прямо на дороге, что мы и сделали.

Нам посчастливилось побывать в Пюхтинском Успенском женском монастыре, основанном больше ста лет назад в живописном месте между Финским заливом и Чудским озером. Пюхтица в переводе с эстонского - «святое место». Начинаясь монастырь с общины, в которую вошли монахиня и три послушницы. Сейчас в нем постоянно живут шестьдесят монахинь и примерно сто послушниц. Многие из них имеют высшее образование. Кто-то находится здесь с самого детства, кто-то приходит, разочаровавшись в мирской жизни, кто-то после тяжелейших утрат и потрясений. Настоятельница монастыря матушка Варвара, чей авторитет непререкаем, пришла в святую обитель в двадцатидвухлетнем возрасте и связала с ней всю свою жизнь, очень многое сделала для развития монастыря и его благоустройства.

В июне 1990 года монастырь перешел в непосредственное подчинение Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию Второму. В свое время, когда по всей стране закрывались монастыри, и Пюхтинский ждала подобная печальная участь. Но бывший в ту пору епископом Таллинским и Эстонским Алексей сделал все возможное и невозможное, чтобы этого не случилось. Ведь еще шестилетним он приезжал сюда с отцом - священником приходской церкви в Таллинне, прислуживал в алтаре Успенского собора. А в 21 год, после окончания Ленинградской духовной семинарии, Алексей назначается настоятелем Богоявленской церкви в соседнем с Пюхтицей городе Йыхве и часто служит в монастырском храме. В 1961 году протоирей Алексей пострижен в монашество и вскоре определен епископом Таллинским и Эстонским. С тех пор и по сей день Пюхтинский Успенский женский монастырь находится под его непосредственным руководством.

Монахини и послушницы живут по строгому распорядку. Встают затемно, каждое утро в шесть часов колокол созывает их на молитву. После службы и утренней трапезы каждая насельница (постоянная обитательница монастыря) получает послушание - задание на определенную работу. И забот у них круглый год много: монастырь сеет пшеницу, рожь, овес, овощи, кормовые культуры. В хозяйстве три десятка коров, пять лошадей, овцы, птица. А еще - парники, оранжерея, пасека, плодовый сад. Все это требует постоянного ухода. Так что послушание - это и сенокос, и сбор грибов, ягод, и заготовка дров, и рыбная ловля, и рубка льда для погребов-холодильников, и многое, многое другое. Послушание несут в церкви, на кухне, гостиничных домах. Зимой, когда нет работы в поле, послушание связано с разными видами творчества - монахини и послушницы шьют, рисуют, занимаются резьбой по дереву, музицируют.

Мы были просто покорены чистотой и уютом на территории монастыря, его умиротворяющей красотой. И уносили с собой воду из святого источника, которую издавна считают целебной.

«Оружейная палата» Иоганесса Кырса

Этот музей уникален. Не только для Эстонии, вряд ли в мире есть нечто подобное.

Музей придумал и создал эстонец Иоганесс Кырс. И в стране, которая отнюдь не обделена хранилищами древностей и произведений самого разного искусства, это единственный частный музей - музей Независимости Эстонии.

Рассказывать о нем сложно, потому что в данном случае на ум сразу приходит пословица - лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И все же попытаюсь.

В своем доме и вокруг него Иоганесс Кырс собрал богатейшую коллекцию оружия и военной техники двадцатого века. Это старые танки, бронетранспортеры, боевые машины пехоты, самоходные орудия, остатки советских самолетов времен второй мировой войны и знаменитого немецкого самолета-снаряда (ракеты) ФАУ... А еще пушки, пулеметы, гильзы от снарядов, десятки типов автоматов, винтовок и пистолетов. Мундиры солдат, офицеров и генералов, проржавевшие каски... Многочисленные документы, книги и фотографии... И великое множество других экспонатов...

Когда-то здешняя усадьба, расположенная в живописном и укромном месте на небольшом острове, принадлежала брату первого президента Эстонии Константина Пятса - Вольдемару. Ему удалось избежать печальной участи Константина лишь потому, что он бежал, когда в 1940 году сюда вошли советские войска. Брошенная усадьба ветшала и приходила в запустение. Вот ее-то выкупил и восстановил, уже в качестве такого необычного музея, Иоганесс Кырс.. Он говорит, что, проснувшись однажды перед рассветом, будто от какого-то толчка, понял - он должен это сделать. И сделал за десять с небольшим лет очень много. Отремонтирован и достроен дом, в десяти с лишним комнатах которого размещены экспонаты музея. Собрано огромное количество экспонатов. Некоторые из них весят десятки тонн. Чтобы доставить на остров 28-тонный танк - понтон, нужно было найти не только мощный подъемный кран, но и построить мост. А когда Иоганесс на своей личной легковушке тащил домой

противотанковую пушку, его едва не приняли за террориста. Две полицейские машины взяли его в «клещи», стражи порядка всерьез опасались, как бы он не повернул оружие против них.

У каждого экспоната - своя собственная история появления здесь. Немалую часть стрелкового оружия Иоганесс получил с бывшего «Таллинфильма».

Кто он такой, этот Иоганесс Кырс, и зачем ему это надо?

Ему еще не было года, когда он остался без отца. «Его убили ни за что, ведь Эстонии совсем не нужна была эта война. Эстонцам досталось и от немецкой, и от советской сторон - воевали эстонские парни по обе стороны фронта... Когда я открывал памятный знак на острове - в виде креста, пригласил и тех, и других, и сказал им: можете еще раз подраться, но только здесь, и пусть это будет последний раз... То, что я делаю - мой долг живущего погибшим, независимо от того, на чьей стороне они были. Я бы хотел, чтобы мой музей примирил их всех, а тех, кто приходит, заставил ужаснуться от нашего недавнего прошлого... Мы должны сделать все для того, чтобы подобное не повторилось...»

Вот что сказал нам Иоганесс Кырс, строитель, механик и мореплаватель, дизайнер и художник. У него не только хорошая голова, но и золотые руки, и он уже сегодня мог жить припеваючи. А он все, что зарабатывал и зарабатывает, вкладывает в свой музей. Министр культуры обещал установить для Иоганесса ставку экскурсовода, но денег в бюджете страны мало, и поэтому Кырс намеревается ехать в Финляндию, где нашел выгодный подряд на строительство дома. Есть возможность подзаработать - содержание и расширение музея требует немалых средств.

А еще Иоганесс оказался радушным и хлебосольным хозяином. В подвале своего дома-музея, напоминающем некий симбиоз тира и пивного погребка, он растопил камин и угостил нас вкусным обедом.. Дело было 9 мая. В Эстонии этот праздник не отмечают как государственный, и хозяин тоже не стал нас поздравлять... Он просто спел нам удивительно молодым и сильным голосом на не очень хорошем русском и эстонском «Хотят

ли русские войны?» и «Из-за острова на стрежень», опять же в русско-эстонском варианте.

И мы все вместе выпили за то, чтобы больше никогда не было войн, чтобы люди встречались и общались, и тогда они будут лучше понимать друг друга.

А потом под сводами его такого уютного погребка полилась казахская песня, которую пели наши коллеги из Атырау, Караганды и Шимкента... И мы верили, что еще обязательно встретимся. А Йоганесс клялся, что обязательно отремонтирует к тому времени хотя бы один танк и с ветерком прокатит нас на нем...

Флаг В нашу честь, или Обед у эстонских миротворцев

Как и у всякой суверенной страны, у Эстонии есть своя армия. Она - подстать государству - невелика: 600 офицеров и пять тысяч солдат. Призывники служат всего восемь месяцев. Дезертиров, как нас уверяли, в эстонской армии нет. А «косят» от нее или нет, к сожалению, выяснить не удалось.

Вооруженные силы носят сугубо оборонительный характер, и поэтому не имеют ни ракетных, ни воздушно-десантных, ни танковых, ни прочих тому подобных подразделений. Вооружение - израильские автоматы, немецкие пулеметы, советские гранатометы, шведские противотанковые орудия. Техника большей частью из скандинавских стран.

Для знакомства со здешней армией нам приготовили своего рода изюминку, запланировав посещение эстонского тренировочного центра миротворческих операций, который расположен неподалеку от города Палдиски. Нас принял начальник центра, а показывал его и давал пояснения заместитель начальника. Оба служили в советских воздушно-десантных войсках, а потом связали свою судьбу с эстонской армией. Стажировались в Голландии, Норвегии, ФРГ.

Об уровне подготовки эстонских миротворцев можно судить хотя бы по тому факту, что вводную лекцию офицер нам «читал» с помощью компьютера, выводя на широкий экран цифры,

схемы, диаграммы. Кроме эстонского, он владеет русским и английским языками. Английский обязателен и для солдат-контрактников, возраст которых от 19 до 35 лет. Главное назначение центра - подготовка персонала для эстонского батальона в рамках сотрудничества с миротворческой миссией ООН.

Эстония не скрывает, что стремится к вступлению в НАТО, для чего ей необходимо привести свою армию в соответствие со стандартами этого военного блока. Эстонский миротворческий батальон, судя по всему, близок к поставленной цели.

Уже с 1995 года здешние парни принимают участие в миротворческих миссиях ООН, но, правда, не самостоятельно, а в составе соответствующих подразделений скандинавских стран. География - Южный Ливан, Босния и Герцеговина, Косово и другие горячие точки, где хорошо зарекомендовали себя эстонские миротворцы. Старший сержант Андрей Чернобровкин участвовал уже в четырех миротворческих миссиях.

Нас завели в солдатскую казарму с двухъярусными кроватями. Потом показали парк, где находится самая разная автомобильная техника, которую можно было сфотографировать, как, впрочем, и тех, кто на ней работает.

А потом был обед в солдатской столовой. Бульон с фрикадельками, салаты из свежих овощей (бери - сколько душа пожелает), соки (апельсиновый, сливовый и т.д.), сметана, молоко... И еще нечто невообразимо вкусное на десерт, я так и не понял что... Это и есть обычный обед миротворца-контрактника. Стоит подобное удовольствие 64 кроны (около четырех долларов).

Многие ли из нас могут себе позволить ежедневный обед на 600 тенге?

И уж совсем мы были растроганы, когда увидели на центральном плацу тренировочного центра рядом с эстонским наш казахстанский флаг. Это традиция: так здесь принято встречать гостей из других стран, даже если они и не официальная делегация. Где умудрилось командование части раздобыть флаг Казахстана, для нас так и осталось загадкой.

Почему здесь финнов больше, чем эстонцев

В прошлом году в Эстонии побывало два миллиона финских туристов. Получается, что каждый эстонец, включая глубоких стариков и грудных младенцев, принял почти по полтора финна. Благополучных и рассудительных финнов, которые, как уверяла нас на острове Саарема бойкая и словоохотливая продавщица янтаря, торгуются как никто другой и за каждую крону готовы биться насмерть, влечет в Эстонию дешевизна товаров, продуктов, мест отдыха и достаточно высокий их качественный уровень. Поэтому зарабатывая свои большие (особенно по эстонским меркам) деньги у себя, они предпочитают их тратить здесь, где есть все то же, что есть в Финляндии, но стоит дешевле, подчас в разы. Дошло даже до того, что финны стали покупать землю и недвижимость в Эстонии, строить здесь дома и жить постоянно. И самое поразительное: эстонцев отнюдь не тревожит тот факт, что богатые хитроумные соседи скупают по дешевке все их лучшие земли и дома. Наоборот, говорили нам здесь: мы рады, пусть едут, строят дома, проводят к ним дороги, прокладывают коммуникации, пусть обустривают землю - польза будет для всех.

Туризм традиционно был развит в этой стране. Путешественников со всего мира всегда влекли в Эстонию многочисленные зримые свидетельства ее почти тысячелетней истории. Про Таллинн уже говорилось: тот же старый город можно открывать для себя бесчисленное число раз.

Свое особое очарование у древнего и всегда молодого Тарту, где мы тоже побывали. Курортный Пярну и вовсе райское место.

Древние замки и крепости, монастыри, храмы, сохранившиеся, полуразрушенные и отреставрированные, можно встретить в самых разных уголках страны. Добавьте сюда мягкий эстонский климат (средняя температура февраля в Таллине - минус 5,5 градуса, а июля - 16,6 градуса), Балтийское море, четыре с лишним сотни рек и тысяча озер, обширные хвойные леса...

Эстонцы стремятся извлечь из всего этого максимальную выгоду. А кроме того, умудряются создавать места для паломничества туристов казалось на ровном месте - как бы из ничего...

Когда Янус Райдер стал мэром небольшого города Отепя, ему было 23 года. Этот городок, в котором он родился и вырос, был типичной эстонской провинцией. А Янус с детства мечтал, чтобы Отепя стал настоящим городом, который, по его собственным представлениям, обязательно должен иметь хотя бы один светофор и хотя бы один приличный общественный туалет. И молодой мэр осуществил свою заветную мечту, едва заступив на ответственный пост. Над ним посмеялись, считая подобные «проекты» блажью. Но теперь их показывают всем присутствующим туристам именно как достопримечательности.

Вместе с тем ошибочно полагать, что Янус вошел в историю, образно говоря, через туалет и светофор, которые, кстати, так и остались единственными (больше маленькому городу просто не надо).

При нем тут появились новые хорошие дороги и отели, был доведен до ума центр горнолыжного спорта, где теперь проводятся международные соревнования... И в Отепя потянулись туристы.

А кроме того, этот городок теперь - место паломничества буддистов. И вот почему.

В свое время честолюбивый мэр решил во что бы то ни стало завлечь в Отепя тибетского Далай-ламу. Неведомыми путями сумел получить его согласие. Но, оказалось, Эстония не может его принять на государственном уровне. Она как раз подписывала мирный договор с Китаем, у которого, как известно, серьезные разногласия с тибетскими властями, отстаивающими право на свой суверенитет. И тогда Янус сумел пригласить Далай-ламу как своего личного гостя, а заодно уговорил его освятить красивейшее озеро в окрестностях Отепя. После того, как Далай-лама сделал это, на берегу озера установили памятный знак с соответствующей надписью, удостоверяющей акт освящения. И теперь ни один из туристов, посещающих Отепя, не минует этой достопримечательности. Само озеро стало местом традиционных сборов буддистов всех стран Балтии. А бывший мэр Отепя - известный человек в Эстонии, видный политик.

Во время своей поездки мы покорили самую высокую гору Эстонии, которая находится в Вируском уезде. Нам не понадобилось никакого специального снаряжения и вообще никакой подготовки... Потому, что высшая точка Эстонии находится на уровне... 318 метров. (Как оказалось впоследствии, заодно мы покорили самую высокую гору всей Балтии, поскольку Латвия и Литва не могут похвастаться и такой высотой). Эка невидаль - скажет кто-то. И будет неправ. Потому что на горе установлена еще и вышка в несколько десятков метров, с которой открывается совершенно изумительный вид на окрестные холмы, поросшие лесами, и озера... И не случайно туристов сюда как магнитом тянет, ведь это одно из красивейших мест в Эстонии. А если вам к тому же скажут, что недалеко отсюда протекает самая длинная река в стране и тут же самое глубокое озеро (38 метров), а еще самый высокий дуб обхватом в восемь метров, возраст которого - не одно столетие, вы непременно захотите побывать и там.

И так - чуть не до бесконечности. Прекрасно сохранившаяся старинная деревня на острове Муху (Саарема), где с необыкновенной любовью и тщательностью собраны предметы быта эстонцев, представлены их своеобразные жилища, рабочие помещения, амбары, колодцы... Озеро, образовавшееся в кратере, оставшемся после падения большого метеорита... Старая ветряная мельница, перевезенная кем-то к развилке дорог и заботливо восстановленная... Ну как возле такой не сфотографироваться!

Многочисленные отели, появившиеся в последнее время и столь непохожие один на другой - от фешенебельных и довольно дорогих до весьма доступных, но с неизменно добротным сервисом... Словом, есть где остановиться туристу с самыми различными запросами.

А если вам хочется особого уединения, тишины, покоя, личного общения с природой, вы можете отправиться на туристический хутор.

Это - совершенно новое явление. Не сами хутора - они как раз традиционны для Эстонии. Дом - деревянный или кирпич-

ный в окружении деревьев и кустарников, хозяйственные постройки, непременно бревенчатая банька на отшибе. Рядом - лес и зеленеющее поле - это и есть хутор. Несколько таких домов (хуторов), даже два-три - уже деревня, обязательно с собственным названием. Считается, что именно хуторам, уединенному неторопливому жительству вдали от других эстонцы обязаны своему особому национальному характеру. Настоящий эстонец достаточно закрыт для посторонних, скорее малообщителен, сдержан - во всяком случае внешне. Но это, впрочем, также тема для отдельного разговора. А речь сейчас о том, что именно хуторский туризм активно развивается в последние годы и становится все более популярным. Именно на хутора отправляются уставшие от городской суеты и многочисленных забот таллиннцы и другие горожане, а также некоторые финны, предпочитающие тихий экзотический отдых традиционному городскому и курортному. Их влекут сюда лыжные и пешие прогулки, возможность побыть наедине с природой, порыбачить и поохотиться, совершить поездки на велосипеде по живописным окрестностям. На хутора обычно отправляются компаниями, семейными парами, нередко с детьми.

А как же сервис, спросите вы? Ведь западный турист весьма привередлив и вряд ли захочет общаться с природой без теплого туалета и прочих благ цивилизации. В том-то и дело, что получить лицензию на право заниматься туристическим бизнесом хозяину хутора отнюдь не просто. Для этого надо пройти аттестацию, доказать, что твой хутор соответствует всем необходимым требованиям: от санитарных норм на кухне, ассортимента и качества приготавливаемых блюд до пресловутого благоустроенного туалета и полов с подогревом в ванной или душе. А самое главное, чтобы гости себя чувствовали комфортно. И судя по тому, что в Вируском уезде специальные указатели встречались нам не раз (здесь работают уже около тридцати туристических хуторов), новый вид бизнеса уверенно набирает обороты.

А на очереди, как нам сказали, еще более экзотический вид туризма - эстонцы намериваются демонстрировать гостям бун-

кер «лесных братьев» - непримиримых борцов с советским режимом послевоенных лет со всем его обустройством, бытовой утварью, неприхотливой пищей и прочими атрибутами...

Королевская ханзя

Вам приходилось когда-нибудь выпивать с королем? осушать кубок, предложенный лично им лично вам? Да еще наполненный шестидесятиградусным королевским напитком ханзя, приготовленным самой королевой? То-то и оно...

Но - обо всем по порядку. Если честно, то ханзя - это по нашему самогонка, хотя и очень вкусная. А король - как бы не совсем король, а заместитель, или, если быть совсем точным, временно исполняющий обязанности короля. Короля народа сету. Это один из самых малочисленных народов в мире. И тем не менее это народ, потому что он, насчитывая в местах компактного проживания в Эстонии всего несколько тысяч человек, сохранил свои самобытность, язык и культуру.

Сету берут начало от финоугорских племен, у них есть что-то общее с российскими удмуртами, марийцами, мордвинами. Они православные, но их иногда называют полубогами, потому что они не только христиане, но и отчасти язычники. Их языческого бога зовут Пекко, его восковую или деревянную фигурку сету берегут пуще глаза.

В разные годы своей многотрудной истории народ сету, имевший несчастье поселиться в этих местах, не раз переходил вместе со своей небольшой территорией «из рук в руки» и теперь оказался разделенным - меньшая часть осталась в Эстонии, а большая в России, на территории Псковской области, где находятся многие могилы предков сету и их главная святыня - Печерский православный монастырь. Здесь и обитает дух богатыря - короля народа сету, который пробуждается лишь в годы великих лишений, когда народу нужна его помощь и защита.

А в остальное время главный авторитет для проживающих в Сетумаа (это район Эстонии) сетусцев - король, которого раз в год выбирают на общем веселом и многолюдном празднике. На нем проводятся конкурсы песен, танцев и, наконец, на луч-

ший местный самогон - ханзю. Сету очень любят петь и, если вместе собрались даже четыре-пять женщин, то это уже хор. Что нам прекрасно продемонстрировали сетуские бабушки в своих традиционных одеждах, главным богатством которых считаются большие металлические выпукло-круглые щиты, которые тут почему-то называют брошами, и ожерелья из старинных монет (мы к ним добавили казахстанские тенге, причем, особым спросом пользовались увесистые юбилейные монеты).

Потом нас угостили вкуснейшими сетускими блюдами, и по здешней традиции король, избранный на последнем празднике народа сету, подносил каждому из нас глиняную чарку с шестидесятиградусной ханзей. Порядок таков: надо принять ее из его рук и выпить или хотя бы пригубить. Что мы неоднократно и с удовольствием делали, особенно когда слышали такую историю. Среди членов жюри, оценивающих на последнем празднике качество всех представленных на конкурс разновидностей ханзи, был премьер-министр Эстонии. Между тем, производство крепких спиртных напитков в домашних условиях (а стало быть и самогонование) в стране запрещено. Выходит, сам глава правительства потворствует нарушителям закона - иронизировали одни средства массовой информации. Отнюдь - возражали им другие: ханзя - предмет народного творчества, если хотите - произведение искусства. Министр внутренних дел предложил легализовать самогонование, учитывая давние местные традиции, а также то, что теперь оно уже не может подорвать государственные устои....

Этому народу во все времена жилось нелегко. Может, потому так любят сету праздники, веселье с непременными застольями, песнями и танцами. Может, потому и не жалуется на судьбу - что по-прежнему тяжело жить, что перекрыли границу к святыням, что некуда стало сбывать продукцию своих подворий.

Молодежь не хочет жить в деревнях, уходит в город, забывает свой язык, традиции. Хранительницами последних остаются сетуские бабушки, спевшие нам напоследок прощальную песню. А грусть от расставания слегка развеяла «стременная» чарка ханзи из королевских рук, поданная нам у отправляющегося дальше автобуса.

О чем пишут газеты

Все центральные газеты в стране принадлежат иностранцам - как правило скандинавам (либо они владеют контрольными пакетами их акций). Есть независимые региональные издания. Государственной прессы в Эстонии нет, нет закона о печати и нет правительственного органа, который «опекал» бы прессу.

Газеты используют самые разные способы, чтобы привлечь подписчиков. Достаточно позвонить по телефону в редакцию и заявить о своем желании подписаться - вам тут же пришлют счет. Оплатили - получите газету. Придет время - вам вежливо напомнят, что пора продлить подписку и т.д.

Шведская компания, владеющая одной из газет, провела на нее подписку по смехотворно малой цене. Желающих сэкономить нашлось немало, в течение года они привыкали к газете, которая и впрямь оказалась интересной. А на следующий год подписная цена была уже нормальной, и многие оказались готовы заплатить за нее уже настоящие деньги.

Деловая газета, рассчитанная на бизнесменов, готовит специальную вкладку, на которой дает многочисленные советы их женам - как тратить деньги.

В последнее время популярной стала подписка газет пакетами, т.е. выписываешь не одну, а несколько, получая при этом существенные скидки.

Чтобы газеты не вралы, указывая тиражи, раз в месяц публикуются достоверные данные на этот счет - от лица так называемого союза газет.

В первое же утро в Таллинне я решил купить в соседнем с нашим отелом газетном киоске все эстонские русскоязычные издания, которые в нем окажутся. Кажется, даже киоскерша была несколько удивлена таким решением, а я быстро понял, что погорячился. Купил свежий номер «Эстонии», несколько выпусков «Молодежи Эстонии» (это ежедневные газеты), еженедельники «День за днем» (русский вестник Эстонии), «Неделя плюс Вести» (русский еженедельник Эстонии), «Деловые ведомости» (экономический еженедельник Эстонии). Заплатил за все что-то около пятидесяти крон (примерно 400 тенге)... Затем в Силла-

мяз и Нарве добавил к ним русскоязычные городские газеты «Силламяэский вестник», «Нарвскую газету», «Нарву», «Кренгольмский проспект», а также региональную газету северо-востока Эстонии «Северное сияние». Так что почитать русскоязычным людям в Эстонии есть что. Московских газет в киосках не встречал, но, оказывается, их можно выписать, чем в последнее время многие пользуются. «Комсомольская правда» делает в пятничной «толстушке» специальный вкладыш для стран Балтии (по типу нашего казахстанского).

О чем же пишут эстонские газеты? Начнем с местных. «Силламяэский вестник» публикует большой материал об акции протеста местных шахтеров. Поводом для нее стало недавнее закрытие одной шахты и предстоящее закрытие другой. В результате могут остаться без работы 900 человек. Шансов найти равноценное занятие у большинства из них нет, пенсии-то пока тоже нет, так что людям не позавидуешь. Поэтому профсоюзы и организуют митинг протеста против увольнений горняков, на котором также пойдет речь об отсутствии реальной государственной программы борьбы с безработицей в регионе.

В этом же номере на первой странице публикуются итоги последнего опроса об уровне доверия населения к центральным властям. Оказывается, премьер-министру доверяют лишь 22 процента опрошенных, правительству - 28, парламенту - 31, а президенту - 62 процента. Результаты опроса свидетельствуют о том, что лишь треть населения считает развитие страны позитивным, а 47 процентов эстонцев и 51 - неэстонцев и вовсе полагают, что страна катится к худшему.

Примерно в те же самые дни столичная «Эстония» публикует данные международного института развития управления о конкурентноспособности индустриально развитых стран. Мониторинг проводится для 49 индустриальных стран мира, эксперты учитывают при этом 286 критериев. И вот из всех бывших социалистических стран на первом месте оказалась именно Эстония, занявшая 22 почетное место (Венгрия - 27, Чехия - 35, а Россия и вовсе 45). А безусловными лидерами являются США, Сингапур и соседняя Финляндия. На сегодняшний день на каж-

дого жителя Эстонии приходится 217 долларов иностранных инвестиций. В Финляндии - 585, а в России - 19.

Далее в этой же публикации речь идет о том, что по всем прогнозам Эстония близка к вступлению в Европейский Союз. Однако население страны отнюдь не проявляет восторгов по этому поводу. Проведенный в прошлом месяце опрос впервые продемонстрировал: явное нежелание вступить в ЕС проявили более половины граждан Эстонии.

Вообще же материалами, посвященными проблеме членства страны в ЕС, пестрят страницы местных и центральных газет: сходятся в словесных дуэлях «еврооптимисты» и «европессимисты», приводя многочисленные аргументы за и против... Президент Эстонии Леннарт Мери заявил в связи с этой полемикой, что жителям страны недостаточно глубоко разъяснили все преимущества вступления ее в Евросоюз и экономические последствия отказа Эстонии присоединиться к ЕС. Как бы восполняя этот пробел, «Силламяэский вестник» публикует рекомендации профессора Таллиннского педагогического университета Владимира Колга, которые он дал на специальном журналистском семинаре. Как уверяет профессор, эстонец сейчас отличается от европейца ровно настолько, насколько русский от эстонца, поэтому нелишне тем и другим знать, какие черты характера будут приветствоваться европейцами, а какие - создавать проблемы. Так вот, залогом успеха у европейцев считается простота, рациональность и стандартность во всем. Поэтому будущим европейцам, «особенно русским людям с их всегдашней готовностью к творчеству (лексикон профессора - Ю.П.) - не мешало бы выработать в себе такие качества, как умение считать, давать оценку и ориентироваться на будущее».

Любопытно, что в этой же публикации, но уже со ссылкой на известного социолога Ирис Петтай, успехи эстонской экономики, высокий индекс «уровня человеческого развития» в Эстонии характеризуется ни больше ни меньше как потемкинские деревни. «Будучи несколько не развитее своих прибалтийских соседей, мы лишь громче трубим о своих успехах» - заявила Ирис Петтай.

Впрочем, цитировать материалы на эту тему можно бесконечно. И, судя по всему, Эстония со временем все же будет в Евросоюзе - со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами.

Весьма любопытно сравнить материалы из разных газет о том, как праздновался в стране День Победы. Такого государственного праздника в Эстонии нет. Но когда мы в конце дня 9 мая заехали в Таллинн к памятнику воину-освободителю, увидели, что площадь перед ним полна людей и буквально купается в цветах. Люди всех возрастов стояли поодиночке и группами, а все новые таллиннцы шли, шли, шли...

Наутро ежедневные «Эстония» и «Молодежь Эстонии» вышли с первыми полосами, посвященными празднику. В них были фотографии и другие публикации о Дне Победы, приветствия ветеранам от видных политиков, депутатов, партий, властных структур разного уровня.

В те же самые дни газеты дают сообщения о мероприятиях совсем другого рода, также приуроченных к этой дате. Речь о собраниях ветеранов, посвященных не Дню Победы, а «56-ой годовщине окончания второй мировой войны», в которых принимали участие те, кто воевал в ней на немецкой стороне, в том числе в составе эстонского легиона дивизии СС. И в этих собраниях также принимали участие представители властных структур, возлагавшие венки и на братских могилах советских воинов, и у памятных знаков, установленных их противникам в той войне. В Таллинне 8 мая традиционно отмечается день примирения. Объединение рядовых Эстонии распространило заявление, в котором говорится: «Жители Эстонии по принуждению принимали участие во второй мировой войне как в Красной, так и в германской армии. Это была огромная трагедия для маленького народа».

Война закончилась более полувека назад, но в умах и душах ветеранов она продолжается. Многие ветераны советской армии не считают возможным отмечать день примирения с теми, кто воевал на германской стороне, не согласны они и с принятой в Эстонии трактовкой исторических событий Второй мировой войны. Объединение рядовых, выступающее с идеей примирения, считает, что парламент и правительство должны опреде-

литься с конкретной оценкой участия граждан Эстонии в той войне, что это поможет преодолеть взаимное непонимание ветеранов с обеих сторон, младшие из которых уже перешагнули 75-летний рубеж. Пока же у каждой из сторон «своя» война и «своя» правда. А эстонец Арнольд Мери (как уверяют некоторые газеты - родственник нынешнего президента страны), являющийся председателем комитета Героев Советского Союза (и сам герой), заявляет на встрече ветеранов из республик бывшего Союза с президентом России В.В. Путиным, что, будучи потомственным гражданином Эстонии, в глазах официальных ее властей он, фронтовик, считается национальным предателем. А российский президент называет недопустимым, «когда по городам некоторых прибалтийских государств маршируют бывшие эсэсовцы, и это поддерживается официальными властями...»

О чем только не пишут эстонские газеты. О дорожающих коммунальных тарифах. О растущих ценах на бензин. Стоимость его за десять лет увеличилась почти втрое и составляет теперь больше десяти крон за литр (свыше 80 тенге). Некоторые предлагают бойкотировать бензоколонки, которые в результате вынуждены будут снизить цены. О проблемах межнациональных отношений (они есть везде, и Эстония не исключение). О проблемах медицины и образования. (Главные врачи крупных больниц зарабатывают в месяц 30 тыс. крон, или почти по две тысячи долларов, а пенсионерам не на что лечиться). О СПИДе и наркомании. О том, что в Таллинне насчитывается от одной до двух тысяч проституток. О днях культуры Белоруссии в Эстонии и о декаде русской книги в этой стране. Много ругают правительство и местную власть. Так что чтива хватает на любой вкус. Нам говорили, что эстонские газеты (то есть выходящие на государственном языке) еще интереснее...

Понемногу о разном

Мы пробыли в Эстонии восемь дней. Программа поездки оказалась очень насыщенной. Много ездили, несколько раз пересекли страну в разных направлениях, встречались с десятками самых разных людей. Конечно же, узнали немало... Но разве

можно постичь другую страну всего за несколько дней? И поэтому, напоследок, просто мозаика: фрагменты поездок и встреч, цифры и факты, яркие эпизоды, впечатления...

Хозяева

Наш путь в Таллинн лежал через Санкт-Петербург, где в аэропорту Пулково нас встретили и до последнего дня сопровождали эстонские журналисты Александр Цуккерман и Михаил Владиславлев. Они вдвоем обеспечивали всю нашу поездку - размещение в гостиницах (мы их сменили пять), питание, многочисленные экскурсии, встречи с должностными лицами и представителями творческой интеллигенции... За все десять дней (два дня мы провели в Санкт-Петербурге) не случилось ни одного сбоя, ни одной отмененной встречи, не возникло ни одного недопонимания.

У меня было такое ощущение, что все у них получается само собой. Наверное, это и есть высочайший профессионализм.

Популярность Александра и Михаила в Эстонии поистине всенародна. Когда мы зашли к третьеклассникам эстонской средней школы в Силламяэ, ребяташки радостно загалдели: «Субботники... Субботники». Журналистов узнавали на улицах и в ресторанах, в отелях и магазинах, пожимали руки, просили автографы.

Дело в том, что Александр и Михаил - авторы и ведущие самой популярной в Эстонии русскоязычной программы «Субботея», которая выходит по субботам. Это занимательные и остроумные репортажи об интересных людях, событиях, яркая и своеобразная мозаика жизни современной Эстонии. И не только Эстонии: журналисты побывали в 60 странах и отовсюду привозили репортажи, знакомя телезрителей с миром.

Как раз накануне нашего отъезда их обоих снимали для финского телевидения, заинтересовавшегося «Субботеей». Вместе с ними в передачу попали и мы. Так что финские телезрители увидят и казахстанских журналистов, услышат наши впечатления об Эстонии и казахскую песню в исполнении коллег-казахстанцев.

У Александра Цуккермана особый интерес к Казахстану. Когда был расстрелян в 1937 году его дед, бабушку, а заодно и ее

сестру отправили на десять лет в АЛЖИР - Акмолинский лагерь жен изменников родины. И от неминуемой смерти ее спасла врач-казашка, которая тайно делала ей уколы глюкозы. А другая казашка скрыла от начальства, когда они стали работать на сакмане (окоте овец) вместе с сестрой (что было категорически запрещено)... Так и выжили. А мать Александра во время войны спасалась в эвакуации в Кызыл-Орде и тоже сохранила о Казахстане самые теплые воспоминания. Так что, шутили мы, если бы не Казахстан, может быть, не было бы и самого Александра. Теперь они с Михаилом и группой других эстонских журналистов намереваются побывать нынешним летом в нашей стране.

Высочайшим профессионалом зарекомендовал себя и наш водитель Григорий - немногословный, предельно собранный, элегантный. Его дед по линии матери был выслан в Благовещенку Алтайского края, там и отец родился, а мать - с Дальнего Востока. Брат и сестра отца до сих пор живут на Алтае, и Григорий однажды навещал их, проезжая через Семипалатинск, так что тоже имеет представление о Казахстане.

В компании таких профессионалов мы были как за каменной стеной.

«Хотели — как лучше...»

- Во время перестройки у эстонских демократов и мысли не было о выходе из СССР. В программе народного фронта значилось: обновленный Союз, единое экономическое пространство, республиканский хозрасчет, участие в общесоюзном разделении труда...

* * *

- Мы с Назарбаевым до конца отстаивали идею единого экономического пространства... Но верх взял инстинкт шлагбаума...

* * *

- В восьмидесятых годах в Эстонии насчитывалось 154 колхоза, в том числе восемь рыболовецких, и 163 совхоза. По суще-

ству их не реформировали, а большей частью разрушили. Мас-совый характер приобрело хищение сельскохозяйственной тех-ники. Все это плюс потеря союзного рынка обернулось глубо-ким кризисом отрасли. Производство сократилось втрое, сред-няя зарплата в сельском хозяйстве - самая низкая в стране, про-дукты раньше вывозили, теперь ввозим...

* * *

- Шоковые реформы в Эстонии, как и везде, имели высокую социальную цену. В ходе денежной реформы обесценились вкла-ды населения. Сегодняшний разрыв по доходам между наиболее состоятельными и самыми бедными категориями населения со-ставляет 16 раз. Уровень валового внутреннего продукта, про-изводимого на душу населения, в Эстонии вчетверо ниже, чем в Финляндии. Почти половина нашего населения у черты беднос-ти, либо ниже ее. Уровень безработицы - 14 процентов. Все это - «прелести» раннего капитализма.

* * *

- Мир идет по пути глобализации. Все страны при этом де-лятся на три основные группы. Первые находятся на острие ин-новационной революции, определяют стратегию мирового раз-вития. Вторые - те, кто будет тиражировать новые технологии. И третьи - сырьевые придатки, места сброса всего того, что не требуется первым двум.

Шансов попасть в первую группу у нас нет - слишком от-стали, стратегического сырья тоже нет. Стало быть, наше мес-то во второй группе стран, которые будут тиражировать инно-вационные технологии государств-лидеров.

* * *

- Нам обязательно надо идти на запад, но не по-совковому, когда сначала становятся в очередь, а потом спрашивают: «Что дают?». Надо знать - зачем, уметь защищать свои интересы, как это делает Евросоюз. Идти на Запад, но ни в коем случае не

терять восточное экономическое пространство. Это колоссальный рынок, а, кроме того, мы еще и мост на Запад для России и других стран.

Все это почти дословные высказывания уже упоминавшегося ученого-экономиста Михаила Бронштейна. Так что «эстонское экономическое чудо» имеет и свою оборотную сторону.

Грозит ли эстонцам Вымирание?

В Эстонии далеко не простая демографическая ситуация. В конце восьмидесятых годов ежегодно рождалось 25 тысяч младенцев, сейчас - вдвое меньше. На каждую женщину детородного возраста приходилось десятилетие назад по 2,2 ребенка, а сейчас менее 1,3. Причины - экономические и социальные, ребенок в наше время - дорогое удовольствие.

Но ситуация меняется в лучшую сторону, уверяла нас министр народонаселения Катрин Сакс и приводила в подтверждение внушительный перечень пособий и льгот, полагающихся родителям от государства.

До половины детей в стране рождается вне брака. Молодые люди не торопятся связывать себя семейными узами, даже живя вместе. Это вообще характерно для северных стран, где примерно каждый пятый внебрачный ребенок воспитывается без отца.

Уже с пятого класса детям преподается граждановедение, эта дисциплина включает и половое воспитание. Детям дают понять - в чем различие полов, что такое дружба и сексуальные отношения, отчего и как рождаются дети. Министр говорила нам, что именно таким образом закладываются в детские головы правильные представления об основах семейных отношений.

Откуда растут камни

Мы много слышали в Эстонии о кризисе сельского хозяйства, но не видели ни одного заброшенного поля. Они невелики (средний размер - примерно гектар), но обихожены - темнели только что обработанной пашней, зеленели ранними всходами. И на каждом - обязательный курган из камней, валунов и булыжников или такая же гряда, сложенная из них.

Было такое ощущение, что камни здесь растут прямо из земли. Оказалось, так оно и есть. Миллионы лет назад в этих местах отступал ледник, оставив это «наследство». «Что можно найти на нашей земле между двумя камнями?» - спрашивают эстонцы. И отвечают: «Третий камень». Каждую весну, прежде чем выводить технику в поле, крестьяне камни собирают, но на следующий год они неумолимо «всходят» снова. Эстонцы еще говорят, что это мороз поднимает камни. В сущности же все объясняется довольно просто. Рыхлая почва оседает, обнажая моренные отложения. Местным инженерам пришлось даже сконструировать специальные приспособления на плугах, чтобы у них во время пахоты не ломались лемеха.

А выращивают здесь рожь, овес, травы, овощи, картофель. Общая площадь пахотно пригодных земель в Эстонии - один миллион 600 тысяч гектаров, значительно меньше, чем у нас в области.

Всякая Всячина

Эстонцы - большие патриоты. Государственные флаги тут вывешивают не только у зданий, где расположены госучреждения, но и на специальных креплениях жилых домов. Много таких флагов мы видели в Тарту, Пярну, других городах.

* * *

Тартускому университету свыше трех с половиной веков. До девятнадцатого века обучение было только на немецком, и эстонцы не могли здесь учиться.

Это уникальное учебное заведение с богатейшими традициями, где преподавали многие ученые с мировыми именами.

Когда-то при университете был карцер, куда сажали провинившихся студентов. Все стены в нем испещрены надписями - от грустных до веселых и от покаянных до непристойных.

В былые времена тут учили не только наукам, но и танцам, фехтованию, другим благородным манерам. Тартуские студенты всегда отличались веселым нравом и никогда не были трезвенниками.

* * *

В советские времена в Тарту была крупная авиационная часть, а Джохар Дудаев командовал авиаполком.

* * *

Театры в Эстонии есть не только в Таллинне (в том числе русский), но и в одиннадцати небольших городах.

* * *

Пярну называют летней столицей Эстонии. Это город-курорт с прекрасными пляжами, санаториями, отелями - от сверхфешенебельных и очень дорогих до относительно доступных. Нередко отдыхающие селятся и в домах у местных жителей.

Здесь много роскошных особняков, которые именуются виллами. У каждой свое название. Это очень дорогие строения, но у них нет заборов в нашем привычном понимании - или живая изгородь из красиво подстриженных кустарников, или низенькие ажурные заграждения, через которые запросто можно перешагнуть.

Но, пожалуй, больше всего меня поразили здешние сосны. Невероятно ухоженные, буйно зеленеющие, они пышат здоровьем. У них даже хвоя не колет, а ласкает руку. Впору было засомневаться: сосна ли это? «Сосна, сосна, - успокоили гиды, - такие уж тут благоприятные условия...»

* * *

Эстонцы очень гордятся своими достижениями - большими и маленькими. А уж если происходит событие, благодаря которому об Эстонии говорит мир, это становится поводом для всенародных праздников. Как раз в те майские дни проходил конкурс «Евровидения», на котором победителями стали эстонские исполнители Танель Падар и Дейв Бентон. О них захлеб рассказывали все телеканалы, им посвящали первые страницы и целые номера газет. На ратушной площади в Таллинне победителей приветствовали мэр города, министр культуры, премьер-ми-

нистр и, конечно же, толпы восторженных горожан. В их честь был устроен праздничный фейерверк. Хотя победа сулит немалую головную боль правительству. По существующим правилам, каждый следующий конкурс «Евровидения» проводится в стране, чьи исполнители стали лучшими. А обойдется такой международный конкурс, как тут уже посчитали, в сто миллионов крон.

* * *

Чтобы говорить об эстонском национальном характере, надо пожить здесь. Во всяком случае, эстонец при первом знакомстве не станет бросаться вам на шею и даже при выпивке не будет изливать душу. Он доброжелателен, но сдержан и скорее скрытен, чем открыт. Хуторская жизнь наложила свой неизгладимый отпечаток на эстонский национальный характер. Юмор эстонцев - мягок и ненавязчив. С ними хорошо иметь дело - они обязательны и аккуратны.

* * *

В былые времена у эстонских женихов ценились прежде всего выносливые, работоспособные девушки. И чтобы выглядеть привлекательнее, они вязали чулки как можно толще, а иногда одевали на люди и вовсе по двое чулок, чтобы все видели, какие у девицы на выданье толстые крепкие ноги.

* * *

Во время поездки у нас пользовался популярностью такой анекдот, раскрывающий эстонский характер.

Железная дорога. По ней на ручной дрезине едет эстонец, его останавливает человек и спрашивает:

- Скажите, уважаемый, далеко ли до Таллинна? (оба этих слова произносятся с характерным эстонским выговором).

- Нет, недалеко, - отвечает эстонец.

- Можно, я поеду с вами, заодно помогу?

- Можно.

Едут час, другой, третий... Попутчик уже из сил выбился и снова спрашивает:

- Скажите, уважаемый, а теперь до Таллинна далеко?

- Теперь далеко, - невозмутимо соглашается эстонец.

* * *

По-разному сложилась судьба популярных здешних артистов, прежде известных на весь союз. Яак Йолла (он, кстати, бывал в Павлодаре), по выражению наших гидов, «ушел в подполье», и о нем ничего не известно. Тыннис Мяги ведет передачу на радио, играет в театре, находится в хорошей творческой форме. Анне Веске по-прежнему гастролирует, недавно отпраздновала юбилей, получила в подарок от мужа дорогую машину. У нее большой свой дом... А вот Виесартмане и Донатасу Банионису повезло меньше, с распадом Союза они оказались не востребованы, да и возраст сказывается...

* * *

Эстония занимает одно из первых мест в мире по уровню занятости женщин. В этой стране женщин с высшим образованием больше, чем мужчин. Продолжительность жизни у эстонских женщин - 75 лет, а у мужчин на десять лет меньше.

* * *

Эстония находится на втором месте в мире (после Швеции) по уровню разводов.

* * *

Здесь запрещена уличная реклама спиртного и табачных изделий. На телевидении их можно рекламировать лишь в ночные часы.

Детям 13-14 лет, замеченным с сигаретой, а тем более со спиртным, грозит штраф. Если они моложе, штрафуют родителей. Штрафуют и владельцев магазинов, продающих спиртное несовершеннолетним.

* * *

Тут почти не увидишь машин советского производства - где-нибудь мелькнут «Жигули» или старенький «Москвич». Поэтому, увидев в центре Таллинна «Запорожец», мы были просто поражены.

* * *

Все телефонные разговоры в Эстонии - платные. Минута разговора по домашнему ли, служебному телефону стоит одну крону. Впрочем, телефонные компании, борясь за клиента, снижают тарифы.

* * *

Недавно в Таллинне построен суперсовременный кинотеатр «Кока-Кола плаза», где фильмы идут одновременно в двенадцати кинозалах. Стоимость билета на сеанс - 100 крон (примерно 800 тенге). В труднейшем положении оказались два других столичных кинотеатра, откуда зрители переметнулись в «Кока-колу».

* * *

Из Таллинна в Хельсинки и обратно летом можно добраться пятьюдесятью способами. Ежедневно Эстонию посещают до шести миллиардов туристов. Это в четыре раза больше, чем все население страны.

* * *

Самый главный народный праздник у эстонцев - Иванов день, который празднуется в ночь на 23 июня. (Аналог российского Ивана-Купала). В эту ночь повсеместно жгут костры, пьют вино, веселятся. И ищут на счастье цветущий папоротник... Считается, что он цветет в одну только эту ночь.

* * *

Воскресное утро в Отепя. Тихий, сонный, будто вымерший городок. Редко кто копается в огородах. Еще ранняя весна, а газоны во дворах уже пострижены, и тюльпаны цветут - такие большие, каких в Казахстане не увидишь. От всего этого веет каким-то необыкновенным спокойствием и уютом. Как, впрочем, от всей страны - обихоженной, приветливой, уютной, какой-то очень приспособленной для жизни.

Нам говорили, что солнце здесь бывает не так уж часто, а нас оно радовало почти каждый день, будто помогая лучше разглядеть страну...

- Тэрэ, Эстония!

- Здравствуй, Эстония!

*Павлодар - Алматы - Санкт-Петербург -
Таллинн - Москва - Павлодар,
2001 год.*

История с географией, или «Найдите моих родственников В Америке!»

Летом 1996 года мне посчастливилось побывать в США. Фирма «Транс Атлантик Групп» организовала туристическую поездку для нескольких сотен казахстанцев на летние Олимпийские игры, которые проходили в Атланте. На них, кстати, впервые участвовала олимпийская сборная суверенного Казахстана.

По результатам поездки я написал серию путевых заметок «Как там, в Америке?», которые были опубликованы в «Звезде Прииртышья», а позднее в журнале «Нива».

Было несколько откликов от читателей, в том числе один необычный, из ряда вон выходящий. В редакцию позвонил человек и сказал, что я должен ему помочь разыскать его родственников в Америке.

- Каким это образом? - удивился я.

- Вот об этом мы и должны поговорить, - отвечал звонивший. - Когда я могу подойти к вам?

Мы договорились о встрече, и я, закрутившись с делами, забыл о звонке: мало ли чудаков обращается в редакцию...

Дело же это и впрямь оказалось неординарным.

Петр Маркелович Коценко родился, вырос и большую часть жизни прожил в Качирском районе. Участник Великой Отечественной войны, разведчик, дошел до Берлина, награжден боевыми орденами Солдатской Славы и Красной Звезды, медалями. Теперь на пенсии, живёт в Павлодаре.

Что же привело Петра Маркеловича в редакцию?

Родители П. М. Коценко и их многочисленные родственники обосновались в Павлодарском Прииртышье, на территории нынешнего Качирского района еще задолго до революции. Жили кто в Федоровке, кто в Благовещенке, кто в Воскресенке.

В 1915 или 1916 году сестра матери Петра Маркеловича Татьяна Кузьминична Стеблюкова (это её девичья фамилия) вместе со своим мужем Никитенко (его имя-отчество Коценко не

помнит) отправились в поисках лучшей доли за океан, в далёкую Америку. Если иметь в виду, что они тут отнюдь не считались обеспеченными людьми, и у них там не было родственников, то можно предположить, что никаких препятствий для таких путешествий в ту пору не чинилось. Обрато они не вернулись, нарожали за океаном шестерых детей, завели своё дело (выращивали виноград и производили вино), заимели хороший дом, несколько автомобилей... Во всяком случае, полученная в 1937 году матерью Петра Маркеловича фотография семейства сестры свидетельствует о том, что американские родственники качирцев далеко не бедствовали.

Семья же Коценко, наоборот, едва сводила концы с концами. И дело было не только в том, что колхозная жизнь к тому времени мало кого сделала зажиточным. Детей у матери было трое, отец трагически погиб в Киргизии, съездили туда в надежде на лучшую жизнь, после чего все снова вернулись в Качирский район, на родину.

Надо отдать должное американской родне - она не забывала родственников, не бросала их в беде: слали посылки с вещами, доллары. Правда, валюту на руки выдавать не полагалось, и матери Петра Маркеловича приходилось ездить в Семипалатинск или Алма-Ату и отовариваться на переведённую сумму в специальных «торгсиновских» магазинах. Может, благодаря этой заокеанской поддержке тогда и выжили...

Петр Маркелович до сих пор помнит одну присланную из Америки вещь, доставшуюся ему лично - это были вельветовые брюки («Такой мелкий, очень красивый вельвет», - уточняет он) со множеством карманов и замочков. Вся школа сбежалась посмотреть на «заморское чудо», задержалось начало занятий. Петра-пятиклассника вызвали к директору, и тот посоветовал ему больше никогда не одевать американские штаны на уроки. Пришлось ему срочно бежать в соседнюю деревню, от которой школа была за 12 километров, переодеваться...

Словом, жили Коценко, как получалось: не жировали, и, конечно же, заокеанская подпитка не была лишней. И вот однажды, поздней осенью 1938 года, ночью, в их деревенский дом пришли

трое: один в милицейской форме, другой в кожанке и галифе, третий в гражданке. Сделали обыск, всё перевернули вверх дном, даже постели перетрясли. Все письма от материной сестры из Америки изъяли и дали понять, чтобы впредь никаких контактов... «Иначе - сами знаете что...»

О том, что ночные гости шутить не намерены, стало ясно очень скоро. В ту же ночь забрали брата матери - механика Федоровской МТС Петра Кузьмича Стеблюкова, примерно 1902-1903 года рождения. С тех пор о его судьбе ничего не известно: сгинул человек - будто и не было... Куда только потом (когда стало можно) ни обращался Петр Маркелович, чтобы разузнать о судьбе дядьки: и в КГБ, и в прокуратуру - нигде никаких следов.

Исковеркали «органы» и судьбу ещё одних родственников Коценко. Сестра матери Петра Маркеловича, как уже упоминалось, отправилась за океан вместе со своим мужем Никитенко, а с ними поехала и сестра Никитенко со своим мужем. И вот эта последняя пара, заработав денег, решила вернуться домой. Приехали, купили заимку в Байгунусе, надеялись зажить по-человечески, завели хозяйство, но были раскулачены и сосланы. Муж в ссылке погиб, а жена вернулась и до самой старости была деревенской повитухой. Вышло даже так, что она принимала роды у дочери Петра Маркеловича.

Как бы там ни было, с перепиской пришлось покончить. Письма и посылки из-за океана тоже перестали приходить (надо полагать, их по команде НКВД переправляли «куда следует»...). А потом и вовсе стало не до этого - началась война. Петра в декабре 1942 года призвали, попал сначала на Дальний Восток, а потом в действующую армию. Прошёл со своей полковой разведкой от Ковеля (Западная Украина) до Берлина, участвовал в боях за рейхстаг. Потом ещё два года дослуживал в Веймаре и вернулся домой только в 1948 году.

Одна любопытная деталь. Сразу после окончания войны, когда Берлин поделили на оккупационные зоны, у Петра Маркеловича была реальная возможность перебежать в американскую зону (специфика службы позволяла, и предложения такие от американцев были). И про заокеанскую родню не раз вспоминал, и

поехать к ним был бы не прочь. Но при одном условии - если бы можно было вернуться. Хотя он хорошо понимал, чем может его путешествие за океан обернуться для матери с оставшимися детьми и, конечно, не рискнул.

Потом всё же пытался разыскать американских родственников через Красный Крест, но не получил никакого ответа. Адреса утеряны, мать их не помнит, на местной почте тоже никаких следов не осталось.

Прочитав в моих заметках об Америке о том, что и там выходят газеты на русском языке, Петр Маркелович подумал: а может, попробовать искать через них - вдруг кто-то прочитает и откликнется?

Единственное, что сохранилось у Петра Маркеловича, - это фотография материной сестры с мужем и их шестерых детей. Тетке (она была в семье старшей) теперь должно быть около ста лет. Её зовут Татьяна Кузьминична Стеблюкова (по мужу Никитенко). Его имя-отчество П. М. Коценко не помнит. Младший из сыновей, как и Петр Маркелович, примерно с 1925 года. У старшего двоюродного брата жена испанского или итальянского происхождения (они присылали в пору переписки фотографию, где они в свадебных нарядах). Двоюродных братьев зовут Петр, Иван, кажется, Федор. Других имён Петр Маркелович не помнит.

Мы долго рассматривали с ним эту фотографию, которой было больше шестидесяти лет. Спокойствием и уверенностью веяло от лиц родителей, расположившихся в центре. Вокруг - их дети: двое ещё младшие школьники, остальные - взрослые. Все принаряжены, в галстуках, один даже в бабочке... И хотя фотография была в своё время сломана, потрескалась, с двумя оторванными уголками, лица на ней, за исключением одного, сохранились хорошо, людей можно было узнать.

Жила семья Никитенко в Нью-Йорке (или его окрестностях), имела большой двухэтажный дом, держала за городом виноградники и даже винзавод...

Мы договорились с Петром Маркеловичем, что сначала опубликуем эту историю в «Звезде Прииртышья», а потом пошлем её вместе с фотографией в русские газеты Нью-Йорка.

Вдруг кто-то из родственников узнает на фотографии себя или своих близких и откликнется...

Я подготовил короткое сопроводительное письмо, и Петр Маркелович отправил материал с оказией (в Павлодаре оказался американский волонтер, которому надо было возвращаться домой) в США. Публикация была адресована в две русскоязычные газеты - «Новый русский» и «Новое русское слово». Вскоре пришёл пакет из «Нового русского». Американские коллеги сочли возможным полностью перепечатать нашу публикацию, крупно напечатали фотографию, указав, как мы и просили, домашний адрес и телефон Петра Маркеловича. Из «Нового русского слова» ответа не последовало: может быть, впрочем, редакция газеты не получила наших материалов - точного адреса у нас не было, мы попросили редакцию «Нового русского» переслать их коллегам.

Я знал, разумеется, что у нас мало шансов на успех: ведь более шестидесяти лет прошло, тётки с мужем скорее всего нет в живых, их дети - двоюродные братья Петра Маркеловича - сами состарились или близки к этому... вряд ли они теперь говорят по-русски, да и уж наверняка не читают русскоязычных газет, из которых «Новый русский», наверное, далеко не самая популярная...

Я сомневался и в то же время надеялся: «Ну, а вдруг... Вдруг повезёт?» Я видел, как мечтает Петр Маркелович получить восточку из-за океана. Но, видно, не случилось. И Петр Маркелович мне больше не звонит... Не звоню и я - не хочу его расстраивать, напоминать о несбывшейся мечте.

Сентябрь-декабрь 1996 года.

Письмо В XXI Век

Нашли!

В Железинке нас ждали. Директор здешней профессионально-технической школы Сергей Иванович Квак, поздоровавшись, деловито осведомился:

- Четырѐх лопат и двух ломов будет достаточно?
- Вполне, - отвечали мы, - понадобится ещё и кувалда.

Похоже, он удивился, хотя вида не показал.

- Будет кувалда.

...Сразу после обеда все были в сборе: старшеклассники двух железинских школ - первой средней и профессионально-технической - главная рабочая сила; их директора С.И. Квак и В.П. Горобец; председатель районного совета ветеранов К.Б. Битенов; заместитель акима района И.Ш. Шайдуллин; педагог, бывший второй секретарь райкома комсомола С.Г. Смышляева (по мужу Сикорская), бывшие комсомольские активисты А.М. Баянбаев и А.Ш. Смагулов. Пришли и другие железинцы, прослышавшие о том, что будет происходить.

- Копать надо вот здесь, - уверенно сказал К.Б. Битенов, подойдя к одному из четырёх углов основания бывшего памятника Ленину. Возражающих не нашлось - точное место не помнил больше никто - и Алексей Павлович Звягин (бывший первый секретарь железинского райкома комсомола) решительно взялся за лом - предстояло сначала поднять асфальт.

Потом дружно копали школьники, меняя друг друга. Скоро наткнулись на бетонный монолит. Значит, всё правильно - там ищем! И сразу энергии как будто прибавилось. Правда, тут же возникло некоторое замешательство: прибежавший откуда-то из соседних домов пенсионер стал допытываться по какому праву сносят памятник.

- Успокойся, отец, памятник когда ещё снесли; тут совсем другое, - увещевали его. Вникнув в суть, пенсионер стал рьяно помогать - советами и делом.

Наконец, не без труда, выкатили на поверхность земли бетонную глыбу - наверное, с центнер весом - и с азартом, по очереди, принялись лупить по ней кувалдой. Расколов, убедились, что внутри ничего нет.

- Всё правильно, - объяснил К.Б. Битенов, - мы тогда сначала сделали подкоп, поставили туда шкатулку, а сверху залили бетоном. Надо копать дальше.

И вскоре шкатулка, обтянутая чем-то красным, под крики «ура» была извлечена на свет божий. Её с предосторожностями открыли, внутри и оказалось искомое - металлический цилиндр из двух резьбовых навинчивающихся друг на друга половинок. Пытались сразу и развинтить, но безуспешно. Бывший молодой бригадир животноводства и комсомолец совхоза «Железинский» А.А. Сикорский отправился за помощью в ближайшую котельную...

Ещё несколько минут томительного ожидания, и Алексей Павлович Звягин, развинтив половинки, демонстрирует всем свёрнутые рулоном листки бумаги.

- Читайте, читайте! - слышатся голоса.

Но это невозможно. Пролежав 32 года в земле, бумага сохранилась, но частично испорчена попавшей внутрь цилиндра влагой. И полностью текет прочесть нельзя. Над ним должны поработать архивисты. Договариваемся обнародовать его позднее, через газету.

А.П. Звягин благодарит всех. Расходимся, убрав следы раскопок, слегка разочарованные, но всё же с чувством выполненного долга.

Но что же мы так упорно искали в Железинке?

Я помню, хотя и не очень отчётливо, тот октябрьский день 1968 года. Меня только что избрали комсоргом Берёзовской средней школы и в этом качестве пригласили на расширенный пленум Железинского райкома комсомола, посвященный 50-летию ВЛКСМ. На нём и родилась идея отправить наш комсомольский привет комсомольцам, юношам и девушкам 2018 года. Почему именно 2018? Потому, что в этом году комсомолу должно было исполниться сто лет.

Мы, участники торжественного пленума, пришли к памятнику Ленину. Был зачитан текст, затем его упаковали в специально изготовленную металлическую капсулу из нержавеющей металла, положили в шкатулку, которую и зарыли у основания памятника.

Признаюсь честно: я не помнил, о чём говорилось в послании. Но я точно помнил, что чрезвычайно горд был одним обстоятельством: в письме к сверстникам-потомкам в числе других были названы и трое моих земляков-комсомольцев: шофёр Николай Горбанёв и механизаторы Николай Устиненко и Николай Шаробоков. С двумя последними я учился в одной школе, правда, классом или двумя после них...

Время от времени я вспоминал об этом послании, правда, как-то отстранённо, думая про себя: интересно, догадается ли кто-нибудь когда-нибудь достать его? Ведь можно сказать и так: после того, что произошло с нами в последнее десятилетие, это письмо вполне можно считать адресованным в никуда... и никому...

И последнее. Может быть, хорошо, что мы поторопились и «подняли» послание молодёжи 1968 года молодёжи 2018 года именно теперь, в 2000 году? (Кстати, одним из инициаторов этой акции был О.К. Кожанов, работавший в 1968 году заместителем начальника Железинского райсельхозуправления и присутствовавший при закладке капсулы). Кто знает, вспомнил бы хоть кто-то о нём в 2018? И что бы от него осталось к тому времени, если и теперь половина текста испорчена... Поэтому можно сказать, что капсулу извлекли вовремя, и молодёжь 2018 года с гарантией сможет ознакомиться с письмом к ней. Если, конечно, захочет...

Послание

Полностью письмо прочесть нельзя. Поэтому придётся обойтись фрагментами, а кое-где и пересказом текста.

Итак, что же пишут комсомольцы 1968-го своим сверстникам (и, надо полагать, союзникам) в 2018 год?

«Комсомольцам, юношам и девушкам 2018 года.

С. Железинка, октябрь 1968 года.

Мы, участники торжественного юбилейного пленума райкома комсомола, в канун 50-летия ВЛКСМ обращаемся к Вам, встречающим столетие со дня основания Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи со словами приветствия по случаю... знаменательной даты.

Мы живём в эпоху великих социальных, политических свершений... Великий Октябрь, пятидесятилетие которого мы отмечали в 1967 году, открыл столбовую дорогу всем народам земного шара к грядущему миру и счастью. Треть населения земного шара в настоящее время уже вышла на эту дорогу. Территория стран социалистического лагеря составляет 1/6 всей земли. Мировая социалистическая система стала определяющим фактором современности, оказывающим решающее влияние на ход мирового исторического развития. Наша Советская страна выступает за нераспространение ядерного оружия, всем своим экономическим, политическим и военным могуществом оказывает поддержку международному рабочему и коммунистическому движению, сплачивает вокруг себя социалистические и антиимпериалистические силы, оказывает всемерную поддержку национально-освободительному движению...

Высокий международный авторитет нашей страны как никогда подкреплён состоянием высокоразвитой экономики...

Материальное благосостояние советских людей улучшается из года в год...

На повестку дня поставлен вопрос о всеобщем среднем образовании.

Вся страна в настоящее время работает над выполнением третьей программы КПСС, которая предусматривает создание материально-технической базы коммунизма.

Наши успехи были бы ещё большие, если бы не происки империализма. Империализм не уступает добровольно... стремится всеми способами - военными, политическими - изменить соотношение сил в свою пользу. Об этом говорят недавние события в Чехословакии (1968 год - Ю. П.), где контрреволюционные силы, направляемые извне, пытались столкнуть Чехословакию с пути социализма, однако эта попытка провалилась.

Вот уже двадцать лет льётся кровь вьетнамского народа. Американские империалисты пытаются поработить свободолюбивый Вьетнам, прибрать к своим рукам его богатства. Но мы твердо уверены, что этому не бывать. Поручкой тому - помощь СССР и стран соцлагеря, поддержка со стороны всех свободолобивых сил.

Многострадальная Индонезия переживает экономический кризис. Военная диктатура, пришедшая к власти в 1965 году, продолжает творить расправу над всеми патриотами, трехмиллионная компартия практически разгромлена. В страну открыт широкий доступ иностранному капиталу. (Недавно эта страна вновь перенесла жестокие потрясения - история, оказывается, очень часто никого и ничему не учит - Ю. П.)

Неспокойно и в Европе. ФРГ домогается доступа к ядерному оружию. Германские реваншисты открыто требуют перекройки границ, сложившихся в результате второй мировой войны.

Мы, комсомольцы 60-х годов, понимаем всю сложность международной обстановки, и поэтому трудимся и будем трудиться... на благо нашей любимой Родины, для укрепления её обороноспособности, бороться за мир, за социальный прогресс.

Основное содержание всей нашей работы - воспитание молодежи на славных боевых и трудовых традициях Коммунистической партии и советского народа. Мы постоянно работаем по организации социалистического соревнования среди молодежи. В районе работают четыре комсомольско-молодежные бригады, многие комсомольцы являются передовиками...». Далее в письме называются передовики (о них чуть позже), рассказывается о политической учёбе комсомольцев, называются клубы и кружки, которые помогают «воспитывать идейно-закалённых, высокообразованных строителей коммунизма»:

В письме уделено место военно-патриотическому воспитанию, развитию физкультуры и спорта («Хорошо поставлена спортивно-массовая работа в совхозах «Железинский», «Приуртышский», «Память Кирова»).

«Большое внимание мы уделяем эстетическому воспитанию молодёжи, организации её быта и отдыха. В кружках художественной самодеятельности занимаются около полутора тысяч юношей и девушек, регулярно проводим смотры...».

Далее - о вовлечении тех, кто не имеет образования, в вечерние школы, о добровольных народных дружинах, об охране природы («В честь 50-летия ВЛКСМ участниками пленума заложен парк»).

«Обращаемся к вам, комсомольцы и молодёжь 2018 года, будьте верными продолжателями дела Ленина и Коммунистической партии, Ленинского комсомола. Берегите нашу Родину, как берегли её наши отцы и деды... Трудитесь, не жалея сил... во имя счастья на земле.

Участники торжественного Пленума Железинского райкома комсомола».

Поразмышляем

Честно говоря, мне не хочется комментировать это письмо. И содержание, и пафос, и стиль красноречивее всяких аргументов. Таковы были в ту пору официальные идеологические установки - их и брали на вооружение. Газеты и радио (телевидения в районе в ту пору практически не было), партийные и комсомольские функционеры употребляли все эти идеологические штампы по обязанности, по службе, на официальных мероприятиях... Обычный люд - почти никогда.

Молодые люди просто жили: учились и работали, влюблялись и расставались, заводили семьи... Они просто жили, не особенно задумываясь о своём будущем, которое представлялось большинству определённым и ясным.

Живи как все, подчиняйся общим правилам поведения - и всё у тебя получится. Родное государство не обидит, не даст пронасть. Так в большинстве своём тогда и жили - небогато, скорее бедно, но независтливо, открыто, участливо.

Все мы, выросшие на излёте хрущёвской воли, были (а многие и остались) неисправимыми романтиками. Скажем, не таким уж редким явлением было такое: рвануть после окончания школы всем классом куда-нибудь за тридевять земель на удар-

ную комсомольскую стройку. Это притом, что и дома работы было хоть отбавляй. Но то - дом, а то - ударная комсомольская...

Вот и моя родная Березовская средняя школа отличилась в ту пору патриотическим комсомольским почином. В 1967 году четверо выпускников-романтиков отправились на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку - сооружать Саяно-Шушенскую ГЭС. Никто их не агитировал, наоборот, учителя осторожно отговаривали, да и родители не были в восторге от этой затеи, пугали трудностями. Но четвёрку это только раззадоривало: «Трудности? Так они-то нам и нужны!»

Едва получив аттестаты зрелости, они отправились на очередную стройку века. Они - это мой старший брат Шурка (он, кстати, и был главным идейным вдохновителем почина), его друзья Юрка Бурдаков и Толик Тетерин, а также две девушки-одноклассницы - Любка Бондаренко, Людка Семанина и её подруга из Железинки - за компанию.

Как и следовало ожидать, в штабе ударной они получили от ворот поворот: стройке требовались квалифицированные рабочие, а не вчерашние школьники, хоть и настроенные по-боевому, но не владеющие нужными специальностями.

О возвращении домой нельзя было и думать - позор ведь, засмеют... И они не без труда, но всё же устроились на работу в посёлке Шушенском - в местном строительном управлении. Стали строить город-памятник на месте давней ссылки В.И. Ленина. Не Саяно-Шушенская, конечно, ГЭС, но тоже неплохо. О них писали газеты - местная «районка» и наша казахстанская «Ленинская смена». На следующий год в Шушенское отправилась новая группа выпускников нашей школы... Правда, никто из обоих десантов не задержался здесь больше года-двух... А вот мой брат связал свою судьбу с Шушенским, похоже, навсегда - до сих пор живёт и работает там...

...Не будем их слишком строго судить из нашего XXI века. Куда важнее - попытаться понять их...

Они были лучшими?

Тринадцать человек - передовиков социалистического соревнования - упомянуты в послании. Надо полагать, именно они должны были олицетворять собой тогдашнюю молодёжь района, его славу и гордость.

Своеобразен подбор имён - в нём лишь механизаторы и животноводы.

Николай Ралдугин - тракторист-комбайнер совхоза «Мирный». (Я помню его - мастер был, каких поискать).

Асия Каиргельдина - доярка из «Озёрного». (Потом её имя будет греметь в районе и области, как женщины-механизатора).

Николай Устименко, Николай Шарабоков, Николай Горбанёв из «Михайловского» - все трое мои земляки.

Елемес Садыкова - доярка из «Весёлой рожи», Раиса Саликова - доярка из «Железинского», Николай Коверко - комбайнер из «Мирного», Рамазан Айсабсков - скотник из «Червоноукраинского»...

Остальные фамилии не прочитываются - только профессия: доярка, чабан, скотник, комбайнер, шофер, механизатор.

Тут всё очень просто - в то время полагалось поднимать на щит, притом по заслугам, людей труда, представителей основных рабочих профессий. Что и было сделано.

Мне неизвестно, как сложилась судьба большинства из тех, чьи имена были названы потомкам. Скажу - о земляках.

Николай Шарабоков, рубаха-парень, простой, открытый, весёлый, с которым мы жили на одной улице и учились в одной школе, давно ушёл из жизни. Вечная ему память! С Николаем Устименко мы тоже когда-то жили на одной улице и учились в одной школе. Именно он на своём «ЗИЛе» привёз меня за 180 километров из совхоза в Павлодар, откуда я улетел в Алматы - поступать в университет. Я это всегда помню. Классный шофёр (все дальние рейсы были его) и классный комбайнер - 500-700 тонн зерна за сезон намолачивал, человек с весьма своеобразным характером. Николай многие годы работал в «Михайловском». Теперь совхоза нет, автопарка - практически тоже, зерновых сеют крохи, и отличный работник по сути оказался не у дел. Грустно, но это так.

Николай Дмитриевич Горбанёв - старший из всех троих. Обычная для той поры судьба. Родом из Воронежской области, служил под Ленинградом, после демобилизации, не заезжая домой, махнул на целину, где уже работали сёстры Надежда и Ольга. Прижился, женился. Почти всю жизнь проработал шофёром в «Михайловском» и «Червоноукраинском».

Николая Дмитриевича - опять же через земляков - я разыскал в производственном кооперативе Луганск (бывший колхоз имени Тельмана). Спросил по телефону «за жизнь». Земляк был краток:

- Мне 61 год, пенсии ещё нет - по новому закону рано, занимаюсь домашним хозяйством. Трое детей. Сыновья, Сергей с Алексеем, пытаются наладить собственное дело, дочь Татьяна недавно закончила кооперативный колледж - начала работать.

- Помню ли комсомол, целину? Конечно... Дружно жили - открыто, весело, молодёжи было много. У нас комсорг была Стуканова, я как-то взносы вовремя не заплатил - накатала карикатуру в стенной газете... До сих пор помню. Новогодние «огоньки» в совхозном клубе помню.

- Какое лучше время: это или то? По мне - конечно, то. Я получал в месяц 150-170 рублей, мог съездить каждый год в Москву и на Кавказ, отдохнуть, да ещё одеться... А теперь? Попробуй за две сотни километров до Башмачного добраться... Да ладно, все о делах. Ты лучше в гости приезжай - поговорим, баню натопим...

Вот это по-нашему, по-целинному. Спасибо, Николай Дмитриевич, может, и приеду...

Капсулы Времени

Справедливости ради заметим, что мы были не оригинальны в своём порыве донести свой голос (пусть и в напечатанном виде) до потомков. Оказалось, в мире замурованы тысячи таких капсул, заложенных с подобной целью. Одна из самых знаменитых - с посланием американского президента Джорджа Вашингтона грядущим поколениям, замурованная в 1793 году в

фундамент нового здания Капитолия. Кстати сказать, капсулу с этим посланием до сих пор не отыскали.

В городе Юрга на праздновании его пятидесятилетия в 1999 году приняли очередное письмо к потомкам, и теперь здесь имеется целых три капсулы. Одна приурочена к 2017 году (это, если кто забыл, 100 лет Великой Октябрьской Социалистической революции), вторая, заложенная в 1975 году - во время празднования дня Победы - послана в 2025 год, а последняя отправлена в 2049 - к столетию Юрги. В последнем послании юргинцы написали потомкам: «...Любите наш прекрасный город, где продолжают жить наши души, остались наши судьбы, радости и тревоги...» Что тут скажешь - прекрасные слова...

Газета «Нью-Йорк таймс» в 2000 году организовала материальное послание к потомкам. Цель - рассказать землянам будущего о жизни простого человека на пороге XXI века. Посылку формировали жители трёх маленьких городков - американского, французского и бразильского.

Что же для их жителей стало материальным выражением их бытовой жизни? Вот он, этот список: сотовый телефон, обручальное кольцо, таблетка виагры, пульт дистанционного управления от телевизора, знак «парковка завершена», набор кулинарных рецептов, книга Антуана Сент-Экзюпери «Маленький принц».

После этого уже газета «Известия» провела опрос в маленьких российских городках и посёлках - с той же целью. Набор получился следующий: книги Пушкина, чайник, детская погремушка, набор для домашнего консервирования, лопата, машина «Жигули», печка-«буржуйка». Как послать потомкам автомашину и печку? Да хотя бы в виде моделей...

Не расстанусь с комсомолом?

Работая над этим материалом - уже для книги, я решил опросить нескольких своих знакомых - бывших комсомольцев - на предмет их отношения к этой молодёжной организации и её членам.

Картина, по правде говоря, сначала вырисовывалась неутешительная.

- Волосы дыбом, зубы торчком - старая блядь с комсомольским значком, - продекламировала однокурсница, с грустью констатируя, что это и про неё тоже.

Один из бывших крупных чинов областного масштаба, строитель по профессии, изъяснился ещё грубее:

- Да помню я этих комсомольских активистов: пьют и трахаются (было употреблено более смачное выражение), как взрослые, а работают, как дети!

Многие, впрочем, вспоминали о комсомоле с теплотой, говорили о большой его роли в жизни молодежи советской поры, в воспитании подрастающего поколения, как, впрочем, с тревогой - о том, что комсомольская ниша во всех постсоветских государствах пустует, заполняясь суррогатами бездуховности...

А для кого-то слово комсомол и сегодня звучит как боевой призыв - горячит кровь, зовёт в дорогу. В Павлодаре уже не один год существует неуставная организация ветеранов комсомола. Ежегодно, 29 октября, в день рождения комсомола, до сотни и больше людей собираются в одном из кафе или ресторанов города на свою очередную встречу. По форме она копирует (с разумной долей иронии, разумеется) отчетно-выборную комсомольскую конференцию. Вносится знамя неуставной организации, произносится отчетный доклад, звучат приветствия юных пионеров, идёт приём новых членов, которых обязательно рекомендуют действующие члены неуставной организации.

Попав на такую встречу впервые, я сначала чувствовал себя не в своей тарелке: действо вокруг напоминало настоящий театр абсурда... А потом понял: люди просто тоскуют по своей молодости, они искренне рады видеть друг друга, рады сбросить с себя груз лет и обязанностей, вновь окунуться в дорогу для них атмосферу... Им есть за что любить комсомол - для большинства из них он стал ступенькой в карьере, многим помог состояться в жизни. Впрочем, на такие встречи приходят и те, кто не был комсомольским функционером, но, как принято говорить, состоял в выборных комсомольских органах, вращался в этих кругах.

Павлодарская неуставная организация ветеранов комсомола - уникальная в своём роде, подобной нет на просторах СНГ. Возглавляет её уже не один год на общественных началах Михаил Крюков, бывший когда-то первым секретарём Павлодарского обкома комсомола. Вечера-встречи подпитывают финансами бывшие павлодарские комсомольцы, а приветственные телеграммы собратьям по ВЛКСМ шлют из Алматы и Астаны, российских городов, включая и Москву, из заграницы. Как-то даже пришло приветствие от Б.Н. Пастухова - некогда первого секретаря ЦК ВЛКСМ, а теперь заместителя министра иностранных дел России.

Есть у неуставной комсомолки и свой гимн, сочинённый Владимиром Герасименко - также бывшим первым секретарём Павлодарского обкома комсомола. Как и положено, гимн исполняют хором.

«В огне Гражданской комсомол мы создавали.
В лихой атаке наша молодость прошла,
В борьбе с разрухой закалялись твёрже стали,
Чтобы заря над Родиной взошла.

Припев:

Я с комсомолом прошёл свой путь.
Он стержень мой, моя основа.
И если юность мне опять вернуть,
Я в комсомол вступил бы снова.

Мы пятилетки за три года выполняли,
Стремилась время и пространство покорить...»

и т. д.

Что остаётся сказать в завершение? Что времена не выбирают? Что комсомол давно умер, а на замену ему так и не родилось ничего путного, сколько-нибудь достойного?

Скажу, наверное, так: не будем плевать в своё прошлое, из которого все мы вырастаем. В нём было всякое: и хорошее, и не очень, и даже плохое. Но без всего этого мы бы не стали теми, кем мы стали.

2000-2002 годы.

Уроки демократии

История эта, уже давно завершившаяся, причем, завершившаяся для нас, павлодарцев, благополучно, до сих пор не дает мне покоя. Не только потому, что сам оказался в гуще событий, вникал во всякую мелочь, включался в яростные споры, загорался и разочаровывался ... Дело в другом: эта история могла произойти только в наше время, именуемое временем демократии и гласности, и все ее плюсы и минусы, обретения и потери, трудный путь к истине - это и есть во многом противоречивый, но столь нужный нам опыт постижения демократии.

«Биосинтез прописывается в Павлодаре»

В конце мая 1987 года в павлодарской областной газете «Звезда Прииртышья» появилось интервью под таким заголовком. В ней директор строящегося завода белково-витаминных концентратов Р. Х. Гарифуллин рассказывал о том, чем вызвана необходимость сооружения предприятия такого рода в городе на Иртыше. Отмечалось, в частности, что очень многие наши беды в животноводстве объясняются нехваткой кормов. Но даже тогда, когда республика запасает их в достатке, должной отдачи, как правило, все равно нет. Причина - в неполноценности кормов, в них велик дефицит белка, не хватает аминокислот, витаминов, микроэлементов. Несбалансированность кормов по этим компонентам снижает продуктивность животных примерно на треть, ведет к увеличению себестоимости продукции.

Далее речь шла о том, что дефицит белка, витаминов и микроорганизмов в кормах можно устранить с помощью добавок, выпускаемых предприятиями медицинской и микробиологической промышленности. Наиболее ценной из них является белково-витаминный концентрат (БВК), который содержит до 60% белка, 12% жира, 16-20 - углеводов, 5 процентов лизина, различные микро- и макроэлементы. Специалисты отрасли подсчитали: одна тонна БВК позволяет экономить 5-7 тонн зерна, или до шести тонн цельного молока.

По обобщенным данным Всесоюзного научно-исследовательского института животноводства, при обогащении кормовых смесей из зерна пшеницы, кукурузы, ячменя белково-витаминными добавками среднесуточные привесы свиней на откорме возрастают в 1,6-1,9 раза. И все это при значительной экономии кормов. Немалые выгоды сулит применение БВК и в других отраслях животноводства.

Подсчитано, говорил далее Р.Х. Гарифуллин, что дефицит кормового белка в республике составляет свыше полумиллиона тонн (в Павлодарской области - более 55 тысяч тонн). Покрыть этот дефицит можно и кормами животного происхождения, но их ресурсы очень ограничены. Поэтому самый надежный и эффективный путь - организация микробиологического производства. Бактерии-рекордсмены могут удваивать число своих клеток каждые 5-7 минут, 45-48 процентов их массы составляет белок. Таким образом, дрожжевая масса в полтонны весом дает за сутки 50 тонн белковых веществ.

Есть и еще одно существенное преимущество. Микроорганизмы можно выращивать круглые сутки, в любое время года, независимо от климатических и географических условий. С сырьем проблем тоже не будет - им послужат жидкие очищенные парафины местного нефтеперерабатывающего завода, представляющие собой смесь углеводов.

Конечный продукт производства - светло-серый порошок или гранулы. Его предполагается выпускать 120 тысяч тонн в год - при общем объеме такой продукции, производимой в стране, в миллион тонн. Потребность же в ней неизмеримо больше.

На сооружение завода Минмедбиопром СССР выделил около двухсот миллионов рублей, в том числе примерно четверть этой суммы - на жилье и соцкультбыт. Уже на стадии проектирования предусматривалось обязательное полное обеспечение всех здесь работающих жильем, намечалось строительство детских садов, школ, медсанчасти, профилактория, профтехучилища. Будущий завод намеревался принять долевое участие в строительстве объектов для города - спорткомплекса, троллейбусной линии и других.

Предприятие, утверждал Р.Х. Гарифуллин, должно стать не только одним из самых современных в городе, но и одним из лучших по обеспеченности объектами соцкультбыта.

Оставалось только порадоваться тому, что в Павлодаре впервые в республике прописывается такая передовая отрасль промышленности... Было, правда, высказано опасение, что новое производство может оказаться далеко не безупречным в экологическом отношении... Но директор тут же рассеял эти сомнения. Павлодарский завод БВК будет последним из серии предприятий подобного рода. Технология получения концентрата отработана, при проектировании учтены все новейшие достижения по природоохранной части, что обеспечит практическую безопасность производства, как для работающих на нем людей, так и для всех горожан. Промстоки после технологического цикла будут очищаться на комплексе механической и биологической очистки, после чего даже могут использоваться для полива сельскохозяйственных культур. Всего же на природоохранные меры выделяется 32 миллиона рублей.

В заключение Р.Х. Гарифуллин заметил, что никакие другие меры не дадут в ближайшие годы такого эффекта в кормопроизводстве (а следовательно, и в животноводстве), как белково-витаминный концентрат, и со страниц газеты обратился ко всем заинтересованным ведомствам с призывом ускорить строительство столь нужного республике предприятия.

Такова вкратце предыстория. И вряд ли кто мог предполагать, какие вслед за этим развернутся события. А произошло следующее: интервью, напомним, было опубликовано в конце мая, а в первых числах июня в «Известиях» появилась небольшая заметка «Остановлен завод». В ней говорилось о том, что в городе Кириши Ленинградской области по требованию общественности, настоянию природоохранных служб остановлено производство на биохимическом заводе. С этим предприятием, запущенным более десяти лет назад, связывали большие надежды в сельском хозяйстве - здесь ставили на поток производство белково-витаминного концентрата. В одном из выпущенных в ту пору рекламных изданий утверждалось: «Завод позволит сэкономить в

год 790 миллионов кормовых единиц, или 47,3 миллиона рублей, получить дополнительной продукции животноводства на 105,8 миллиона рублей, капитальные затраты на строительство завода с учетом выгод, получаемых сельским хозяйством, окупятся за полтора-два месяца». Киришанам обещали, что «с выходом завода на полную мощность здесь появится самый удивительный, самый неповторимый запах - запах свежеспеченного хлеба».

Но вместо этого с вводом в строй завода многие жители Кириш временами стали задыхаться, резко возросло число заболеваний бронхиальной астмой, появились кожные и разного рода аллергические болезни, связанные с заражением воздушной сферы и реки Волхов, резким ухудшением общей экологической обстановки.

На неоднократные требования горожан навести порядок на производстве представители завода отвечали, что загрязнения не превышают установленных допустимых норм - стало быть, оснований для беспокойства нет... И вот обстановка накалилась до того, что санитарная служба города остановила технологическую линию по выпуску белково-витаминного концентрата...

Заметка не прошла незамеченной. В редакцию "Звезды Прииртышья" пошли первые письма. Работники районного управления «Павлодарэнерго», треста «Энергостройиндустрия» негативно отзывались о самой возможности появления в Павлодаре предприятия подобного профиля, авторы письма спрашивали: «Кому нужна такая продукция, за производство которой нужно платить здоровьем людей?.. Решение о строительстве завода считаем неправильным...» Преподаватель школы рабочей молодежи №8 А.Д. Струкова писала: «Прошу через газету вынести на обсуждение павлодарцев вопрос о строительстве в нашем городе завода белково-витаминного концентрата... Завод, на строительство которого отпущено 200 миллионов рублей, делает наш и без того загрязненный воздух еще более грязным.» Эту же мысль высказывал в письме павлодарец А.И. Семенов: «Наш город и так перегружен опасными в экологическом отношении производствами, он в буквальном смысле стяннут обручем смога...»

Авторы всех писем ссылались и на публикацию «Известий».

Мы в редакции решили, как принято говорить, изучить историю вопроса: кем и как принималось решение о строительстве нового предприятия в Павлодаре, какова при этом была позиция природоохранных служб? Оказалось, что переговоры на этот счёт ведутся давно - с 1981 года. Уже к этому времени было несколько вариантов размещения завода на территории области. «Дальние» (за несколько десятков километров от города) Министерство медицинской и микробиологической промышленности СССР сразу отвергло - это удорожит строительство. В дальнейшем обсуждались в основном два варианта: ермаковский и павлодарский. Первый не приняли по экологическим мотивам (на этом настаивали природоохранные службы) - господствующие юго-западные ветры могут «накрыть» Павлодар возможными белковыми выбросами и зольнопылевым шлейфом мощной котельной, которую предполагали построить для завода. Иначе говоря, удалось отстоять эту своего рода «форточку» Павлодара открытой для свежих ветров с поймы... После чего и возник павлодарский вариант. Надо сказать, для микробиологов вариант, близкий к идеальному. Северная промышленная зона города, где удавалось подыскать подходящую для завода площадку, уже имеет мощную ТЭЦ (а новое предприятие - достаточно энергоемкое), тут же под боком сырье нефтеперерабатывающего завода, рядом Иртыш (воды тоже требуется немало - до 40 тысяч кубических метров в сутки). Все основные коммуникации есть. Автобусное сообщение налажено, даже трамвайная линия проложена, о чем еще мечтать? Министр медицинской и микробиологической промышленности В.А. Быков обратился в правительство республики и, ссылаясь на несговорчивость местных властей, просил содействия в размещении завода БВК в северной промзоне Павлодара. Вновь собирались комиссии, выносились заключения... В конце концов сошлись на том, чтобы «прописать» завод в Павлодаре.

Вопрос, собственно, можно было считать решенным. Но оказалось: даже у тех, кто подписал заключение на строительство

завода, нет единства мнений о возможных последствиях воздействия этого предприятия на окружающую среду.

Так, например, генеральный проектировщик завода - Ленинградский институт «Гипробиосинтез» - гарантирует трехступенчатую очистку, мокрую обработку выбросов - одним словом, чуть ли не стопроцентную безвредность предприятия. По правде говоря, в это слабо верится: любой мало-мальски знакомый с современной промышленностью человек знает: безвредных производств не бывает. И потом, завод нельзя брать, если можно так сказать, в чистом виде. Ведь северная промзона - это еще химический и нефтеперерабатывающий заводы, мощное объединение «Павлодарский тракторный завод», ТЭЦ-3, картонно-рубероидный завод, другие предприятия. И какой букет вредных выбросов дают они при сопутствующем ветре - жителям Прибрежного микрорайона объяснять не надо.

Впрочем, не будем поддаваться эмоциям. Предоставим слово специалистам. В свое время руководители Павлодарских областной и городской санэпидстанций П.Е. Ли и Р.Д. Голубчик высказали свое особое мнение председателю комиссии по размещению завода БВК - заместителю ВПО «Союзпромбелок» В.М. Тихонову: «...Размещение завода БВК в северном промышленном районе Павлодара считаем неприемлемым... На предполагаемом земельном участке уровень загрязнения от существующих предприятий превышает предельно допустимые концентрации (ПДК): сероводорода - в шесть раз, углеводорода и сернистого газа - в три, хлористого водорода - в два, пыли - в 13 раз... Согласно санитарным нормам в таких случаях не допускается размещение новых предприятий, способствующих увеличению загрязнения...»

Может быть, павлодарские медики перестраховались? Ничего подобного. Есть экспертное заключение Горьковского НИИ гигиены труда и профзаболеваний по Павлодарскому заводу БВК: «...До пуска завода в эксплуатацию должны быть проведены мероприятия по охране атмосферного воздуха от загрязнения химическими веществами на действующих предприятиях Павлодара и Ермака...»

явившиеся недавно в «Социалистической индустрии» снимки, сделанные из космоса. На них Павлодар и Экибастуз смотрятся двумя черными «дырами» с рваными краями. Таковы здесь плоды бурной человеческой деятельности - комментировали изображенное на снимках специалисты. И ведь в самом деле: сравнительно небольшой город оказался в настоящих тисках промышленных гигантов, которые в последнее время будто соперничали друг с другом в том, кто же из них нанесет больший урон природе.

Неудивительно, что в большинстве писем звучало: подобный завод строить в Павлодаре нельзя. Ветеран войны и труда С. Улькин даже написал: «Уверен, что ни один житель Павлодара не подаст своего голоса за строительство».

«Надо, конечно, выпускать побольше мясной продукции, но не жертвуя при этом здоровьем пусть даже одного человека. Формула - цель оправдывает средства - здесь явно неподходяща», - утверждали в своем письме работники треста «Павлодартрансстрой». А экономист Н. Ф. Ровенная не без иронии заметила: «Не полезнее ли будет для людей есть поменьше мяса, зато дышать воздухом почище?»

Авторы коллективного письма, под которым стояло 96 подписей, предлагали воспользоваться защитой Закона «О всенародном обсуждении важнейших вопросов государственной жизни» и провести в городе референдум, посвященный судьбе будущего предприятия.

Несколько десятков писем-откликов пришло в газету. И ни одного в защиту нового производства. Все - против. Вот какую медвежью услугу оказали действующие предприятия своему еще не родившемуся собрату.

Писали и звонили не только нам. Коллективные письма ушли в Президиум Верховного Совета СССР и Казахской ССР, другие союзные и республиканские инстанции. Свое негативное отношение к будущему заводу горожане неоднократно высказывали во время приезда в Павлодар первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Г.В. Колбина.

Ситуация складывалась в высшей степени непривычная. Еще год-два назад ничего подобного просто быть не могло. Есть решение правительства о строительстве предприятия, есть деньги, пуск завода сулит городу немалые экономические и социальные выгоды, есть, наконец, большая нужда в будущей продукции... Чего же тут дискутировать? Но шел уже 1987 год, третий год перестройки, уже давала о себе знать политика демократии и гласности, уже заявляло о своих правах общественное мнение. Со всем этим нельзя было не считаться. Но нельзя было допустить и заведомой компрометации будущего предприятия.

Поэтому газета попросила высказать свое мнение о затронутых проблемах большую группу специалистов: с одной стороны - представителей Минмедбиопрома СССР, с другой - Минздрава СССР и природоохранных служб. Кроме того, договорились с Павлодарским горкомом партии сформировать группу для поездки на аналогичные предприятия отрасли. Наметили два адреса: Новополоцкий завод БВК (что в Витебской области), который, по мнению микробиологов, в известной мере может служить «эталонном для предприятия подобного рода» и Киришский биохимзавод, ведь именно известие о его остановке вызвало столь бурную реакцию протеста у павлодарцев против строительства аналогичного завода у нас в городе.

О результатах поездки редакция публично пообещала проинформировать читателей.

Новополоцкий Вариант

В путь отправляемся вчетвером: представитель строящегося завода Н. М. Хлыстун, заместитель главного врача областной санэпидстанции Ю. С. Калинин, начальник областной инспекции по охране атмосферного воздуха Т.К. Искаков и я, журналист. Начать решили с Новополоцка. В Москве, едва усевшись в купе, начинаем подтрунивать над Хлыстуном:

- Николай Михайлович, а вдруг «зарубим» твой завод - безработным останешься?

Он невозмутим, быстро парирует:

- Технический прогресс неостановим. Подумайте лучше о своей судьбе. У нас на заводе будет целая служба охраны природы - так что двоим из вас работа, можно сказать, обеспечена. И журналисту дело найдется - откроем со временем многотиражку. Заработки у всех будут приличные - советую подумать...

От прямых споров пока уклоняемся - надо увидеть всё своими глазами.

И вот - Новополоцк. Чистый, словно умытый город. Сразу подумалось: вот бы таким стать нашему Экибастузу. Тем более, что они ровесники, у них много общего. В следующем году Новополоцку должно было исполниться 30 лет. Население - 90 тысяч, средний возраст жителей - 28-29 лет. Приветливые, доброжелательные люди. Город уютный, какой-то очень домашний, своей застройкой, хорошо продуманными архитектурно-планировочными решениями славится на всю республику.

Увы, этого не скажешь об экологической обстановке. Главный санитарный врач Новополоцка В.А. Бердашкевич, к которому мы пришли, едва устроившись в гостиницу, охарактеризовал ее одним словом - напряженная. Сравнительно небольшой город наводнен крупной промышленностью. Действуют два крупных производственных объединения - «Новополоцкнефтеоргсинтез» (создано на базе нефтеперерабатывающего завода, который примерно вчетверо мощнее нашего, Павлодарского) и «Полимир». Кроме того, есть ТЭЦ мощностью 300 мегаватт, работающая на мазуте, и сравнительно молодой завод белково-витаминного концентрата. Все названные производства размещены практически в одном районе, за городом. Завод БВК - чуть в стороне, от него до Новополоцка километра два-два с половиной.

Все эти предприятия и загрязняют окружающую среду. Буквально за несколько дней до нашего приезда на республиканском партхозактиве, обсуждавшем проблемы перестройки здравоохранения, Новополоцк был назван в числе городов с особенно неблагоприятной санитарной обстановкой. В докладе Министра здравоохранения СССР Е.И. Чазова было сказано буквально следующее: «Наиболее серьезная обстановка сложилась в

Новополоцке, где валовый выброс вредных веществ самый высокий в республике». Приводилась на партхозактиве и такая цифра: сегодня на каждого жителя города приходится более двух тонн вредных выбросов в год, что влечет за собой рост заболеваемости населения.

Мы прямо спрашивали Владимира Александровича Бердашевича, а также местного инспектора по охране атмосферного воздуха Лидию Даниловну Перусенко: каков же вклад в загрязнение окружающей среды завода БВК?

- Он на последнем месте по валовым выбросам, - следовал ответ, - выбрасывает в год 568 тонн вредных веществ, в том числе 21 тонну пыли БВК. По нашим подсчетам, на долю этого предприятия приходится лишь полпроцента общего вала выбросов предприятий Новополоцка.

- Выходит, у вас нет претензий к интересующему нас заводу?

Нет, они так не считают. Владимир Александрович замечает, что при ветре в сторону города здесь явно ощутим неприятный запах, идущий от завода. У этого запаха два источника: очистные сооружения завода и агрегаты, где производится сушка белка. Лидия Даниловна добавляет: хотя завод и оснащен средствами очистки лучше, чем другие предприятия в городе, идеальными их назвать нельзя. Более того, мощность завода наращивается, и оборудование по очистке работает на пределе. Самое слабое место на предприятии - цех расфасовки продукции, где белковая пыль присутствует буквально всюду. Вместе с тем, говорит она, завод охотно идет на внедрение новых систем контроля, специалисты стараются сами определить болевые точки, ищут пути устранения недостатков.

- Есть ли случаи профессиональных заболеваний на этом заводе?

- Да, - отвечает В.А. Бердашевич, - три случая за 10 лет, в том числе два - от пыли БВК.

- Согласились бы вы снова на строительство такого завода сегодня?

Наши собеседники отвечают на этот вопрос утвердительно, с одной оговоркой - они бы отнесли его подальше от города.

На следующее утро отправляемся на завод. Первая встреча с директором предприятия В.Н. Конобрием. Характерная деталь: Виктор Николаевич пускал этот завод, был его первым директором. Отсюда в 1982 году ушел на повышение - начальником объединения, в состав которого входят все аналогичные заводы страны, был на других руководящих должностях в Минмедбиопроме СССР. Но по здешнему краю скучал, и когда предоставилась возможность, вернулся назад. Словом, предмет разговора знает не понаслышке. Энергичен, инициативен, деловит. Просим его коротко рассказать о заводе.

- Мощность - 130 тысяч тонн БВК в год, в этом году выйдем на 150 тысяч тонн, причем без прироста основного технологического оборудования. Производство высокорентабельное: на общий объем реализации в 110 миллионов рублей приходится 50 миллионов рублей чистой прибыли. Основные потребители продукта - Белоруссия, Прибалтика, РСФСР. Более 30 процентов концентрата идет на экспорт, в страны СЭВ. Построено полторы тысячи квартир на 1300 работающих здесь человек, общежития, два детских сада. Есть профилакторий, база отдыха на Черном море, тепличное хозяйство, свиноферма.

На вопрос о текучести кадров незамедлительно следует ответ: за девять месяцев - полтора процента.

Говоря о том, что делается для уменьшения вредных выбросов, В.Н. Конобрий подчеркивал: предприятие укладывается в нормы ПДК (предельно-допустимых концентраций) содержания белковой пыли - одна тысячная миллиграмма в кубическом метре воздуха. Главная задача, которую решают на заводе, - уменьшение общих валовых выбросов и дезодорация отходящего воздуха после сушки активного ила. Будет совершенствоваться на предприятии и технология отгрузки БВК с тем, чтобы полностью исключить прямой контакт белковой пыли с работающими здесь людьми. И еще заметил, прощаясь с нами, директор: если бы ему снова пришлось строить завод, он отнес бы его в два-три раза дальше сегодняшнего.

Сам завод нам показывал Иван Иванович Шайников - заместитель главного инженера по охране окружающей среды. Да,

именно так называется его должность, она заведена на всех аналогичных предприятиях отрасли.

Буду откровенным: завод мне понравился. И в цехах, и на территории чистота, порядок. Каждый свободный участок земли обязательно занят - газонами, цветниками, высажены деревья, кустарники. Мы осматривали самые уязвимые в экологическом отношении участки - отделения сепарации и выпарки, очистные сооружения, и практически не слышали жалоб от работающих. Специфический запах есть, но, как нам объяснили, это результат недавнего пуска предприятия (после очередного профилактического ремонта). Стоки завода идут на механическую, затем биологическую очистку, затем в отстойники. При этом часть компонентов вновь забирается на производство, а очищенная вода сбрасывается в Двину. И хотя очистные сооружения (по правде говоря, зрелище для непривычного глаза малопривлекательное) действуют надежно, неприятный запах отсюда при попутном ветре достигает города, вызывая законное недовольство жителей.

Склад готовой продукции на тот момент был одним из самых уязвимых для критики участков завода. Здесь еще много ручного труда и много белковой пыли. Мы говорили с рабочими В. Ивановым, В. Казачонком, М. Гайко, С. Карновой об условиях их работы. Общее мнение таково: работать трудно - во-первых, требуется немалая физическая выносливость, во-вторых, доставляет неприятности постоянный контакт с белковым концентратом. Особенно острая реакция у людей на белковую пыль. У новичков - сыпь на коже, резь в глазах. Те, что работают давно, «акклиматизировались», но все же удовлетворения от такого труда немного.

- Все правильно, - вздыхает И.И. Шайников, - надо быстрее переходить на бестарную отгрузку концентрата, и мы будем это делать.

Спустя полчаса прощаемся с заводом. Впечатления остались скорее хорошие, чем плохие, хотя экологически чистым предприятие все же не назовешь.

Теперь наш путь - в Кириши.

Так что же случилось в Киришах?

Один из участников нашей поездки назвал Киришский биохимический завод (БХЗ) главной прорехой микробиологической промышленности. Сказано это было в полемическом запале, однако оценка, на мой взгляд, на редкость точная.

Тут, вероятно, нужен небольшой экскурс в историю. Завод был пущен в 1975 году, и в первые же месяцы работы вызвал в городе сотни аллергических заболеваний. Медики забились тревогой, стали исследовать причины и в конце концов установили: аллергеном является белковая пыль. Тут известны многие случаи, когда заболевшие люди быстро обретали нормальное состояние, едва их вывозили за город.

Заключение медиков о том, что белковая пыль и живая клетка - продуцент белка могут быть аллергенами, было встречено микробиологами неоднозначно. До этого времени белковые выбросы считались обыкновенной безобидной пылью, соответственно этому и разрабатывались нормы ПДК. Иные представители отрасли встретили известие о новом аллергене чуть ли не в штывки: тут, мол, еще разобрататься надо, какой фактор действует - у нас этих аллергенов в живой природе пруд пруди: пыльца цветов и деревьев, тополиный пух, шерсть. Поскольку такое мнение бытует и сегодня, необходимо внести в этот вопрос полную ясность: самыми авторитетными комиссиями доказано - белковая пыль и живая клетка белка могут быть для определенной части людей аллергенами, приводить к различным формам заболеваний. И как бы ни хотелось некоторым представителям Минмедбиопрома СССР опровергнуть это, факт остается фактом. Есть, увы, печальный опыт Киришей, от которого никуда не деться.

Киришский биохимзавод строился и пускался безо всяких очистных сооружений (повторяем: его белковые выбросы считались безвредными). Затем завод все же был остановлен и оснащен средствами очистки, не слишком совершенными, правда, но других в то время просто не существовало. Весьма важная деталь: в периоды, когда завод останавливался, резко уменьшалось число обращений в больницу по поводу аллергических

заболеваний. Главный санитарный врач Киришей А. Пудяков установил четкую закономерность на этот счет - он показывал нам собственноручно вычерченные графики: стоит завод - обращений нет, запущен - кривая обращений ползет вверх, идет наращивание мощности - на графике новый всплеск.

Но если картина настолько ясна, почему для полной остановки завода понадобилось 12 лет?

- Мы не сидели сложа руки, - возражает Анатолий Павлович, - санитарные службы останавливали предприятие не менее десятка раз. Но каждый раз его запускали под сильнейшим давлением Минмедбиопрома СССР.

Более того, завод наращивал мощность, в 1982 году вступила в строй его вторая очередь. Система же очистки оставалась весьма несовершенной, что усугубляло экологическую ситуацию в городе. Справедливости ради надо сказать, этому способствовали и другие предприятия - нефтеперерабатывающий завод, ГРЭС.

Все это не могло не вызвать недовольства горожан. Первого июня 1987 года, в день защиты детей, в Киришах состоялся многотысячный митинг, на котором люди высказались за остановку и перепрофилирование предприятия. Почти десять тысяч человек подписались под письмом с теми же требованиями, отправленным в Москву.

Надо заметить, действовала не только общественность. К этому времени на Киришском биохимзаводе по требованию санитарной службы уже больше месяца стояло гидролизное производство (по свидетельству специалистов, наиболее грязное, его стоки попросту отравляли реку Волхов). Затем главный санитарный врач Киришей А.П. Пудяков опечатал и линию подачи парафина, тем самым остановив производство БВК. Минмедбиопром СССР принял решение провести на заводе техническое перевооружение. Одновременно в Кириши была направлена авторитетнейшая комиссия Минздрава СССР, которая должна была полностью прояснить вопрос относительно влияния выбросов БВК на здоровье горожан. О ее выводах - чуть позже, а пока еще раз о самом заводе.

Заочное знакомство с ним началось еще в Ленинграде.

- Мы поставили перед собой задачу создать в Киришах безвыбросное и бессточное производство, - говорил нам генеральный директор НПО «Гидролизпром» В.В. Рябов, - наша цель - ликвидировать даже следы белка в атмосфере Киришей. И мы близки к этой цели. Внедрен замкнутый цикл сушки продукта, что позволило полностью исключить операцию «дожиг», и, как следствие, - даже минимальный «проскок» белка в атмосферу. Установка дополнительной очистки воздуха, отходящего от ферментеров, позволяет полностью исключить попадание в атмосферу живых микроорганизмов - продуцентов белка.

- Наиболее вредное производство - гидролизное, - продолжал Владимир Васильевич, - закрыто и не будет возобновлено. Налажена очистка производственных стоков с тем, чтобы полностью вернуть их в технологический поток получения белка, без сброса в реку Волхов. Иначе говоря, то, что было на заводе, и то, что есть, - земля и небо. Завод частично действует - сами убедитесь в том, что мы не теряли времени даром.

На предприятие мы ездили в сопровождении главного инженера объединения «Гидролизпром» Ю.А. Лаптева и заместителя генерального директора по проектированию Н.Н. Колесникова. Получили обстоятельнейшие разъяснения по всем внедренным новшествам, лично убедились в том, какая серьезная работа проведена здесь за минувшие два месяца. На совершенствование технологии было затрачено около миллиона рублей, внедрено все лучшее, что есть в отрасли по очистке выбросов.

Похоже, микробиологи задались целью сделать здешний завод образцово-показательным. Так, например, на участке отгрузки нам показывали уже действующую бестарную отправку продукта, которую намереваются применить в Новополоцке. Подходит закрытый вагон, в него из закрытой емкости загружается концентрат - никакого контакта белковой пыли с человеком.

Удивительная все же вещь: надо было создаться чуть ли не взрывоопасной обстановке в городе, чтобы наконец были приняты меры по наведению порядка на производстве.

Мы встречались и с представителями инспекций, контролирующих состояние природной среды в городе - уже упоминавшимся главным санитарным врачом А.П. Пудяковым, начальником лаборатории метеослужбы Н.Р. Кольцовой, уполномоченной региональной инспекции по охране атмосферного воздуха Г.П. Семченко. Все они, имевшие в свое время очень серьезные претензии к этому заводу, отмечали высокую эффективность принятых здесь мер по совершенствованию технологии, и тем не менее в окончательных оценках были весьма сдержанны: произведен лишь пробный пуск предприятия, наблюдения надо продолжать, тем более что случаи «проскока» в атмосферу белка и живой клетки все еще регистрируются.

Но если экологическая ситуация на заводе явно улучшилась, этого нельзя было сказать о психологической обстановке в городе. Упоминавшийся стихийный митинг был далеко не единственным. Еще до этого один из жителей вышел на первомайскую демонстрацию с портретом своего умершего сына в траурной рамке, под ним была черная надпись: «И это ваша работа, товарищи с биохимзавода». Дело в том, что первой мишенью вредных выбросов завода, по мнению некоторых врачей, стали дети. Немалый вред нанесли слухи, неосведомленность людей. Поэтому большие надежды возлагались на комиссию Минздрава СССР, работавшую здесь в мае-июне. В ее составе были ведущие специалисты научно-исследовательских институтов Минздрава и Академии медицинских наук (педиатры, гигиенисты, иммунологи, аллергологи, дерматологи, онкологи, врачи-практики из Москвы и Ленинграда). В опубликованных городской газетой «Киришский факел» выводах комиссии отмечалось: «...Заболеваемость населения в Киришах носит закономерный характер, в целом укладывается в диапазон средних величин показателей заболеваемости по Ленинградской области и РСФСР. Вместе с тем в структуре заболеваемости населения имеет место преобладание заболеваний, которые обусловлены находящейся здесь промышленностью.

Повышенный уровень аллергических заболеваний, как среди детей, так и взрослого населения Киришей связан с воздей-

ствием выбросов вредных веществ в атмосферу, и в первую очередь с биохимзавода. Действия главного санитарного врача Киришского района по поводу остановки эксплуатации указанного завода правильны...»

Ни в коей мере не собираюсь оспаривать выводы комиссии, но, по правде говоря, позиция у нее двойственная, она дает карты в руки и ведомству, и его противникам. Первые упирают при этом на первую часть выводов, а вторые - на заключительную.

Как бы там ни было, микробиологи были убеждены, что им удастся обеспечить бессточность и безвыбросность производства на Киришском БХЗ и готовились к пуску всего завода, инспектирующие службы контролировали каждый их шаг и соглашались на полный пуск предприятия лишь в том случае, если обещанное будет реализовано в полном объеме.

...Увидено и услышано было за те несколько дней столь много противоречивого, что домой мы возвращались далеко не рассеяв всех своих сомнений. Ситуация, пожалуй, еще больше запутывалась. Во всяком случае, у меня было именно такое ощущение. Но никто из нас не мог предположить, какие страсти разгорятся в ближайшее время по этому поводу у нас дома.

Страсти Вокруг БВК

Буквально через несколько дней после нашего возвращения в Павлодар стало известно: к нам выезжает большая группа представителей Минмедбиопрома СССР - ученые-микробиологи и медики, проектировщики. Цель поездки - разъяснительная работа среди населения, разрешение спорных вопросов, связанных с размещением завода БВК в Павлодаре. В составе группы доктор биологических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, заместитель директора института «ВНИИсинтезбелок» Н.Б. Градова, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией иммунохимии НПО «Биотехнология» М.В. Далин, заместитель генерального директора по проектированию НПО «Гидролизпром» Н.Н. Колесников. Возглавляет группу заместитель министра медицинской и микробиологической промышленности М.М. Соболев.

Микробиологи привезли с собой плакаты, диаграммы, схемы, рекламный фильм о белково-витаминном концентрате. Состоялись две встречи представителей отрасли с павлодарцами в обкоме партии, встреча с журналистами в редакции областной газеты. В облисполкоме микробиологи объяснялись с работниками местных природоохранных служб, грудью вставших против строительства завода БВК в Павлодаре.

Особенно доставалось на встречах нам, журналистам. «Звезду Прииртышья» обвиняли в дезинформации, тенденциозности, нагнетании страстей, компрометации всей биотехнологии и чуть ли не в пособничестве империализму... Последнее - отнюдь не преувеличение. Двумя учеными было высказано примерно следующее: по развитию биотехнологии СССР занимает приоритетные позиции в мире, мы обошли в этом деле даже развитые капиталистические страны. Ставить палки в колеса такому важному направлению в науке и передовой практике - значит вредить интересам государства. Положа руку на сердце, их горячность, стремление отстаивать право своего детища на жизнь можно было понять. Они посвятили этому делу всю жизнь, а тут в известной мере покушались на их научную состоятельность, их будущее. Но разве нельзя было понять обеспокоенных павлодарцев, на себе испытавших все «прелести» бурно развивающейся индустрии?

В тот раз представители ведомства и горожане так ни о чем и не договорились. Природоохранные службы города и области отказались дать согласие на размещение завода в Павлодаре.

Мы коротко сообщили читателям о состоявшейся в редакции встрече и о том, что микробиологи сами изложат в газете свою позицию по проблеме БВК, а мы, в свою очередь, расскажем о результатах поездки в Новополоцк и Кириши, сообщим о многочисленных ответах на наши прежние публикации.

Но далее стали происходить труднообъяснимые вещи. Когда оба материала - микробиологов и журналиста (каждый размером с газетную полосу) были подготовлены к печати, с публикацией их нам ненавязчиво было рекомендовано обождать. Собственно, прямого запрета не было, но намекалось на недо-

вольство «в верхах», на то, что обо всей этой истории неодоб- рительно отзываются в Алма-Ате.

Город между тем обуревали страсти. Газету заваливали письмами-протестами, не умолкали редакционные телефоны. На волне протеста против завода БВК в Павлодаре возникла инициативная группа, в которую вошли инженеры, учителя, рабочие, врачи. В городе гуляли слухи один нелепее другого. А газета молчала. Мы, разумеется, понимали ущербность такой позиции, но на все попытки «пробить» публикации следовало неизменное: «Надо обождать...»

Дождались. Вместо нас 22 декабря выступила «Казахстанская правда». О содержании корреспонденции можно было судить по заголовку - «Страсти вокруг БВК. Как экологическое невежество и природоохранное бездействие встали на пути технического прогресса». «Что же за напасть, так пугающая павлодарцев, скрывается за тремя буквами БВК?» - спрашивал корреспондент. И тут же отвечал: «Да ничего особенного. Обыкновенный порошок с довольно приятным хлебным запахом...» (ох, уж этот хлебный запах, не дающий покоя журналистам и кочующий время от времени из публикации в публикацию. Сам в цехах образцово-показательного Новополоцкого завода нанюхался вдоволь - терпеть и вправду можно, но надо иметь чрезвычайно богатое воображение, чтобы те ароматы принять за «довольно приятный хлебный запах» - Ю. П.)

Кратко содержание объемистого материала сводилось к следующему. Строительство крайне нужного республике, во всех отношениях замечательного предприятия тормозится несознательными горожанами и некоторыми должностными лицами. В этом повинна и областная газета, неверно выбравшая позицию по освещению общей экологической проблемы Павлодара. Борьбу с существующими нарушителями природоохранного законодательства она подменила борьбой против будущего завода, являющего собой новую ступень развития научно-технического прогресса. «Произошло, таким образом, своеобразное смещение пропагандистского удара».

Отдадим должное автору, он хорошо потрудились: его корреспонденция была убедительно, хорошо аргументирована, в ней последовательно излагались все возможные «за», отмечались, как несуществующие, возможные «против» завода. И еще неизвестно, как бы развернулись события потом, если бы в тот самый день на ту же тему не выступила «Комсомольская правда». Корреспонденция называлась «Предел допустимого». Начиналась она так: «5 июня 1987 года делегат XX съезда ВЛКСМ Павел Лихачев решил начать борьбу за спасение своего города». От чего же намеревался спасти Павлодар молодой рабочий? Да все от того же самого - завода БВК, за право которого на жизнь так боролась «Казахстанская правда». В свой отпуск Лихачев отправился в Кириши, нашел представителей местной инициативной группы и привез с собой магнитофонные записи выступлений на митингах, встречах общественности с руководителями биохимического завода, бесед со специалистами-медиками. Раз у них дело дошло до остановки завода, где гарантия, что наш, павлодарский, будет другим, - задавался он резонным вопросом. Досье против завода БВК стало пополняться новыми материалами. Удалось раздобыть иностранный журнал, где сообщалось, что в Италии министерство здравоохранения еще в середине 70-х годов запретило продажу протеина (главного компонента БВК) на внутреннем рынке... Всё это было изложено в публикации «Комсомолки».

Бедные павлодарцы! Кому же они, в конце концов, должны были верить: республиканской газете, представлявшей будущий завод безгрешным экологическим агнцем, или центральной, нарисовавшей портрет потенциального экологического монстра? Все правильно: жители города обрушили на газеты, партийные, советские инстанции новый шквал писем, требовавших поставить заслон ведомственному диктату.

Нет худа без добра. Так и здесь две противоречащие друг другу публикации сыграли в чем-то и положительную роль. Здравый смысл возобладал «в верхах»: стало ясно - дозировать гласность в этом случае уже не удастся. Скоро появились две долгожданные страницы и в «Звезде Прииртышья».

Микробиологи в своем материале подробно обосновывали народно-хозяйственное значение производства БВК, рассказывали о его медико-биологических испытаниях, о мерах по обеспечению экологической безопасности, о технических решениях, предлагаемых для Павлодарского завода. И хотя речь идет о скучных материалах, их точка зрения должна быть изложена и в этой статье. Читатель вправе составить собственное мнение о предмете спора.

В публикации микробиологов приводился факт: ежегодно в стране скармливается скоту в несбалансированном по белку виде около 80 миллионов тонн фуражного зерна, при этом перерасходуется против обоснованных норм 20 миллионов, или каждая четвертая тонна. Чтобы иметь сбалансированный рацион, надо добавлять в корма белковые добавки - рыбную и мясокостную муку, сухое молоко, сою (в виде муки или сиропа). Но беда в том, что ресурсы белковых добавок животного происхождения у нас крайне ограничены, и пополнять их нечем. Что же до сои и других высокобелковых культур, то их не позволяют получать в требуемом количестве географические и климатические условия. Таким образом, утверждали представители отрасли, восполнить белковый дефицит без производства микробного кормового белка невозможно. Именно поэтому за последние 15 лет в стране были построены восемь крупнотоннажных заводов кормовых дрожжей из Н-парафинов нефти, которые обеспечивают производство около миллиона тонн в год микробного белка паприна (паприн - торговое название БВК). Это природный концентрат белка, характеризующегося высокой биологической ценностью. По своему составу он близок к кормовым добавкам животного происхождения и превосходит по содержанию белка и незаменимых аминокислот такие ценные добавки, как соевый шрот и сухое обезжиренное молоко. Кроме того, белковый концентрат богат витаминами группы В и содержит все необходимые для животных микроорганизмы и минеральные вещества. Одна тонна концентрата позволяет экономить 5-7 тонн фуражного зерна. Производство это высоко рентабельное, быстро себя окупает. СССР продает БВК Чехословакии, Польше, Кубе, ГДР.

БВК, для человека. Приводились учеными и материалы об эффективности использования концентрата в хозяйствах страны.

В разделе, посвященном обеспечению экологической безопасности производства кормового микробного белка, авторы признавали: в прошлом, когда пылегазоочистные устройства на заводах по выпуску БВК были несовершенны, в Волгограде и Киришах (в 1975-1976 годах) регистрировались вспышки бронхоаллергозов, причиной которых стали значительные выбросы в атмосферу активных компонентов паприна. Но как только об этом стало известно, были определены пороговые концентрации этих веществ в воздухе, абсолютно безвредные для человека, и на их основе установлены нормы предельно-допустимых концентраций пыли БВК и клеток гриба-продуцента в рабочей зоне и за ее пределами. В соответствии с этим совершенствовались и пылегазоочистные системы на заводах отрасли - «сухая» одноступенчатая очистка повсеместно заменена «мокрой» двух- или трехступенчатой. Они обеспечивают соблюдение норм ПДК, и при этом не регистрируется повышение первичной заболеваемости бронхоаллергозами. Теперь же, после Киришских инцидентов, разработаны и внедряются принципиально новые системы очистки, практически полностью исключая попадание белка и живой клетки дрожжей в атмосферу.

Что касается Павлодарского завода БВК, то там будет именно такое природоохранное оборудование. Вкупе с усовершенствованной технологией оно сделает производство бессточным и безвыбросным. Но и это не все. Как уже упоминалось, на охрану окружающей среды направляется более 30 миллионов рублей. Будут финансированы (за счет завода) мероприятия по уменьшению вредных выбросов действующей ТЭЦ-3 - на 40 тысяч тонн в год. Завод готов использовать в качестве дополнительного топлива отходящие газы нефтеперерабатывающего завода, которые сегодня «за так» сгорают на факелах, отравляя при этом атмосферу.

Таким образом, заключали ученые, строительство завода БВК в Павлодаре не только не приведет к повышению общей

загрязненности атмосферного воздуха, а наоборот, позволит улучшить экологическую обстановку в городе.

Статью (она, напоминая, заняла целую страницу) предваряла врезка с критикой в адрес газеты, в выступлениях которой «поставлена под сомнение экономическая и научная целесообразность производства и применения кормовых дрожжей БВК в сельском хозяйстве, а также целесообразность размещения одного из заводов БВК в Павлодаре. Все эти вопросы рассмотрены крайне тенденциозно с использованием в качестве аргументов устаревших и в большинстве случаев просто недостоверных данных, что приводит к дезинформации читателей и не дает правильного направления в формировании общественного мнения».

Что же конкретно нам ставилось в вину? В первую очередь то, что мы назвали неверную цифру предполагаемых валовых выбросов вредных веществ Павлодарским заводом БВК - выше 12 тысяч тонн в год. Эта цифра взята, мол, из старого проекта, на самом деле был согласован новый его вариант - уже на шесть тысяч тонн, но и он устарел, так как самые последние проектные решения гарантируют выброс заводом всего 544 тонны вредных веществ в год. Что ж, можно было только порадоваться такой оперативности проектировщиков (меньше чем за год трижды усовершенствовали проект!), их горячему стремлению сделать предприятие максимально безвредным. Но дело в том, что ни авторам нашей публикации, ни специалистам, с которыми они встречались, кроме первой цифры нечем было оперировать - нового проекта в то время просто не существовало, как не было его и к моменту выступления в газете микробиологов. Сказанное полностью относится и к характеристике системы очистки - мы описывали ту, что предполагалась в проекте, новая же в то время только рождалась на Киришском БХЗ.

Общее недовольство представителей ведомства вызвал обзор читательских писем и особое возмущение то из них, где ставился вопрос: как влияет БВК на животных, на качество продукции и на людей, употребляющих ее в пищу, не является ли эта кормовая добавка вредной? Доктор биологических наук

Н.Б. Градова считает этот вопрос крайне несвоевременным и кощунственным. Что тут сказать?

В обзоре мы сочли своим долгом специально оговориться, что не разделяем иных крайне эмоциональных выводов, звучащих в читательских письмах, редакционное заключение как раз и призывало горожан не давать воли эмоциям, предостерегало от ненужных ажиотажа и скоропалительных заключений. Наконец, обзор не случайно был назван «Завод БВК: слово за специалистами». Но мы считали при этом, что и читатели, жители города, где должен строиться завод, имеют право высказать свою точку зрения. Даже если она спорна, даже если неправильна. Как же иначе жить в условиях демократии и гласности?

Теперь о наших вопросах, которые оставлены учеными без ответа. Напомним самые существенные из них.

Почему игнорируется то обстоятельство, что Павлодар уже перегружен вредными в экологическом отношении производствами? Не случайно ведь он внесен в число городов, где постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР ограничено новое промышленное строительство.

Почему будущий завод БВК берется, так сказать, в чистом виде, учитываются только его предполагаемые выбросы? Ведь северная промзона Павлодара - это еще и нефтеперерабатывающий, химический, тракторный, картонно-рубероидный заводы, ТЭЦ-3. Здесь уровень загрязнения от действующих предприятий превышает предельно допустимые концентрации по сероводороду, углеводороду, сернистому газу, хлористому водороду, хлору, пыли. Как быть с этим «букетом»?

- Болезнь нужно лечить по диагнозу, - отвечал на этот вопрос, будучи в Павлодаре, заместитель министра медицинской и микробиологической промышленности М.М. Соболев, - приведите в норму выбросы на действующих предприятиях.

Пожелание насколько верное, настолько в ближайшие годы вряд ли осуществимое. Почему приходится заострять на этом внимание? Да потому, что никто не сможет отрицать возможности суммарного воздействия химических и биологических выбросов. Первые провоцируют агрессивное воздействие вторых,

говорил при встрече с нами, павлодарцами, главный санитарный врач Киришей А.П. Пудяков. Заместитель главного санитарного врача Ленинградской области Л. С. Фонарев подчеркивал: «Химические выбросы «готовят почву» для действия белковых выбросов, первые для последних своего рода пусковой механизм». Это мнение разделяет и побывавший в нашей поездке заместитель главного врача областной санэпидстанции Ю.С. Калинин. Выходит, этот самый пусковой механизм у нас давно действует?

И еще. На встречах в Павлодаре микробиологи не раз заявляли: технико-экономический расчет на строительство нового завода согласован со всеми природоохранными организациями. О чем, мол, еще спорить?

Послушаем, что говорят по этому поводу сами представители этих организаций, ответившие на публикации газеты.

Заместитель министра здравоохранения, главный государственный санитарный врач Казахской ССР Я.А. Клебанов: «По проектным данным, количественные показатели выбросов загрязняющих веществ непосредственно самого предприятия (Павлодарского завода БВК - Ю. П.) после прохождения трехступенчатой системы газоочистки удовлетворяют санитарным нормативам. Однако предлагаемые установки не апробированы до настоящего времени в условиях эксплуатации на предприятиях подобного рода.

Согласно сообщениям Минздрава СССР, по результатам исследований, проводившихся Горьковским, Уфимским НИИ гигиены труда и профзаболеваний, заводы БВК в городах Котово, Кириши, Светлый Яр загрязняют окружающую среду белой пылью.

Среди жителей селитебных зон Киришского и Светлоярского заводов БВК отмечены вспышки заболеваний аллергозами дыхательных путей. В этой связи вызывает опасение, что принятая в проекте степень очистки будет соблюдаться. Экспертное заключение о безопасности влияния завода на окружающую среду отсутствует.

Учитывая изложенное и руководствуясь постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об ограничении промыш-

ленного строительства в крупных городах», Минздрав Казахской ССР считает нецелесообразным строительство завода БВК в Павлодаре».

Ответ республиканского управления по гидрометеорологии и контролю природной среды, подписанный и.о. начальника управления С.А. Родионовым, приводим в более краткой форме, поскольку в нем приводятся в основном те же самые аргументы: «В настоящее время уровень загрязнения атмосферного воздуха в Павлодаре по ряду ингредиентов превышает санитарные нормативы. Причиной тому явился несбалансированный рост промышленного потенциала... Казахское УГСС считает невозможным строительство завода по производству БВК в северном промузле Павлодара».

Начальник управления нормирования выбросов в природную среду Госкомгидромета СССР В.П. Антонов: «Проект строительства завода органами Госкомгидромета СССР отклонен от согласования по ряду причин».

Большинство из них - уже известные нам, поэтому опускаем их. Цитируем ответ далее: «Мероприятия по снижению выбросов вредных веществ, предусмотренные проектом на строительство завода БВК в г. Павлодаре, являются недостаточными... предлагаемая установка (улавливания вредных выбросов - Ю. П.) в эксплуатации не опробована и гарантии ее надежности пока отсутствуют».

Единодушно отказали Минмедбиопрому СССР в размещении завода в Павлодаре и все областные природоохранные службы. Как же после всего этого относиться к утверждениям микробиологов о том, что редакция была крайне тенденциозна, дезинформировала читателей, или, выходит, права только одна сторона - Медбиопром, а все остальные заблуждаются?

Тут, собственно, можно было и закончить разговор, но, как мне кажется, споры о БВК давно высветили и ряд других проблем - уже не столько технологических, сколько нравственных, общечеловеческих. В самом деле: в условиях расширяющейся демократии и гласности люди заявили о своем праве участвовать в решении вопроса о том, быть или не быть новому производству в их родном городе. Как отнестись к этому? Наверное, ра-

доваться надо! Но - нет: дают о себе знать старые подходы, идут в ход знакомые приемы. Читатели бьют тревогу? Откуда они могут знать, что хорошо, что плохо в таком тонком деле, как биотехнология? Они ведь не специалисты! Действует инициативная группа? А по какому праву она вмешивается в это дело, кто разрешил? И вот уже навешиваются ярлыки: «экологическое невежество», группа «зеленых», «дезориентация общественного мнения». Хотя хорошо известно, чем оборачиваются технократический диктат, да и иные индустриальные новации - за них подчас приходится расплачиваться именно человеческим здоровьем.

Надо ли всякий раз хлопать в ладоши, если какое-то ведомство, создавая новое производство, обещает при этом всевозможные блага - жилье, объекты соцкультбыта, дороги и тому подобное? Во-первых, для самого же производства все это и требуется, во-вторых, нередко о таких обещаниях забывают (вспомним Экибастуз, тракторный завод) и, в-третьих, надо еще посмотреть, что это будет за производство: может быть, оно принесет природе столько вреда, что никакими благами не окупить. Технический прогресс неостановим, как неизбежно и наше вмешательство в природу. Но ведь и здесь нужно действовать по принципу: семь раз отмерь - один раз отрежь.

Микробиологи заверяют, что с пуском завода экологическая ситуация в Павлодаре не ухудшится, а даже улучшится. Они намерены выделить деньги на реконструкцию золоулавливающих установок ТЗЦ-3, использовать для своих нужд загрязняющую окружающую среду факелы нефтеперерабатывающего завода. Желание, что и говорить, похвальное. Да и как будто какая разница, кто выделит деньги и кто будет делать - главное, чтобы воздух был чище. Но справедливо ли: почему микробиологи должны решать проблемы энергетиков и нефтепереработчиков? И вряд ли тут можно принять в качестве аргумента то, что у двух последних ведомств нет денег на это. В конце концов, деньги микробиологов тоже наши, народные. А раз так, то пусть, наверное, каждый несет свой чемодан - сам решает проблемы, которые породил, иначе появится новая форма иждивенчества.

Теперь о самом заводе БВК. Замечу прежде всего, что ни в одной из публикаций мы не ставили вопрос о его целесообразности вообще. Хотя, честно говоря, мне, неспециалисту, совершенно непонятно, почему США и Бразилия могут обеспечивать собой не только себя, но и все развитые капиталистические страны, а мы даже самих себя не можем? Что это, кофе или бананы? Почему капиталисты (эти империалистические акулы, даже сою использующие для оказания давления на страны-импортеры) при любом удобном случае стараются сберечь такой невосполнимый сырьевой энергетический источник как нефть, а мы поступаем наоборот? И не только в случае с кормовым белком...

Не будем драматизировать ситуацию, представляя новое производство таким монстром, бедствием сродни чуме или холере. Но и упрощать ее не следует.

Именно поэтому, писали мы в газете, отвечая микробиологам, надо убрать строительную площадку завода БВК из северного промрайона и отнести ее на безопасное расстояние от Павлодара, или подобрать предприятию другое место. Микробиологи уверяют: есть безотходная, экологически чистая технология, опробованная в Киришах. Специалисты, контролирующие состояние природной среды, пока в этом не убеждены. Они считают, что далеко не совершенна сама методика определения количества белковых выбросов. И потом, пробы берутся лишь несколько раз в сутки, а чтобы иметь абсолютно достоверную картину, необходимо оснастить производство автоматической, постоянно действующей системой контроля за выбросами. Этого же нет ни на одном предприятии отрасли, и тем не менее уже после реконструкции Киришского завода, которым так гордятся микробиологи, главный санитарный врач Киришей А.П. Пудяков вновь выносил постановление о приостановке завода как раз по той причине, что в атмосфере обнаруживался его белок.

Медики говорят: при соблюдении норм ПДК деятельность предприятий этого профиля не вызывает повышения заболеваемости. Но ведь если даже выбросов мало, это не значит для природы, а тем более для человека - несущественно. Особенно в нашем городе с явно неблагоприятным экологическим фоном.

Сразу после выхода публикаций (они появились одна за другой) на редакцию обрушился новый шквал звонков, писем, посещений. Были отклики трогательные и смешные, доброжелательные и сердитые, аргументированные и чисто эмоциональные. Кто-то просто считал своим долгом выразить поддержку редакции. Как написала «простой житель Павлодара» Ольга Георгиевна Бенуа: «Держитесь, рыцари пера! Население города с вами». Кто-то собирал подписи и приносил их в редакцию. Тут все рекорды побил представительница тракторного завода, доставившая фолиант из десятков развернутых тетрадных листков в клеточку. На них было более пяти тысяч фамилий - каждая с указанием цеха и домашнего адреса. «Когда же вы успели собрать столько?», - поразился я. «В обеденный перерыв, утром приходила пораньше, иногда после работы задерживалась...» (Почти 15 лет прошло с тех пор, а я лишь недавно передал в областной архив этот вне всякого сомнения самый массовый отклик на выступление газеты за всю ее историю - Ю. П.)

Кому-то казалось, что мы недостаточно решительно даем отпор микробиологам, которых следовало просто-напросто «заклеймить». Кто-то, прочитав страницу ученых и не дождавшись нашей, которая была объявлена в том же номере, а вышла в следующем, отправил на редакцию жалобу в журнал «Журналист»: плохо отстаиваем интересы города, кому попало предоставляем свои страницы...

Пошел записывать старшего сына в больницу, на столике в коридоре два листа; первый, как и положено, «больничный», на втором призыв: «Мы все, кому дорога судьба родного города, протестуем против строительства завода БВК...» И список из нескольких десятков фамилий.

Пришел на родительское собрание ко второму сыну-второкласснику - заставили держать отчет о том, как редакция борется против завода БВК. Рассказал о поездке, сослался на публикации, но когда заметил, что в таком сложном деле торопиться не следует - осудили... Тут же стали собирать подписи.

Один из активистов инициативной группы раздобыл мой домашний телефон, позвонил ночью, и, не удовлетворившись разъяс-

нениями, тоном, не предвещавшим ничего хорошего, заявил: «Ну что ж, мы пойдем другим путем - будем готовить митинг».

Ситуация в прямом смысле складывалась взрывоопасная. На телевизионной передаче, организованной по инициативе журналистов и микробиологов, дело доходило чуть ли не до рукопашной. Дискуссия временами превращалась в перепалку, случалось, шли в ход явные натяжки, сомнительные аргументы. Тяжело пришлось микробиологам под перекрестным огнем критики, острых вопросов, а подчас и некорректных выпадов. После передачи было много звонков и к нам в редакцию, мнения и оценки высказывались разные, но звучало и такое: почему журналисты позволяют ученым морочить нам головы, почему их не заклеямили?

Но позвольте: на то и дискуссия, чтобы каждый имел возможность высказать свою точку зрения. Выходит, микробиологов надо было лишить такого права? Но какая же это будет демократия? Мне ваши взгляды отвратительны, говорил Вольтер, но я готов пожертвовать жизнью, чтобы вы могли их высказать. Похоже, мы и сегодня еще далеко не усвоили основы основ демократии, которые были ясны французскому философу более двух веков назад. Во всяком случае, дальше подготовительного класса в школе демократии не ушли.

Пришлось нам выступать еще раз с разъяснением своей позиции: да, мы против размещения завода БВК в северной зоне Павлодара, мы высказали своим сомнения относительно проектных решений, и у нас есть на то основание. Но значит ли это, что редакция против биотехнологии вообще? Ни в коем случае! Научные проблемы пусть решают ученые.

...Спустя несколько недель в газете была опубликована заметка, всего в несколько строк: «Совет Министров Казахской ССР поддержал решение Павлодарского облисполкома о невозможности размещения завода БВК в городе Павлодаре...»

Это была победа. Победа нового мышления, победа заявившего о своих правах общественного мнения, победа здравого смысла над технократическим диктатом, над всемогущим аппаратом, привыкшим самолично решать вся и всё...

Вот такая история - со счастливым, можно сказать, исходом. Хотя, как оказалось, законченной ее считать рано.

Проблема Века?

Признаюсь, даже после того, как было принято решение отказать Минмедбиопрому в строительстве завода БВК в нашем городе, меня не переставали одолевать сомнения. Не получилось ли так, что, отстаивая действительно благое дело, мы, вольно или невольно, нанесли ущерб передовой отрасли производства, легли бревном на пути технического прогресса. Ведь новые заводы БВК проектируются и строятся и в других регионах страны, где экологическая ситуация не лучше, чем у нас; и если павлодарцы «зарубили» свой завод, кто же при нашей сегодняшней всеинформированности даст «добро» на размещение его у себя?

Я продолжал следить за всеми публикациями на эту тему. А недостатка в них не было. Так или иначе о проблемах биотехнологии, и, в частности, БВК только в течение 1988 и первых месяцев 1989 года писали «Правда», «Известия», «Сельская жизнь», «Комсомольская правда», «Социалистическая индустрия», «Строительная газета», «Медицинская газета», «Московские новости», журнал «Советский Союз», «Человек и закон», «ЭКО», «Пионер»(!). Это только центральные издания, а ведь были публикации в республиканских, областных, многотиражных газетах. Несколько передач этим проблемам посвятило центральное телевидение, по ним снимались документальные фильмы... Не уверен, что назвал всех - просто материалы перечисленных изданий есть в моем далеко не самом полном досье. Едва ли какая другая проблема, за исключением разве что переброски стока северных рек на юг, удостоивалась такого пристального внимания средств массовой информации, общественности, ученого мира и вызывала такие яростные споры. Точки зрения, как правило, высказываются полярные, исключаящие какой бы то ни было компромисс.

Камня на камне не оставляла от Кременчугского завода БВК «Сельская жизнь» («Третье сожжение Камышей», 26.02.1988 г.). «Первую очередь завода мощностью 120 тысяч тонн концент-

рата в год закончили в 1984 году... Забили тревогу местные жители, жалобы которых сводились к одному: дышать нечем! Дальше - больше. Специалисты комбикормовой промышленности вдруг объявили, что белок, производимый на парафинах, плох по качеству... Забеспокоились и экономисты. Искусственный белок в 5-7 раз дороже природного, из гороха и люцерны... Завод оказался непомерно прожорливым. На производство 120 тысяч тонн БВК он ежегодно расходует 50 миллионов кубических метров природного газа, 570 миллионов киловатт-часов электроэнергии, что равно ежегодному потреблению колхозами и совхозами Полтавской области... В развитых капиталистических странах к производству искусственного белка подходят очень осторожно... В Италии, например, ряду кампаний отказано в разрешении производить микробные препараты на уже построенных предприятиях. В Японии общественным мнением фактически заблокированы все попытки по организации производства микробного белка на углеводородных средах... Остается предположить, что специалисты Минмедбиопрома СССР либо не обладают достаточной компетенцией, либо сознательно злоупотребляют доверчивостью неспециалистов...» В этой статье газета решительно протестует против строительства второй очереди завода БВК в Кременчуге.

«Комсомольская правда» («Бомба почтальона Васильева», 15.03.1988 г.) вновь возвращалась к событиям в Киришах. Руководитель местной инициативной группы В. Васильев знакомит журналиста со своим досье на биохимзавод - называются хозяйства, где отмечался падеж скота, вызванный применением кормовых дрожжей этого предприятия. Приводится телефонограмма Ленинградского облагпрома, данная в хозяйства: «Запретить впредь скармливать свинопоголовую комбикорма с применением БВК...» Только за год хозяйства области отказались от двух тысяч тонн белково-витаминного концентрата, а это почти пятая часть выделенных фондов. Газета приводила множество других примеров отрицательного влияния кормов с применением БВК на организм животных.

Примерно в это же время со страниц «Медицинской газеты» («Как нам дальше жить и работать?», 23.03.1988 г.) совет трудового коллектива Киришского биохимзавода обращается к Министру здравоохранения СССР Е.И. Чазову, Председателю Госагропрома СССР В.С. Мураховскому, Министру медицинской и микробиологической промышленности В.А. Быкову с открытым письмом. И людей можно понять. Вот уже больше года завод как на вулкане. Он был остановлен на реконструкцию, что позволило значительно усовершенствовать технологию, особенно ее природоохранную часть. Но в городе создалась нездоровая психологическая обстановка. Биохимиков обвиняют во всех смертных грехах, поэтому они и просят трех министров внести ясность в ситуацию, которая сложилась вокруг производства БВК в Киришах и распространилась на другие города, где расположены подобные предприятия.

В разговор включается «Правда» («На чем мы спотыкаемся, или о психологических порогах на пути технических новшеств», 16.04.1988 г.). Газета решительно высказывается за ускоренное развитие биотехнологии. «...Наука сумела с малопродуктивных... полей перенести получение дефицитного природного продукта в заводские цехи... Новые заводы позволили сбалансировать по белку 20 миллионов тонн комбикормов... В противоречие вступили уровень технологии и уровень мышления... К сожалению, страсти подогрели недостаточно выверенные выступления в печати и по телевидению... Когда речь идет об охране природы, нет водораздела - страдающие «мы» и зловерные «они». Все мы, каждый по-своему, ответственные перед землей и природой. И пути решения надо искать не в отрицании технического прогресса, а в умелом, культурном и грамотном использовании его достижений».

Вновь возвращается к теме «Комсомольская правда» («Аллергия», 10.06.1988 г.). Она печатает ответ Минмедбиопрома, опровергавший упоминавшуюся корреспонденцию «Бомба почтальона Васильева», и материалы состоявшегося в редакции круглого стола ученых и специалистов по проблемам производства БВК. Споры продолжались шесть часов. Мнения резко раз-

делились. Одна группа специалистов выступила за концентрат, другая - против. Кто из них прав? По мнению газеты, на этот вопрос должна ответить независимая экспертиза, за проведение которой высказались многие участники разговора.

«Московские новости» публикуют интервью с министром медицинской и микробиологической промышленности СССР В. А. Быковым («Министерство и пресса: почему осложнились отношения», 24.07.1988).

Около десяти городов страны отказали министерству в строительстве его предприятий, сообщает газета. «Важнейшая часть нашей работы - развитие биотехнологии - заторможена выступлениями в печати и реакцией на них, - сетует министр... - Наверное, есть наша вина в том, что мы раньше не популяризировали биотехнологию, не разъясняли, что она дает. Но сейчас мы попросили крупнейших ученых дать в печати эти пояснения. По нашим подсчетам, газеты получили около 30 таких статей. И ни одна не опубликована... Ну давайте вместо того, чтобы вдвое и втрое наращивать выпуск кормового белка, остановимся и «назад к лаптям...»

Учитывая обостренный интерес к этой проблеме общественности, ученых, средств массовой информации, Академия наук СССР, Госкомитеты СССР по науке и технике, агропромышленный и по народному образованию, Минмедбиопром СССР провели Всесоюзную конференцию «Получение и применение микробного кормового белка». В ней приняли участие ученые, специалисты сельского хозяйства, руководители действующих и строящихся предприятий по выпуску кормового белка, представители средств массовой информации. «Строительная газета» («Что ж, поглядим на зарубеж», 26.08.1988) пишет: «Среди 11 академиков и членов-корреспондентов, 60 докторов и 140 кандидатов наук были и те, кто выступал «за» применение микробного белка в народном хозяйстве (а значит, за расширение микробиологической промышленности) и те, кто был настроен категорически «против». Цитируются некоторые выступления. Академик ВАСХНИЛ В. Фисинин: «Полностью решить проблему обеспечения скота и птицы белком растительного и живот-

ного происхождения не представляется возможным... Поэтому просто необходимы в кормовых рационах для животных и птицы продукты микробиологической промышленности...» Заместитель директора института питания АМН СССР, доктор медицинских наук, профессор В. Тутельян: «При сбалансированном применении в составе комбикормов БВК абсолютно безвреден, и мы даем стопроцентную, даже двухсотпроцентную гарантию этого...» Директор института микробиологии АН СССР, академик И. Иванов: «Без выпуска кормового микробного белка не может быть решена продовольственная проблема».

Иная точка зрения у доктора медицинских наук из Института эволюционной физиологии и биохимии В. Бреслера: микробный белок вызывает негативное воздействие на организм человека. В. Есиновский, врач из Киришей, выйдя на трибуну, заявил: увеличилось число заболевших аллергией и бронхиальной астмой, имеются случаи детской смертности из-за выбросов местного биохимзавода.

Нет ни малейшей возможности даже вкратце изложить содержание всех публикаций на эту тему. Поэтому остановлюсь только еще на двух, потому что они освещают знакомую проблему с несколько иных точек зрения. Журнал «ЭКО» («Социальное благо и явное зло», №11, 1988) выступает против применения БВК в животноводстве, против строительства новых заводов по его производству и предлагает альтернативные пути решения проблемы кормового белка. Это - резкое расширение посевов богатых белком сельскохозяйственных культур и переход к безотходной технологии в пищевой и обрабатывающей промышленности. Так, страны с развитым сельским хозяйством наращивают производство рапса, а у нас задание продовольственной программы по его сбору сорвано. В 1986 году его было собрано в 12 раз меньше, чем в соседней Польше. Такое же плачевное состояние с другой белковой культурой - соей, ее мы собрали в 1987 году 712 тысяч тонн, в 80 раз меньше, чем в США, где за счет соевого шрота удовлетворяется до 70 процентов потребности животноводства в белковых кормах.

Не полностью используются и другие источники получения кормового белка - мясокостная мука, концентрат мясного бульона, образующийся в больших количествах на мясокомбинатах и т.д. Микробиологи же рекомендуют БВК и только БВК как панацею...

Доктор фармацевтических наук, профессор И. Ажгихин на страницах «Социалистической индустрии» («Куда скачет кентавр?», 10.01.1989) задается вопросом: «О чем думали создатели Минмедбиопрома СССР - этого бюрократического кентавра, поручая ему производство кормов для скота и лекарств для людей?..» Нельзя в одной упряжке держать быка и трепетную лань. Специалисты давно предлагали разработку и производство кормов передать Госагропрому, а лекарств - Минздраву...»

Вот такой плюрализм. Как относиться ко всей этой многоголосице? Как тут разобраться несведущему читателю, если даже в ученом мире явно прослеживается непримиримость позиций? И на чьей стороне правда в этом споре, которому не видно ни конца ни края?

У меня нет простого однозначного ответа на эти вопросы. Более или менее ясно одно: именно гласность и демократия дали возможность, наверное, впервые за последние десятилетия провести открытую общественную экспертизу целого направления в науке, промышленной технологии, призванной решить важнейшую проблему нашего времени. И это представляется мне самым значительным в жаркой, все еще продолжающейся полемике. Вместе с тем в ней нельзя не заметить печати застойных времен с одной стороны и примет «детской болезни левизны» с другой. В самом деле: только ли поисками истины, стремлением к ней были продиктованы некоторые из перечисленных публикаций? Стремление во что бы то ни стало доказать свою исключительную правоту, неумение и открытое нежелание слушать и слышать оппонента, стремление заклеить его, заданность и схематизм, как это ни горько сознавать, во многом характеризуют уровень нашего мышления, а подчас и нашу полнейшую неготовность к острым дискуссиям. Культуре полемики нам еще учиться и учиться.

Ни в коей мере не собираюсь представлять безгрешной в этом плане свою областную газету. Но какой пример преподают провинциальным журналистам коллеги из республиканской и центральной газет, если в один и тот же день первая обвиняет нас в том, что мы не способствовали утихомириванию страстей, сместили направление пропагандистского удара (одна военизированная терминологии чего стоит!), а вторая иронизирует по поводу публикации нами здравиц в честь завода БВК?

В те дни, когда в Павлодаре работала группа центрального телевидения, в областной газете были опубликованы материалы с четко выраженной позицией редакции по поводу строительства нового завода. И вот спустя какое-то время смотрим передачу. В начале ее сказано о газете, что она в «голубых и розовых тонах» подавала строительство завода БВК. В завершение же в дикторском тексте цитируется целый абзац из другого материала, где позиция газеты, видимо, импонирует журналистам ЦТ. Говорю «видимо», потому что никакой ссылки на газету при этом уже не делается. Откуда появится у журналистов уважение к мнению оппонентов из какого-то там Минмедбиопрома, если даже своих коллег можно «критикнуть» просто так, походя?

Иные публикации от первой до последней строки пронизаны схематизмом и заданностью. Отсюда многочисленные натяжки, передержки, охотное нанизывание лежащих в схему «за» и отсекание негодных «против». Или наоборот. Некоторые статьи имеют явной целью загнать противоборствующую сторону в угол, скомпрометировать, непременно заклеить. Но ведь такое уже было! И мы до сих пор пожинаем горькие плоды такой оголтелой критики.

Так что же, может быть, зря затевали дискуссию? Пусть бы разбирались в этих сложных вопросах ученые и специалисты... Думаю, нет. Они нужны нам, эти непростые и во многом противоречивые уроки демократии. И хорошо, если мы начинаем понимать, что демократия - не дама, приятная во всех отношениях, что она требует к себе весьма уважительного, если не сказать осторожного, обращения. И учиться этому никогда и никому не поздно. Тем более, что история, о которой идет речь, еще

не окончена. Как раз в то время, когда писались эти строки, «Комсомольская правда» («Против течения», 17.01.1989) сообщила: в Ленинграде по иску трудового коллектива Киришского биохимзавода состоялся судебный процесс над документальным фильмом «Против течения», рассказавшем о Киришской драме. Народный суд вынес решение в иске отказать. «Средства массовой информации вправе ставить любые проблемы из жизни страны и со всей остротой выносить их на суд читателей и зрителей», - такое частное определение в защиту гласности вынесли народные заседатели.

Спустя несколько недель ряд центральных газет дает новый «залп» по Минмедбиопрому. «Труд», «Медицинская газета», «Комсомольская правда» рассказывают о трагедии (другое слово тут подобрать трудно), постигшей город Ангарск Иркутской области. За несколько дней сотни его жителей обратились в больницы с жалобами на удушье, заболевания верхних дыхательных путей. В чем причина? Научно-исследовательская группа ленинградских ученых во главе с профессором Б. Антоновым пришла к однозначному выводу: «Групповое заболевание в городе Ангарске в период с 18 по 23 октября 1988 года вызвано поступлением в органы дыхания белково-витаминных концентратов». Работавшие здесь же сотрудники Уфимского НИИ гигиены труда и профзаболеваний менее категоричны. Они считают, что причиной возникновения ситуации является массовое воздействие вредных химических веществ... Однако пусковым фактором, вызвавшим вспышку бронхоаллергозов, по их мнению, стали выбросы завода БВК.

Разумеется, все выше сказанное начисто отрицается администрацией Ангарского завода, представителями Минмедбиопрома СССР и отраслевой науки: критика предприятия огульна, так как оно работает в нормальном режиме, и его выбросы не превышают установленных ПДК... Между тем страсти в городе накалились до предела. Появились экстремистские лозунги типа «Долой БВК - банду убийц». Представительница завода на полном серьезе заявила корреспонденту: она и ее коллеги не

сомневаются в существовании заговора против микробиологической промышленности.

Надо отдать должное «Медицинской газете» («Ангарск: под знаком беды», 29.01.1989), она старается быть максимально объективной, давая возможность высказаться всем, кто имеет хоть какое-то отношение к проблеме. И тем не менее газета констатирует в редакционной комментарии, что полной ясности в этих вопросах как не было, так и нет. Аграрники убеждают, что без кормового белка нам не прожить, следовательно, производство БВК надо наращивать. Представители общественности и некоторые медики утверждают, что при ныне действующей технологии это производство экологически опасно. Руководители Минмедбиопрома и отраслевые науки изо всех сил доказывают обратное.

* * *

Прошло еще два года. Распался Советский Союз. И проблема, так занимавшая столько людей, на долгие времена стала неактуальной...

Май 1987 года - март 1989 года.

Павлодар - Новополюк - Ленинград - Кириши - Павлодар.

Павлодарское Прииртышье: край, устремленный в будущее

Северо-восток Казахстана, срединное течение Иртыша... Здесь встречаются Казахстан и Сибирь. Это - Павлодарская область, Павлодарское Прииртышье.

Четыре с лишним сотни километров с юга на север и чуть поменьше с запада на восток... Около 125 тысяч квадратных километров, на которых вполне бы уместилось среднее по размерам территории европейское государство. Соседи на северо-востоке - Омская, Новосибирская области и Алтайский край России, на юге и юго-западе - Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Акмолинская и Северо-Казахстанская области Казахстана. На северо-востоке - студеное дыхание Сибири, на юго-западе - горячие казахстанские ветры. Зимой морозы под сорок градусов, летом - под сорок жара.

Этот край - край контрастов. Здешняя природа скромна и щедра одновременно. Большая часть территории Павлодарского Прииртышья - ровные неоглядные степи, где легко и привольно дышится, где просторно взгляду, а душе радостно. На севере - уголок лесостепи с застенчивыми березовыми колками. На юго-востоке сосновый Чалдайский ленточный бор - многовековой и загадочный: говорят, он повторяет извивы могучей реки, некогда протекающей в этих местах.

О гористо-лесном Баянауле вообще лучше говорить стихами. По одной из легенд у Создателя после раздачи природных щедрот всем краям и землям осталось еще понемножку всего самого лучшего, и он почему-то решил наградить этим богатством именно Баянаул.

Редко где встретишь такое природное многообразие, как в Павлодарском Прииртышье. Одних озер больше тысячи, в том числе около ста - пресных.

Почти 800 километров «накручивает» по территории области, прокладывая свое русло, древний Иртыш - голубая дорога, связывающая область с Западной Сибирью. Уникальна и щедра

его пойма, раскинувшаяся на 370 тысячах гектаров. Пойма - это заливные луга - естественный древний инкубатор. Здесь, на мелководье, под лучами весеннего солнца проклевывается из икринок несметное количество рыбной молоди. Пойма - неисчерпаемый источник кормов, редчайший природный комплекс с неповторимой фауной и флорой.

Таков этот край - неброский и яркий, суровый и благодатный.

* * *

Достоверно установлено: человек на территории, занимаемой нынешней областью, появился еще в эпоху палеолита (древнекаменного века). Подтверждение тому - находки каменных орудий, кремниевых наконечников стрел и копий. Эти экспонаты, а также многочисленные свидетельства других древних эпох, собраны в областном историко-краеведческом музее. Часть этого наследия принадлежала сакским племенам - одним из предков нынешних казахов. Затем здесь кочевали кимаки, усунь, канглы, найманы. Находки, характеризующие их кочевой быт, датируются XII-XIII веками.

Несколько лет назад в районе села Лебяжье, у подножия обрывистого берега Иртыша, археологи обнаружили галечные орудия древнего человека вместе с костями животных, вымерших более полутора миллиона лет назад. Помимо всего прочего, эти находки - свидетельство в пользу гипотезы о Центрально-Азиатском происхождении человечества.

Первые русские проникли на территорию Прииртышья в XVI веке - они приходили к Ямыш-озеру за солью. В XVIII веке по приказу российского царя Петра Первого строятся казачьи крепости на Иртыше - Ямышевская, Железинская и другие, а между ними поселения - форпосты. В том числе Коряковский форпост, с которого в 1720 году начинается история города Павлодара. Неподалеку от форпоста было два соленых озера, о которых в одной из книг того времени сказано: «Вода в озере столь прозрачная, что до дна видать можно, а соль эта зело чиста, аки снег, аки лед янец, солка вельми и сладка».

В 1731 году произошло присоединение Казахстана к России. У многих ученых, деловых людей возникает интерес к неизведанным землям. Активно развивается торговля, налаживается быстрый и выгодный обмен товарами со степняками.

Долгое время основной «промышленной» отраслью в этом краю оставалась соледобыча. Работали на ней главным образом местные казахи, труд этот был неимоверно тяжелым. Потом возникли производства, связанные с переработкой животноводческого сырья. Полукустарные цеха варили мыло и пиво, топили сало. Много было ветряных мельниц. В конце XIX века в Экибастузе было организовано Воскресенское горнопромышленное общество, которое занялось добычей каменного угля. Работали здесь казахи, русские, пленные, каторжники. Образ жизни, быт, условия труда степняков того времени запечатлел павлодарский фотограф и краевед Д.П. Багаев.

Казахское население издревле кочевало со своим скотом по здешним привольным просторам. Две волны крестьян-переселенцев из России и Украины (в конце XIX века и начале минувшего) принесли сюда навыки земледелия - переселенцы пахали землю, растили хлеб, овощи, разводили сады.

Так здесь, на стыке Казахстана с Россией, происходило соприкосновение двух народов. В истории их взаимоотношений случалось всякое - и хорошее, и плохое. В значительной мере благодаря России казахский народ сохранил себя как этнос в жестокой борьбе с воинственными джунгарами. Была и колонизация - притеснение казахов царской администрацией. Но было и главное - мирное соседство простых людей, товарный обмен, взаимовыручка, взаимовлияние культур и обычаев.

В годы Советской власти судьбы двух народов переплелись еще теснее в великой социальной трагедии насильственной коллективизации и политики принудительного «ускоренного оседания коренного населения» (перевода казахов с кочевого на оседлый образ жизни). Печальные результаты обоих великих экспериментов хорошо известны.

В годы второй мировой войны, помимо собственной воли, пополнили население нашего края немцы, чеченцы, ингуши, представители других репрессированных народов.

культурными центрами. Их в области немало: славянский культурный центр, общество немцев «Возрождение», товарищество украинской культуры имени Т.Г. Шевченко, лига женщин-мусульманок, корейский культурный центр, еврейский национальный центр «Мерказ», общество поляков «Полония», чувашский общественно-культурный центр, армянское общество «Айреник», чечено-ингушский, татаро-башкирский, азербайджанский и белорусский, греческий, болгарский национально-культурные центры.

Привычным для павлодарцев стало участие национально-культурных центров в общегосударственных праздниках, массовых гуляниях. По инициативе совета Малой ассамблеи народов ежегодно проходят областные фестивали национальных культур.

Мы давно поняли - наше богатство и наша сила как раз в том, что мы такие разные, и мы умеем этим достоянием дорожить.

* * *

Уже больше пяти лет в Павлодаре работает школа национального возрождения. Это уникальное учебное заведение, аналогов которому нет ни в Казахстане, ни в других странах СНГ. Главное назначение школы национального возрождения - сохранение и развитие языков, культур, обычаев этнических групп, проживающих в городе и области.

Свои классы в этой школе имеют немецкий, украинский, азербайджанский, чувашский, корейский, польский, еврейский, чечено-ингушский, армянский, татарский национальные центры. Занятия ведутся дифференцированно для разных возрастных групп, по авторским программам, адаптированным к конкретным условиям.

Преподаватели - местные и зарубежные. Они обучают свыше пятисот человек, среди которых и дети, и взрослые. В расписании занятий - не только родной язык, но также история народа, музыка, хореография. Оформлены в национальном стиле десять кабинетов, оборудованы удобные актальный и танцевальный залы, приобретены необходимые технические средства, учебно-методическая литература.

Школа национального возрождения живет интересной и насыщенной жизнью, это гордость не только Павлодарской области, но и всей республики.

* * *

Один из путешественников, побывавший в здешних местах в конце девятнадцатого века, написал, что он не видел ничего более однообразного и унылого, чем павлодарская степь.

Вряд ли с этим согласятся те, кто живет здесь... Для тех, кто способен понимать и ценить степь, она прекрасна во все времена года.

Хорошо оказаться в степи весной, на исходе мая, ранним утром... Зеленый ковер трав, земной простор до самого горизонта... Голубой купол неба... Внятный запах полыни... Песня невидимого в небе жаворонка... Найдется ли человек, чью душу не тронет этот неброский, радующий взор пейзаж.

Умытая быстрым дождем июньская степь ходит под утренним ветром волнами и лоснится, как круп молодой сытой кобылицы.

Осенняя степь, особенно в погожие дни, дышит спокойствием и умиротворением... Самая земная из всех земных картин - хлеб от горизонта до горизонта... Всюду, куда хватает взгляда, хлеб, хлеб, хлеб... Где еще такое увидишь!

Полна очарования и тайны скованная морозом зимняя степь, когда над ней курится поземка, и когда в ней так гармонируют, дополняя друг друга, цвет снега и прошлогодней травы.

* * *

Каких только трав не встретишь в павлодарской степи! Весной зацветают подснежники, одуванчики, ромашки и маки. К лету набирает силу разнотравье: сон-трава, таволга, полыни всех видов; зацветет ковыль; на солонцах растут свои травы, их так и называют - «солеросы»... Удивительно богата разнотравьем лесостепь, где к середине лета поспевают в низинках и на опушках березовых колков дикая степная земляника, с ароматом и вкусом которой не сравнится никакая другая ягода. А еще березовые колки богаты шиповником и грибами. Любители «тихой охоты» зна-

ют, что в березово-осиновых колках водятся до десятка видов съедобных грибов: от простодушной сыроежки до франта подошиновика и важного своей статью белого гриба; от изящной лисички и скромного валуя до настоящего сырого груздя, особо ценимого у самых взыскательных грибников. Чалдайский сосновый бор после обильных летних дождей усеян маслятами.

Не всякий художник способен передать красоту цветущей Иртышской поймы, когда травы встают в рост человека. Специалисты насчитывают здесь одних лекарственных растений больше сорока видов. (Кстати говоря, есть сведения, что в начале прошлого века заготовка лекарственных растений в этих краях была поставлена довольно широко. Только целебного корня солодки припасалось ежегодно до полтысячи и более пудов. Затем он поставлялся в Англию, США и другие страны).

Иртышская пойма издревле кормила животных и птиц и, конечно, человека: здесь настоящее изобилие шиповника и калины, ежевики, щавеля, черемухи, съедобных грибов.

* * *

Столь же многообразен животный мир области. Десятки видов млекопитающих и хищников, полтора десятка видов рыб, свыше сотни - птиц. Кроме распространенных повсеместно зайцев, лисиц, встречаются два вида волка. Иногда в домах казахов, убранных в национальном стиле, можно встретить шкуру лесного волка с длинным, темным и мягким мехом. В отличие от своего лесного брата, степной волк отличается более скромными размерами и более светлым грубым мехом. В последние годы волков в области расплодилось так много, что за их отстрел охотникам выплачивают вознаграждение.

На севере области иногда можно встретить ценных пушных зверьков - выдру, колонка, ласку, степного хорька. Водятся и барсуки, у которых особо ценен не только мех, но и жир, обладающий целебными свойствами. Многие озера облюбовала ондатра.

Из других экзотических хищников в Чалдайском бору и в Баянаульских горах можно встретить рысь. В Чалдае же изредка попадаются почти полностью истребленные лоси и маралы, в Баянауле, если вам повезет, вы можете издали полюбоваться

архаром... А в лесостепи еще сохранились грациозные косули, которых местные жители именуют дикими козами.

Больше стало в последние годы традиционных жителей древней степи - коршунов и беркутов. В сосновом бору и в Баянауле снова появились красавцы тетерева-косачи... А прижившиеся в Павлодаре сосны облюбовали остроносые дятлы.

Все это - в дополнение к многочисленным прочим видам пернатых, всегда обитавших на территории края... А еще павлодарское Прииртышье - извечная трасса для десятков видов перелетных птиц. Предвестники весны - скворцы (не только они) каждую весну прилетают сюда вить гнезда, выводить птенцов, чтобы затем отправится в свой многотысячекилометровый путь обратно. А другие птицы только останавливаются здесь, чтобы сделать передышку, подкормиться, нагулять жиру... Это многочисленные водоплавающие, журавли и десятки прочих видов птиц.

«Князь птиц и рыб - беглец зеленоводый» - написал об Иртыше поэт Павел Васильев. Когда-то так и было. Теперь рыбные запасы реки сильно оскудели, но даже в наши дни в Иртыше еще встречаются осетр и стерлядь... А какой-то век назад мороженых осетров возили зимой по санному пути в Омск на лошадях - осетры были размером с небольшие укороченные бревна. Водятся в Иртыше редкие нельма и налим, традиционные язь, щука, судак. В степных и пойменных озерах и прудах изобилие карася и карпа, той же щуки, во всех водоемах - чебака. В последнее время рыба в области перестала быть дефицитом.

* * *

Большую часть территории области занимает степная равнина, которую казахи издревле образно называли Сары-арка - Золотая степь. Вероятно, имелось ввиду и то обстоятельство, что на этой местности большую часть года преобладает золотисто-желтый цвет... Но со временем заявил о себе и первоначальный смысл названия - эта неброская с виду и далеко не самая плодородная земля таит в себе немыслимо огромные богатства.

По подсчетам специалистов, общая стоимость балансовых запасов твердых полезных ископаемых Павлодарского Приир-

тышья оценивается в 460 миллиардов долларов. Это уголь и самые разные металлы, включая золото, строительные материалы и многое другое. Часть месторождений давно и успешно разрабатывается, на остальных ведутся дополнительные геологоразведочные работы, уточняются реальные объемы полезных ископаемых, условия добычи.

В Павлодарской области сосредоточено более трети всех угольных запасов Казахстана. Самые крупные из месторождений - Экибастузское и Майкубенское, которые хранят, соответственно, 10,5 миллиарда и 2,2 миллиарда тонн энергетического сырья.

Перспективны для освоения и девять других месторождений с общим запасом угля около трех миллиардов тонн.

Особенность большинства всех этих месторождений в том, что уголь в них залегает неглубоко, местами его пласты выходят прямо на поверхность земли. Поэтому добывается он экономичным открытым способом. За первые полвека освоения Экибастузского бассейна добыто свыше двух миллиардов тонн угля. Имеющихся разведанных объемов хватит не на одно столетие.

Подготовлено к освоению крупнейшее медно-порфировое месторождение «Бощекуль». Руды здесь залегают близко от поверхности земли и содержат в промышленной концентрации не только медь, но и молибден, серебро, другие ценнейшие металлы. А общие запасы меди во всех месторождениях составляют три с половиной миллиона тонн.

Почти в 150 тонн оцениваются прогнозные запасы месторождений золота, которые, кроме этого драгоценного металла, также содержат серебро, медь, цинк, барит.

Месторождения кобальта и никеля оцениваются, по прогнозам, в 14 тысяч и 251 тысячу тонн, марганца - в 70 тысяч тонн. Важнейшая особенность рудных запасов края - их многокомпонентный состав: кроме основных названных металлов, они содержат молибден, бериллий, индий, таллий, галлий, кадмий, германий, селен, теллур...

Найдены в области месторождения малахита и бирюзы. Некоторые специалисты считают, что есть реальные предпосылки для обнаружения технических и ювелирных алмазов.

Нет пока в Павлодарском Прииртышье открытых месторождений нефти и газа. Но это, похоже, лишь дело времени. Почти половину территории области занимает Прииртышская впадина, которую геологи считают перспективной на огромные запасы углеводородного сырья. Прогнозные ресурсы нефти оцениваются в 315 миллионов тонн, а газа - в 148 миллиардов кубических метров.

А еще в области насчитывается 89 месторождений так называемых общераспространенных полезных ископаемых: это сырье для производства различных строительных материалов, для нужд промышленности и для других целей. Так, например, Карасорское месторождение формовочных песков - крупнейшее в СНГ. Примерно 700 миллионов тонн ценнейшего сырья хранит Сухановское месторождение каолиновых (беложгущихся) огнеупорных глин.

И это еще далеко не все богатства. Интерес для деловых, предприимчивых людей могут представлять гигантские запасы вторичных ресурсов: отвалы вскрышных пород в Экибастузе и Майкубене, «хвосты» золотосодержащих руд в Майкаине, горы шлака и золы - отходы мощных тепловых электростанций.

* * *

Наш край не обделен водными ресурсами. Иртыш - крупнейшая водная артерия Казахстана. Объем его годового стока - около ста тысяч кубических километров в год. Иртыш - великий труженик. Трудно даже перечислить все профессии реки. Иртыш - животновод, хлебороб, овощевод, его воды поят посевы. Но есть у Иртыша и рабочие специальности - он энергетик, металлург, машиностроитель, угольщик, без него остановились бы целые отрасли.

Иртыш связывает павлодарцев с казахстанскими и сибирскими соседями, по реке вверх и вниз снуют баржи с грузами - песком и гравием, лесом и нефтепродуктами.

Значение Иртыша для области огромно. Уже не одно десятилетие Иртыш поит своей водой еще и Экибастуз, Караганду, Жезказган. Это стало возможным благодаря строительству канала Иртыш-Караганда.

Он не имеет аналогов. Его протяженность - более 500 километров. Почти весь этот путь иртышская вода течет в гору, преодолевая водораздел в полкилометра высотой. Вверх «по ступеням» иртышскую воду гонят 22 насосные станции. Без канала невозможно было бы развитие угледобычи и энергетики в Экибастузе, черной металлургии в Караганде. Он также снабжает питьевой водой население этих городов и многих других поселков и сел, орошает десятки тысяч гектаров пашни. На пути канала созданы два водохранилища. Из Караганды иртышская вода по 700-километровому водоводу поступает в Жезказган.

Очень скоро иртышская вода придет в Астану. Специальный «рукав», взяв начало на канале, доставит его воду в новую столицу Казахстана, а Иртыш будет подпитывать свой приток Ишим. Сразу в это трудно поверить, но это так - оригинальный замысел авторов проекта уже осуществляется.

В Павлодарской области насчитывается 1200 больших и малых озер. Около сотни из них - пресные, а остальные соленые... Огромные пресные не озера даже, а моря обнаружены под землей. На территории области разведано одиннадцать месторождений подземных вод с эксплуатационными запасами 3,8 миллиона кубических метров в сутки. И почти все эти гигантские природные резервуары пригодны для питья и орошения. Используется же сегодня лишь три процента этого бесценного богатства.

Есть у нас и источники лечебно-питьевых и минеральных вод. Далеко за пределами области известны чудодейственные целебные свойства грязей и рапы озера Мойылды, где уже более полувека действует санаторий с одноименным названием.

* * *

Выгодное географическое положение области, обилие полезных ископаемых способствовали созданию здесь мощной индустрии. По своему экономическому потенциалу Павлодарская область занимает одно из ведущих мест в Казахстане. Вспомним лишь о некоторых вехах в развитии промышленности.

В 1899 году основаны в Павлодаре судоремонтные мастерские.

В 1920-1921 годах в город проведена железная дорога.

В 1930 году в Павлодар прилетел первый самолет.

В январе 1938 года принято решение о создании Павлодарской области.

В 1949 году построен железнодорожный мост через Иртыш.

В 1953 году пришел первый поезд из Акмолинска. Начата эксплуатация железной дороги Павлодар-Акмолинск.

В 1954 году началось освоение целинных земель, открыто Павлодарское отделение железной дороги.

С 1955 года начинается бурное развитие промышленности в области.

История индустриального Экибастуза берет начало во второй половине XIX века, когда местный рудознатец Косум Пшенбаев открыл здесь угольное месторождение. Уже в 1898 году в этих краях действовали три шахты, была в кратчайшие сроки построена узкоколейная железная дорога до Воскресенской пристани (впоследствии город Ермак, а ныне - Аксу). Работали и другие предприятия. После революции и угольные копи, и заводы были национализированы. Все это хозяйство пришло в упадок, было разрушено.

В 1949 году начинается новая история Экибастуза, связанная в первую очередь с развитием угледобычи.

Начиная с середины пятидесятых годов, немногим более чем за 25 лет, в области сформирован мощный территориально-промышленный комплекс, который по праву считался одним из самых динамично развивающихся в былом Советском Союзе.

За эти годы в Павлодаре были созданы предприятия стройиндустрии, построены алюминиевый и тракторный заводы, три тепловые энергоцентралы, химический, нефтеперерабатывающий заводы, предприятия местной промышленности, аэропорт, речной и железнодорожный вокзалы, многие объекты соцкультбыта.

В городе Аксу (бывший Ермак) была возведена первая в Казахстане Ермаковская тепловая электростанция, построен крупный завод ферросплавов.

В Экибастузе вступил в строй действующих крупнейший в мире угольный разрез «Богатырь» проектной мощностью 50 миллионов тонн угля в год, разрез «Восточный» с уникальной

конвейерной технологией подачи угля на-гора, другие производственные объекты. В Экибастузе на стыке 80-90-х годов добывалось в год до ста миллионов тонн угля. Большая его часть отправляется по железной дороге на тепловые электростанции Казахстана, Сибири, Урала. Подсчитано, что суммарная мощность тепловых электростанций, работающих на экибастузских углях, составляет 20 миллионов киловатт.

В конце 60-х годов решено было создать в Экибастузе топливно-энергетический комплекс: сжигать основную часть добываемого здесь угля в топках тепловых электростанций, а чистую энергию перебрасывать в другие регионы страны. Так неподалеку от Экибастуза появилась одна из крупнейших в бывшем Союзе тепловая станция - ГРЭС-1 с восемью энергоблоками установленной мощностью по 500 мегаватт каждый. На Экибастузской ГРЭС-2 введены два энергоблока, причем, второй - в условиях суверенного Казахстана с участием партнеров из других стран СНГ. Для транспортировки электроэнергии построена уникальная подстанция и линия электропередачи переменного тока напряжением 1150 киловольт.

В том, что бывшее союзное правительство ускоренными темпами развивало в области крупную промышленность, были свои положительные и отрицательные стороны. Хорошо, что аграрный край становился краем индустриальным. Но строили, подчас не думая о последствиях. «Посадив» в области ряд сверхмощных предприятий так называемого союзного значения (металлургия, энергетика, нефтехимия, угледобыча), не подумали о том, как это скажется на экологии региона. А она испытывала и продолжает испытывать запредельные нагрузки - и по части выбросов в атмосферу вредных веществ, и по части загрязнения другими отходами производства.

Экологические проблемы довольно остро стоят в городах области. Но не только в них. Десятилетия на юге Павлодарского Прииртышья гремели смертоносные ядерные взрывы. Значительной своей частью Семипалатинский ядерный полигон располагался на землях Павлодарской области. Жители многих сел Майского, Лебяжинского районов не раз воочию наблюдали, как

встает в степи зловещий черный гриб атомного взрыва. Полигон десять лет назад закрыт Указом Президента Н.А. Назарбаева. Но последствия остаются: болеют люди, отравлена земля, понадобятся многие годы, чтобы залечить нанесенные природе и населению раны.

Бывшие «союзные» предприятия - жертвы гигантомании - первыми испытали на себе последствия развала Советского Союза - разрыв экономических связей, потерю прежних партнеров и рынков сбыта. Многим производствам из-за этого пришлось пережить жесточайший кризис, вплоть до вынужденной остановки, другие устояли и продолжают развиваться, приспосабливаясь к новым рыночным реалиям. В целом же промышленный комплекс области остается вполне работоспособным и уверенно смотрит в завтрашний день. На подъеме Павлодарский алюминиевый и Аксуский ферросплавный заводы, прочно стоит на ногах нефтеперерабатывающий, есть перспективы у химического завода. Держат марку экибастузские угольщики и энергетики всего региона.

Павлодарская область дает сегодня более половины республиканской добычи угля, около половины электроэнергии, весь глинозем, 60 процентов ферросплавов.

Павлодарский алюминиевый завод - не только одно из крупнейших предприятий цветной металлургии СНГ, но еще и своего рода эталон по уровню технологии и качеству продукции. Попутно извлекаемый из руды галлий этого же предприятия имеет высочайшую степень чистоты, алюминиевый завод производит несколько десятков тонн галлия в год. Его покупают Япония, США, страны Западной Европы, так как галлий незаменим в энергетике с использованием солнечных батарей, в лазерной, электронной, космической технике.

Международная торговая палата в Амстердаме признала ферросилиций, выпускаемый Аксуским заводом ферросплавов, лучшим в мире.

Павлодарский нефтеперерабатывающий известен тем, что здесь в свое время достигли самой глубокой переработки сырья во всем СНГ.

И этот список можно продолжить.

Область располагает крупнейшим в СНГ отделением железной дороги, современным аэропортом, уже принимавшим и грузовые «тяжеловесы» ИЛ-76 и элегантные «Боинги». В регионе разветвленная сеть автомобильных дорог, крупный грузовой и пассажирский речные порты. В числе первых в Казахстане область внедрила сотовую телефонную связь.

Реалии рыночной экономики уверенно входят в повседневную жизнь области. Большинство предприятий сменило форму собственности - они стали акционерными обществами, предприятия с частной и смешанной собственностью. Активно развивается малый и средний бизнес, больше стало совместных предприятий.

Казахстан сегодня стремится к быстрой интеграции в мировое сообщество, в мировую экономику. У Павлодарской области есть для этого все необходимое: богатые природные ресурсы, высокий промышленный и кадровый потенциал, стабильная общественно-политическая обстановка, национальное согласие. И не удивительно, что многие иностранные партнеры обращают свой взор на наш регион.

Общий объем внешнеторгового оборота предприятий области составляет свыше одного миллиарда долларов США. Экспортные поставки осуществляют два с лишним десятка предприятий. Это ферросплавы и глинозем, уголь и нефтепродукты, химическая и другая продукция... География экспортных поставок - страны СНГ, десятки государств дальнего зарубежья. Ведущим торговым партнером области по-прежнему остается Россия, на долю которой приходится больше всего экспортно-импортных поставок.

* * *

Павлодарская область - край не только индустриальный, но и аграрный. Коренные жители - казахи - веками кочевали на здешних раздольных, богатых травами землях с табунами лошадей, отарами овец, разводили верблюдов. Сохранились свидетельства о том, что один из баянаульских баев владел лишь конскими табунами в 25 тысяч голов.

Переселенцы из России занимались земледелием: выращивали пшеницу и просо, сажали огороды, закладывали сады. Казачество, помимо земледелия и скотоводства, промышляло рыбной ловлей.

Традиционный сельский уклад жизни перенес в двадцатом веке два мощных потрясения - послереволюционную коллективизацию и связанную с ней политику «оседания» коренного населения (перевод его с кочевого и полукочевого на оседлый образ жизни), а также освоение целинных и залежных земель.

Целина была очередным великим штурмом со всеми вытекающими последствиями. Один за одним в Павлодар шли эшелоны: из Алма-Аты, Москвы, Орла, Тулы, Донбасса, Ставрополя, Ленинграда, Ярославля, Львова, Волгограда, с Урала... Энтузиазм у людей был необычайный. Уже весной 1954 года в области было распахано свыше миллиона новых земель, на четверть больше, чем планировалось.

Целина, конечно, имела для жизни края огромное значение - она преобразила его. В области выросли десятки новых крупных совхозов, изменился к лучшему быт в прежних селах, началось бурное развитие промышленности. Но вместе с тем сплошная массовая распашка легких по механическому составу почв, погоня за валом привели к ветровой эрозии земель. На укрощение ее ушли многие годы. В числе тех, кто лечил землю, был ныне покойный Г.Г. Берестовский, агроном божьей милостью, лауреат Ленинской премии, один из авторов почвозащитной системы земледелия на целине.

В результате целинного штурма традиционно преобладающее в области степное скотоводство было решительно потеснено в пользу зернового хозяйства. Причем, далеко не везде оправдано, и сейчас этот перекос приходится выправлять.

Что же собой представляет агропромышленный комплекс сегодня?

В области было 27 колхозов и 131 совхоз. Теперь их нет, бывшие государственные хозяйства сменили форму собственности - стали акционерными обществами, частными крестьянскими и другими хозяйствами. Крупнейшие из них - товарище-

ство с ограниченной ответственностью имени Абая в Иртышском районе, производственные кооперативы имени Кирова в Павлодарском и «Победа» - в Щербактинском, «Вимель-2030» в Железинском районе.

Традиционно считалось, что Павлодарская область входит в так называемую зону рискованного земледелия: здешние земли особым плодородием не отличаются, недостает и осадков, которых выпадает в год от 200 до 350 миллиметров. Область сегодня имеет площади зерновых около полумиллиона гектаров.

Главная продовольственная культура - пшеница, сеют ее в основном на севере и севере-востоке области, где почва плодороднее. Урожай, как правило, невелики, но на паровых полях в лучшие годы здешние земледельцы-агрономы М.И. Трусков, В.С. Петрушкин, бригадир Т.В. Волков и другие собирали по 30-35 центнеров с гектара. Павлодарская пшеница особо ценится из-за высокого содержания клейковины, выращиваемые здесь сильные и твердые ее сорта используются в качестве улучшителя муки, получаемой из зерна обычных мягких пшениц. Твердые сорта пшеницы - незаменимое сырье для макарон.

Издавна возделываются на территории области крупяные культуры - гречиха и просо. Область - крупнейший производитель гречки и пшена в Казахстане. Были времена, когда в Павлодарской области размещалось почти 12 процентов гречишно-го поля всего Советского Союза.

Павлодарское Прииртышье с его почти идеально ровными земельными массивами, огромными запасами пресной воды располагает уникальными возможностями для развития орошаемого земледелия. Крупные оросительные системы действовали во многих хозяйствах области, использующих для полива воды Иртыша, канала Иртыш-Караганда, а также подземную влагу из артезианских скважин. Уникальный опыт применения подземных вод для полива был накоплен в колхозе имени Я. Геринга. Уже четверть с лишним века Иртыш поит своей водой поля Черноярки - главного огорода Павлодара. Общая площадь поливных земель в области составляла в свое время около 80 тысяч гектаров. Сейчас их гораздо меньше, но оросительные системы вос-

становливаются, и орошаемая пашня возрождается к жизни. На поливе выращиваются картофель, овощи, бахчевые культуры.

В большинстве районов области ведущая отрасль - животноводство: молочное и мясное скотоводство, табунное коневодство, свиноводство. В ряде хозяйств сформировано высокопродуктивное молочное стадо. В госплемзаводе «Бескарагайский» выведена ценная порода тонкорунных овец - североказахский меринос. Они отличаются высокой шерстной продуктивностью, хорошо приспособлены к суровым местным климатическим условиям.

Аграрный сектор области переживает сейчас нелегкие времена. Но реформы идут и здесь. Пересмотрена с учетом реалий рынка и здравого смысла структура посевных площадей и специализация хозяйств, создаются новые производства и отрасли. Селяне - производители продукции стали акционерами перерабатывающих предприятий - мясокомбинатов, элеваторов и хлебоприемных пунктов, молочных заводов. Создаются компактные перерабатывающие предприятия в сельской глубинке, местах производства продукции. Построены и действуют сотни таких объектов - мельницы и пекарни, сыродельные и колбасные цеха, цеха по выработке подсолнечного масла, мороженого, кондитерских изделий.

В области разработана и осуществляется программа развития сельского хозяйства. В соответствии с ней аграрный сектор только в 2002 году получил около миллиарда тенге кредитных ресурсов на льготных условиях. Это позволило расширить площади посевов зерновых, улучшить семеноводство, получить отличный урожай, которого не было со времени освоения целины.

Ощутимы сдвиги в животноводстве, где ставка делается на развитие племенного дела, создание крупных молочно-товарных ферм, укрепление традиционных для региона овцеводства и коневодства.

Очень многие горожане с охотой работают на своих дачных участках, выращивая на них не только картофель и овощи, но и клубнику, малину, смородину, вишню, облепиху, крыжовник, бахчевые культуры, разные сорта яблок и даже виноград.

Не вызывает сомнений тот факт, что область всегда будет в состоянии себя прокормить. Она также может экспортировать сельскохозяйственную продукцию.

* * *

«Мой Павлодар, мой город ястребиный...» Это строки из стихотворения нашего земляка, талантливейшего поэта Павла Васильева, сына двух культур - русской и казахской... Строки, известные теперь едва ли не каждому павлодарцу.

А начинался Павлодар с Коряковского форпоста, одного из звеньев укрепленной военизированной казачьей линии, создаваемой Россией по указу Петра I в начале XVIII века вдоль Иртыша. Его появлению здесь способствовало соседство озера, богатого поваренной солью. Добычу и транспортировку ее по Иртышу организовал местный купец Коряков, чьим именем и был назван форпост. Форпост стоял на правом высоком берегу Иртыша, окруженный деревянным частоколом и вооруженный двумя пушками, которые, впрочем, за все время его существования не сделали ни одного выстрела.

Выросшее здесь поселение преобразовывается по мере развития сначала в станицу Коряковскую, а в 1861 году, в честь рождения у царя Александра Второго сына Павла, в заштатный город Павлодар.

С 1848 года на почтовом тракте Павлодар-Каркаралы, при пикете Куянды, ежегодно проходила ярмарка. Куяндинская ярмарка длилась месяц - с 15 июня по 15 июля. По совершаемому обороту она могла потягаться со знаменитой Нижегородской ярмаркой и имела громадное значение для хозяйственного развития северной и центральной части Казахстана. На ярмарку ехали купцы из Центральной России, Средней Азии, Афганистана, Китая...

В 1868 году Павлодар стал уездным центром Семипалатинской области, еще через четыре года сюда была проведена телеграфная связь. Затем были основаны судоремонтные мастерские, построена первая мельница. А еще в начале нашего века в

Павлодаре и его окрестностях насчитывалось свыше 80 ветряных мельниц.

Центральная часть города застраивалась купеческими особняками, ближе к пристани размещались торговые ряды, лабазы, склады. Открылись городской банк, школы, училища, две православные церкви, мечеть.

Во время пожара 1901 года преимущественно деревянный Павлодар полностью выгорел.

Революция и гражданская война оставили свои кровавые следы в Павлодаре. Власть в городе и в округе не раз переходила из рук в руки, от красных к белым и наоборот, из-за чего погибло немало людей.

В первые два с лишним десятилетия Советской власти Павлодар был типичным провинциальным городишком - одноэтажным, почти без зелени, летом его улицы заносило песком, зимой заваливало снегом.

Когда Павлодар стал центром созданной в Казахстане области, его население (по переписи 1938 года) составляло 29 тысяч человек.

После Великой Отечественной войны начинается бурная индустриализация края. В Павлодаре, Экибастузе, Ермаке (ныне Аксу) строятся предприятия энергетики, металлургии, угледобычи, машиностроения, нефтехимии. Разворачивается крупное жилищное строительство.

Люди, определяющие в свое время градостроительную политику в Павлодаре, позаботились о том, чтобы он стал современным красивым городом. План генеральной застройки павлодарцам помогали разрабатывать ленинградские архитекторы. И хотя в Павлодаре, как и в большинстве других казахстанских городов, преобладало типовое домостроение, у него есть и свои особые черты. Он компактен, просторен и светел, многие его улицы - настоящие проспекты. Павлодар расположен так, будто он смотрится в Иртыш.

У каждого из тех, кто живет в этом городе, есть свой Павлодар. Его старожилам так же, как в детстве, а, может, и более того, дороги ничем не приметные уголки старого Затона, уже

давно зажатого жилыми многоэтажками. Кто-то из старых павлодарцев, казалось, еще вчера бегал играть в такой родной и такой уютный Ленпарк, а теперь водит туда гулять своих внуков, замечая, как похорошел в последнее время старый знакомец.

Молодежи по душе скорее новый Павлодар с его новой Набережной, аттракционами на Иртыше, летними кафе и ночными клубами, которые появляются как грибы после июльского дождя.

Гусиный перелет старые павлодарцы по-прежнему ласково именуют «Гусинкой», а совсем рядом взметнулась ввысь, гостеприимно раскрыв ладони, гостиница «Сарыарка».

Индустриальная поступь Павлодара отмечена не только появлением промышленных гигантов, но и рождением нового, «другого» города. Он строился именно как город, рос не по дням, а по часам, засматриваясь на себя по утрам в гладкие воды Иртыша, как в зеркало, и будто радуясь происходившим в себе отрадным переменам.

Как трудно приживались в Павлодаре первые сосны! А теперь они уже дают первый подрост - вернейший признак того, что это прихотливое дерево поселилось в городе надолго, а, может, навсегда. Озеленение Павлодара на целые десятилетия стало делом всех горожан, о павлодарских «чистых пятницах» знала вся страна, и сегодня все горожане - и стар, и млад - по праву могут гордиться зеленым ожерельем областного центра, его чистотой. Немногие из городов Казахстана и соседних областных центров России способны соперничать с Павлодаром по числу и многообразию цветников и фонтанов.

А как пришелся к лицу сегодняшнему Павлодару величественный златоглавый Благовещенский кафедральный собор, который строили воистину всем миром! И теперь кажется, что он стоял тут всегда. Горожане любят приходить сюда в одиночку и семьями, приводить своих гостей и друзей из других городов.

Восточную окраину Павлодара уже не один год украшает католический храм. А на открытие синагоги съехались гости со всех концов света.

За считанные месяцы выросла в самом центре города главная мусульманская мечеть имени Машхура Жусупа - уникальное архитектурное сооружение, подобного которому нет в Ка-

захстане. Одновременно она может принять полторы тысячи верующих. Высота купола мечети - 54 метра, а каждого из четырех минаретов - 63 метра. Уникален купол мечети, сконструированный в виде шанырака - верхней части юрты, древнего жилища казахов, дошедшего до наших дней. Отныне культовое сооружение, радующее своими строго выверенными очертаниями душу каждого мусульманина, стало и одной из главных достопримечательностей Павлодара.

А как гордятся горожане новой Набережной! Равной по красоте не встретишь на всем течении Иртыша - от Усть-Каменогорска до Омска. И если у каждого жителя Павлодара есть свой город, то Набережная в нем, конечно, для всех. Это любимейшее место отдыха, прогулок, праздников, а еще оригинальный, демократичный и очень вместительный концертный зал, способный принять сразу десятки тысяч зрителей.

Добавил очарования Набережной и появившийся здесь недавно новый большой оригинальный фонтан, построенный по индивидуальному проекту.

Уютно в Павлодаре, как в родном Баянауле, вечно юному Султанмахмуту Торайгырову, запечатленному в металле на пересечении двух центральных улиц города.

К достопримечательностям Павлодара по праву можно отнести областной историко-краеведческий музей имени Г.Н. Потанина и литературный музей имени Бухар-Жирау. Одним из основателей первого был Д.П. Багаев, краевед, автор уникальной фотолетописи края, «собиратель» его истории. В разделах музея имени Бухар-Жирау представлено творчество казахских и русских писателей, поэтов, акынов, большинство из которых в рекомендациях не нуждаются - Султанмахмута Торайгырова, Музафара Алимбаева, Дихана Абилова, Жаяу Мусы, Сабита Донентаева, Жусупбека Аймаутова, Исы Байзакова и других. Есть разделы, посвященные Всеволоду Иванову, Павлу Васильеву, Антону Сорокину. Здесь же книги наших современников Мубарака Жаманбалинова, Сергея Шевченко, Калмухана Исабаева, Виктора Семерьянова, Виктора Бутова, Ольги Григорьевой.

На одной из тихих улочек в старой части города уютно расположился дом-музей Павла Васильева, выстроенный из чалдайской сосны на месте прежнего дома Васильевых, простоявшего здесь целый век.

Павел Васильев посвятил Павлодару, всему Прииртышью немало замечательных строк. Как никто другой он смог передать в своих стихах и лихую казачью удаль, и звон домбры, и вихревую скачку горячих скакунов... Все это он жадно впитывал с детства и сумел запечатлеть. В Павлодаре стали традиционными Васильевские чтения.

Сохранился в городе старый домишко, где когда-то была типография, в которой работал наборщиком будущий известный писатель Всеволод Иванов, друживший с Мухтаром Ауэзовым и Габитом Мусреповым. О своем житье-бытье в станице Лебяжинской, в Павлодаре, в Урлютюбе, о нравах, царивших среди местного населения, он очень ярко рассказал в повести «Факир идет к цирку».

В 1946 году в Павлодаре был открыт областной драматический театр имени Чехова. В биографии его - успешные гастроли в Алма-Ате, Москве, Свердловске, десятках других городов бывшего Союза. И в нынешние трудные времена театр продолжает жить, радовать зрителей своими спектаклями.

Казахский музыкально-драматический театр имени Жусупбека Аймаутова недавно отпраздновал свое десятилетие. Преодолены все сложности организационного периода, сформирована группа талантливых актеров во главе с заслуженным работником культуры режиссером Ерсайном Тапенковым. Среди наиболее удачных постановок этого театра - спектакли «Айман-Шолпан», «Козы Корпеш и Баян-сулу», «Гамлет» и другие. Коллектив театра с большим успехом выступил на международном конкурсе театральных коллективов, который проходил в Турции.

Популярен у павлодарцев художественный музей (музей изобразительного искусства). В свое время здесь прошли выставки выдающихся художников и ученых Николая и Святослава Рерихов, рисунков Нади Рушевой, знаменитой дымковской

игрушки, художественных полотен из уникальной коллекции Невзоровых. В музее регулярно проходят персональные выставки талантливых местных художников Александра Бибина, Галыма Каржасова, Михаила Колмогорова, Виктора Поликарпова, Михаила Бекетова, Кажибека Баймулдина, Валерия Приходько. Картины павлодарских художников давно разошлись по миру - они есть в США, Германии, Франции, Израиле...

Летом 2002 года благодаря поддержке акима области Данияла Ахметова и поэта Евгения Евтушенко в Москве с большим успехом прошла персональная выставка Александра Бибина.

Совсем недавно открылся еще один уникальный музей - второго такого нет не только в Казахстане, но, наверное, и в мире. В этом музее размещена огромная коллекция пластинок, которую всю жизнь собирал музыковед, филолог, профессор Павлодарского университета Наум Григорьевич Шафер. На двадцати с лишним тысячах пластинок собраны все лучшие музыкальные произведения всех времен и народов. И это бесценное богатство служит сегодня городу, и не только ему. А музей так и называется - «Дом Шафера».

Есть в городе филармония, оркестр казахских народных инструментов, здесь много талантливых творческих коллективов.

Павлодар также известен уже упоминавшимся уникальным памятником, который называется «Гусиный перелет». Здесь, в городе, на правом берегу Иртыша московскими учеными Ю.А. Орловым и Е.Д. Шлыгиным проведены раскопки богатейших захоронений останков древних животных так называемой гиппарионовой фауны. В частности, были найдены кости трепалой лошади-гиппариона, жившей 12-14 миллионов лет тому назад, а также других древних животных - носорога-хилотерия, гиены, саблезубого тигра-махайрода, жирафа, черепахи, птиц. Подобного памятника природы в городской черте нет больше нигде в мире...

Среди других достопримечательностей города - дворцы культуры, сохранившиеся архитектурные памятники прошлого, дворец школьников, спортивные комплексы и многие другие объекты.

С Павлодаром связаны имена очень многих выдающихся людей. Здесь были по пути в одну из своих экспедиций Николай и Елена Рерихи. По пути в Семипалатинскую ссылку - Федор Достоевский. Не раз бывал в Павлодаре Чокан Валиханов. Ученый-этнограф Г.Н. Потанин, видные ученые Ш. Чокин и А. Маргулан, самобытный литератор Антон Сорокин, акын-импровизатор Иса Байзаков - они и многие другие яркие, талантливые люди оставили свой след в Павлодаре.

* * *

Павлодарское Прииртышье - регион с давними крепкими спортивными традициями. Футбольный клуб областного центра - неоднократный чемпион Казахстана. В последние годы команда пробует свои силы и в международных турнирах.

Далеко за пределами области и республики знают павлодарских боксеров, борцов разного стиля, шахматистов.

Павлодарская конькобежка Людмила Прокашева - призер Зимних Олимпийских игр в Нагано.

Марафонец Марат Жыланбаев - автор многих спортивных достижений по бегу в экстремальных условиях, вошедших в книгу рекордов Гиннесса. Его так и называют - «Человек, бегущий по планете».

Подрастают новые олимпийцы, которые еще заставят мир говорить о себе.

* * *

Экибастуз - город с более чем сотысячным населением. Здесь отбывал часть своего срока будущий нобелевский лауреат, автор всемирно известной книги «Архипелаг Гулаг» Александр Солженицын. Его повесть «Один день Ивана Денисовича» навеяна именно экибастузскими впечатлениями. До сих пор работает в Экибастузе ТЭЦ, которую строил Солженицын. А спустя некоторое время здесь оказался в ссылке на должности директора этой самой ТЭЦ бывший председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков - один из тех, кто отправлял сво-

их ни в чем не повинных сограждан в лагеря, подобные экибастузскому... Вот какие парадоксы творит история...

В семидесятые-восемидесятые годы Экибастуз узнала все наша бывшая большая страна - за два десятилетия здесь был создан крупнейший в СССР топливно-энергетический комплекс - ЭТЭК. Экибастуз обеспечивал дешевым каменным углем 22 крупные тепловые электростанции Казахстана и России. И сегодня экибастузский уголь идет не только в десятки адресов по республике, но и в Омскую область, на Урал, в другие регионы. Здешнему угольному разрезу «Богатырь» нет равных в мире, работающие на нем роторные экскаваторы имеют производительность до пяти тысяч тонн топлива в час. А всего с начала эксплуатации месторождения в Экибастузе добыто свыше двух миллиардов тонн угля и почти столько же вывезено в отвалы вскрышной породы.

Весь добываемый уголь доставляется потребителям по железной дороге. В Экибастузе действует крупнейший в Казахстане железнодорожный узел, способный отправлять в год до ста миллионов тонн энергетического сырья.

Часть добываемого угля сжигается в топках двух крупных тепловых электростанций. Первая из них ГРЭС-1, где установлено восемь энергоблоков по пятьсот мегаватт каждый, - одна из самых мощных во всем СНГ. Пока ее возможности используются не полностью, поэтому прорабатываются варианты экспорта электроэнергии в другие страны - Китай и Россию. Наши ближайшие соседи и торговые партнеры - омичи уже покупают павлодарскую электроэнергию.

Экибастуз не без основания называют городом угольщиков и энергетиков. Крупнейшие предприятия этих двух отраслей и сегодня действуют эффективно благодаря привлечению инвестиций. В городе есть хороший стадион, большой дворец спорта, работают дворец культуры, филиал университета, другие учебные заведения...

* * *

Город Аксу расположен в трех десятках километров от Павлодара, на левом берегу Иртыша. Его население - около пятидесяти тысяч человек.

Мировую известность имеет расположенный за чертой города Аксуский завод ферросплавов, основная часть продукции которого благодаря своей высокой конкурентоспособности идет на экспорт.

Неподалеку от города находится Аксуская ГРЭС - первенец тепловой энергетики Казахстана. Станция действует уже более четверти века.

Рядом с Аксу возведена головная насосная станция, где берет начало канал Иртыш-Караганда. Его воды поят поля окрестных хозяйств, поставляющих в область и за ее пределы картофель и овощи, а также обеспечивают потребности промышленности и всех жителей Экибастуза.

А еще Аксу известен тем, что сюда пришла железная дорога из Дегелена, что в Семипалатинской области. Эта магистраль построена в короткие сроки, она связала не только Павлодар и Семипалатинск, но целые регионы республики. Значительно сокращены расстояния для доставки грузов по многим направлениям. К новой железной дороге, которая открывает и прямой путь в Китай, присматриваются уже и россияне. Есть новый проект, обещающий большие перспективы - сооружение железнодорожной ветки от Аксу до станции Иртышская в Омской области. При его осуществлении две соседние области будут связаны кратчайшим железнодорожным путем, вдвое сократится расстояние от Экибастуза до Омска, что скажется на стоимости угля...

* * *

Есть такое место в области, куда обязательно захочет вернуться каждый, кто хоть раз там побывал. Это Баянаул - жемчужина Прииртышья, один из живописнейших уголков Казахстана.

Баянаул расположен в 230 километрах от Павлодара, в южной части области... Волнистая степь, древние курганы... И вдруг впереди в легкой дымке, как миражи, возникают синие горы. Они невысоки, но очень своеобразны. Кажется, природа

здесь специально изощрялась, пустив в ход всю свою фантазию. Каких только естественных каменных изваяний не встретишь в Баянаульских горах! Вот округлая гора, напоминающая хлебный каравай - ее так и называют «булка». А неподалеку как будто покачивается на тонкой шее голова «бабы-яги» с хищным крючковатым носом. Казахи образно и точно называют эту скалу «кемпиртас». Есть еще «камень-копье», «конская голова», «скала - голубь» и великое множество других.

Поистине неистощима здесь на выдумки природа.

В горах встречаются гроты самой необычной формы. Кое-где в них можно разглядеть сохранившиеся наскальные рисунки и письмена древнего человека. Их еще называют «писаницы Драверта» - по фамилии ученого П.Л. Драверта, исследовавшего этот край.

Академик А.Х. Маргулан писал: «Больше всего памятников эпохи бронзы сосредоточено в районе Каркаралинских и Баянаульских гор... Найдены совершенной и изящной формы керамические, бронзовые и костяные изделия, которые подтверждают, что... районы были основными очагами бронзовой культуры Центрального Казахстана».

В обнародованном списке археологических памятников Баянаула - 94 названия курганов, могильников, каменных изваяний, древних писаниц и рисунков.

Склоны баянаульских гор изобилуют многообразной растительностью. На их склонах и в долинах растут сосна, береза, осина, ольха, самые разные кустарники. Чаще всего деревья - особенно сосна и береза - стоят прямо на камнях. Это - удивительное зрелище! Трудно дереву бороться с камнем, рвется оно вверх, изгибается, словно в танце, но цепко держится корнями-щупальцами за неподатливую «почву», дробит ее и само становится крепким и твердым - как камень.

Много здесь всякой ягоды - малины, смородины, шиповника, боярышника, черемухи, калины... Почти каждый год родит дикая земляника, осенью - изобилие грибов. Всего в Баянауле насчитывается 270 видов деревьев, кустарников, трав, в том числе около 50 - реликтовых.

Разнообразен и животный мир - это примерно пятьдесят видов птиц и сорок видов зверей. Встречаются, например, тетерев, архар, косуля, рысь, барсук, белка.

Сказочно красивы здешние озера Сабандыкуль, Джасыбай, Торайгыр. Ранним утром, когда еще тихо, в зеркальной глади озер отражаются горы. Вода в озерах и родниках чистая и прозрачная, как слеза. Плюс ко всему этому горный, настоящий на хвое и ароматах трав целительный воздух... Трудно найти еще столь благодатное место для отдыха и лечения.

Первыми оценили все достоинства Баянаула самодеятельные туристы и курортники. Летом сюда из года в год приезжают тысячи отпускников из области, других регионов Казахстана, соседи-сибиряки. Тут расположены детские оздоровительные лагеря, зоны отдыха предприятий области, туристические базы.

К сожалению, человек далеко не всегда деликатен и мудр в своих взаимоотношениях с природой. Поэтому своевременным и уместным было создание в Баянауле Государственного национального природного парка. Пока на его обустройство не хватает средств. Но в перспективе, наряду с сохранением здешних удивительных природных богатств, фауны и флоры, вполне возможно и создание современной базы отдыха и международного туризма.

Население Баянаульского района традиционно занималось животноводством. И сегодня здесь разводят лошадей, грубошерстных овец, крупный рогатый скот. Причем, уклад жизни чабанов и табунщиков мало изменился - преобладает отгонное животноводство, табуны и отары пасутся круглый год.

Местные мастера-умельцы хранят вековые навыки и традиции своих предков. Здесь помнят многочисленные легенды, предания, были. Одна из них - о гордой и верной красавице Баян, героине популярнейшей казахской эпической поэмы «Козы-Корпеш и Баян-сулу». С именем Баян исторические предания связывают название местности. Но это, конечно, только одна из версий.

В Баянауле еще можно увидеть настоящую охоту с беркутом и собаками. Здесь можно полюбоваться предметами домашнего обихода, изготовленными местными умельцами.

Впрочем, о Баянауле можно рассказывать бесконечно.

Баянаульцы считают, и не без оснований, свой край особым местом на земле: то ли климат здесь такой, то ли вода и воздух обладают исключительными свойствами, то ли вся природа столь щедра, но отсюда всегда выходили в большую жизнь люди творческие, наделенные замечательными талантами, а также ученые. Вслушайтесь в эти имена: Каньш Сатпаев, Султанмахмут Торайгыров, Машхур Жусуп Копеев, Жаяу Муса Байжанов, Жумат Шанин, Шакен Айманов, Каукен Кенжетаев... Все они баянаульцы.

В районном центре действует мемориальный музей первого президента Академии наук Казахстана К.И. Сатпаева, земляки бережно хранят память о нем. А всего десять академиков Казахстана называют своей родиной Баянаул. Это Алкей Маргулан, Шафик Чокин и другие.

* * *

Регион уверенно вступает в XXI век. Только за последний год разработано и осуществляется свыше десяти целевых программ, направленных на развитие экономики и социальной сферы. Это - программы импортозамещения и развития малого и среднего бизнеса, программы внедрения на местных предприятиях мировых стандартов качества и поддержки аграрного сектора, программы компьютеризации школ и развития сельского здравоохранения...

Вошла в строй первая очередь крупного металлургического производства на площадях бывшего тракторного завода, здесь же собраны первые широкозахватные жатки нового поколения. Идет подготовка к налаживанию выпуска очень нужной Казахстану хлор-щелочной продукции в акционерном обществе «Химпром». Разворачивается подготовка к строительству в Павлодаре завода по производству первичного алюминия. Это новые рабочие места, новая конкурентноспособная продукция, новые поступления в бюджет. В работе и другие перспективные проекты.

Все средние школы области обеспечены современными компьютерами и теперь имеют выход в Интернет. Значительно укреплена материальная база сельского здравоохранения. В кратчайшие сроки в Павлодаре построен диагностический центр, оснащенный самым современным медицинским оборудованием. Строится современный спортивно-досуговый центр. Явно похорошел, стал более современным город Павлодар.

Упрочивая свое экономическое положение, укрепляя социальную сферу, область тем самым оправдывает высокую репутацию одной из ведущих индустриальных областей Казахстана - репутацию региона, устремленного в будущее.

1995-2002 г.

... Как наше слово отзовется...

(Рецензии, отзывы, читательские отклики,
строки из писем)

Эти отклики стали неожиданным и своеобразным продолжением моих книг... Отозвавшись на них своим живым словом, знакомые и незнакомые мне читатели оказались соавторами этих книг.

Поистине, "нам не дано предугадать, как наше слово отзовется..."

Наше сложное и трагическое - эпическое - время прорастает в памяти людей, согретой теплом добра и любви, сохранившей, как заповедник, светлые истоки их непростых и таких разных судеб...

Поэтому они так дороги мне - эти строки.

* * *

«Нет, это не подражание! Это - свое, выстраданное, осмысленное, прочувствованное сердцем. Самое сокровенное! В этюдах Ю. Поминова много сугубо личного, но, пожалуй, немало и близкого каждому из нас.

Очень хочется верить, что выпускника факультета журналистики ожидает счастливая судьба. Так должно быть: человек, разглядевший проселочную дорогу, никогда не пройдет мимо большака...»

Ю. Крикунов,

*доцент кафедры журналистского мастерства и литературного редактирования факультета журналистики
Казахского государственного университета, газета
«Казак университеті», 5.11.1976 года, г. Алма-Ата.*

* * *

«Я нежно болен воспоминаньем детства...»

«...К воспоминаниям о детстве органично примыкают «Блестки» и «Встречи с чудом», где так же ярко проявляются ав-

торская наблюдательность, умение бережно отсечь ненужное, заинтересовать читателя необычностью ситуации, образностью подачи материала.

...Работа в газете - тяжелый труд. Написать, будучи редактором, не дежурную брошюрку, не конъюнктурную книжку - одnodневку, а нормальную, запоминающуюся, радующую, человеческую вещь - очень непросто. Но это, к счастью, случилось.»

*Л. Гришина,
«Звезда Прииртышья»,
№ 140, 1993 год.*

* * *

Уважаемый Юрий Дмитриевич!

Недавно прочитал вашу книжку под названием «Помню и люблю», и на меня нахлынули воспоминания давно минувших дней...

...Я помню тот Купинский базар и, конечно же, помню бабин Манин голос, предлагающий знаменитую «чубаровскую ряженку», вкус которой для меня не сравнится ни с чем...

...Хочу еще раз сказать вам спасибо, что вы напомнили мне о некоторых годах моей собственной жизни...»

*В. Журавлев,
из письма в редакцию газеты «Звезда Прииртышья»,
21.04.1994 года, г. Павлодар.*

* * *

“Времен связующая нить”

“Если читатель “Нивы” обратится к документальным рассказам Юрия Поминова о событиях нынешнего времени, то его заинтересуют уже сами их названия... Здесь... удивительная и одновременно банальная история о человеке, которому вдруг привалило неожиданное счастье быть кандидатом в депутаты...”

Окрашена чувством юмора история с ошибками, от которых не застрахована ни одна газета...”

*Таисия Гришина,
газета “Столичный проспект”,
26.12.1996 года, г. Акмола*

* * *

“Для нас и о нас”

В книге павлодарского прозаика Юрия Поминова «Характеры» собраны в основном его новые работы последних лет, так называемого малого жанра - короткие новеллы о людях с яркими характерами, зарисовки, создающие своеобразную и неповторимую палитру жизни. Гражданственность в творчестве, волюнолюбие, независимость и чувство собственного достоинства в жизни - вот те определяющие черты поминовского облика, которые характеризуют его как журналиста своего времени, сознательно и убежденно отстаивающего искусство жизненной правды. Незатейливые, но искренние воспоминания, жизненно достоверные и социально активные «Характеры» представляют неисчерпаемый запас наблюдений, глубокую и мудрую человечность, людей своеобразных, ярких дарований.

Природный дар наблюдения помог Ю. Поминову максимально понять современных ему людей, проникнуться их чувствами, их страстями.

*Л. Свидерская,
газета «Столичный проспект»,
31.07.1997 года, г. Акмола.*

* * *

«Кому из любителей русской словесности не знакома в интернете библиотека Максима Мошкова, насчитывающая почти 4000 литературных произведений? Как говорится, есть что почитать! И все-таки нет в этой библиотеке страниц, на которые я набрел, блуждая по интересному, но несколько неряшливому серверу павлодарского Internet-провайдера - Иртыш-Релком. Со вкусом написанные и так же со вкусом оформленные миниатюры Юрия Поминова под общим заголовком «Характеры. Лики эпохи. Блестки» - вот что привлекло мое внимание настолько, что я даже не вспомнил о возможности сохранить файл на компьютер, а так и читал до конца в он-лайне...»

*Отклик на размещенную в интернете книгу «Характеры»,
1997 год.*

«Панорама малой прозы»

Юрий Поминов работает в труднейшем литературном жанре - в жанре бытового этюда... Он поставил перед собой... задачу: двумя-тремя рельефными штрихами изобразить жизнь в самых будничных ее проявлениях. И, по-моему, справился с этой задачей блестяще...

...Мне кажется, что этюды универсальны в том плане, что они в одинаковой степени рассчитаны как на тех, кто редко берет в руки книгу, так и на тех, кто давно владеет искусством чтения. Для первой категории читателей этюды могут восприниматься просто как занимательные житейские истории, для второй - это повод задуматься над проявлением необычного в обычном.

Поминов решительно избегает разоблачительного пафоса. Наоборот, подчас его информация граничит с сочувствием и, пожалуй, с улыбочивой доброжелательностью...

...Истинными стихотворениями в прозе я назвал бы... этюды «Сила жизни», «Мелодия дождя», «Дороги», «Скворцы прилетели», «Тихая охота». Здесь я нахожу признаки жанра, некогда облюбованного И.С. Тургеневым, а потом - Солоухиным и Солженициным (в «Крохотках»): богатую ассоциативность, поэтическую аллегорию, сложные обобщения. Внутренний мир отражен как в стихах - отсюда музыкальность речи...

Наум Шафер, 1988 год.

«Живи!»

«Юрий Поминов тоже пишет о том, что было, как было. Но его новеллы, зарисовки, микрорассказы, очерки не документальная, а художественная проза...

У Юрия Поминова счастливый дар не только смотреть, но и видеть, не только слушать, но и слышать.

У него хороший «прозрачный» слог... и от первой до последней страницы книгу согревает добрая усмешка автора».

*С. Шевченко, член Союза писателей Казахстана,
газета «Звезда Прииртышья», 24.12.1998 года.*

* * *

«Полынь в Америке»

«Этот знакомый, неведомый мир - душа человека - не оставляет в покое и Ю. Поминова. Более того, можно с полной ответственностью говорить и еще об одном герое «Характеров» - природе. Новеллы о грибах или дожде воспринимаются как настоящая поэзия в прозе. Причем, их присутствие в книге совершенно обоснованно, потому что это тоже «характеры» - яркие, самобытные, одушевленные - живые...

Когда деревенскую прозу уже похоронили, она вдруг пробилась там, где ее не ждали, так же, как родная полынь в Америке, так и она - в памяти писателя, родившегося в Сибири, семени, занесенного историческими ветрами с древней тульской земли, выросшего на казахстанской целине, ставшей для него малой родиной, без которой нет большой судьбы!»

*П. Поминов,
доцент Восточно-Казахстанского университета,
кандидат филологических наук,
май 1999 года, г. Усть-Каменогорск.*

* * *

«...И самое, пожалуй, главное - настойчивое стремление автора отстоять лад жизни, изуродованный бесчисленными социальными экспериментами и катаклизмами пусть на самой малой ее площади - в быту, в семье, в собственной душе...

...Книга Ю. Поминова поражает своим неистребимым жизнелюбием, дает читателю ощущения опоры, значительности и значимости каждой отдельной капли в безбрежном человеческом море... Ему дано умение запечатлеть нечто существенное в характере современного человека, которого досужие критики называют то «серединым», то «промежуточным», то маргинальным...»

*В. Артамонова,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Восточно-Казахстанского государственного университета,
кандидат филологических наук,
январь 1999 года.*

* * *

«Как явление русской прозы в Казахстане книга Ю. Помина нова тесно связана с литературной традицией: автор свободно чувствует себя в жанрах семейной хроники и мемуаров, очерка и миниатюры, лирической новеллы и путевых заметок, портрета и бытовой зарисовки. Ему известны секреты композиции и сюжетопостроения, он владеет тональной палитрой красок (от лиризма и мягкого юмора до скрытой сатиры).

Книга привлекает не только удивительной россыпью человеческих характеров, но скорее мастерством их индивидуализации через живое разговорное слово. В этом смысле название книги («Живу») действительно очень удачное: в сложном и изменчивом мире опорой человеку становится живое народное слово... Выход книги - свидетельство того, что родники живого слова не иссякают».

Л. Дудина,

*доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Восточно-Казахстанского университета,*

кандидат филологических наук,

январь 1999 года, г. Усть-Каменогорск.

* * *

«Новая книга Юрия Помина нова «Живу» написана такой чистой и ясной прозой, с таким добрым и уважительным отношением к людям и их жизни, что представляет собой не просто замечательное, но редкое явление на нашем литературном небосклоне».

Т. Карандашова,

газета «Новое время»,

17.02.1999 года, г. Павлодар.

* * *

«...Меня поразила рассказ об отце. Ведь это целое поколение людей, которых после войны уцелело всего три процента. Мне обидно за это поколение, которое вынесло все и оказалось в итоге

выброшенным из нынешней жизни. И когда автор говорит об отце, о бабушке Акулине, о своей матери, за ними стоят наши люди, наши современники, типичные образцы трудяг».

*Ф. Тарасуло,
учитель литературы, газета «Новое время», 1999 год.*

* * *

«В своем прошлом, в воспоминаниях автор черпает силы для будущего... Возможно, очищением для автора и становятся его рассказы, общение с читателем, с самим собой. А вместе с ними и с тобой, читатель, срываются одежды серости и обыденности, недовольства всем и вся. Ты чувствуешь всю мелочность и незначительность того, что отравляет тебе жизнь, заставляет делать неприятности другим, дорогим тебе людям. Вот ты уже улыбаешься над чудаками, встающими со страниц, вспоминаешь, чувствуешь себя самого, а большего и не надо...»

*А. Протасьева,
магистр филологического факультета
Восточно-Казахстанского университета.
1999 год, г. Усть-Каменогорск.*

* * *

«Впечатление от вашей книги двойное. С одной стороны, все до звуков и запахов знакомое, родное. Да и рассказчик нигде не дает повода усомниться в искренности и правдивости, его речь проста и внятна, сюжеты встроены в параметры социальной педагогики, позиция автора гуманистична...

... Жанр? Его нет... «Сама жизнь пишет эту книгу» - не оправдание... Созданная вами книга - лишь черновик для двух-трех, а может быть, десятка произведений художественного творчества...»

*А. Устинов,
бывший редактор газеты «Казахстанская правда»,
член редколлегии журнала «Жизнь национальностей»,
июнь 1999 года, г. Москва.*

* * *

«Герои книги Юрия Поминова «Мои современники» - люди талантливые, полной мерой одаренные умом и сердцем. И хотя их судьбы сложились по-разному, героев книги роднит принадлежность к одной эпохе, они - герои одного времени».

Газета «Родные просторы», 21.08.1999 года.

* * *

«Реформы в человеческом измерении»

«Как журналист Ю. Поминов тяготеет к аналитическим и очерковым материалам... Книга «Мои современники» - своеобразный документ нашего времени. Уверен, что ее с интересом прочитают все, кто не привык жить одним днем, кто, размышляя о прошлом, озабочен будущим...»

С. Шевченко,

газета «Сельская новь», 30.09.1999 года, г. Алматы.

* * *

«Время в лицах и судьбах людских»

«...Недавно вышедшая новая книга «Мои современники» хотя и несет в себе приметы писательского дарования автора, но все же больше характеризует его как талантливого журналиста, плодотворно работающего в чрезвычайно трудном жанре очерка.

...В сборник Ю. Поминов включил 15 добротных очерков... В них с большой сердечностью и взволнованностью автор запечатлел образы замечательных людей Павлодарского Прииртышья...

...Ныне, в период духовного обнищания общества, книжный рынок в основном потрафляет нетребовательным читательским вкусам, его заполонило низкопробное бульварное чтиво... И в этом бурном потоке умные и серьезные книги - большая редкость. А именно к таковым и относится сборник «Мои современники»...»

В. Гундарев,

главный редактор журнала «Нива»,

«Казахстанская правда», 27.10.1999 года, г. Алматы.

* * *

«...Что же касается Ю. Поминова, он работает преимущественно в жанре прозы, относящейся к разряду документальной, воссоздавая через конкретных, а не выдуманных лиц саму жизнь, тщательно отбирая из множества явлений быстротекущего времени наиболее колоритные и выразительные «кадры» (как это делает фотохудожник, запечатлевая под неожиданным ракурсом неуловимые мгновения бытия), зорко подмечая в тех людях, о ком пишет, такие характерные черты и тончайшие штрихи, что делают их узнаваемыми и полнокровными».

*«Акмолинская правда»,
18.11.1999 года, г. Астана.*

* * *

«В этой любви к своим героям и заключается, если немного перефразировать название одного из очерков, формула успеха новой книги Ю. Поминова «Мои современники». Благодаря этому искреннему чувству судьбы чабана и ученого, агронома и художника органично сплетаются в судьбу эпохи.

Очерки, написанные в разные годы, сопровождаемые послесловиями (часто трагическими) из нашего «сегодня», сложились в книгу-размышление, книгу-раздумье, но не в книгу - сомнение или книгу-разочарование.

Я воспринимаю эту книгу как исполнение долга нашего поколения перед прошлым и будущим...»

*П. Поминов,
доцент Восточно-Казахстанского университета,
из рецензии на сборник «Мои современники»,
04.12.1999 года, г. Усть-Каменогорск.*

* * *

«Жду все, что выйдет из под пера Ю. Поминова. Его поэтическая и земная проза - в русле того, что рождалось и на донской земле (повести и рассказы Владимира Фоменко, Виталия

Закруткина, Анатолия Калинина, Василия Воронова) и в русской литературе (В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин)».

*Поэт Э. Барсуков,
из письма Н.Г. Шаферу,
20.02.2000 года, г. Ростов-на-Дону.*

* * *

«Исповедальная книга павлодарского писателя»

«...Автор книги «Живу» не соревнуется с теми, кто печет бестселлеры-однодневки. Главный его козырь - хорошее знание мира «простых людей»... мира, в котором история не творится, а проживается. Воспоминания об этом мире обладают удивительным эффектом...

...Стиль его мастеровито бесхитростен и поэтичен одновременно.

...Юрий Поминов живет... «не по злобе», пишет без надрыва и взвинченной пафосности».

*В. Дмитриев,
газета «ВЕК»,
16-22 февраля 2001 года, г. Москва.*

* * *

«Ю.Д. Поминову огромная благодарность за сборник очерков и особенно за очерк о Науме Григорьевиче Шафере и Наталье Михайловне Капустиной. Благодаря ему я имею теперь более полное представление о судьбе дорогих мне людей.

Проза Поминова пользуется успехом у Ростовских писателей. Передайте ему наш нижайший поклон...»

*Поэт Эдуард Барсуков,
из письма Н.Г. Шаферу,
3.06.2000 года, г. Ростов-на-Дону.*

* * *

«В своем творчестве автор остается верен главным для него темам - детству, родному краю, людям, с которыми его своди-

ла судьба... Можно сказать, что именно время - один из главных героев новой книги Юрия Поминова «Живу».»

*В. Лаврушин,
газета «Маяк Кулунды»,
29.07.2000 года, г. Купино, Новосибирская область.*

* * *

“Старый тополь”

“Детство - наша общая Родина. Что мы сохраним оттуда, из золотого сна, то и пребудет с нами сегодня и, самое главное, после нас. Щедрое семя зрелости завязывается в детстве, и благо тому, кто не засушил и не заморозил их на бесконечно долгом и трудном пути к самому себе. Ю. Поминову это удалось.

В очерке о целине “Свет отчего дома” главный герой - эпоха, слившаяся в единый мощный поток сотни тысяч людей. Это - эпическое время. Жанр “записок” выбран исключительно точно. Рассказ о сугубо личных и детских впечатлениях об отчем доме неожиданно и закономерно трансформировался в историю поколения.»

*П. Чурсин, филолог,
из рецензии,
июль-август 2000 года.*

* * *

«...Мне эти рассказы напомнили о судьбах моих предков, повеяло дымом собственного отечества, знакомым запахом ковыльной, полынной степи...

Автор через призму своей родословной знакомит читателей со всеми этапами уходящего столетия, и бытовые картинки оказываются срезом всего общества, территория которого простирается от родины Льва Толстого до Казахской ковыльной окраины с застенчивыми березовыми колками...

...Воссоздавая живые картинки прошлого, автор в своих рассказах воздвиг своеобразный памятник своим самым близким, самым любимым людям...

...Будто молодые деревца из густой березовой рощи вырастают на страницах книги Поминовы-младшие, подпитываемые живительной влагой человечности... Идут своей дорогой, осидивая свою ношу...

...Где бы автор ни был - в Америке ли, в Японии - он всегда мысленно возвращается к себе на родину, помнит запах полыни... Путевые заметки о поездках за границу - еще одно доказательство того, как сильно он любит свою родину...»

С. Мухаметкалиев,

(из письма в редакцию газеты «Звезда Прииртышья»),

3.12.2000 года, г. Павлодар.

* * *

«Достоинство книги, на мой взгляд, в том, что, читая ее, глубоко переживаешь за невымышленных героев... Тонко подмечены характеры людей нашей эпохи. Вы пишете о своих знакомых, а я, читая, вижу своих знакомых, которые жили в других краях, в других обстоятельствах, но в их действиях и поступках много общего, продиктованного обстоятельствами времени».

А.Ф. Пильчевский,

полковник, старший преподаватель Тамбовского военного

авиационно-инженерного института,

18.12.2000 года, г. Тамбов.

* * *

«Прочитав том избранной прозы Юрия Поминова, названный емким словом «Живу», донской писатель Василий Воронов сказал: «Здесь нет ни слова неправды». Они оказались близки по духу и по стилю, ростовский и павлодарский собратья по перу: та же приверженность к правде, народной жизни, умение увидеть поэзию в обыденном...»

Альманах «Южная Звезда»,

2000 год, г. Ростов-на-Дону.

(Василий Воронов - известный ростовский прозаик, бывший главный редактор журнала «Ростов-на-Дону»).

* * *

«Безличные конструкции как средство
художественной коммуникации»

«Отличительной чертой прозы Ю. Поминова является её «человеческое начало», стремление запечатлеть сложную палитру мыслей, характеров, поступков... Материалом, дающим «толчок» художественному мышлению, служит сама жизнь - она и становится основанием идеи, скрепляющей отдельные новеллы и очерки в единое повествование, тем внутренним стержнем, на который нанизываются события, факты, ситуации.

«Живу» - книга-диалог. Её герои - «персонажи» действительности, наделённые в произведении собственными «голосами», благодаря чему повествование книги приобретает полифоническую структуру.

Анализируя речевую организацию произведений Ю. Поминова, нельзя не заметить, что поэтику автора питает художественная традиция. авторская мысль сплетается с мыслью народной. Авторская речь вбирает в себя насыщенный колорит изустного русского слова.

«Живу» - книга-откровение, её содержательная доминанта - основательное, неспешное «промысливание» бытия, постижение многообразности человеческой души, поиск духовной первоосновы современной действительности».

*О. Кувшинникова,
аспирант Восточно-Казахстанского государственного
университета, из научной работы. 2001 год.*

* * *

«Невозможно оторваться, пока не дочитаешь до последней строчки «Блестки» Юрия Поминова. И невозможно не улыбнуться...»

*Гульнара Нурпеисова,
«Казахстанская правда»,
28.12.2001 года, г. Астана.*

Оглавление

Между прошлым и будущим	3
Свет отчего дома	4
Байконур: дела космические и земные	26
Долгое эхо ядерного полигона	50
Вагон особого назначения	73
Дом Шафера	82
Борис Исаев: «Жить стоит!»	100
Владимир Гундарев: «Все, что могу, я на себя беру!»	118
Вениамин Беркуцкий: «В своем деле я должен быть лучшим»	149
Валерий Романченко: «Бизнесмен достоин уважения»	177
Коллеги	192
Он был журналист. <i>О Виталии Ступаке</i>	192
Фотокор. <i>О Владимире Колчине</i>	196
Районный газетчик. <i>О Петре Бородихине</i>	199
Соседи	203
Тэрэ, Эстония!	219
История с географией, или «Найдите моих родственников в Америке!»	274
Письмо в XXI век	279
Уроки демократии	291
Павлодарское Прииртышье: край, устремленный в будущее	332
... Как наше слово отзовется... (Рецензии, отзывы, читательские отклики, строки из писем)	363

Поминов Ю.Д.

Между прошлым и будущим

Сдано в набор 1.10.02 г. Подписано в печать 14.11.02 г. Формат 84x60 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Объем в усл. печ. лист. 16.
Объем в уч. изд. лист. 21,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ТОО НПФ «ЭКО».
637000, Республика Казахстан, г. Павлодар,
ул. 29 Ноября, 2, тел. (3182) 32-16-08